

Перед нами едва ли
не самая удачная серия
любовно-приключенческих
романов со времен
«Трех мушкетеров»
Александра Дюма.

Анн Голон

МЯТЕЖНАЯ АНЖЕЛИКА

Самая популярная романтическая сага всех времен.

Annotation

Перед нами едва ли не самая удачная серия любовно-приключенческих романов со времен «Трех мушкетеров» А. Дюма. Недаром полвека спустя после на шумевшей экранизации «Анжелики» с Мишель Мерсье в главной роли французский кинематограф и режиссер Ариэль Зейтун с триумфом возвращаются к образу прелестной и своевольной героини Анн Голон.

«Мятежная Анжелика» – пятая из серии книг, открывшейся знаменитым историко-авантюрным романом «Анжелика – маркиза ангелов», на писанном Анн Голон. Зеленоглазая красавица, героиня историко-приключенческой саги вновь вступает в конфликт с королем Людовиком Четырнадцатым, который ждет ее возвращения в Версаль. Волею судьбы оказавшись в эпицентре событий, связанных с покорением Пуату и Ла-Рошели, Анжелика возглавляет мятеж доведенных до отчаяния протестантов. Живая и непокорная, она умудряется найти выход из самых безнадежных ситуаций.

-
- [Анн Голон](#)
 -
 - [Часть первая](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [Глава XV](#)
 - [Глава XVI](#)

- [Часть вторая](#)
 - [Глава XVII](#)
 - [Глава XVIII](#)
 - [Глава XIX](#)
 - [Глава XX](#)
 - [Глава XXI](#)
 - [Глава XXII](#)
 - [Глава XXIII](#)
 - [Глава XXIV](#)
 - [Глава XXV](#)
 - [Глава XXVI](#)
 - [Глава XXVII](#)
 - [Глава XXVIII](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Глава XXIX](#)
 - [Глава XXX](#)
 - [Глава XXXI](#)
 - [Глава XXXII](#)
 - [Глава XXXIII](#)
 - [Глава XXXIV](#)
 - [Глава XXXV](#)
 - [Глава XXXVI](#)
 - [Глава XXXVII](#)
 - [Глава XXXVIII](#)
 - [Глава XXXIX](#)
 - [Глава XL](#)
 - [Глава XLI](#)
 - [Глава XLII](#)
 - [Глава XLIII](#)
 - [Глава XLIV](#)
 - [Глава XLV](#)
 - [Об авторе](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Анн Голон

Мятежная Анжелика

Anne Golon

ANGÉLIQUE SE REVOLTE

Copyright © Anne Golon, 1961

The Russian translation is done after the original text revised by the author

© А. Серебрянникова, перевод, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

Часть первая
Глеющий огонь

Глава I

По приезде в Марсель посланец короля Франции господин де Бретей, арестовавший Анжелику в Сеуте, приказал заключить ее в крепость Адмиралтейства.

Пока они находятся в этом городе, где раньше маркиза дю Плесси-Бельер так ловко провела королевскую полицию, благородный кавалер не будет иметь покоя.

И в этой мрачной зловещей камере бывшая пленница берберов, ценой таких страданий освободившаяся из гарема Мулая Исмаила, поняла, что ждет ребенка.

Эта уверенность появилась у нее на следующий день после заключения в цитадель, когда безысходность положения пойманного зверя предстала перед ней со всей очевидностью.

В тюрьме Адмиралтейства не существовало даже самых элементарных удобств. Хотя через железную решетку высоко расположенного окна виднелся квадратик голубого неба, Анжелике казалось, что она задыхается. Всю ночь, едва смыкались веки, у нее возникало отвратительное чувство, что она заживо замурована. На рассвете ее нервы, до того стойко переносившие напряжение, не выдержали.

В панике она бросилась к двери. В яростном отчаянии, молча колотила она по толстым доскам.

Неба! Неба! Свежего воздуха! Ее заперли в этом склепе, а ведь еще совсем недавно дни и ночи проводила она на просторах волшебной безграничной пустыни.

От этого контраста Анжелика впала в мучительную тоску. И, как обезумевшая птица в клетке, билась о ненавистные деревянные и железные преграды. Молча и беззвучно. Потому что удары по тяжелой двери ее почти прозрачных рук, еще хранивших следы испытаний, перенесенных в пустыне, создавали шума не больше, чем хлопанье птичьих крыльев. Ощувив боль в ободранных ладонях, она перестала стучать, отошла к стене и прислонилась к ней.

Анжелика переводила взгляд от двери к зарешеченному оконцу. Как изнывающему от жажды, голубое небо казалось ей чистой водой.

Но не придет Осман Ферраджи, чтобы отвести ее на плоскую крышу, где взгляд упивался обманчивым безбрежным пространством.

Ее окружали чужаки с мрачным взглядом и подозрительной душой. Из

Парижа, от герцога де Вивонна, желавшего искупить прошлые упущения, на ее счет поступили самые суровые указания. Марсельскому Адмиралтейству предписывалось оказывать всяческое содействие господину де Бретею. Тщетно было бы пытаться расположить к себе кого-то, впрочем у Анжелики уже не было сил воспользоваться своими чарами. На нее навалилась страшная усталость, иногда ей казалось, что она никогда не испытывала ничего подобного, даже на тропинках Рифских гор.

Морское путешествие из Сеуты в Марсель с передышкой в Кадиксе оказалось сплошным мучением, ее мужество постепенно таяло. Неужели, арестовав ее именем короля, господин де Бретей уничтожил те пружины, которые позволяли вернуться к жизни?

Анжелика подошла к своему ложу – очень жесткому тюфяку на откидной полке, но не это ее беспокоило. Ей спалось на нем даже лучше, чем на мягких диванах, и мечтала она только о поросшем травой склоне под кедрами, чтобы дать покой своему разбитому телу.

Ее взгляд вновь обратился к двери. Сколько же в ее жизни запертых дверей! – подумала она. И каждый раз все более тяжелые, все более глухие. Может быть, это насмешка судьбы, которая наказывает ее за то, что в Монтелу она, босоногая девчонка, носившаяся по лесным тропинкам, так страстно любила свободу, что крестьяне даже считали ее колдуньей?

«Тебе не уйти», – говорили двери. И всякий раз, как ей удавалось бежать, возникала новая дверь, еще более массивная. После преграды под названием «нищета» возникла новая – «король Франции», потом решетки гарема Мулая Исмаила, а сегодня вновь препятствие по имени король Франции. Неужели оно окажется непреодолимым?

Она вспомнила о Фуке, о маркизе де Варде, о похожем на блуждающий огонек шевалье де Лозене, также находившихся в заключении недалеко отсюда, в крепости Пиньероль, – обо всех тех, кто расплачивался годами жизни в заточении за поступки куда менее дерзкие, чем ее собственные.

Ее угнетало чувство одиночества и бессилия. Ступив на французскую землю, она вернулась в тот мир, где мужчинами управляют только два чувства: страх перед королем или любовь к королю. Над их поступками главенствует закон властелина.

На этих берегах не ценились ни физическая и духовная сила Колена Патюреля, ни его необыкновенная доброта, ни его острый ум. Любой безмозглый хлыщ в кружевных манжетах и парике стал бы его презирать.

Здесь Колен Патюрель был бессилен. Он оставался просто бедным моряком. Даже воспоминание о нем не могло помочь Анжелике. Он исчез

для нее безвозвратно, как если бы умер.

Анжелика тихонько позвала:

– Колен, Колен, брат мой!

Ее охватила столь сильная тревога, что она покрылась холодной испариной и совсем ослабела.

И тогда в голову закралась мысль, что она беременна.

* * *

В Сеуте отсутствие некоторых обычных проявлений женского организма Анжелика отнесла на счет своего здоровья, подорванного нечеловеческой усталостью. Но теперь, по прошествии времени, появилось другое объяснение, исключавшее любые сомнения.

Она ждала ребенка.

Дитя Колена Патюреля! Дитя пустыни! Она замерла, свернувшись комочком на своем ложе, позволяя внутреннему смятению превратиться в уверенность. И неожиданное открытие все разрасталось, заполняя ее целиком...

Сначала возникло удивление, потом странный покой и, наконец, радость.

Это открытие могло бы вызвать неудовольствие, чувство стыда, усилить отчаяние. Но появилась радость.

Сердцем она, сбежавшая пленница, закутанная в бурнус, еще оставалась в пустыне. Она не готова облачиться в наряд великосветской французской дамы. Часть ее души еще пребывала с нормандцем под волшебным ночным небом, усыпанным золотыми звездами, и соединявшая их сила любви имела привкус смерти и вечности.

Ее платья с корсетами по французской моде, ее расшитые золотом манто и украшения, в которые она нарядилась в Сеуте, скрывали обветренную кожу, глубокую рану на обожженной ноге и медленно заживавшие рубцы от кнута.

На ногах, обутых в изящную обувь, еще оставались жесткие мозоли, возникшие от ходьбы босиком по каменистым тропинкам Рифских гор.

Анжелика с восторгом подумала, что, родившись, это дитя послужит вечным напоминанием о ее немыслимой одиссее. Ребенок будет светловолосым, крепким и сильным.

И не важно, что он окажется бастардом. Благородство того, кого пленники звали «королем», сближало его в добродетелях с крестоносцами,

чья кровь текла в жилах Анжелики де Сансе де Монтелу.

Сын унаследует и его силу, и его голубые глаза. Маленький герой Геркулес, потрясающий палицей, душащий змей, озаренный солнцем Средиземноморья!..

Он будет прекрасен, как первое дитя, рожденное на земле.

Она уже видела все это и восхищалась его подвигами. Ради него, через него она вновь обретет силы и будет бороться за его свободу.

Отдавшись своим немного безумным мечтам, Анжелика долго оставалась неподвижной, забыв о тюремных стенах и по временам разговаривая вслух.

«Пусть ты бросил меня, Колен, – говорила она, – пусть ты мною пренебрег и отверг меня. Ты все равно останешься со мной, мой спутник, мой друг...»

* * *

Через несколько дней из Марселя выехала по Авиньонской дороге карета с решетками на дверцах и с черными занавесками на окнах. Ее сопровождал надежный эскорт из десятка мушкетеров. Господин де Бретей сидел в карете рядом с Анжеликой. Он очень спешил.

Ему столько наговорили о необыкновенной ловкости и коварстве мадам дю Плесси-Бельер, что он ежеминутно ожидал ее побега. Им владела одна мысль: скорее завершить свою миссию.

Его беспокоило, что молодая женщина с трудом, казалось, преодолевала усталость. Он готовился к худшему, видя, что она держится с ним открыто, а иногда и заносчиво. Не ждала ли она помощи от своих сообщников?

Не лишним будет упомянуть, что на остановках он спал вполглаза под дверями ее комнаты.

Если предстояло ехать через лес, где могли напасть бандиты и освободить пленницу, он добивался у губернатора ближайшего города дополнительного отряда солдат. Это походило уже на военную операцию. На городских площадях собирались зеваки, чтобы поглазеть на особу, которую столь старательно охраняют. Господин де Бретей бушевал и платил стражникам, чтобы те ударами алебард разгоняли людей, но это только разжигало любопытство и увеличивало толпу.

Господин де Бретей недосыпал, его снедало беспокойство, и единственный выход из этой ситуации он видел в спешке. Теперь они всего

на несколько часов останавливались на ночь на постоялом дворе, откуда предварительно выгоняли всех проезжающих, а за хозяевами зорко следили. Днем лошади не останавливались ни на минуту. Чтобы избежать покушений на остановках, высланный вперед курьер заранее подготавливал новых лошадей. Анжелика, измученная ухабистой дорогой, изнемогающая от этой безумной бесконечной поездки, пыталась возражать:

– Вы убьете меня, сударь! Прошу вас, остановимся на отдых хоть на несколько часов. У меня нет больше сил.

Господин де Бретей насмешливо отвечал:

– Вы так нежны, мадам! Разве вы не переносили и большие тяготы в Королевстве Марокко?

Анжелика не посмела сказать, что беременна.

Уцепившись за скамейку или за дверцу, задыхаясь от пыли, она молилась, чтобы окончилось это адское путешествие.

Однажды вечером, после изнурительного дня, карета, мчавшаяся галопом по вершине холма, резко накренилась на повороте и опрокинулась. Кучер вовремя оценил обстановку и удержал упряжку. Удар оказался менее сильным, чем можно было ожидать, но Анжелика, отброшенная к обрыву, сразу почувствовала, что дело плохо.

Ее поспешили извлечь из кареты и уложить на траву на пологом склоне.

Господин де Бретей, бледный от страха, склонился над ней. Король ни за что его не простит, если мадам дю Плесси умрет. С неожиданной ясностью он понял, что речь идет о его голове, и ему показалось, что он уже ощущает на своем затылке холод топора палача.

– Мадам, – умолял он, – вы ушиблись? Но ведь не сильно, правда? Удар был совсем слабым.

В отчаянии Анжелика закричала чужим изменившимся голосом:

– Это вы виноваты, дурак! Ваша адская спешка!.. Вы все у меня отняли. По вашей вине я лишилась всего... Негодяй!.. – И, вскинув руки, она вцепилась ногтями ему в щеки.

* * *

На импровизированных носилках солдаты донесли ее до ближайшего города. Увидев кровь на платье, испуганные мужчины решили, что пленница серьезно ранена. Но вызванный хирург осмотрел ее и заявил, что

это не его случай и что надо звать повитуху.

Анжелику уложили в доме мэра. Она чувствовала, что ее покидает не только та, новая, жизнь, но и ее собственная.

Запах капустной похлебки наводнял стены этого простого городского жилища и усиливал позывы к тошноте и отвращению ко всему на свете. Иногда над ней нависало красное и потное лицо повитухи под белым крестьянским чепцом. Оно резало ей глаза, как лучи заходящего солнца. Всю ночь добрая женщина отчаянно боролась за жизнь этого странного, словно неземного существа с рассыпавшимися по подушке волосами цвета меда и лунного света и с удивительно загорелым лицом. Загар выступал темными пятнами на восковом лице, глаза ввалились, и лиловые пятна покрывали уголки губ. Повитуха распознала стигматы смерти.

– Не уходи, малышка, – прошептала она, склонившись над Анжеликой, лежавшей почти без сознания, – не уходи...

Молодая женщина с полной отрешенностью смотрела на движущиеся вокруг нее тени.

Вот ее поднимают, стелют под ней чистые простыни, и в теплом сияющем танце проплывает медный диск грелки.

Ей стало лучше, и холод перестал леденить члены. Ее растерли, дали выпить бокал теплого вина с пряностями.

– Выпейте-ка, малышка, надо восстановить кровь, вы немало ее потеряли.

Она почувствовала пряный запах вина, запах корицы и имбиря...

Ах! Запах пряностей... Аромат дальних странствий!.. С этими словами умер старый Савари.

Анжелика открыла глаза. Перед нею большое окно с тяжелыми шторами. За стеклами густой туман, похожий на дым.

– Когда наступит день? – прошептала она.

У изголовья краснощекая женщина смотрела на нее с явным удовольствием.

– Да он уж давно наступил, – весело откликнулась она, – а вы видите туман над рекой. Прохладно сегодня. В такую погоду лучше оставаться под периной, чем тащиться на почтовых. Я смотрю, вы правильно выбрали денек. Теперь, когда вы выбрались из переплета, можно сказать, что это происшествие удачно завершилось. Вы от него избавились.

Увидев отчаянный взгляд, удивленная повитуха продолжала:

– Да чего там! Для знатной дамы вашего ранга ребенок всегда обуза. Уж я-то кое в чем разбираюсь! Меня многие просят освободить их от плода. А для вас все уже и кончилось. И без мучений, хотя вы и заставили

меня поволноваться!

И, смутившись молчанием своей подопечной, она добавила:

– Поверьте мне, дамочка, жалеть-то не о чем. Дети только усложняют жизнь. Если они нежеланные, то это помеха. А если желанные, то делают вас слабой. – И, пожав плечами, она заключила: – И будет об этом! Если уж вы так опечалились, моя красавица, так это ведь вовсе не повод, чтобы не сделать себе нового!..

Анжелика до боли стиснула челюсти.

Значит, ребенок Колена Патюреля никогда не родится.

Теперь у нее действительно ничего не осталось.

Ничего! В ней закипало дикое чувство, близкое к ненависти, и оно спасло ее от отчаяния. Оно походило на бешеный поток, еще не вошедший в каменное русло, но это чувство вернуло ей желание бороться. Неистовое желание выжить ради отмщения – отмщения за все.

Потому что, несмотря на то что она перенесла, Анжелика ясно понимала, что ее свободе грозила серьезная опасность. Скоро по требованию властителя королевства ее вновь повезут в окружении вооруженных стражников как самую вероломную из подданных его величества. И какое наказание, какая темница ждет ее в конце пути?..

Глава II

В ночи раздался дрожащий зов, какое-то время звучал, а потом затих, словно лишился сил.

«Лесная сова, – подумала Анжелика. – Она охотится...» Вновь прозвучал птичий крик, бархатистый, слабый и далекий, приглушенный радужным туманом лунного света.

Анжелика приподнялась на локте. Возле ее тюфяка, лежащего прямо на полу, блестели черно-белые мраморные плиты пола, в которых отражалась мебель.

Через открытое окно в комнату вливался мягкий молочный свет. Он разливался по комнате, теснил мрак, принося волшебство весенней ночи. Молодая женщина, привлеченная лунным светом, встала и, с трудом сохраняя равновесие, неуверенными шагами призрака подошла к серебристому лучу. Оказавшись в его потоке, озаренная взошедшей полной луной, она покачнулась и оперлась о подоконник.

Перед ней под ночным небом расстилались сумрачные просторы, рассеянные неподвижными кудрявыми купами деревьев, похожими на купола. Ветви, подобные высоким канделябрам, покрывала роскошная весенняя листва. Среди толстых стволов, которые, словно колонны, поддерживали своды этого темного храма, открывалась лужайка, залитая луной.

– Это ТЫ! – выдохнула Анжелика.

С соседнего дуба вновь донесся крик совы, неожиданно резкий и хорошо различимый. Казалось, он принес ей привет Ньельского леса.

– Это ты, – повторила она. – Ты! Мой лес! Ты, мой Бокаж!

Пробежал очень слабый, едва уловимый ласковый ветерок. Его нежное дыхание ощущалось только в волнах аромата цветущего боярышника.

Анжелика глубоко вздохнула. Ее иссушенные легкие с наслаждением наполнились нахлынувшими потоками спасительной свежести. Они несли дыхание источников и запахи пробуждающихся соков новой жизни.

Слабость отступила, Анжелика отошла от окна и огляделась. Над альковом, на картине в золоченой раме резвился в обществе богинь юный бог-олимпиец. Она в Плесси. Это та же комната, откуда – уже так давно! – шестнадцатилетняя Анжелика, маленькая любопытная дикарка, подсматривала за любовными утехами принца Конде и герцогини де

Бофор.

И на этих самых черно-белых мраморных плитах пола, в которых отражалась прекрасная мебель, лежала она, как и сегодня, страдающая, обессиленная и побежденная, когда красавец Филипп, ее второй супруг, так жестоко отпраздновав их брачную ночь, удалялся, пошатываясь, по коридорам замка.

И в этой же комнате переживала она тяготы второго вдовства, прежде чем, словно замороженная, уступила соблазнам Версаля.

Анжелика вновь опустилась на свое ложе. Его жесткость неожиданно даровала ей долгожданный отдых. Одним ловким движением, которому научилась в пустыне, она, как зверек, свернулась клубком, завернувшись в одеяло, как в бурнус. Тревога, преследовавшая ее в полубреду болезни, сменилась глубоким покоем.

«Дома, – подумала она, – я вернулась домой... Здесь все может случиться».

* * *

Когда она проснулась, уже сияло солнце и разносились обычные жалобы служанки Барбы:

– Взгляните-ка на бедную мою госпожу... Каждый день одно и то же! Ну не горе ли это!.. На земле, как собака! Как я ни заправляю ей каждый вечер одеяло, она вечно умудрится, стоит мне только отвернуться, стащить тюфяк на пол и улечься на нем, как больной зверь. «Если б ты только знала, Барба, как чудесно спать на земле, – говорит она, – если б ты только знала, как это чудесно!» Вот ведь несчастье-то! А она ведь так любила удобства, всегда-то ей и перин не хватало, чтобы согреться. Ах! Поверить нельзя, что эти варвары сделали с ней меньше чем за год. Так и передайте это королю, господа хорошие!.. Моя хозяйка такая красавица, такая неженка! Вы ведь, судари мои, видели ее раньше в Версале, а сегодня можно ли без слез смотреть на нее? Я бы и не поверила, что это она, если бы она не делала все по-своему, что бы ей ни говорили! Нет, те дикари и жить-то не должны... Королю следует их покарать, господа хорошие!..

Возле убогого ложа Анжелики выстроились три пары башмаков и пара сапог. Она узнала башмаки с красными каблуками и позолоченными пряжками, принадлежавшие господину де Бретею, но другие были ей незнакомы.

Анжелика подняла глаза. Над сапогами возвышался пузатый тип,

рыжеволосый, с красной усатой физиономией, в синем офицерском плаще с широкими рукавами, перетянутом ремнем.

Касторовые башмаки с серебряными пряжками, строгие и как раз такие, какие подходят тощим икрам в черных чулках, указывали бы на личность придворного праведника, если бы Анжелика тотчас не признала в их владельце маркиза де Солиньяка.

У четвертого персонажа, также в башмаках с красными каблуками, но с бриллиантовыми пряжками, над большим, немного потрепанным кружевным воротником возвышалось лицо военачальника, тонкое и суровое, строгость которого подчеркивалась седой бородкой.

– Мадам, позвольте представиться, – поклонившись молодой женщине, распростертой перед ними на полу, заговорил он. – Я маркиз де Марийяк, губернатор Пуату, уполномочен его величеством передать вам приказы и решения, принятые его величеством на ваш счет.

– Не могли бы вы, сударь, говорить погромче, – произнесла Анжелика, подчеркивая свою слабость. – Ваши слова до меня не доходят.

Господин де Марийяк, дабы быть услышанным, принужден был опуститься на одно колено. Его спутникам пришлось последовать его примеру. Смежив ресницы, Анжелика наслаждалась зрелищем четырех гротескных коленопреклоненных фигур. Она еще больше развеселилась при виде распухшего лица де Бретея с красными следами царапин от ее ногтей.

Между тем губернатор, сломав восковые печати, развернул свиток и откашлялся.

«Госпоже дю Плесси-Бельер, нашей подданной, повинной в серьезном неподчинении, что вызвало наш гнев. Мы, король Франции, вынуждены писать эти строки, дабы сообщить о наших чувствах, каковые, по ее утверждению, ей неведомы, и указать способ, коим ей надлежит выразить свою покорность.

Мадам,

велико было наше огорчение, когда несколько месяцев тому назад вы оплатили неблагодарностью и неповиновением на те благодеяния, каковыми нам угодно было осыпать как вас, так и ваших родных. Вы пренебрегли полученным приказом не покидать Париж. Однако разве этот приказ не был продиктован желанием уберечь вас – зная вашу природную импульсивность – от вас же самой и от тех необдуманных поступков, каковые вы

могли бы совершить? И вы их совершили! Вы устремились навстречу опасности и тем разочарованиям, от коих мы желали вас оградить, за что оказались сурово наказаны. Отчаянный призыв, обращенный к нам через посредство настоятеля братства Пресвятой Троицы, преподобного отца де Валомбреза, вернувшегося из Марокко, сообщил нам о том печальном положении, до которого довели вас ваши необдуманные поступки. Находясь в плену у берберов, вы начали осознавать степень ваших заблуждений и с присущим особам вашего пола легкомыслием обратились за помощью к суверену, над которым ранее насмеялись.

Из уважения к тому великому имени, носительницей коего вы являетесь, а также из чувства дружбы, некогда связывавшей нас с маршалом дю Плесси, и, наконец, из жалости к вам самой, все так же остающейся одной из наших возлюбленных подданных, нам не было угодно принуждать вас нести все тяготы заслуженного наказания, оставив на произвол жестоких варваров. Мы откликнулись на ваш призыв.

И ныне вы живы и невредимы и находитесь на французской земле. Мы выражаем тому свое удовлетворение.

Однако будет справедливо, если и вы выразите нам публичное покаяние.

Мы могли бы предписать вам провести некоторое время в монастыре для осознания своих поступков. Но при мысли о перенесенных вами страданиях мы отказались от этого намерения. Мы предпочли отправить вас в ваши владения, понимая, что родные края могут стать лучшими советчиками. Но не считайте это ссылкой. Вы должны там оставаться только до того дня, когда по собственной воле вы отправитесь в Версаль, где выразите свою покорность. В ожидании этого дня – каковой мы желали бы видеть недалеким – офицер, назначенный господином де Марийяком, губернатором провинции, будет выполнять над вами надзор...»

Господин де Марийяк прервался, поднял глаза и произнес, указывая на толстого военного:

– Позвольте вам представить, мадам, капитана Монтадура, которому я счел своим долгом доверить честь быть вашим стражем.

В этот самый момент капитан пытался переменить одно колено на

другое, испытывая страдания от положения, непривычного для его пузатого тела. Он едва не упал, с трудом удержался и заверил зычным голосом, что он к услугам маркизы дю Плесси.

Но он напрасно старался. Анжелика, все так же свернувшись комочком под одеялом, не открывала глаз и, казалось, дремала.

Господин де Марийяк стоически продолжал чтение:

«Теперь мы изложим в нескольких словах тот способ, коим мадам дю Плесси надлежит выразить свою покорность. Беспокойное поведение членов ее семьи, один из коих недавно дошел до оскорбления его величества, слишком хорошо известно, чтобы эта покорность не несла в себе оттенка, каковой заставит умы размышлять о прискорбных примерах, способных увлечь на скользкий путь неповиновения.

Мадам дю Плесси нанесла нам публичное оскорбление, а посему и удовлетворение за оскорбление должно быть публичным.

Ей следует прибыть в Версаль в карете, украшенной черным. Карета остановится за пределами ограды, без права въезда в парадный двор.

Мадам дю Плесси надлежит одеться в скромный туалет темных тонов.

В присутствии всего двора она подойдет к королю, преклонит колена, поцелует руку и вновь принесет клятву вассала и преданной подданной.

Кроме того, от нее потребуется принести в дар короне одно из ее владений в Турени. Во время этой церемонии дипломы и контракты этой уступки прав на владение должны быть вручены нашему обер-камергеру в знак клятвенного обещания верности и публичного покаяния.

Отныне мадам дю Плесси-Бельер надлежит проявлять служение своему государю с той верностью, каковую мы желаем видеть безупречной. Она останется в Версале и удовлетворится теми титулами и привилегиями, каковые мы сочтем нужным ей предоставить. Нам известно, что при ее гордыне это явится для нее самым тяжким наказанием, но она вынуждена будет безропотно его снести. В завершение следует сказать, что она обязана стараться с преданностью служить своему королю, будь то в пределах королевства, при дворе...»

– Или в его постели, – закончила Анжелика.

Господин де Марийяк вздрогнул. Несколько минут тому назад он был убежден в бесполезности всяких речей, обращенных к этой несчастной, безнадежно больной, простертой в полузабытьи.

Замечание Анжелики и насмешливый взгляд из-под полуприкрытых век доказывали, что она внимательно слушала и вовсе не так больна, как хотела показать. Пергаментные щеки губернатора порозовели, и он сухо заметил:

– В послании его величества об этом не упоминается.

– Да, но подразумевается, – мягко откликнулась Анжелика.

Господин де Марийяк прочистил горло и что-то пробормотал, прежде чем продолжить чтение.

«...при дворе или в любом другом месте, где его величество пожелает указать ей служить».

– Сударь, не соизволите ли закончить, я устала.

– Мы тоже, – заявил оскорбленный дворянин. – Разве вы не видите, мадам, в каком положении мы вынуждены читать вам...

– Сударь, ведь я умирающая.

Злобное и слащавое выражение появилось на лице знатного вельможи.

– Я бы вам не советовал, мадам, слишком долго оставаться в таком состоянии, ибо снисходительность его величества не вечна. И именно этим предупреждением его величество заканчивает свое послание. Помните, мадам, что король по доброте своей предоставляет вам несколько месяцев на размышления, после чего он навсегда сочтет вас неисправимой мятежницей. После указанного срока он будет непреклонен. Сейчас май, мадам. Король знает, что вы больны и измучены. Он решил набраться терпения, но, если в первых числах октября вы не выполните всего, что вам предписано для получения прощения, он сочтет ваше упорство проявлением непокорности.

– И что случится тогда?

Господин де Марийяк вновь развернул письмо государя.

«Мадам дю Плесси будет арестована, препровождена в крепость или в монастырь по нашему выбору. Ее жилища будут опечатаны, замки, особняки и земли – проданы. Во владении в качестве наследственного имущества останется лишь замок дю Плесси и непосредственно окружающие его земли, каковые

отойдут к Шарлю-Анри дю Плесси, сыну маршала и нашему крестнику, и этот последний поступит под нашу опеку».

– А мой сын Флоримон? – побледнев, спросила Анжелика.

– О нем здесь не упоминается.

Повисла тишина. Анжелика ощущала на себе тяжесть взглядов злорадствующих мужчин, которых она почти не знала, которым не сделала ничего плохого, но которые тем не менее откровенно радовались ее поражению, потому что человеку ничтожному присуще наслаждаться зрелищем сломленной красоты и унижением тех, кто не желает пресмыкаться.

Теперь мадам дю Плесси уже не осмелится поднять свою гордую головку и взглядом изумрудных глаз воздвигнуть преграду между королем и тем влиянием, которое другие умы тщетно пытались на него оказывать. Она поедет в Версаль, чтобы вынести мучительное унижение, и оно навсегда сломит ее гордыню. Она лишится своей неукротимой силы, станет подобной всем прочим, превратится в послушный инструмент в руках того, кто управляет людскими душами и судьбами. Как ловко они действовали, рекомендуя королю непреклонность!

Тихий елейный голос господина де Солиньяка прервал молчание. Он-то не страдал от этого долгого стояния на коленях, потому что привык к бесконечным молитвам в одиночестве в своей домашней часовне, где он выпрашивал у Бога силы для продолжения изнурительного и тайного дела, требуя от развращенного мира исполнения Божественного закона. Он полагает, что для мадам дю Плесси-Бельер настал момент поразмыслить над своими прошлыми ошибками и с пользой провести время, которое оставляла ей снисходительность короля, чтобы собрать доказательства полного раскаяния. Разве она не заслужит прощения короля, если принесет в залог своей преданности обращение провинции Пуату в истинную веру?

– Вам должно быть известно, мадам, что религия, называемая реформатской, доживает последние дни. Ее адепты повсеместно возвращаются в лоно католической апостольской матери-церкви. Упорствуют только отдельные упрямы, в частности в этом уединенном и диком краю, откуда вы сами родом и где расположены ваши владения. Капитан Монтадур, один из самых ревностных служителей церкви, специально сюда направленный, тратит немало сил, чтобы убедить гугенотов вашей области отказаться от их гнусных верований. И мы подумали, что вы сможете помочь, мадам, в этом святом начинании. Вы знаете крестьян округа, вы говорите на их языке. Вы их госпожа. У вас

есть способы принудить гугенотов отказаться от зловредной ереси. Поймите, мадам, какая благородная задача стоит перед вами, и подумайте, как будет благодарен вам король, которого вы оскорбили, за помощь в сплочении его королевства, предпринятом ради вящей славы всемогущего Господа...

Речи господина де Солиньяка имели больший успех, чем чтение послания короля господином де Марийяком. Анжелика отбросила свое притворное безразличие. Она неожиданно села и уставилась на мужчин огромными пылающими глазами на исхудавшем лице:

– Включено ли его величеством обращение моей провинции в обязательные условия?

Саркастическая ухмылка обнажила желтоватые зубы господина де Марийяка.

– Нет, мадам, – откликнулся он. – Но это подразумевается.

В едином порыве де Марийяк, де Солиньяк и де Бретей склонились над Анжеликой, и только толстый живот помешал Монтадуру последовать их примеру. Однако он тоже склонился в меру своих возможностей. Им двигала вовсе не забота подвигнуть Анжелику на святые дела. Просто он увидел, что она чертовски красива, эта умирающая, привезенная несколько дней тому назад в замок, можно сказать, уже завернутой в саван!

Эти склонившиеся над ней лица напомнили Анжелике мучительные кошмары, которые посещали ее иногда на Средиземном море. Сны возвращали ее к недавним воспоминаниям о французском дворе и к удушающей обстановке Версаля, полной заговоров и угроз. Там странным образом смешивались страх перед отравителями, которые служат в тайных комнатах свои черные мессы, и интриги фанатиков веры, отдающие ладаном и святой водой. Все, что она навсегда отторгла и от чего бежала, воплотилось в реальность, набрало силу, и Анжелика вновь ощутила их неизбежное раболепие и нескрываемую злобу.

– Мадам, – бормотал Марийяк, – докажите нам свое усердие, и мы избавим вас от самого неприятного. Мы сумеем пробудить в короле великодушие по отношению к вам. Мы можем, например, намекнуть ему на смягчение строгости епитимии, которую ему угодно на вас наложить. Возможно, мы сумеем вернуть вам право въезда кареты во двор... Отмены черного платья... Клятв верности...

Он знал свое дело. Он прекрасно понимал, что для такой женщины, как Анжелика, самое тяжелое действительно заключалось в унижительных деталях, а не в необходимости передать одно из своих поместий короне. Они ожидали ее обещаний и заверений и уже готовили свои условия.

Но она надменно отпрянула:

– Вы все сказали, господа?

Губернатор поджал губы:

– Нет, мадам, мы еще не закончили. Я должен вручить вам личное послание его величества. Вот оно.

Анжелика сломала красную печать. Она узнала почерк короля.

«Драгоценная, мое несносное дитя, моя незабвенная...»

Буквы плясали перед ее глазами. Анжелика опустила письмо, не желая читать дальше.

Наконец королевские посланцы встали и направились к двери. Господин де Марийяк бросил взгляд на распростертую фигуру и пожал плечами. Он даст понять королю, что эта женщина повредилась умом. Так валяться на полу после того, как она царила в Версале! Крайне прискорбно. Напрасно он послушался Солиньяка и взялся за это дело. Оно не обещает ничего хорошего ни королю, ни ему самому, ни Обществу Святых Даров. Совершенно ясно, что она умирает.

– Господа! – окликнула их Анжелика.

Они застыли возле двери. Она поднялась, и спутанные волосы превратились в бледный ореол вокруг головы, подчеркивая непримиримый блеск глаз.

– Господа, соблаговолите передать королю, что он не вправе быть добрым ко мне.

– Что это значит, мадам? – удивился Марийяк. – Вы считаете себя недостойной доброты его величества?

– Нет. Я хочу сказать, что между нами нет места доброте. Его любовь меня оскорбляет, ибо мы враги. Не так ли? Между нами может быть только война!..

Губернатор сделался землистого цвета. При мысли, что ему придется повторить королю такие слова, у него потемнело в глазах.

Все вышли, крайне озабоченные.

* * *

– Безумная, просто безумная женщина, вот вы кто! – закричала Барба, устремляясь к изголовью своей хозяйки. – Что за блажь на вас нашла, крушить все вокруг! Несчастная! Говорить такое прямо в лицо этим

знатным господам, которых король послал специально, чтобы уладить дело. Вот, значит, как вы добиваетесь прощения!

– Так ты подслушивала, Барба?

– Мало того что вы в немилости и измучены... – продолжала Барба, охваченная праведным гневом. – Вы чудом спаслись, а теперь еще продолжаете бездумно играть своей жизнью!

– Барба, в мое отсутствие ты научилась командовать, мне это не нравится.

– Так должны же мы были защищаться с маленьким Шарлем-Анри! Вы, мадам, бросили нас на произвол полиции, которая то и дело к нам заявлялась. Эти чертовы полицейские нас допрашивали, рылись в бумагах, взламывали шкафы. Это уже потом они оставили нас в покое. И нам приходилось только ждать. Вы думаете, это очень весело, вот так все ждать да читать молитвы, перебирая четки? И вот в один прекрасный день вы объявляетесь, тощая и ободранная, как бродячая бездомная кошка. А теперь парк полон солдат, под вашей крышей распоряжается какой-то толстый капитан, он жрет ваши припасы, пристает к служанкам. Так должна же я была научиться кричать и защищаться, как вы считаете?..

Пыл верной Барбы смутил Анжелику.

– А что же, по-твоему, должна я делать? – пробормотала она неуверенно.

– Поехали бы к королю, – зашептала Барба, вновь обретая надежду. – И все стало бы как прежде. Вы бы опять превратились в самую могущественную особу в королевстве, а ваш дом и ваши сыновья повсюду пользовались бы уважением. Поезжайте к королю, мадам. Вернитесь в Версаль.

Она наклонилась, стремясь прочесть на лице Анжелики признаки согласия. Но под усталыми веками сверкнул непримиримый блеск зеленых глаз.

– Ты, Барба, сама не знаешь, о чем говоришь. Поехать к королю! Для тебя, простая душа, нет ничего лучше, как жить при дворе. Но я-то осведомлена лучше. Разве я там не жила? Ты говоришь, жить при дворе? Какая насмешка! Погибнуть при дворе, вот это да. От скуки, от отвращения, в конце концов, от яда соперницы. Жить при дворе! Это все равно что танцевать трикоте на зыбучих песках. Я никогда не вернусь к ним.

– Но король ведь вас любит! Он весь в вашей власти!

– Нет, он не любит меня. Он меня хочет. Я никогда не буду ему принадлежать. Это невозможно. Послушай, Барба, ты кое-чего не знаешь:

король Франции всемогущ, но я-то сумела сбежать из гарема Мулая Исмаила... Ты даже не представляешь, что это такое. Ни одной женщине это не удавалось. Это считалось невозможным, немислимым!.. Так почему же я не смогу победить и короля Франции?

– Так вы этого хотите?

– Да... Я думаю... Я думаю, что мне не остается ничего другого.

– Ах! Рехнувшаяся, рехнувшаяся женщина! Да сохранил нас Господь, – зарыдала Барба и, закрыв лицо руками, выбежала из комнаты.

Глава III

Капитан Монтадур обедал в столовой замка. Анжелика следила за ним с порога. Он не ел – он жрал. Из-за рыжих усов его полнокровное лицо казалось еще более красным, глаза неподвижно застыли. Он целиком отдался нелегкой задаче опустошить все блюдо садовых овсянок, стоящее перед ним среди разнообразных судочков. Он ловко подхватывал пальцами овсянку, долго макал ее в соусник, а затем жадно совал в рот. Хрустел костями, звучно их обсасывал и вытирал руки о разложенную на его пластроне салфетку, один уголок которой он просунул в расстегнутую петлю.

– Мы его прозвали Гаргантюа, – хихикнула молоденькая служанка, также наблюдавшая за зрелищем из-за спины Анжелики.

Офицер распоряжался слугами, как в собственном доме. Один из них оказался не очень проворным, тогда, обозвав его деревенщиной, он выбил блюдо у него из рук.

Анжелика бесшумно удалилась.

У нее в голове не укладывалось, как король решился поместить такого борова под ее крышей? Конечно, он не знал о выборе, сделанном по зрелом размышлении господином де Марийяком. Но это не снимало с него вины за унижение, которое она испытывала. Ведь этим людишкам поручил король добиться повиновения маркизы дю Плесси.

По мере своего выздоровления Анжелика осознавала смысл этой двойной ловушки: она полностью зависела не только от короля, но и от тех людей, которые пытались тайно управлять королевством. Пока она не покидала спальни, ситуация не представлялась ей так ясно. В своей комнате она доходила до окна и черпала новые силы, любуясь близким лесом. Его сень, изобилие листвы и свежести всякий раз наполняли ее благодарным восторгом. Она напоминала себе, что все же осталась жива, что ее кости не белеют в пустыне и что только необыкновенное чудо позволило ей вернуться в родные края. Она так мечтала о тенистых лесах Нъеля, когда, с пересохшими губами и окровавленными ногами, тащилась следом за Коленом Патюрелем. И теперь, вновь вернувшись под их сень, ей все казалось простым и легким.

Понемногу она уступила настояниям Барбы и согласилась нормально есть и спать на кровати. И наступил день, когда она надела платье. Барба нашла в одном из сундуков старое платье, потому что более новые

оказались Анжелике слишком велики.

И теперь, обходя свое жилище, Анжелика обнаружила другую сторону нового существования. Двери охраняли часовые. Они находились даже в служебных помещениях. Остальные солдаты разбили лагерь возле ограды.

Отовсюду раздавались крики Монтадура. Анжелика бродила нетвердой походкой выздоравливающей, постоянно опасаясь оказаться в неприятной ситуации. Знакомые лица слуг возникали как призраки прежней минувшей жизни. Их окружала с трудом воспринимаемая действительность.

Вся прислуга пришла в маленькую гостиную поздороваться и выразить свое удовольствие по поводу ее выздоровления: Лэн Пуару, повар, и его жена; чета Туранжо с радостными лицами, они служили в Плесси уже пятнадцать лет и все продолжали жаловаться, что вынуждены жить среди дикарей Пуату; бывший камердинер Филиппа Ла Вьолет (Смотрите-ка! А ей-то казалось, что она выставила его за дверь!); главный псарь Жозеф, конюший и главный смотритель экипажей Жанику, кучер Адриен; Мальбран Укол Шпаги, ее седовласый слуга, который против всякого ожидания полюбил деревенскую жизнь. Он курил трубку, ухаживал за лошадьми и, чтобы оправдать свое присутствие, учил азам фехтования и верховой езды маленького Шарля-Анри. «Но этот ребенок не такой способный, как его старший брат, – замечал он. – Ах! И зачем только держат Флоримона в коллеже, когда здесь ржавеют без дела отличные шпаги». Один только Мальбран, храбрец и бывший мушкетер, столько повидавший на своем веку, казался довольным своим положением. Все остальные были чем-то взволнованы, в их глазах читался неясный укор. Во время отсутствия Анжелики они ощущали себя брошенными. И все жаловались. Их волновало присутствие солдат, которые насмехались над ними и вели себя как завоеватели. Вся прислуга испытывала глубокий стыд, оттого что в господском поместье, словно в деревенском доме или в доме горожанина, разместились на постой войска. Анжелика слушала молча, глядя на них своими зелеными глазами, и легкая улыбка слегка кривила ее бледные губы.

– Почему же вы не защищаетесь, жители Пуату? Разве нет у вас ножей, топоров, кнутов, отличных деревянных дубин, а у тебя, Лэн Пуару, разве нет уже острых вертелов?

Пораженные слуги переглядывались. Мальбран Укол Шпаги обнажил зубы в радостной усмешке. Жанику, конюший, пробормотал:

– Конечно есть, госпожа маркиза, только мы не смели... Это ведь королевские солдаты...

– Ты знаешь пословицу: ночью все кошки серы. Королевского солдата можно вздуть точно так же, как и любого крокана.

Они молча качали головой и хитро щурились. Этим слугам, выходцам из крестьян, такой язык был понятен.

– Ладно уж, госпожа маркиза, – проворчал Жанику, – если вы не против, то мы-то и подавно.

Слуги многозначительно переглядывались.

Они не ошиблись, доверяя своей госпоже. Она так легко не сдастся. Они постараются побыстрее прогнать толстого вояку. Теперь королевским солдатам жизнь в поместье не покажется сладкой.

Как детям или простодушным людям, привыкшим делить судьбу своего хозяина, им казалось, что возвращение маркизы дю Плесси положило конец всем волнениям, что нет больше нужды опасаться будущего.

Но для Анжелики не все было так просто. Сохраняя беззаботный вид, она размышляла, прежде чем начать действовать. И чем яснее она осознавала положение, тем больше сомнений у нее возникало.

Укрывшись в одной из любимых гостиных первого этажа, она попыталась перебросить ненадежный мостик между прошлым и настоящим.

Анжелика сидела в той самой гостиной, в которой когда-то, шестнадцатилетней девушкой, столкнулась с разгневанным принцем де Конде.

В те дни знатный вельможа приехал в Пуату, чтобы поднять войска против Мазарини и королевы-матери и организовать заговор с целью отравить малолетнего короля и его брата.

Она видела, как он поднимал к свету зеленый пузырек, который передал ему монах Экзили, как оценивал шансы новых возможностей, которые откроются перед ним с исчезновением Людовика XIV.

Развлечения принцев! А сегодня страдающий подагрой Конде по вечерам с трудом притаскивается под своды Версаля на партию в пикет у королевы. Малолетний король оказался сильнее.

Но разве до конца улетучился едкий запах заговоров и мятежей в сердце далекой провинции, в белом замке над водами пруда на краю леса?

Анжелика смотрела в окно на уголок запущенного парка. Пышность каштанов, полыхающих высокими розовыми соцветиями, не могла скрыть испорченных лужаек, на которых солдаты Монтадура пасли своих коней. Справа блестело зеркало пруда, по которому быстро плыли два лебедя. Вероятно, они заметили Шарля-Анри с Барбой, которые пришли их покормить.

Анжелика подумала, что в этой атмосфере, похожей на дурной сон, красота маленького Шарля-Анри выглядела неправдоподобной.

Барба привела его к Анжелике. Малышу почти исполнилось пять лет. Преданная нянька ежедневно одевала его в шелка и атлас, словно он отправлялся на прием во дворец. Ребенок никогда не пачкал своей одежды. Он молча стоял перед Анжеликой, и она никакой лаской не могла добиться от него хоть слова.

– А ведь когда захочет, так он очень даже разговорчив! – вмешалась Барба, огорченная молчанием своего воспитанника. – Послушали бы его, когда по вечерам я укладываю его в постель и даю медальон с вашим портретом. Он с ним разговаривает, да так ласково. А может, он просто не узнает вас, вы теперь совсем не похожи на свой портрет.

– Тебе кажется, что я сильно изменилась? – с невольным беспокойством спросила Анжелика.

– Вы стали еще красивее, чем прежде, – с каким-то раздражением отвечала Барба. – И это даже ненормально, потому что, если приглядеться, так с чего бы это? Волосы у вас стали плохими, кожа просто ужасная! И вот, поди ж ты: иногда вам дашь не больше двадцати. А глазищи-то какие! Словно вы с того света вернулись.

– Так примерно и есть.

– Еще красивее? Уж и не знаю, – повторила служанка, покачивая головой в белом чепце, – но только думаю... Думаю, что вы стали для мужчин еще опаснее.

– Да оставь ты мужчин в покое, – откликнулась Анжелика, пожимая плечами.

Она посмотрела на свои руки.

– Ногти ломаются, – заметила она. – Просто не знаю, как вернуть им силу.

Она вздохнула и погладила светлые шелковистые волосы ребенка. Огромные голубые глаза, густые ресницы, бело-розовый цвет лица и тугие круглые щечки – ребенок словно сошел с картины фламандского художника. От его красоты у Анжелики сжалось сердце. Глядя на него, она вспоминала Филиппа, своего второго мужа, и ту ужасную шутку, которую сыграла с ней судьба, прислав посланца Жоффрея де Пейрака сразу после ее нового замужества.

В то время в нее словно дьявол вселился и она была готова на все, лишь бы женить на себе каменного Филиппа. Тем самым она собственными руками вырыла пропасть, навсегда отделившую ее от первой любви. «Ах! Ну почему ты всегда вмешиваешься в судьбу?» –

говорил Осман Ферраджи.

Она вздохнула, отвела глаза и погрузилась в глубокое раздумье. Подождав немного, малыш незаметно ушел. Хотя бы за него ей не придется дрожать. Шарль-Анри дю Плесси, сын маршала, крестник короля, не потеряет наследства из-за проступков своей матери, но ее гордый старший сын Флоримон, родившийся законным наследником графов Тулузских, рода гораздо более древнего и более богатого, чем все дю Плесси, теперь разорен, и его судьба так же неясна и безнадежна, как судьба какого-нибудь бастарда.

* * *

С самого приезда Анжелика хотела увидеть своего старшего сына и слабым прерывающимся голосом продиктовала мэтру Молину письмо к преподобному отцу де Сансе. Она не предполагала, что это послание вызовет подозрения капитана Монтадура, а так как сам он читал с большим трудом, то заставил управляющего именем прочесть его вслух, а потом, поразмыслив над ответственностью, переслал его господину де Марийяку. Но все же письмо дошло до адресата, и вот сегодня Анжелика держала в руках ответ иезуита.

Из письма она узнала, что преподобный отец де Сансе получил приказ короля держать юного Флоримона в коллеже вплоть до того момента, когда его величество сочтет нужным вернуть его матери. Преподобный отец де Сансе полностью одобрял решение государя, озабоченного судьбой даже такого юного своего подданного. Действительно, Флоримону не сулит ничего хорошего вновь оказаться под влиянием женщины, поведение которой отличается как неблагодарностью, так и неосмотрительностью. Пусть она докажет свое раскаяние и вновь заслужит милость короля, после чего и соединится со своим сыном, перестав служить ему печальным примером неповиновения и легкомыслия. К тому же место двенадцатилетнего мальчика скорее в коллеже, чем рядом с матерью, которая постоянно выказывает себя удивительно непостоянной и неуравновешенной. Он становится юношей. Его дядя признает, что он достаточно способен к учению, но ленив и все воспринимает с трудом, несмотря на внешнюю открытость. Короче, его нельзя назвать многообещающим. Возможно, если проявить настойчивость, из него получится хороший офицер.

Раймон де Сансе завершал письмо туманными словами, выдававшими

его горечь. Он устал, писал он, нести на своих плечах груз ошибок своих братьев и сестер и в одиночку спасти семейство де Сансе де Монтелу от немилости короля. Вскоре и он почувствует тяготы проявления этой немилости, хоть всегда был и надеется оставаться верным подданным его величества, но на протяжении долгих лет ему приходится вступаться за виновных, упорство которых в постоянном совершении ошибок можно сравнить только с их невообразимым легкомыслием. Разве недостаточно было суровых уроков, чтобы усмирить Анжелику? Разве сам он не предостерегал ее, так же как и Гонтрана, Дени и Альбера?.. Но, увы! На них не подействовали ни внушения, ни предупреждения... Дикая необузданная кровь берет в них верх.

Наступит день, когда он откажется вступаться за них...

Этот ответ возмутил Анжелику. У нее забрали Флоримона, и это несправедливо. Флоримон сирота, он принадлежит только ей. Ей одной. Он для нее друг и товарищ.

К тому же он единственное живое доказательство погибшей любви. Флоримон и Кантор, ее старшие сыновья, стали ей особенно близки после путешествия в Средиземноморье.

Ей казалось, что, безоглядно устремившись на поиски Кантора, разделив тайную мечту маленького пажа, она вернула его любовь. Они стали немного сообщниками, погибший ребенок и его мать, угодившая в ту же ловушку. Теперь она считала, что он не так далек от нее, не так безвозвратно исчез.

Но ей нужен Флоримон, ее первенец, в чертах которого оживал образ другого лица, ушедшего в прошлое.

С бессильным гневом она перечла письмо. Затем ее внимание привлекли жалобы брата. Почему он выражал претензии ко всем членам семьи, а не винил во всем, как обычно, одну только Анжелику? В детстве все несчастья случались из-за Анжелики, а теперь он говорил обо всех членах семьи.

Она задумалась. На память пришла фраза, прочитанная де Марийяком: «Неповиновение семьи, многие члены которой нанесли мне серьезные оскорбления» или что-то вроде этого. Она не могла уже точно припомнить выражения, потому что в тот момент не обратила должного внимания. И только соединив это обвинение с тем, о чем писал Раймон, Анжелика задумалась, не было ли здесь намек на неизвестные ей события. Она все еще размышляла над этим, когда вошедший слуга объявил, что ее желает видеть барон де Сансе де Монтелу.

Глава IV

Отец Анжелики, барон де Сансе, умер в прошлом году зимой, накануне ее отъезда в Марсель. Услышав это имя, она ушам своим не поверила и вскочила с дивана. По ступеням лестницы походкой отца поднимался мужчина в коричневом костюме и в грубых грязных башмаках. Она смотрела, как он шел по галерее, и вдруг узнала замкнутое недовольное лицо мальчиков де Сансе. Так это один из ее братьев?

– Дени, ты ли это?

– Здравствуй, – отвечал тот.

Она помнила его военным, занимающим хороший пост в одном из гарнизонов в окрестностях Парижа. И вдруг он объявляется провинциальным мелкопоместным дворянином. Он приобрел тяжелую походку и озабоченное выражение лица барона Армана. С недовольным видом он вертел в руках конверт:

– Вот. Я получил приказ от господина де Марийяка, губернатора провинции. Он просит нанести тебе визит. Ну, я и приехал.

– Воистину, в нашей семье теперь действуют только по приказу. Просто очаровательно!

– Еще бы, ведь положение очень непростое.

– А что же произошло?

– И ты еще спрашиваешь, хотя вся королевская полиция гоняется за тобой по пятам и как преступницу привозит тебя под охраной! Об этом говорит вся округа!

– Это понятно. Но что *еще* произошло?

Дени уселся с удрученным видом:

– Верно, ты ведь ничего не знаешь. Так я тебе расскажу, потому что господин де Марийяк и прислал меня для того, чтобы «ты сделала из этого нужные выводы». Это его слова. Так-то вот.

– Так в чем же дело?

– Не суетись. Сейчас узнаешь. Это чрезвычайно неприятно. На нашу семью свалился позор. Ах! Анжелика, зачем ты только уехала?

– Но неужели они посмели наброситься на нашу семью только потому, что мне было угодно отправиться путешествовать, не испросив на то королевского разрешения?

– Нет. Напрямик это не связано. Но если бы ты здесь оказалась!.. Все случилось через несколько месяцев после твоего отъезда. Никто точно не

знал, почему ты уехала, но у короля было отвратительное настроение. Я не считал это трагичным. Я думал: «Анжелике это не впервой. Если она и сделала какую-то глупость, то при своей красоте легко ее поправит». Признаюсь, меня больше всего огорчало, что я не знал, где тебя найти, потому что хотел подзанять денег. Я как раз вбил себе в голову купить освободившуюся должность в гвардейском полку Версаля. И рассчитывал на твою помощь, на твое влияние и... твои денежки. Дело шло на лад, и тогда я пошел к Альберу, потому что знал, что он пробил себе дорогу при дворе Месье. Я верил в успех. Альбер купался в золоте. Он сказал, что Месье от него без ума и осыпает его милостями: дарения, должности – и что недавно он даже добился права на доходы от нашего большого Ньельского аббатства. Эта мыслишка уже давно сидела в голове нашего честолюбца. Теперь этот хитрец чувствовал себя обеспеченным до конца дней своих! Он вполне мог отвалить несколько сотен ливров мне, бедному солдату без особых мозгов, не умевшему нравиться мужчинам. Он не заставил себя упрашивать, и я смог купить должность. И расположился в Версале. Для всякого офицера это куда лучше, чем Медон. Хотя и дисциплина строже. Все время парады в угоду королю. Но и праздники были, опять же карточная игра. Было и кое-что другое, менее приятное, когда нас, не спросив, послали усмирять волнения каменщиков и мастеровых... В Версале, как ты помнишь, проводились большие работы.

– Да, я помню.

Монотонный голос молодого человека вызывал в памяти забытые картины: сверкающие глыбы нагроможденных камней, их скрип под гигантскими пилами, переплетение строительных лесов, которые возводились по сторонам обоих перестраиваемых крыльев дворца. Неумолчный шум непрекращающейся стройки долетал даже в глубину парка до гуляющих знатных господ: крики, удары молотов, скрип тачек, скрежет заступов... Огромная армия озабоченных муравьев.

– Было ошибкой набирать столько людей, словно для армии. Их и поселили здесь же. Им не позволяли отлучаться в семьи, потому что боялись, что они не вернуться. Ну и многие, конечно, были этим недовольны. А летом дело осложнилось, когда король решил вырыть водоем около леса, как раз напротив большой лестницы над оранжереей. Стояла жуткая жара... Налетели болотные комары. Началась лихорадка. Люди мерли как мухи... Нас заставляли их хоронить. А потом...

Дени описывал волнения, неожиданно охватившие этих рабов. Бригадиров сбрасывали с лесов. Разъяренные орды в лохмотьях, вооружившись брусками и молотками, зверски расправились со

швейцарцами и захватили партеры. К счастью, в это время на плацу находился целый полк. Солдат срочно построили в боевой порядок, и они поднялись к дворцу. Подавление мятежа продолжалось два часа. Два часа среди полчищ комаров, на жаре, под крики ненависти и стоны умирающих. Когда этих несчастных оттеснили, они забаррикадировались на стройке, скидывали с четырехэтажных лесов глыбы камней, и раздавленные солдаты умирали, словно клопы. Но мушкеты не давали промаха. И вскоре белый песок покрылся телами убитых.

С южного балкона с ужасом наблюдали за происходящим мадам де Монтеспан и ее свита.

Наконец рабочие сдались. На следующий день на рассвете зачинщиков привели на опушку леса, как раз напротив дворца, возле начатого водоема, чтобы там повесить. И вот тогда-то, когда ему уже набросили веревку на шею, Дени увидел его и узнал: Гонтран! Их брат Гонтран! Окровавленный лоб, дикий взгляд, жалкая изодранная одежда, вымазанная краской, мозолистые руки, изъеденные кислотой. Гонтран де Сансе де Монтелу, их брат-ремесленник!

Молодой офицер заорал: «Нет! Не его!» – и бросился к старшему брату, прикрыв его своим телом. Нельзя было допустить такого святотатства: повесить одного из членов семьи де Сансе де Монтелу!

Окружающие решили, что он помешался. А на губах Гонтрана блуждала странная улыбка, насмешливая и усталая.

Побежали за полковником. Задыхаясь, с большим трудом Дени попытался объяснить, что этот мятежник со связанными за спиной руками и по имени, и по крови его родной брат, рожденный теми же родителями, и приходится также братом и маркизе дю Плесси-Бельер. Знатное имя, поразительное сходство обоих братьев, а возможно, и вызывающее высокомерное поведение приговоренного – поведение человека благородного – все, вместе взятое, подействовало на полковника и побудило его отсрочить казнь. Однако он не мог слишком долго тянуть с исполнением приказа, гласившего, что до захода солнца все бунтовщики должны понести наказание за свое безумное поведение. Следовало до наступления вечера добиться для Дени прощения короля.

Он, мелкий офицеришка, должен был проникнуть к королю! А он никого не знал во дворце.

– Если бы ты была там, Анжелика! Еще за два месяца до того ты находилась при дворе, король только на тебя и смотрел, да тебе бы только слово сказать! Почему, ну почему ты пропала, и в самом расцвете славы! Ах! Если бы ты была там!

Дени вновь вспомнил об Альбере, положение которого на тот момент было самым надежным. Поиски иезуита Раймона заняли бы слишком много времени, да к тому же иезуиты хоть и обладают большой властью, но не любят неожиданностей. Итак, полковник сказал: до захода солнца. Дени поскакал во весь опор в Сен-Клу. Месье пребывал на охоте, естественно вместе с фаворитом... Дени бросился на поиски охотников. Необходимо разыскать Альбера, а время – уже полдень. И еще пришлось убеждать Месье отпустить его спутника на несколько часов, на что тоже ушло какое-то время.

– Альбер знает толк в улыбках и нежностях не хуже женщины. Я смотрел, как они стреляют глазками, играют кружевными манжетами, а сам все думал о Гонтроне, сидящем под деревом. Ты ведь знаешь, я терпеть не могу Альбера, но надо признать, что он не подвел. Он сделал все, что мог. В Версале, куда мы прибыли к вечеру, он стучался во все двери. Он бегал ко всем. Он ничего не боялся: ни надоедать, ни умолять, ни льстить, ни выслушивать грубые окрики. Но приходилось ждать то в одной, то в другой прихожей. А я следил, как солнце опускается все ниже... Наконец месье де Бриенн соизволил нас выслушать. Он ненадолго удалился. Потом вернулся, сказав, что, возможно, нам повезет увидеть короля, когда тот выйдет из кабинета, где принимал в тот день главных эшевенов города Парижа. Мы ждали среди придворных в гостиной Войны, в конце Большой галереи... Знаешь, где это?

Дверь отворилась, король выглядел важным и величественным. При его появлении все голоса смолкли, головы склонились, дамы зашуршали своими шелками, приседая в реверансе.

Юный Альбер, побледнев, в трагической позе бросился перед королем на колени:

– Пощадите, сир, пощадите моего брата Гонтрона де Сансе!

Взгляд короля оставался грозным. Он уже знал, кто эти молодые люди и о чем они его умоляли. Однако он спросил:

– Что он сделал?

Братья опустили головы.

– Сир, он оказался среди тех людей, которые вчера бунтовали и на несколько часов посеяли волнение в вашем дворце.

Король состроил насмешливую гримасу:

– Один из де Сансе де Монтелу, дворянин старинного рода, среди каменщиков! Что за истории вы здесь плетете?

– Увы, сир, это чистая правда. Мой брат постоянно одержим сумасшедшими идеями. Он всегда хотел рисовать, и наш отец,

разгневавшись, лишил его наследства. Тогда он стал ремесленником.

– Поистине странная блажь.

– Наша семья потеряла его из виду. И только в тот момент, когда его готовились повесить, мой брат Дени увидел и узнал его.

– И вы помешали исполнению приказа? – спросил король, повернувшись к офицеру.

– Сир... ведь это мой брат!

Король сохранял ледяное молчание. Все понимали, какой призрак пролетел между участниками этой драмы, какое имя безмолвно возникло, легкий силуэт какой гордой дамы показался и пропал в галереях Версаля. Призрак исчез, ранив, сразив короля. Он не мог простить. Когда король заговорил вновь, его голос звучал глухо:

– Господа, вы принадлежите к беспокойному высокомерному семейству, постоянно доставляющему нам неудовольствия. В ваших жилах течет кровь старинных, безмерно гордых феодалов, которые не раз потрясли наше королевство. Вы из тех, кто нередко задается вопросом, надо ли подчиняться королю, и частенько решаете, что нет. Мы знаем того человека, о помиловании которого вы просите. Опасный тип, нечестивец и буйан, опустившийся до простолюдинов, чтобы легче было вовлекать их в беспорядки и дурные деяния. Мы собрали о нем сведения и, узнав его имя и родственные связи, были глубоко поражены. Один из семейства де Сансе де Монтелу, говорите вы? И что он добавил к своему имени? Служил ли он в нашей армии? Заплатил ли своей кровью долг каждого дворянина перед королевством? Нет, он пренебрег шпагой ради кисти художника и долота ремесленника, унизил себя, отказался от обязанностей, налагаемых его именем, и отрекся от предков, скомпрометировав себя связью с низами, избрав их своим обществом. Ибо он заявил, что предпочтет дружбу с каменщиком общению с принцем. И если бы еще нам стало достоверно известно, что необъяснимые поступки этого человека вызваны его болезнью, что он слабоумный, страдает пороком, ведущим к неводержанности, стремлением к бродяжничеству... Такое встречается даже в самых лучших фамилиях. Но нет... Мы его выслушали... Мы пожелали его выслушать... Он показался нам умным, волевым, но пылающим странной ненавистью... Мы узнали этот высокомерный тон, полный злопамятства, увидели отсутствие страха перед королем...

Людовик XIV на мгновение умолк. Несмотря на выдержку, в выражении его лица сквозило что-то неуловимое, и это пугало. Глубокое страдание. Серые глаза Альбера де Сансе, в минуты волнения приобретающие зеленоватый оттенок, напомнили ему другой взгляд. Он

глухо произнес:

– Он действовал как безумец и должен понести наказание за свое безумство. Пусть умрет позорной смертью негодяев. Быть повешенным! Разве не мечтал он дерзко потребовать от парламента выслушать его и объявить нам бойкот от лица поденных рабочих, как некогда силой и бунтом корпораций этого добился Этьенн Марсель от нашего предка Карла Пятого?..

Эти слова произносились для эшевенов Парижа, пришедших в тот день с изложением народных требований, которые король не пожелал удовлетворить.

И король проследовал дальше, опираясь на золотой набалдашник эбеновой трости.

Вдруг юного Альбера де Сансе озарила счастливая мысль.

– Сир, – воскликнул он, – взгляните наверх! Вы увидите на плафонах Версаля шедевры моего брата-ремесленника. Он нарисовал их, возвеличивая вашу славу...

Красный луч заходящего солнца упал через окно и озарил на потолке бога Марса на колеснице, запряженной волками.

Людовик XIV остановился в раздумье. Король глубоко чувствовал красоту, и она на минуту сблизила его с этим дерзким бунтовщиком с мозолистыми руками, приоткрыла иной мир, в котором человеческое благородство приобретало иное измерение. А вслед за тем его практичный ум вдруг подсказал, что нужно сохранить работника, способного создавать такие прекрасные произведения искусства. Подлинные художники, идущие своим собственным путем, – это такая редкость. Почему господин Перро, отвечающий за работы в Версале, не сообщил ему об этом таланте, которого сейчас приговорили без суда и следствия? Испугавшись бунта, в страхе перед королем никто не посмел вступить за мятежника. Король неожиданно изрек:

– Необходимо отсрочить казнь. Мы желаем пристальней рассмотреть дело этого человека...

Он обернулся к господину де Бриенну и продиктовал приказ о помиловании. Оба брата, продолжая стоять на коленях, услышали его слова:

– Ему следует работать в мастерских господина Лебрена.

Братья бросились через погруженные во тьму сады, мимо водоема, от которого поднимались смертоносные миазмы, к той опушке леса, где болтались повешенные.

Они пришли слишком поздно. В наступивших сумерках Гонтран де

Сансе де Монтелу висел на ветке дуба, как неподвижный обломок белой скалы, оборотившись лицом к Версалью.

Вокруг раздавалось кваканье лягушек.

Братья сняли тело. Альбер сходил за каретой, кучером и слугой. На рассвете экипаж отправился в направлении Пуату. Они безостановочно скакали под раскаленным летним солнцем и в голубом ночном сумраке, снедаемые желанием поскорей упокоить в земле предков это большое тело с непригодными отныне к работе руками, словно только родная земля могла залечить его раны и смягчить острое разочарование, застывшее на распухшем лице.

Ремесленник Гонтран! Художник Гонтран! Который видел в Монтелу веселых домовых в медных тазиках и смешивал красную кошениль и желтую глину, чтобы окрасить стены. От одного только вида зелени листвы он пьянел, как от хмельного напитка!

Рыдая как дети, Альбер и Дени похоронили брата в семейном склепе возле деревенской церкви в Монтелу.

– А потом я пришел в замок, – продолжал рассказывать Дени. – Он казался мертвым, не раздавалось ни звука, ни одного детского возгласа. Только в кухне сидели кормилица Фантина, с глазами пылающими, как угли, да тетушка Марта, все такая же, тучная и горбатая, со своим неизменным рукоделием. Две старые ведьмы, что-то бормоча, чистили горошек. И тогда я остался. Ты ведь знаешь, что написал в завещании наш отец: «Наследство остается за тем из сыновей, кто возьмет землю...» Так почему бы не я? И я завел мулов, переговорил с фермерами, а потом и женился... На Терезе де Ла Майере. Приданого никакого, но доброе имя, и она хорошая. К сбору яблок у нас будет ребенок. Вот, – заключил новоиспеченный барон де Монтелу, – все это и просил тебе передать господин де Марийяк. То есть не о моей женитьбе, а про Гонтрана. Чтобы ты поразмыслила и лучше поняла, чем обязана королю после стольких оскорблений, как с твоей стороны, так и со стороны всей нашей семьи. Но, я думаю...

Он внимательно посмотрел в лицо своей старшей сестры, которую всегда немного побаивался из-за ее красоты, смелости и постоянных таинственных исчезновений. И вот она объявилась, и опять совсем другая, даже чужая. Тонкий овал лица обрисован благородной линией щек. Она сидела бледная и прямая, до глубины души пораженная только что услышанным рассказом. Это открытие и порадовало, и испугало Дени.

«Анжелика остается прежней, – подумал он, – но ее ожидают далеко не счастливые дни».

– Господин де Марийяк совсем плохо тебя знает, – прошептал он. – Но мне думается, что если он хотел добиться от тебя покорности, то совершил большую ошибку, сообщив, что одного из де Сансе повесили во славу короля.

Глава V

С момента возвращения Анжелики Молин, управляющий имением, приходил к ней ежедневно. Зажав счетоводные книги под мышкой, старик медленно шел по большой аллее, которая вела от его кирпичного дома с шиферной крышей до самого замка.

Независимый, как и прежде, хозяин сам себе, состоятельный буржуа, ведущий собственные дела, мэтр Молин продолжал тем не менее верно служить семейству дю Плесси-Бельер. Обладая здравым смыслом и предприимчивостью, он давно уже вел собственную торговлю. Анжелика, а тем более маркиз Филипп никогда не интересовались, чем именно занимается мэтр Молин. Они знали только одно: он всегда являлся по первому зову. Как только в нем появлялась необходимость. В Париже, когда хозяева замка находились при дворе, или в Плесси, когда случай или опала принуждали их удалиться в свои земли.

Поэтому суровое и жесткое лицо управляющего Молина, ставшее с годами похожим на лицо античного мудреца, одним из первых склонилось над бледным существом, которое два мушкетера выгружали из кареты, в то время как господин де Бретей весело кричал сбежавшимся слугам:

– Я привез мадам дю Плесси. Она помирает. Дай бог, протянет пару дней...

Ничто не отразилось на лице Молина. Он приветствовал Анжелику столь же бесстрастно, как если бы она приехала на короткий срок из Версаля для получения арендной платы и сдачи ферм в аренду, обсуждения вырубки леса или продажи земель для уплаты карточных долгов. И, слушая, как он с достоинством сообщил, что урожай в этом году будет катастрофическим, она начала понимать, где именно находится, почувствовала надежность родной земли, и прошлое понемногу начало возвращаться в ее измученное тело.

Он не сделал ей ни одного упрека и не задал никаких вопросов, хотя их многолетние отношения и та особая роль, которую он некогда сыграл в воспитании детей из Монтелу, давали ему на то право.

Он ничего не сказал. Не сделал никакого намека на трудности и волнения, причиненные отъездом Анжелики, на решительные и быстрые шаги, предпринятые им для спасения самых доходных предприятий, которым угрожал крах. Разве ветер опалы не служит предвестником разорения? Крысы, вороны, скопища червей, пожирающие незащищенные

состояния, уже начали к ним подбираться. Молин все привел в порядок, дал необходимые гарантии, взял на себя обязательства. «Мадам дю Плесси путешествует, – объяснял он. – Она вернется. И никакая ликвидации состояния не предвидится».

«А король? – возражали ему. – Что последует за гневом короля? – Все знали об этом. – Разве мадам дю Плесси не будет арестована и заключена в тюрьму?..»

Молин пожимал плечами и давал понять, что впоследствии сумеет распознать своих, а так как он неоднократно доказывал свою хитрость и изворотливость, то волнения вскоре улеглись. Кредиторы согласились подождать. В продолжение долгого года, когда все гадали, какая судьба ждет Анжелику, управляющий железной рукой удерживал общественную и финансовую основы, на которых держалось богатство беглой маркизы и ее наследника, маленького Шарля-Анри. Благодаря его усилиям слуги остались на месте, как в замке, так и в Париже, в особняке на улице Ботрейи, в предместье Сент-Антуан.

А теперь Молин повсюду рассылал сообщения о возвращении владелицы замка. Он не говорил о приставленной к ней охране, но напоминал о дружбе с королем и сообщал, что в скором времени она самостоятельно займется делами с компетентностью, вызывавшей уважение самого господина Кольбера. Эти письма направлялись коммерсантам Парижа и судовладельцам Гавра, с которыми у Анжелики были дела.

В поместье Молин продолжал совершать объезды. С обычной своей пунктуальностью он являлся на фермы или к арендаторам, требуя отчетов, следя за посевами и работами. Он не делал различия между протестантами и католиками. Ему показывали солдат, размещенных в доме на постой, которые съедали хозяйские сыры или окорока и выгоняли лошадей пастись на молодые всходы овса. Это были посланцы господина де Марийяка, «обращающие в истинную веру». Мэтр Молин не делал никаких комментариев. Он ограничивался тем, что напоминал фермерам о сроках погашения долгов и записывал цифры в свои книги.

«Мэтр Молин, что же нам делать? Разве вы не такой же кальвинист, как мы? – говорили крестьяне-гугеноты, стоя перед ним с мрачным и фанатичным видом и прикрывая животы большими черными шляпами. – Должны ли мы отречься от веры, чтобы сохранить свое достояние, или должны согласиться с разорением?» – «Наберитесь терпения», – отвечал тот.

К нему тоже нагрянули драгуны, разграбили его богатый дом возле парка, сожгли сто фунтов свечей и два дня и две ночи без передышки стучали в кастрюли, чтобы помешать ему спать: «Отрекайся, старый пес, отрекайся...»

Это случилось перед возвращением Анжелики. Когда Монтадур приступил к своим обязанностям охранника при мадам дю Плесси, самой красивой женщине королевства и к тому же католичке, Марийяк из дипломатических соображений приказал, чтобы ее людей оставили в покое.

Получив свободу, Молин стал аккуратно являться в замок, и Монтадур, считавший его опаснейшим гугенотом здешних мест из-за влияния на крестьян, кричал ему:

– Старый еретик, до каких пор будешь ты исповедовать свой Символ веры?

Молин облегченно вздохнул, когда впервые увидел Анжелику сидящей в гостиной принца Конде, с легким румянцем на щеках. Управляющий прикрыл глаза бледными веками, и молодая женщина могла бы поклясться, что он коротко возблагодарил Бога. Это так на него не походило, что вместо того, чтобы растрогаться, она почувствовала смутное беспокойство.

В тот день Молин впервые заговорил с ней о беспорядках и о голоде, угрожавшем округе с тех пор, как господин де Марийяк взялся за обращение Пуату в католическую веру:

– Наша провинция, мадам, должна послужить опытным полем для распространителей католической веры. Если способ изничтожения протестантов окажется быстрым и результативным, то его применят по всему королевству. Невзирая на Нантский эдикт, протестантизм исчезнет во Франции.

– Меня это не касается, – отвечала Анжелика, глядя в открытое окно.

– Вас касается вот это... – сухо возразил Молин.

Снова обратившись к своим счетоводным книгам, он легко доказал, что ее земли, на которых проживали работающие протестанты, уже понесли тяжелый урон. Крестьянам препятствовали выходить на поля, заботиться о скоте. Цифры вызвали у Анжелики беспокойство.

– Надо жаловаться. Разве ваши церковные советы не могут напомнить тем, кто наверху, об условиях эдикта?

– К кому обращаться? Губернатор провинции сам является зачинателем этих злоупотреблений... Ну а король... Король прислушивается к тем, кто ему советует, кто его убеждает... Я ждал, мадам, вашего возвращения, потому что только вы способны прекратить эти беспорядки. Вы поедете к королю, мадам. Это единственный путь и вашего спасения, и всей провинции, и даже, кто знает, возможно, всего королевства.

Вот к чему вел он дело.

Анжелика пристально посмотрела на него трагическим взглядом. Слова теснились и рвались с языка, но она не могла их произнести. Сжатые губы дрожали. Он поспешил ответить до того, как она заговорила, потому что уже много дней, видя это изможденное лицо, вел свой мучительный молчаливый диалог.

Он хорошо ее знал, эту странную девочку из Пуату, чьей детской прелестью любовался, проезжая по ухабистым дорогам. При встречах она бросала на него смелый непримиримый взгляд, но никогда он не чувствовал ее настолько чужой, как после этого возвращения. Он не был уверен, что до нее доходит смысл его слов, а потому говорил жестко, отрывисто, как в тот день, когда она явилась к нему в дом, чтобы спросить, надо ли ей выходить замуж за графа де Пейрака.

И сегодня он убеждал ее: «Поезжайте к королю».

Но все приведенные им доводы Анжелика уже бесчисленное количество раз перебирала в своем уме. Она отрицательно покачала головой.

– Мне известна ваша гордость, но я знаю и ваш здравый смысл. Забудьте прошлое. Разве вы не обратились за помощью к королю, когда попали в плен к берберам, и разве не откликнулся он на ваш призыв? Вы все еще можете добиться чего угодно, если с умом возьметесь за дело. Вы можете вернуть власть над человеком, которым вы пренебрегли, власть тем большую, что он уже давно ждет вашего к нему обращения.

Анжелика продолжала твердить «нет». Перед ней возник Меццо-Морте, алжирский адмирал, в своем золотом камчатном одеянии; она вновь слышала его слащавый смешок, когда он произносил: «Человек по имени Джеффа эль-Халдун умер от чумы три года тому назад», и она понимала, что именно с того момента стала терять надежду. Она представила себе тело повешенного брата, раскачивающееся в вечернем сумраке напротив Версаля. Припомнила обращенное к ней грустное и прекрасное лицо своего второго мужа, Филиппа дю Плесси, перед тем как он ушел, чтобы броситься под вражеские ядра.

Прощай, душа моя, прости,
Любовь моя и мука!
Исполним волю короля,
Нам суждена разлука.

Король забрал у нее все.

Она отрицательно покачала головой, и ее непослушные волосы, выбившиеся из прически, сделали ее похожей, несмотря на чеканный профиль королевы, на маленькую девочку с обочины ухабистой дороги, отвечавшую надменным отказом на просьбы управляющего Молина.

Наконец она заговорила и постаралась объяснить, почему был необходим этот отъезд. Она не раскрывала причины, но во фразах проскальзывало слово «он»:

– Вы понимаете, Молин, я не нашла его. Теперь, может быть, он действительно уже умер... От чумы или от чего другого... На Средиземном море так легко умирают...

Она задумчиво покачала головой и тихо завершила свою мысль:

– А также и воскресают!.. Не важно. Я ничего не добилась. Я пленница.

Словно изгоняя навязчивое видение, она провела по глазам все еще полупрозрачной рукой без колец, ставших слишком большими для исхудавших пальцев.

– Понятно, что мне никогда не забыть Восток. Все, что я там пережила, постоянно стоит у меня перед глазами. Это как пестрый персидский ковер, по которому так приятно ходить босиком. Могу ли я согласиться на то, чего ждет от меня король? Нет. Могу ли вернуться в Версаль? Нет. Меня начинает мутить от одной лишь мысли об этом. Опять опуститься до этого кудахтанья птичьего двора, до пересудов, интриг, заговоров? Вы просто не понимаете, чего от меня требуете, Молин. Нет ничего общего между тем, что я сейчас чувствую, кем я стала теперь, и тем существованием, на которое вы хотите меня обречь.

– Однако у вас нет иного выбора, как подчинение или бунт.

– Я не согласна на подчинение.

– Тогда бунт? – парировал он иронично. – И где же ваши войска? Где оружие?

Казалось, его сарказм не задел Анжелику.

– Однако существуют вещи, которых при всем своем могуществе боится даже король: это сопротивление крупных сеньоров и враждебное

отношение провинций.

– Эти события начинают беспокоить королей только после того, как прольется море крови. Мне неизвестны ваши намерения, но неужели пребывание у берберов приучило вас не считаться с человеческой жизнью?..

– Мне кажется, что наоборот: только там я и поняла ее истинную ценность. – Она рассмеялась от нахлынувших воспоминаний. – Мулай Исмаил каждое утро с удовольствием рубил две-три головы для возбуждения аппетита. Там жизнь и смерть так тесно сплетались, что приходилось ежедневно решать, что важнее: жить или умереть. И тогда по-настоящему познаешь себя.

Старый управляющий покивал. Да, теперь она себя знала, и именно это приводило его в отчаяние. Пока женщина сомневается в себе, ее еще можно урезонить. Но когда она достигает зрелости, когда полностью познает себя, вот тогда-то и следует ожидать самого худшего. Ибо тогда она подчиняется только своим собственным законам.

Он всегда чувствовал, что Анжелика – многогранная личность и неисчислимые ее грани будут открываться одна за другой, как набегающие волны, по мере новых потрясений жизни. Он хотел бы остановить бег судьбы, непреодолимый порыв, уносивший ее все дальше, но уже почти не надеялся увидеть, что Анжелика расслабится и с присущей женщинам уступчивостью примет жизнь такой, какая она есть.

Ну почему бы ей не оставаться в Версале, раз уж она всего там добилась?.. – думал он недовольно. В те времена она была понятной, предсказуемой, эгоистичной, она наслаждалась плодами власти, богатства и земных радостей. А сегодня волны загадочной одиссеи вынесли ее за пределы понимания. Теперь она не удовлетворится иллюзиями. Ее сила проистекает от отрешенности, а слабость заключается в том, что она уже не может слиться с тем жадным корыстолюбивым обществом, которое создается по указке французского короля.

– Как хорошо вы меня знаете, Молин! – воскликнула она, словно читая его мысли.

Управляющий вздрогнул. «Одному Богу известно, какой дар ясновидения обрела она в этих диких таинственных землях», – подумал он, волнуясь все больше.

– Вы правы, не надо было мне уезжать. Все было бы проще, я могла бы все так же жить при дворе с повязкой на глазах. Двор! Жить при дворе?.. При дворе можно делать что угодно, только не жить. Возможно, я старею, но я уже не могу довольствоваться блестящими погремушками,

под которые пляшут эти марионетки. Ах! Иметь право на табурет в присутствии короля... Какое достижение!.. Сидеть за столом королевы и тасовать карты... Какое блаженство!.. Такие ничтожные пустые страсти, но постепенно они завладевают вами целиком и душат как змеи: карточная игра, вино, драгоценности, почести... Может быть, я любила по-настоящему только танцы и красоту садов, но плата была слишком велика: подлые компромиссы, зависть глупцов, которым оставляешь на растерзание свое тело... просто из-за скуки. Расточать улыбки окружающим, покрытым отвратительными язвами, которые ты угадываешь по их глазам, язвами куда более отвратительными, чем те, что я видела на Востоке на лицах прокаженных... Вы и вправду думаете, господин Молин, что я могла бы устроить свою жизнь ценой таких страданий? Что я сподобилась чуда остаться в живых только для того, чтобы вновь так низко прислуживать? Нет! Нет! Это означало бы, что пустыня ничему меня не научила...

И, глядя на нее, все еще истерзанную, со следами глубокого страдания, которое, как вуаль, покрывало ее красоту и подчеркивало чистые линии лица, суровый Молин испытывал уважение и какую-то робость. Доводы Анжелики, несмотря на перенесенные испытания, оставались неуязвимыми, и приходилось только сожалеть, что теперь непреклонный взгляд она обращала на мерзости эпохи. Молин не мог удержаться от вздоха. В своей борьбе он пытался не столько убедить ее, сколько спасти.

Надвигалось неизбежное, небывалое бедствие, которое разрушит все, что составляло достижение его жизни. Не только богатство, которое, как он знал, проистекало из разных источников, а потому всегда оставалась возможность что-то спасти, но и нечто другое, что представлялось более дорогим его сердцу: блеск и величие дома дю Плесси-Бельер, богатство провинции, с каждым годом набирающая силы реформация, которая давала земле самых работающих и деятельных крестьян.

Благодаря своему влиянию на могущественного короля Анжелика служила некой опорой, на которой удерживалось старательно созданное равновесие сил, а ее равнодушие могло все привести к развалу.

– А как же ваши сыновья? – спросил он.

Молодая женщина сжалась и посмотрела в окно на лес, при виде которого она, казалось, обретала силу и получала ответ на мучившие ее сомнения. Ее густые ресницы нервно вздрагивали, мысленно она с трудом отвергала доводы Молина.

– Я знаю... Мои сыновья. Они толкают меня к подчинению. Меня

связывает груз ответственности за их юные жизни.

Но вот она насмешливо взглянула на него и подмигнула:

– Но, если подумать, Молин, разве это не злая насмешка? Добродетель использует моих детей, чтобы уложить меня в постель короля! Но в наше время дело обстоит именно так.

Управляющий-гугенот не возражал. Он не мог отказать ей в циничной прозорливости.

– Только один Бог знает, как боролась я за своих сыновей, когда они были маленькими и беззащитными, – продолжала она. – Но теперь все изменилось. Средиземное море отняло у меня Кантора, а король и иезуиты завладели Флоримоном. Впрочем, ему уже двенадцать лет, возраст, в котором мальчик с хорошими задатками может сам выбирать свою судьбу. Наследство Плесси-Бельер обеспечивает Шарля-Анри. Король никогда его не разорит. Так разве не вправе я теперь располагать собственной судьбой?

Пергаментное лицо управляющего покраснело от гнева. Обеими руками он хлопнул себя по тощим коленям. Если для оправдания своих безумств она возьмется за ту же неопровержимую логику, что и прежде, он никогда не добьется желаемого.

– Вы снимаете с себя ответственность за судьбу сыновей ради права разрушить свое собственное существование! – воскликнул он.

– Права не приносить себя в жертву отвратительным химерам.

Тогда Молин изменил тактику:

– Но послушайте, мадам, похоже, вы считаете неизбежным принести королю в жертву свою добродетель. Но что он от вас требует? Публично, на глазах двора, *подчиниться ему*, чтобы возвращение его милости не сочли за акт слабости государя. Когда его авторитет будет подтвержден, мне кажется, что женщина – такая женщина, как вы, мадам, – всегда найдет способ и уловку, чтобы избежать...

– Это с королем-то? – воскликнула Анжелика, неожиданно задрожав. – Это невозможно! При наших отношениях он никогда не отступится, да и сама я...

Она нервно сжимала и разжимала пальцы. Он подумал, что теперь она стала более нервной, чем прежде. Но, с другой стороны, более спокойной. Более ранимой и более неуязвимой.

Анжелика вообразила длинную галерею, по которой она идет, вся в черном, под злыми и насмешливыми взглядами придворных, а король стоит с тяжелым взглядом и невыносимо величественным видом, свойственным его холодному лицу. Коленопреклонение, слова клятвы верности, поцелуй преданности... А потом, когда они окажутся наедине и

он подойдет к ней как к врагу, чтобы возобновить то сражение, о котором он никогда не забывал, и любыми способами добиться победы, что сможет она ему противопоставить?

В ней нет даже той глупой юношеской гордости, этих доспехов неопытности, которые могут оградить от влияния чувств.

У нее слишком богатый опыт плотских наслаждений, чтобы не почувствовать все разнообразие тайной гармонии любви, и она уступит властному призыву, который подталкивает женщину, стремящуюся к подчинению, к покоряющему ее мужчине.

Столько мужских ласк, столько пережитых желаний и борьба за свое прекрасное тело превратили ее в женщину до мозга костей.

До такой степени в женщину, что теперь она способна наслаждаться сладостным унижением.

И Людовик XIV, этот тонкий психолог, не мог этого не знать.

Чтобы привязать к себе прекрасную мятежницу, он отметит ее каленым железом, как клеймят королевской лилией преступников королевства.

Из деликатности она скрыла от Молина возникшие перед ней видения.

– Король неглуп, – сказала она с разочарованной улыбкой. – Затрудняюсь объяснить, Молин, но стоит мне оказаться перед королем, как это случится... А я не должна этого делать. И вы знаете, Молин, почему... Я могла бы провести всю жизнь рядом с рыцарем, которого полюбила и который избрал меня своей дамой... И моя жизнь не состояла бы из череды дней, отмеченных страданием, тщетным ожиданием, убитой в зародыше радостью и тревогой. И вдруг, после ребяческого и опасного заблуждения, наступает самое глубокое понимание – понимание того, что есть нечто, чего нельзя вернуть. Жив он или мертв, наши дороги разошлись. Он любил других женщин, как я любила других мужчин. Мы предали друг друга. Наша совместная жизнь прервалась в самом начале, и случилось это по вине короля. Я не могу простить. Не могу забыть... Я не должна этого делать, это стало бы худшим предательством, я лишилась бы всех возможностей.

– Каких возможностей? – прервал он.

Она растерянно потерла лоб:

– Не знаю... Я потеряла бы все еще не умирающую надежду. А впрочем... – И, оживившись, она продолжала: – А впрочем, вы говорили о моих интересах... Не состоят ли они в том, чтобы протянуть Монтеспан бокал с ядом? Вам ведь известно, что она пыталась отравить и меня, и Флоримона.

– Вы достаточно сильны и опытны, мадам, чтобы бороться с ней. Ходят слухи, что ее влияние пошатнулось. Короля утомила ее злоба. Говорят, что теперь он находит удовольствие в долгих беседах с другой опасной интриганкой, с мадам Скаррон, которая раньше, к сожалению, была протестанткой. С упорством неопфита она подталкивает короля вести глупую и бесполезную борьбу с бывшими единоверцами.

– Мадам Скаррон? – с удивлением повторила Анжелика. – Да она ведь гувернантка его детей.

– Ну да... Король увлечен не только разговорами с ней, но и ее прелестями.

Анжелика пожала плечами. Потом она припомнила, что бедная Франсуаза происходила из знатной семьи Обинье и что кавалеры, тщетно пытавшиеся спекулировать на бедности, чтобы добиться ее благосклонности, с чувством восхищения и досады прозвали ее Прекрасной Индианкой... Она также вспомнила, что редко замечала за мэтром Молином грех пустословия.

А тот настойчиво продолжал:

– Я это говорю, чтобы вы поняли: мадам де Монтеспан теперь не так уж опасна, как вы думаете. Вы победили ее еще в то время, когда она находилась на вершине могущества. Устранить ее теперь совсем не трудно...

– Продаваться, – прошептала Анжелика, – подкупать, вести эту яростную подковерную борьбу, которую я так хорошо знаю... Фу! Я предпочитаю иную борьбу, – закончила она, и глаза ее вдруг засверкали. – И если уж необходимо бороться, то пусть это будет в открытую, на моей земле... В существующей неразберихе мне представляется это единственным достойным делом... Остаться здесь. Это доставит мне и радость, и боль. Боль, потому что я понимаю, как много проиграла. Радость, потому что я испытываю потребность обрести свои корни. Да, я должна была вернуться. Странно... Мне кажется, что так было предreshено, что с того дня, как я потеряла из виду Монтелу, – помните, Молин, мне исполнилось тогда семнадцать и карета графа де Пейрака увозила меня на юг, – я после долгих странствий должна была вернуться в края своего детства, чтобы разыграть свою последнюю карту...

* * *

Только что произнесенные слова поразили ее саму, привели в

волнение и заставили замолчать. Она оставила Молина одного и медленно поднялась по лестнице на башню, с которой открывался вид до самого горизонта. Иногда она различала в цветнике грузную фигуру пузатого Монтадура. Возможно, он воображал, что она будет оставаться в замке всю весну и лето, пока не явятся осенью люди короля с приказом арестовать ее и отвезти в другую тюрьму?

Сегодня Анжелика не отваживалась даже спуститься в свой сад. Но она прекрасно знала, что наступит день, когда, не спрашивая разрешения, она устремится в лес, а толстый рыжеусый страж так и не узнает об этом и будет продолжать важно стеречь заколдованный замок, уже покинутый принцессой.

Дурачина, ничего не смыслящий в деревенской жизни. Ему невдомек, что у каждой норы есть два выхода. И если наступит такой день, то она найдет приют в Бокаже.

Но прежде чем стать изгнанницей, скрывающейся в листве от глаз охотника, надо все хорошенько взвесить.

– Моя последняя карта...

Вновь завоевать свою свободу оказалось делом почти невозможным и гораздо более трудным, чем сбежать из гарема Мулая Исмаила. Там ей помогли женские качества ее натуры. Она сумела затеряться во мраке, довериться ночи, молчанию, слиться с землей, как поступают беззащитные зверюшки, обратиться к самой природе – в этом состояла хитрость, которая теперь не привела бы к желаемым результатам.

Для того чтобы разбить столь крепкие и тяжелые оковы, как власть короля Франции, требовались взрыв, шум, открытый вызов, мужская ожесточенная сила.

Здесь недостаточно гласа труб иерихонских. Но где найти того, кто поднял бы меч мятежа в королевстве, подчиненном единому владыке?

Вернувшись в свой мир, к своему титулу, к равным себе, мадам дю Плесси-Бельер осознала, что у нее нет друзей. Не приходилось надеяться на возникновение дружбы или любви, в крайнем случае хотя бы на появление общих устремлений. С какой ловкостью сумел юный король вызвать к себе всеобщее уважение. Нет никого среди этих гордых господ, кто не склонился бы перед ним. Анжелика вспоминала их имена как имена призраков: Бриенн, Кавуа, Лувуа, Сент-Эньян... А Лозен сейчас в тюрьме, он пробудет там годы и выйдет постаревшим, утратившим веселость...

Стоя на узкой площадке из белого камня между двумя амбразурами, Анжелика искала ответ на горизонте.

– Моя провинция! Будешь ли ты мне защитой?

Сланцевая кровля остроконечных башенок сияла на солнце металлическим блеском. От влажного дыхания ветра с болот поскрипывали флюгеры. В чистом небе, распластав крылья, кружил сокол.

Позади замка Плесси начинались леса. Перед замком – зелень парка, потом зелень полей, а слева, где-то вдалеке, между небом и землей, висело то ли облачко, то ли мечта – там начинались болота Пуату.

С высоты башни Анжелика не могла различить на земле признаков жизни. Бокаж укрывает свои поля в тени деревьев, предлагая взгляду только однообразную картину блестящих на солнце кудрявых вершин деревьев, словно это настоящий лес. Фермы арендаторов прячутся под кронами каштанов, деревни затерялись в такой глуши, что не слышен даже звон их колоколов. И там, где полевые работы находились в самом разгаре, сверху виделась только бесконечная зелень листвы, прорезанная черными полосами глубоких скалистых расселин, на дне которых протекают три холодные речки: Вьенна, Вандея и Севр...

Зияющие раны в теле земли, розовые скалистые отвесные берега, изрытые пещерами, где при свете факелов проступают под плесенью силуэты – черные или цвета охры, – нарисованные, как говорят, духами. Маленький Гонтран видел их в детстве. Его сестра Анжелика, фея этих таинственных мест, показала ему рисунки. Но он хотел любоваться ими в одиночестве и прогнал сестренку. Обиженная Анжелика больше не делилась с ним другими своими открытиями.

Со стороны невидимой отсюда равнины и бескрайних хлебных полей шла старая римская дорога, путь всех вторжений. Извиваясь, как серая лента, мощенная широкими выщербленными плитами, карабкалась она к незамысловатой крепости, которая защищала когда-то земли пиктонов в стране галлов и долгое время служила преградой для легионов Цезаря.

На севере, за лесом Ньель, раскинулись леса Фонтевро, Севоль, Ланклуатр, Шатлеро и, между Вьенной и Крезом, леса Ла-Герш и Шантмерль. На востоке и на юге простирались болота Ла-Брюм, потом Шарантские болота, вересковые пустоши, непроходимые лесные заросли, зыбкие земли и трясины...

Зачем вновь привела ее судьба в знакомые края лесов и вод, некогда повлиявших на формирование ее души?..

Чтобы научить тому, что она отказывалась понять?

Чтобы найти истину, предназначенную для нее с самого детства и сокрытую в этой древней земле, в этом отливающем синевой заливе, через который перекатывались волны сменяющихся цивилизаций?

Дольмены, эти античные каменные столы, сооруженные для

непонятых целей, прятались в глубине лесов. Ряды менгиров в ландшафтах, мрачные часовни, украшенные, как церковные раки, возвышались на каждом перепутье в честь местного святого, соседствуя с развалинами римских храмов, чьих богов они были призваны сокрушить.

Два взаимопроникающих мира: леса и болота. В 732 году они не пропустили развевающиеся знамена арабских орд, а во время Столетней войны препятствовали продвижению кавалерийских отрядов голодных англичан.

Земля, оцетинившаяся черными донжонами, возведенными то ли колдунами, то ли рыцарями и заговоренными аббатствами: Лигюже, Эрво, Ньель, Майезе...

Земля религиозных войн. Совсем близко находилось проклятое поле Ла-Шатеньере, где в 1562 году католические войска перерезали сотню протестантов, собравшихся на проповедь, – мужчин, женщин и детей, – а в окрестностях Партене все еще вспоминают о рейтаре-протестанте Пюиво, который готовил фрикасе из отрезанных ушей монахов.

К тому же это земля мятежей и разбоя, земля Брюскамбиля. При Ришелье «босоногие» перерезали прибывших сборщиков налогов, а при Мазарини королевские солдаты тщетно гонялись за людьми с болот, которые «ускользали, как угри, в протоках».

В детстве Анжелика была уверена, что люди из других мест – чужаки, почти враги. Она испытывала к ним смешанное с подозрением недоверие и опасалась, что принесенное ими могло нарушить тайный сладостный распорядок, известный только ей и ее окружению, людям земли ее детства.

И теперь в ней возникало то же чувство. Широкий горизонт перед глазами не мог ее предать и пропустить незамеченными посланцев короля с наказом ее арестовать.

Солдаты, стерегущие вход в замок и рассеянно растирающие табачные листья для трубки, малочисленны. Когда будет подан знак, Пуату позаботится их убрать, как и досаждавшие протестантам отряды солдат. Уже теперь их находят по канавам с перерезанным горлом, а женщины из деревень Морвей и Мель отказались идти на мессу и встретили солдат пылью и золой. Слепленные, те ретировались и бесславно вернулись в Плесси, место своего размещения.

Герцог Самюэль де Ла Мориньер и два его брата, Уго и Ланселот, крупные сеньоры-гугеноты, ушли в пещеры у брода Санти, после того как убили лейтенанта драгун, намеревавшегося занять их жилище.

Так начинал подтверждаться неизменный конец всех рассказов кормилицы Фантины: «Жители округи спрятались в лесах, потому что

солдаты причиняли большой вред» – или иначе: «Чтобы избежать мести короля, бедный шевалье ушел на болота и жил там два года, питаясь угрями и дикими утками...»

С наступлением вечера по Бокажу разносился призыв рога. Но он не означал окончания охоты – он служил для обмена таинственными посланиями между каким-то гонимым гугенотом и его единоверцами. Один из них, барон Исаак де Рамбур, жил на холме недалеко от Плесси в старом обветшалом замке, чей черный донжон четко вырисовывался на фоне красного неба. На эти призывы откликалась очень далекая охотничья труба. Иногда во дворе раздавалась ругань встревоженного Монтадура. С тех пор как этот проклятый патриарх-еретик Ла Мориньер ушел в леса, сократилось обращение в истинную веру. Он мог побиться об любой заклад, что, несмотря на закрытые и опечатанные храмы, эти чертовы ночные мотыльки слетаются по вечерам в недоступных местах под деревья и расппевают свои псалмы.

Он хотел повести солдат в лес на их поимку. Но люди боялись темной чащобы. И безуспешно завершились попытки подкупить браконьеров-католиков, чтобы они служили провожатыми.

Анжелику неотступно преследовало одно и то же видение: вот появляется скачущий всадник, он стучится в ворота замка. Это король. Он заключает ее в объятия и шепчет те слова, которые писал только ей одной: «Моя незабвенная...»

Слава богу, сейчас не те времена, когда король может вскочить в седло и, отпустив поводья, помчаться во весь опор к своей возлюбленной, как это случилось в пору его страсти к Марии Манчини.

Король оказался пленником своего собственного величия, а потому ему приходилось ждать, чтобы она подчинилась. Он безнадежно искал поддержку своим надеждам.

– Сударь, когда же она приедет? – допытывался он у господина де Бретея.

– Сир, мадам дю Плесси еще не оправилась от ужасных тягот путешествия, – кланялся придворный, скрывая насмешливую улыбку.

– Но почему она не передала с вами весточки? Неужели она все еще питает к нашей особе слепую злобу?..

– Увы, сир, подозреваю, что да.

Король сдерживал вздох, и взгляд его терялся в зеркальной дали Большой галереи.

Наступит ли день, когда он увидит ее, раскаявшуюся и сломленную, приближающуюся к нему по Большой галерее?

Он в этом сомневался. Воображение рисовало образ прекрасной пленницы, стоящей на вершине башни, которую охраняют темные леса и дремлющие воды.

Глава VI

Анжелика бежала по лесу. Она сняла обувь и чулки, и мох ласкал ее босые ноги. Иногда она останавливалась и настороженно и внимательно прислушивалась. Проблески памяти указывали ей дорогу, и она бежала все дальше. Пьянящее чувство свободы! Она тихонько рассмеялась. Это оказалось так просто – спуститься в винный погреб замка и среди бочонков вина отыскать маленькую дверцу в подземелье, существующую в подвалах каждого господского жилища.

Подземелье замка Плесси отличалось от особняка Ботрейи в Париже, где удивительный подземный ход начинался в колодце и сводчатым коридором, соединяющимся с катакомбами античной Лютеции, шел до Венсенского леса. Подземный ход Плесси представлял собой просто сырой вонючий лаз, через который она выбралась на четвереньках. Он вывел ее в ближнее редколесье. Сквозь листву Анжелика смотрела на замок и на солдат в красных плащах с широкими рукавами, обходивших поместье дозором. Но она оставалась невидимой, и часовым в голову не могло прийти, что в нескольких шагах от них пряталась их поднадзорная. Некоторое время она продолжала за ними следить, а потом неслышно удалилась, раздвинув сплетенные ветви кустарников.

За густыми зарослями молодых деревьев и кустов шиповника и малины, окаймлявших опушку, лес казался огромным зеленым собором, где дубы и каштаны служили колоннами.

Сердцебиение улеглось, и Анжелика, в восторге от своей удачи, побежала вприпрыжку дальше. Она чувствовала, что к ней вернулись силы. После тяжелых переходов по диким тропам Марокко ей казалось детской забавой взбираться на покрытые мхом утесы или спускаться по обрывистым тропинкам к ручьям, заваленным почерневшей листвой. Лес то редел, переходя в долину, то поднимался по склонам, достигая плато, покрытого мелкими кустиками вереска. Анжелика уверенно пробиралась через топкие и сухие участки, через пятна света и тени, сквозь поднимающиеся из глубоких овражков запахи гнили и зыбкие, почти южные ароматы, окутывавшие ее на высокогорье, там, где сама основа земли пронзала острой скалой тонкий слой почвы, казавшейся рыжей от покрывавших ее цветов.

Анжелика вновь остановилась. Камень Фей находился на своем месте, на поляне с дубами друидов. Огромный дольмен с очень длинным узким

столом на четырех опорах, глубоко ушедших в землю за минувшие столетия.

Анжелика обошла его вокруг, чтобы лучше сориентироваться. Она убедилась, что теперь не заблудится. Эта часть леса – с Камнем Фей, Волчьей Ложбиной, Источником Страшного Медведя, перекрестком Трех Филинов, где стоит кладбищенская башенка с фонарем, – служила ареной ее детских подвигов. Прислушавшись, она сумела уловить приносимые ветром звуки глухих ударов длинных топоров дровосеков из деревушки Жербье, которые на лето поселялись в лесу. Немного на восток в почерневших хижинах жили углежоги, к которым она иногда заходила, чтобы перекусить сыром и поискать узкие куски угля для Гонтрана.

Но раньше она поднималась сюда со стороны Монтелу. Тропинки, ведущие к Плесси, она знала хуже, хотя нередко бродила возле волшебного поместья, стараясь разглядеть белый замок на пруду. Теперь он принадлежал ей.

Давно забытым жестом она отряхнула бумазейную юбку, к которой пристали мелкие былинки. Потом пригладила волосы, растрепавшиеся на ветру во время бега, и распустила их по плечам. Анжелика улыбнулась, осознав, что придает все то же значение сложившемуся ритуалу, который никогда не нарушала в былые времена. Потом она начала спускаться по вырубленной в скале лестнице, теперь покрытой гумусом и глиной. Визит, который она собиралась нанести, требовал некоторой торжественности. Всякий раз, как маленькая босоногая дикарка делала первый шаг по этой тропе, ее охватывала несвойственная ей робость. В такие минуты ее не узнала бы тетка Пюльшери. Образ благоразумной девочки предназначался только для таинственных духов леса.

Тропинка круто спускалась в мрачный обрыв. По скалистым склонам бежали ручьи, вдоль которых росли высокие пурпурно-красные наперстянки. Потом исчезли и они. Через толстый покров опавших листьев, превратившихся в грязь, пробивались только грибы, чьи липкие оранжевые или ярко-фиолетовые шляпки светились в сумраке подлеска, как тревожные фонарики. Здесь переплелось все: страх, священный трепет попеременно с разочарованием, любопытство и уверенность в приобщении к тайному миру – к миру злых чар, дарующих силу и власть. Склон был так крут, что Анжелике приходилось цепляться за деревья. Волосы падали ей на глаза, она нетерпеливо отбрасывала их назад. Она уже позабыла, что это место так недоступно и находится так далеко. Различив сквозь зелень листы слабый отблеск солнца, отраженный противоположным склоном ущелья, она облегченно вздохнула. Ее рука ощупывала мох в поисках

твердой опоры, и вдруг она соскользнула, слегка ободрав кожу, на узкую площадку, которая немного нависала над речкой, журчащей внизу.

За что-то ухватившись, Анжелика наклонилась, одной рукой приподняла завесу из плюща и обнаружила вход в пещеру. Она напрягала память, но не могла припомнить слова, которые следовало произнести при входе. Однако в пещере кто-то находился. Раздались медленные шаги, возникла исхудавшая рука, держащаяся за стену, и вот в бледном полусвете появилась древняя старуха.

Ее лицо со сморщенной коричневой кожей, подобное высохшей мушмале, окружали безжизненные пряди белоснежной гривы волос.

Глаза моргали, разглядывая пришедшую.

– Это ты, колдунья Мелюзина?

– Я. А тебе, щебетунья, чего надо?

– Подарить тебе вот это.

Анжелика протянула старухе сверток, где был нюхательный табак, кусок окорока, мешочек соли и мешочек сахара, кусок сала и кошелек с золотыми монетами.

Старуха все внимательно рассмотрела, потом, повернувшись горбатой, как у тощей кошки, спиной, вошла внутрь пещеры. Анжелика последовала за ней. Они оказались в круглом помещении с полом, усыпанным песком, слабо освещенном отверстием вверху, спрятанным под кустами терновника. Туда же уходил и дым от маленького очага, над которым висел чугунный котелок.

Молодая женщина села на плоский камень и стала ждать. Она поступала точно так же, когда приходила в давние времена просить совета у колдуньи Мелюзины. Но тогда этой старухи еще не было. Предыдущая была еще более древней и почерневшей. Ее повесили крестьяне на дубовом суку, заподозрив, что она приносит в жертву их детей. Когда стало известно, что новая колдунья поселилась в пещере О-де-Мер, ее по привычке тоже стали называть Мелюзиной.

Откуда приходили эти лесные колдуньи? Какие дороги несчастий и проклятий приводили их на одни и те же места, где они заключали союз с луной, с филинами, с травами?.. Говорили, что последняя старуха – самая могущественная и самая опасная во всей округе. Рассказывали также, что она лечила лихорадку варевом из гадюки, подагру – солью из мокриц, глухоту – муравьиным маслом. Что она может запереть в маленьком лесном орешке беса из самых главных помощников Сатаны. И если преподнести такой орешек своему врагу, то повеселишься, видя, как его подкидывает до потолка, а исцелить от этой порчи может только

паломничество к алтарю Божьей Матери Милосердой, что в Гатине, в церкви которой находится ковчежец с волосом и ногтем Святой Девы Марии.

К ней знали дорожку согрешившие девицы, а также и те, кому надоело ждать естественной смерти старого дядюшки с богатым наследством.

Анжелика, наслушавшись подобных рассказов, с интересом разглядывала странное создание.

– Чего ты хочешь, доченька? – тихо спросила старуха глухим голосом. – Чтобы я погадала на твою судьбу? Или хочешь, чтобы я приворожила любовь? А хочешь, я приготовлю отвар, чтобы вернуть твоё здоровье, пошатнувшееся в долгих путешествиях?

– А что ты знаешь о моих долгих путешествиях? – прошептала Анжелика.

– Я вижу вокруг тебя пустое пространство и жгучее солнце. Дай руку, я прочитаю твоё будущее.

– Я пришла с другим вопросом, – отказалась молодая женщина. – Ты ведь знаешь всех гостей леса, так скажи, где прячутся мужчины, которые время от времени собираются на молитву вместе с крестьянами из соседних деревушек и распевают псалмы? Им грозит опасность. Я хотела бы их предупредить, но не знаю места их встреч.

Колдунья забеспокоилась. Она привстала и замахала изуродованными руками:

– Почему ты, дочь света, хочешь отвести опасность от этих людей тьмы? Пусть вороны кружат над хорьками.

– Так ты знаешь, где они скрываются?

– Да как же не знать! Как я могу не знать, когда они ломают ветки, рвут мои силки и топчут мои травы? Если так будет продолжаться, я ничего не насушу для своих снадобий. Их приходит все больше, они крадутся как волки, а потом, собравшись, воют. Понимаешь, доченька, звери пугаются, птицы смолкают, горы содрогаются, и я тоже убегаю, так плохо мне от их пения... Зачем эти люди приходят в лес?

– Их преследуют. За ними гоняются солдаты короля.

– У них три вожака. Три охотника. Самый старей, самый мрачный, он тверже стали. Он у них главный. Он неразговорчив, но когда говорит, то кажется, что он вонзает нож в шею лани. И всегда толкует о крови Предвечного. Послушай-ка, что я скажу...

Она наклонилась, и её дыхание коснулось лица Анжелики.

– Послушай-ка, малышка, что я скажу. Однажды вечером я следила из-за деревьев за их сборищем. Я старалась понять, что они там делали.

Главарь говорил, стоя под дубом. Он обратил взор в мою сторону. Не знаю, видел ли он меня. Но я поняла, что у него огненные глаза, потому что мои глаза стали гореть, и мне пришлось убежать. А я ведь могу смотреть в глаза кабану и волку... Вот какая в нем сила. Вот почему все остальные приходят на его зов и подчиняются без единого слова. У него большая борода. Он похож на Страшного Медведя, который смывает в источнике кровь с шерсти, после того как сожрет очередную девушку.

– Это герцог де Ла Мориньер, – заметила Анжелика, сдерживая улыбку. – Важный вельможа-протестант.

Это Мелюзине ничего не говорило. Она считала его Страшным Медведем. Однако понемногу ее настроение изменилось, и серые губы растянула улыбка, приоткрыв щербатый рот. Но сохранившиеся широкие зубы оставались крепкими и белыми, словно она за ними ухаживала. Это придавало ей странный вид.

– А почему бы и не отвести тебя к нему? – спросила она вдруг. – Ты-то не опустишь перед ним взора. Ты красива, а он...

Она долго хихикала.

– Жеребец жеребцом и останется, – назидательно завершила она.

Анжелика не собиралась увлекать на гибельный путь сурового герцога де Ла Мориньера, которого называли также Патриархом. Ее заботили дела другого порядка, и они не терпели промедления.

– Я пойду, пойду, – бормотала развеселившаяся Мелюзина, – я отведу тебя, маленькая щебетунья! У тебя такая ужасная, такая бурная и прекрасная судьба... Дай-ка руку.

Что она прочла?.. С ошарашенным видом она оттолкнула ладонь Анжелики, ее серые глаза заблестели, в них появился хитрый огонек.

– Ты сама пришла... Принесла соль и табак. Ты – моя сестра, доченька. Ах! Как велики твои силы!..

Предыдущая колдунья говорила то же самое маленькой Анжелике, которая, слегка напуганная, сидела на том же месте. Она теми же словами выражала удивление предначертанной судьбой этого юного существа. Испуг и интерес колдуньи всегда наполняли Анжелику наивной гордостью. Ребенком она черпала в этом уверенность, что однажды получит все, что пожелает: счастье, красоту, богатство... А сегодня?.. Сегодня, когда она уже знала, что можно всем обладать, но не испытывать от этого удовлетворения, какие чувства пробуждали в ней эти слова о таинственной силе? Она посмотрела на свою руку:

– Говори... говори еще, Мелюзина. Я одержу победу над королем?.. Спасусь от его преследований?.. Скажи, найду ли я свою любовь?

На этот раз колдунья уклонилась от ответа:

– Что я могу сказать, чего бы ты уже не знала в глубине своего сердца?

– Ты не хочешь говорить о том, что увидела, чтобы не лишать меня мужества?

– Пошли же, пошли. Чернобородый уже ждет, – усмехнулась та.

Прежде чем выйти из пещеры, она взяла какой-то мешочек и отдала его Анжелике:

– Это травы. Заваривай их по вечерам, потом выставляй под луну и пей с восходом солнца. И в руки, и в ноги твои, и во все тело твое вернется сила, а груди набухнут, словно в них молоко. Но нальются они не молоком, а молодой кровью...

* * *

Выйдя из оврага, они пошли гуськом. Колдунья шла напрямик. Она угадывала путь по едва заметным приметам.

Небо за деревьями потемнело.

Анжелика подумала о Монтадуре, своем страже. Не заметит ли он ее отсутствия? Вряд ли. Он считал необходимым приветствовать ее по утрам. На этом настаивали господа де Марийяк и де Солиньяк. Не докучать пленнице, но и не терять повседневной бдительности. Толстяк-капитан предпочел бы, вероятно, почаще общаться с пленницей, но надменность Анжелики его смущала. Ее ледяной взгляд пресекал всякую попытку завязать разговор или пошутить. Она молча смотрела, как, прерывая свои тяжеловесные комплименты и покусывая рыжий ус, он выходит из комнаты, говоря, что отправляется гоняться за еретиками, что составляло его вторую обязанность. Каждый день после обеда он садился на своего могучего коня в яблоках и отправлялся с группой всадников лично присутствовать при обращении в истинную веру жителей разукрашенных по такому случаю деревень. Иногда он привозил с собой какого-нибудь особенно упрямого протестанта и занимался им лично. И тогда из пристроек замка доносились удары и хриплые крики: «Отрекись! Отрекись!»

Если своим усердием во славу Господа капитан Монтадур старался вызвать восхищение маркизы дю Плесси, то он глубоко ошибался. Она его не выносила. Тщетно старался он развлечь ее своими подвигами. Но в то утро капитан заговорил о каком-то пасторе, прибывшем из Женевы.

Оповещенный шпионами, он надеялся арестовать его в тот же вечер в замке Грандье, где пастор остановился. Анжелика стала прислушиваться.

– Пастор приехал из Женевы? А зачем?

– Чтобы подстрекать этих нечестивцев к бунту. К счастью, меня уже предупредили. Сегодня вечером он выйдет из леса, где встречается с проклятым Ла Мориньером. А я подкараулю его возле замка Грандье. Может быть, вместе с ним выйдет и герцог? Тогда я арестую и его. Ах! Господин де Марийяк не ошибся с выбором, поставив меня во главе этого предприятия. Поверьте, мадам, на будущий год в Пуату уже не останется ни одного протестанта.

Она позвала Ла Вьюлета, бывшего камердинера Филиппа:

– Ты ведь исповедуешь реформатскую веру, так, верно, знаешь, где прячется герцог Ла Мориньер и его братья? Их надо предупредить, чтобы они не попали в западню.

Слуга ничего не знал. Немного поколебавшись, он признался, что иногда герцог дает ему поручения, присылая с записками специально обученного сокола, а сам он передает мятежным протестантам то, что узнает от солдат. Но это очень немного. Монтадур не так глуп, как кажется, и хоть и болтлив, но выдает немного.

– Поэтому, мадам, о протестантском пасторе, о котором вы говорите, солдатам ничего не известно, руку даю на отсечение. Им сообщат в самую последнюю минуту. Капитан ведь такой недоверчивый и подозрительный.

Анжелика послала Ла Вьюлета в замок Грандье предупредить его владельцев. Но те тоже не знали места встречи в лесу. Изгнанники часто меняли свои стоянки. Господин Грандье направился в лес, но его остановили драгуны, как бы случайно объезжавшие эти владения.

И тогда Анжелика вспомнила о колдунье Мелюзине:

– Я сама пойду в лес и найду их.

Она уже давно обдумывала, как сбежать под носом у Монтадура. Удлинить привязь, на которой ее держали... Кажется, сейчас ей это удастся.

* * *

Колдунья остановилась и предостерегающе подняла костлявый палец:

– Слушай.

Из-за темных скал сквозь листву доносился шум, похожий на порыв ветра, но по мере приближения стала слышна мрачная мелодия,

протяжный призыв: там распевали псалом.

Протестанты собрались на берегу речки Вандея, в Теснине Великана, куда, по преданию, Гаргантюа столкнул плечом огромные круглые валуны.

Красный отсвет костра разгонял сумерки, окутавшие собравшихся. Едва виднелись белые головные уборы молившихся женщин и черные фетровые шляпы с большими полями крестьян-гугенотов.

Потом в круг света костра вступил какой-то мужчина. По описанию колдуньи Анжелика без труда признала герцога Самюэля. Его фигура бородатого охотника поражала воображение. Он сразу не понравился Людовику XIV, когда появился в Версале, намереваясь в любой придворной крамоле играть ту роль, что в прошлом веке принадлежала адмиралу де Колиньи. С тех пор, впав в немилость, он жил на своих землях.

Герцог носил высокие сапоги до середины бедра, черный суконный камзол, перетянутый широким ремнем с кинжалом. На боку висела шпага на перевязи. Голову покрывала плоская старомодная шляпа с пером, которую продолжали носить провинциальные гугеноты, потому что она делала их похожими или на Кальвина, или на Лютера – в зависимости от дородности их фигуры. Всем своим видом герцог Самюэль де Ла Мориньер внушал страх. Он казался несовременным, выходцем из эпохи людей грубых нравов, насилия, противников утонченности. Здесь, в окружении диких скал и ночной темноты, он был на своем месте. Герцог заговорил, и его голос отозвался грозным эхом трубного гласа. Анжелика содрогнулась.

– Братья и сыновья. Приходит день, когда после долгого молчания нам следует поднять голову и понять, что служение Господу требует дел... Откройте Книгу книг... Что находим мы там?..

– Предвечный победно наступает. Он возжигает свой пыл как истинный воин. Возвышает глас свой. Издаёт клики. Являет нам силу свою в борьбе с неверными. Я долго хранил молчание, – сказал он. – Я умолк, я ждал... Но теперь я разрушу горы и холмы. Я испепелю все живое... Доверившиеся рукотворным идолам, говорящие им... вы наши боги... Они отступят в глубоком смятении...

Его голос гремел. Анжелика чувствовала, как по спине пробегает дрожь. Она хотела взглянуть на колдунью, но та бесшумно исчезла.

Между ветвями деревьев виднелось светло-перламутровое небо, но во мраке Теснины Великана царило нарастающее чувство гнева.

– Но что мы можем против солдат короля? – раздался одинокий голос.

– Все. Нас больше, чем королевских солдат, и Бог нам в помощь.

- Король всемогущ!
- Король далеко, и он бессилен против целой провинции, решившей защищаться.
- Нас предадут католики.
- Католики, как и мы, боятся драгун. Их тоже задавили налогами, и еще раз замечу, их меньше, чем нас. И самые богатые земли тоже принадлежат нам...

Где-то совсем близко дважды прокричала сова.

Анжелика вздрогнула. Ей показалось, что все смолкло в Теснине Великана. Когда она снова туда взглянула, высокородный гугенот смотрел в ее сторону. Пламя костра придавало красноватый отблеск его глубоко посаженным глазам под черными бровями. «Огненный взгляд, – говорила колдунья. – Но ты его выдержишь».

Снова прозвучал крик совы, нежный и трагический. Что это, сигнал тревоги?.. Предупреждение о возникшей для проповедников опасности?.. Анжелика прикусила губу. «Так надо, – сказала она себе. – Это моя последняя карта!»

И начала спускаться к собравшимся гугенотам, цепляясь за колючие ветки кустарников.

Отправляясь в Теснину Великана ради спасения женевского пастора, Анжелика понимала, что выбрала свой путь и что возврат почти невозможен.

Но только Самюэль де Ла Мориньер, Патриарх, мог разрушить в верноподданнических гугенотских сердцах веру в монарха.

Самюэль де Ла Мориньер, Патриарх, уже достиг пятого десятка. Вдовец и отец трех дочерей – что заставляло его неустанно горевать, – он проживал в своих владениях вместе с женатыми братьями Уго и Ланселотом, отцами многочисленных чад. Жизнь всего нелюдимого племени проходила под строгим надзором Патриарха, разграниченная на молитвы и охоту. Отошли времена праздников, проходивших в этих пышных залах. В замке Ла-Мориньер женщины разговаривали тихо и совсем не умели улыбаться. Дети, окруженные многочисленными наставниками, с раннего детства изучали древнегреческий, латынь и Священное Писание. Мальчиков учили владеть рогатиной и кинжалом с широким клинком. Возможно, Ла-Мориньер уже с первой встречи с Анжеликой – этой вышедшей из сумрака леса босоногой женщиной с золотыми волосами, спрятанными под капюшоном пастушьей накидки, и с изысканной речью знатной дамы – почувствовал в ней неосознанную страсть и горечь, которые ждали момента вылиться в поступки и сделают

ее послушной исполнительницей его планов?

Глава VII

Человек, трубивший по вечерам в рог, на какое-то время избежал преследований Монтадура. Возможно, потому, что мелкое поместье Рамбур находилось поблизости от Плесси и капитан не сомневался, что всегда сможет наложить свою тяжелую лапу на этого бледного дрожащего гугенота, обреченно ожидавшего своего часа сыграть роль жертвы.

В юности Анжелика с сестрами частенько насмеялись над нескладным парнем с выдающимся адамовым яблоком, они встречали его на деревенских сходах или на ярмарках в соседних городках. С годами у барона де Рамбура появились длинные печальные усы, постоянно беременная жена и толпа маленьких бледных гугенотиков, цепляющихся за полы его одежды. В противоположность большинству своих единоверцев, он оставался крайне бедным. Местные говорили, что его род проклят в девятом колене из-за предка-рыцаря, который попытался обнять спящую фею в замке на берегу речки Севр. Проклятие, вероятно, только усугубилось, когда Рамбуры перешли в кальвинизм. Исаак, последний в роду, жил под сенью своей башни, увитой плющом, и его талант и занятие состояли в умении трубить в рог. Всеобщее удивление вызывало могучее дыхание, которое таилось в его тощем теле. Вся округа приглашала Исаака Рамбура участвовать в охоте, потому что он умел придавать различным сигналам широкое и мощное звучание, приводившее в возбуждение охотников, собачьи своры и саму дичь.

Но в последний год охоты случались редко. Мелкие помещики – и католики, и протестанты – сидели по своим углам, ожидая конца волнений, вызванных появлением солдат. Барону де Рамбуру пришлось откликнуться на увещевания герцога де Ла Мориньера, устоять перед настойчивостью которого было трудно.

* * *

Анжелика поняла это еще лучше, когда увидела предводителя гугенотов в черном развевающемся плаще, шагавшего по ландам ей навстречу. На фоне бледно-золотистого неба он выглядел еще более внушительным, чем в полутьме Теснины Великана. С ним вместе шли его братья.

Место встречи на опушке леса нависало над окрестностями обрывистой скалой. На этой полоске земли, заросшей дреком, некогда располагался римский лагерь. Здесь же находился маленький полуразрушенный храм, посвященный Венере, покрытый цветущими асфоделями.

Вероятно, на границе между проклятым заливом и полным опасностей галльским лесом римляне молились богине о сохранении их мужской силы, которой угрожали кровожадные пиктоны, также не упускавшие случая поднести собственным богам ужасные трофеи. Сохранились руины, каменный портик, две колонны да антаблемент с латинскими надписями. Анжелика уселась в их тени.

Герцог сел напротив на квадратный каменный блок. Оба брата держались поодаль. Римский лагерь служил одним из мест сбора. Крестьяне-гугеноты прятали в храме съестные припасы и оружие для изгнанников. С этого места хорошо просматривалась вся округа, и поэтому не грозило незаметное нападение.

Герцог еще раз поблагодарил за заботу о безопасности женевского пастора. Этот поступок доказывал, что барьер между верами преодолим, когда для свержения тиранической власти объединяются оскорбленные души. Ему известно, что она тоже много претерпела от короля. Впрочем, разве не стерегут ее как узницу и теперь? И как это мадам дю Плесси удалось к ним выбраться? Анжелика объяснила, что воспользовалась подземным ходом. Монтадур ни о чем не подозревает.

Не отвечать на вопросы герцога де Ла Мориньера было невозможно. Его повелительный тон тотчас принуждал собеседника вступать в объяснения. Он не сводил с нее пристального взгляда глубоко запавших глаз под кустистыми черными бровями. Словно два золотистых огонька. Их резкий блеск утомлял. Анжелика отвела взор. Она вспомнила колдунью, которая боялась этого темного служителя Господа.

Ради сегодняшней встречи Анжелика выбрала туалет, приличествующий ее рангу, – богатое платье темного атласа. В корсете, сжимавшем талию, и в трех тяжелых нижних юбках в складку не так-то просто было пролезть через узкий проход, ведущий в лес. Сопровождавший ее Ла Вьолет нес ее мантию. Как хорошо воспитанный слуга, он застыл в отдалении. Анжелика хотела придать этой встрече некоторую торжественность, чтобы при разговоре с герцогом чувствовать себя ровней.

Она сидела под римским портиком, потемневшим от времени. Носки красных кожаных башмачков выглядывали из-под платья цвета спелой

сливы, а волосы слегка выбивались на ветру из тщательно уложенной прически. Она слушала с замиранием сердца. Низкий голос герцога одновременно привлекал и волновал. Анжелике казалось, что под ногами разверзлась пропасть. И туда предстоит прыгнуть.

– Что, сударь, вам угодно от меня?

– Чтобы мы вступили в союз. Вы католичка, я реформат, но мы можем действовать вместе. Это союз гонимых, союз свободных умов... Монтадур проживает под вашей крышей: наблюдайте за ним и оповещайте нас. Ну а ваши крестьяне-католики...

Он наклонился, заговорил тише, чтобы лучше довести до ее сознания свое властное требование:

– Убедите их, что им нечего делить с нашими крестьянами, такими же жителями Пуату, как и они сами, что враг – это солдаты короля, пришедшие разграбить наши дома... Напомните им о сборщиках налогов, о талье,^[1] о подушной подати. Разве не лучше им будет жить, как некогда, под управлением своих сеньоров, чем трудиться ради далекого короля, который в награду присылает на постой армии чужаков...

Он говорил, наклонившись над ней, его руки в кожаных перчатках сокольника упирались в массивные бедра, и Анжелике уже не удавалось избежать его взгляда. Он убеждал ее в своей вере в безнадежное дело, похожее на конвульсивные попытки связанного великана порвать свои путы. Ей казалось, что она видит, как великий крестьянский народ, из которого вышла и она сама, поднимается, напрягается в нечеловеческом усилии, чтобы вырваться из смертельного парализующего закабаления того, кто раньше был сеньором только Иль-де-Франс. Денье, собранные с полей Бокажа, тратятся на развлечения в Версале, на бесконечные войны на границах Лотарингии или Пикардии. Представители знатных имен Пуату, превратившись в слуг, подают королю сорочку или подсвечник, а их поместья остаются в руках недобросовестных управляющих. Другие дворяне беднеют, оставаясь на своих землях, и фискальные службы по клочку растаскивают их земли. И знатные соседи презирают их за то, что они не сумели понравиться королю. Сегодня разорение и голод, как змеи, расползаются по стране с приходом армий, присланных в поспешном поспешии в поспешии всякой справедливости и здравого смысла. Они наводят отчаяние на тех, кто растит пшеницу, охраняет стада на пастбищах и собирает плоды, – всех этих крестьян с мозолистыми руками, в больших черных шляпах. И не важно, католики они или гугеноты...

Анжелика все это знала. Но внимательно слушала. Ветер усилился. Она вздрогнула и отвела прядь волос, которая постоянно падала на лицо.

Подошел Ла Вьолет и протянул ей манто. Она нервно укуталась. Вдруг она заломила руки и подняла на де Ла Мориньера взволнованный взгляд.

– Да, – воскликнула она, – я помогу вам, но тогда... тогда ваша война должна быть открытой и грозной. Чего вы ждете только от молитв, которые распевают в оврагах?.. Вы должны захватывать города, перекрывать дороги. Вы должны превратить провинцию в укрепленный бастион до того, как успеют прислать подкрепление. Вы должны перекрыть все выходы на севере и на юге... Нужно вовлечь в эту войну и другие провинции, Нормандию, Бретань, Сентонж, Берри... Пусть король признает в вас равного правителя и вынужден будет вступить с вами в переговоры и принять ваши условия...

Порыв Анжелики потряс де Ла Мориньера. Он встал. Его лицо побагровело. Глаза метали молнии. Он не привык, чтобы женщина разговаривала с ним в таком тоне. Но герцог сдержался. Несколько минут он хранил молчание, теребя длинную бороду. Он вдруг понял, что может рассчитывать на необузданную силу этого создания, которое раньше казалось ему подобным всем женщинам. Но теперь он вспомнил некоторые изречения одного из своих дядьев, служившего при Ришелье, который охотно использовал дам в своих шпионских делах или в политических интригах: «Женщины вдвое сильнее мужчин, когда речь идет о подрыве основ города... Даже если они во всеуслышание признают себя побежденными, то про себя никогда так не думают. Для манипулирования женской хитростью, этим разящим оружием, нужны надежные перчатки, но более грозного оружия я не знаю...» Так считал Ришелье.

Он тяжело дышал:

– Мадам, ваши слова справедливы. Действительно, таковы цели, к которым необходимо стремиться. И если мы не стремимся к этим целям, то лучше сразу сложить оружие... Наберитесь терпения. Помогите нам. И клянусь вам, этот день придет!

Глава VIII

Вдруг резко возросло число убийств и стычек. По всей округе растеклась ненависть к красным драгунам, подобно тому как растекается на тысячу ручейков ключ, бьющий на поле среди травы. Все началось с того, что на перекрестке Трех Филинов обнаружили четверых повешенных драгунов с табличками на груди: «Поджигатель», «Грабитель», «Голод», «Разорение». Их товарищи не посмели снять тела, потому что место находилось возле леса, в котором, как стало известно, прятались шайки протестантов. Зловещие ярко-красные призраки долго висели, медленно раскачиваясь и напоминая прохожим о тех угрозах, которые они несут провинции: пожары, разграбление, голод и разорение... Густая летняя листва служила им изумрудным храмом, роскошной часовней, в которой они казались еще более мертвыми и отвратительными.

Монтадур, брызгая от ярости слюной, хотел нанести сокрушительный удар. Чтобы вырвать сведения о логове семейства Ла Мориньер, он подверг пытке одного протестанта и повел в лес самых смелых солдат. Несколько часов блужданий в полумраке и мертвой тишине леса, среди непроходимых зарослей и огромных стволов деревьев, с которых свисали корявые переплетающиеся ветви, а предательские корни ежеминутно расставляли ловушки, подорвали их решительность. Крик внезапно проснувшейся совы завершил поражение.

– Капитан, это их сигнал. Они там, на деревьях. Сейчас они на нас посыплются с ветвей...

Драгуны беспорядочно бросились назад в поисках прогалины, видимого над головой неба и торной дороги. Они забрели в молодую поросль, заблудились, и когда в сумерках вышли наконец на опушку леса и увидели обработанные поля, то пришли в такое возбуждение, что многие упали на колени и пообещали поставить свечу на ближайшем алтаре Богородицы.

Но даже если бы они добрались до цели, то все равно вернулись бы с пустыми руками. Главаря гугенотов заранее предупредили.

Монтадуру и в голову не могло прийти, что между его неудачами и неожиданно возникшей любезностью пленницы существует какая-то связь. Она, всегда такая высокомерная и почти затворница, теперь сама заговаривала с ним, а он даже осмелился пригласить ее к «своему» столу. Он решил, что она заскучала и что наконец принесли плоды его

собственные хорошо известные чары и проявленное им галантное обхождение. Он удвоил предупредительность. Этим знатных дамочек не возьмешь драгунским наскоком. Придется потрудиться. Монтадур почувствовал прелесть в медленном завоевании и уже ощущал себя поэтом. Если бы не эти проклятые гугеноты-безбожники, отравляющие такое приятное существование! Он написал господину де Марийяку, требуя подкрепления. Он не может одновременно нести охрану маркизы дю Плесси-Бельер и заниматься делом обращения еретиков, с каждым днем принимавшим все больший размах. Ему прислали второй отряд, который должен был расквартироваться в районе Сен-Мексан. Их командир, лейтенант де Ронс, прислал сообщение, что в настоящее время не может занять вышеназванные квартиры, ибо вооруженные гугеноты заняли старый замок, перекрывающий дорогу и реку Севр. Надо ли его отбивать?

Монтадур опять выругался. Что прикажете думать? Что протестанты уже не согласны, чтобы их притесняли? Этот Ронс ничего не понимает. Достаточно Монтадуру только появиться...

– Как, капитан, вы уже меня покидаете? – с обольстительной улыбкой спросила Анжелика.

Она сидела напротив него. Только что принесли корзину первых черешен, и она наслаждалась ими. Ее белые зубки сверкали на фоне красных ягод.

И Монтадур решил предоставить де Ронсу выпутываться самостоятельно. Пусть поднимется немного выше, к Партене. А при такой всеобщей озлобленности населения у Монтадура и здесь полно дел. Вот, теперь начали рассыпать гвозди под копыта лошадей. Да они все кроканы, ^[2] что гугеноты, что католики. У них в подвалах закопаны горшки, полные золотых экю, но им этого мало. Им повсюду чудятся глаза трех мистических врагов: волка, солдата и сборщика налогов.

Их, видите ли, охватывает паника, если огонь с уничтожаемого урожая протестантов иногда перекидывается на поля католиков. Ни один мужик не согласится потерять хотя бы три колоска во славу своей религии. Всех бы их в один мешок, этих жителей Пуату с арабскими глазами, вечно они за спиной грозят солдатам кулаком.

– Присылайте ко мне этих смутьянов, – сказала Анжелика, – я их отчитаю.

После этого в замке начались посещения. Приезжали также и соседи-католики. Месье дю Круассек, еще больше растолстевший, безоговорочно соглашался с планами Анжелики и принимал все указания, исходящие из уст, тайно обожаемых долгие годы. Навестили ее и супруги Фейморон,

Мермено, Сент-Обен, Мазьер. Отверженная Анжелика и живущие уединенно дворяне Бокажа образовали подобие светского общества. Монтадур с умилением взирал на эти визиты. Он написал господину де Марийяку, что мадам дю Плесси прилагает большие усилия, оказывая содействие в его нелегкой задаче, и что господа из Общества Святых Даров должны в душе радоваться.

Капитану все труднее становилось отрываться от блестящего общества, привлекательные стороны которого он обнаруживал с каждым днем. Очаровательная в своих элегантных нарядах, к которым она вновь обрела пристрастие, Анжелика царила в своем доме.

Неужели вернувшись цветом лица и блеском волос она обязана таинственному напитку, приготовленному из трав колдуньи? Теперь в ее теле бурлила новая сила, а в душе – страсть. Она вновь обрела пьянящее чувство неуязвимости, которое часто охватывало ее при выполнении трудной задачи. Конечно, иногда это чувство оказывалось обманчивым. Почва под ногами становилась ненадежной, усиливался жар, собиралась гроза, как в июле, когда на голубом раскаленном небе начинают сгущаться тучи.

Лето вошло в свои права. Наступил сенокос. Но слишком часто работы прерывались. «Драгуны волокли женщин за волосы, если те отказывались добровольно идти на мессу, им прижигали ступни, и войска любым путем добивались своего...» И неоднократно крестьяне, вооружившись цепями, давали отпор грабителям или этим «миссионерам», обращающим в истинную веру.

Волнения нарастали.

Глава IX

Герцог де Ла Мориньер пересылал Анжелике сообщения с обученным соколом Ла Вьолета.

Птица приносила послание. Встреча назначалась ночью в римском лагере, или возле Камня Фей, или на перекрестке возле Вербного креста, или возле кладбищенской башенки с фонарем, или возле источника, или в пещере... Анжелика ходила на встречи одна. Эти ночные прогулки не только не пугали ее, но скорее доставляли удовольствие. Монтадур никогда бы не узнал свою элегантную пленницу в одетой в крестьянскую юбку из бумазеи женщине, которая с восходом луны выбиралась из подземного хода и скрывалась в кустах.

В темном лесу Анжелика чувствовала себя счастливой. В листве буков сияли тысячи алмазных капель. Они покрывали пышное одеяние каштанов и дубов и казались серебряной вышивкой.

Ее не пугала встреча с диким лесным хищником: кабаном, волком или даже медведем, которые, говорят, еще водились в здешних местах. Лес представлялся менее опасным, чем общество людей, которые наносят такие глубокие сердечные раны. И ей казалось, что она вновь обрела то простодушие, которое познала в пустыне и тоска о котором продолжала храниться в душе.

Когда она приходила на место встречи, эйфория ее покидала. Со смешанным чувством нетерпения и дурного предчувствия ожидала она появления гугенотов. В лесной тишине, нарушаемой только шорохом листьев, их шаги слышались издали. Между деревьями виднелось красное пламя факелов.

Поначалу герцог де Ла Мориньер приходил в сопровождении своих братьев, потом все чаще он стал появляться один, и это настораживало Анжелику.

Если он был один, то не брал с собой огня. Похоже, он тоже мог видеть в темноте и знал все лесные тропинки. Когда он возникал – черный человек, под тяжелыми сапогами которого хрустели сухие ветки, – и пересекал прогалину в молочном свете луны, Анжелику охватывал необъяснимый трепет. Патриарх обладал резким и очень низким, словно замогильным, голосом, а его пылающие глаза проникали до самой глубины души. Она чувствовала в нем высокомерное презрение. Что-то в этом человеке ее отталкивало. Даже Мулай Исмаил не вызывал такой

неприятни. Тот был жестоким хозяином, но как женщина она никогда его не боялась.

Мулай Исмаил любил женщин и прилагал усилия, чтобы их успокоить. Он был чувствителен к их чарам, красоте, хитростям и привлекательности. Слабая умелая ручка могла добиться уважения от этого льва пустыни.

А герцог де Ла Мориньер делил женщин только на две категории: грешниц и праведниц. Произнесенные им в Версале анафемы против прелестных искушительниц не были забыты. Он, вероятно, никогда не замечал, что его жена безобразна и неуживчива. Овдовев, он не женился вновь. Могла ли строгая жизнь, охота и покаяние погасить жар в его крови?.. Он презирал женщину, этот нечистый сосуд скудельный, и не мог смириться, что одна из них играет такую роль в деле, угодном Создателю.

Анжелика остро ощущала подобные настроения. Они ее настораживали. Но она нуждалась в его силе, только с его поддержкой могла она сопротивляться королю. Герцог пойдет до конца. Но, вступив в союз с гугенотом, она чувствовала свою вину перед Богом и Девой Марией.

Противоречия в их взглядах обнаружились однажды ночью, когда оба спускались по горной тропе, направляясь к болотам. Герцога там ожидал приплывший по протокам пастор из Ньюра, и Анжелика вызвалась его проводить. Лес поредел, через расступившиеся деревья лился серебристый свет яркой луны, и в пространстве, неожиданно открывшемся внизу, они увидели сияющие аметистовые крыши и прозрачные колоколенки.

Под их ногами лежала оправа, вырезанная из чистого серебра, – творение света и тьмы, – где гирлянды черного бархата внутренней монастырской галереи повторяли белый рисунок дворика, словно пришипленного в центре резными стенками колодца. Ньельское аббатство.

Анжелика затаила дыхание. Какое чудо!.. Там внизу лежало аббатство, безмятежное, обнесенное стенами, полное шепота монашеских молитв. На Анжелику нахлынули воспоминания об одной ночи, проведенной в его стенах. Она была ребенком, когда брат Жан вырвал ее из сомнительных затей толстого брата Тома. Он привел ее в свою келью, где она оказалась в безопасности, и смотрел на нее со светлой нежностью: «Вас зовут Анжелика... Анжелика, Дочь Ангелов!» – и, жалуясь, показал ей синие кровоподтеки на своем теле: «Посмотрите!.. Посмотрите, что сделал со мной Сатана!»

Ее душой овладело очарование той мистической ночи.

– Да будут прокляты эти монахи-идолопоклонники... – раздался

полный ненависти голос герцога де Ла Мориньера. – Придет день, и огонь небесный поразит эти стены и не оставит камня на камне... И земля очистится.

– Замолчите, еретик! – вне себя от гнева обернулась к нему Анжелика. – Вы еретик!.. Ах! Ненавижу вашу гнусную секту.

Эхо возвратило ее крик, и Анжелика замерла. Ее нервы напряглись от бессильного гнева и страха. Герцог подошел к ней. Она слышала его учащенное дыхание. Он опустил тяжелую руку ей на плечо, и пальцы в кожаной перчатке клещами впились в тело. Горло перехватило. Напрасно пыталась она скинуть его руку. Близость герцога грозила опасностью. Он загоразживал лунный свет, и Анжелика уже не могла стоять спокойно, задыхаясь до головокружения от исходившего от него запаха воина и охотника.

– Что вы сказали? – выдохнул он. – Вы нас ненавидите? Какая разница! Все равно вы будете нам помогать. Вы нас не предадите, – продолжал он, и в его голосе проскользнуло некоторое сомнение.

– Я никогда никого не предавала! – гордо возразила она, глотая слезы.

Ноги ее дрожали. Анжелика боялась, что лишится чувств и будет вынуждена на него опереться. Она напряглась, чтобы освободиться от вцепившейся в ее плечо руки.

– Отпустите, – беспомощно попросила она, – вы пугаете меня.

Тиски разжались, и он медленно снял руку.

Анжелика пошла вперед. Сердце сильно билось. Ее охватил страх. Она боялась и его, и себя. Ее пугало, что она рухнет в эту безымянную тьму, которую лес уготовил для страстей. На рассвете, проступившем между деревьями, сначала сером, потом рыжеватом, они подошли к жилищу углежогов. Анжелика замерзла и зябко куталась в плащ.

– Эй! Вилланы, – закричал герцог, – найдется у вас овощной суп, хлеб и сыр?

В одной из почерневших хижин они уселись на шаткие скамьи перед столом, на который хозяйка поставила горшок с молоком и блюдо горячей фасоли с салом и луком. Полуголые дети, вымазанные углем до самых глаз, изумленно смотрели, как двое пришельцев ели в полном молчании. Чернобородый мужчина и женщина с влажными от росы золотистыми волосами, рассыпавшимися по плечам. Они возникли перед ними как призраки, выйдя из ночной тьмы сквозь предрассветный туман, и пересекли поле, покрытое золой.

Анжелика украдкой бросала взгляды на герцога де Ла Мориньера. Ее тянуло к нему, вероятно, потому, что своей мощной фигурой он немного

походил на Колена Патюреля. Но Колен Патюрель – это Адам, совершенный человек из утраченного рая. А этот – воплощенный грех, человек тьмы.

* * *

– Он подходил к дверям вашей спальни, – прошептала Бертилия, молоденькая служанка, когда она вернулась в Плесси.

– Кто подходил?

– Да Гаргантюа! Он стучался, звал вас... Но вы не ответили.

«Понятно почему», – подумала Анжелика.

Капитан Монтадур явился и на следующую ночь.

– Маркиза! Маркиза! – звал он.

Его руки шарили по закрытой двери, а пуговицы мундира на толстом животе терлись о деревянную поверхность.

Анжелика слушала, приподнявшись на локте. Любовная страсть Монтадура, томящегося ночью за дверью, скорее беспокоила, чем пугала ее.

По сути, бояться приходилось ему. Необъяснимая тишина царила за дверью и в прошлую ночь, и теперь. Здесь нетрудно поверить и рассказам челяди, что по ночам их хозяйка оборачивается ланью и носится по лесам.

* * *

Время шло. На яблонях уже наливались яблоки. И вдруг трое братьев Ла Мориньер начали посещать все уголки провинции. И от Тифожа на севере до Монконтюра на востоке вспыхнуло сопротивление протестантов невиданной силы.

«Оставайтесь на месте, – писал Марийяк капитану Монтадуру. – Ваш район является центром восстания. Постарайтесь схватить главарей шаек мятежников...

Внимательно следите за поднадзорной особой, – добавлял он в постскриптуме. – Я отмечаю, что волнения разрастаются, и, возможно, не без ее участия».

Губернатор провинции возглавил отряд копейщиков на севере Пуату. Четыре протестантские деревни, подвергшиеся осаде наступавших солдат, были сожжены. Схваченных мужчин повесили. Остальные пополнили

войско, набранное Ла Мориньером. Тогда собрали женщин и детей и выгнали их на дорогу, предварительно зачитав следующий эдикт: «Никому не дозволяется помогать советом или оказывать помощь и содействие еретичкам из деревень Нуартер, Пьерфит, Кэнже и Арбек, а также давать им приют, кормить, поить или давать огня, а также совершать любой другой милосердный поступок».

После этого губернатор с войсками направился вглубь Пуату, преследуя банды протестантов. Они получили сведения, что трое братьев де Ла Мориньер сконцентрировали значительные силы. Губернатор запросил помощи у ополчения города Брессюир. Но этот город, населенный по преимуществу протестантами, прислал незначительное количество людей, и почти одновременно с этим господин де Марийяк получил известие, что малочисленный отряд де Ла Мориньера, воспользовавшись отсутствием защитников, вступил в город. С криками «Город взят! Город взят!» они рассыпались по пустынным улицам и разграбили оружейные лавки.

Господин де Марийяк не потрудился отбить город. Он все еще не хотел признавать, что эти стычки принимали размах религиозной, если не сказать гражданской, войны. Он заехал в Плесси, чтобы посоветоваться с Монтадуром.

С горных отрогов Ньельского леса восставшие гугеноты могли наблюдать, как по римской дороге растянулась серая лента солдат с густым частоколом пик.

На следующий день войска ушли, оставив драгунам Монтадура небольшое подкрепление. Враждебность населения, даже католиков, обеспокоила губернатора. Солдатам отказывались продавать хлеб и вино, их забрасывали камнями. Марийяк не решился оставить войска, остерегаясь вызвать усиление волнений. Он отвел солдат за Пуатье и отправился в Париж обсуждать с министром Лувуа меры, которые необходимо принять в данных обстоятельствах.

Глава X

Анжелика бежала как сумасшедшая, не разбирая дороги, цепляясь за кусты, яростно выдергивая плащ, не обращая внимания на хлеставшие ее ветки.

– Вы разбили статуи! – закричала она, едва завидев Самюэля де Ла Мориньера.

Он стоял возле Камня Фей, черный, как доисторическая фигура из обсидиана. Он показался ей ненавистным, как образ воплощенного зла. И чем больше внашал он ужас, тем больше она горячилась:

– Это вы – предатель! Вы меня обманули! Вы просили заключить союз с католиками только для того, чтобы их уничтожить. Вы человек без чести!

Вдруг у Анжелики перехватило дыхание. Голова гудела. Ей показалось, что полная луна над вершинами дубов, окружавших поляну, танцует и мечется во все стороны. От соприкосновения с холодным камнем ей стало лучше.

– Вы меня ударили! – с трудом выдохнула она.

Сняв перчатку, он дал ей пощечину.

– Вы меня ударили!

Хищная улыбка появилась в черной бороде Патриарха.

– Вот так я расправляюсь с нахальными тщедушными бабами. Ни одна из них никогда не разговаривала со мной в таком тоне.

Возмущение от испытанного унижения ослепило Анжелику. Она нашла единственный довод, чтобы уязвить этого фанатика:

– Женщины!.. Поверьте, для них даже уважение Сатаны и то приятней вашего.

Но ей тотчас пришлось пожалеть об этих словах. Он схватил ее обеими руками и, рыча, принялся яростно трясти:

– Мое уважение! Мое уважение!.. Кто говорит об уважении! Гнусное порождение греха!.. Злосчастное отродье!..

Он с безумной силой прижал ее к себе, шумное дыхание обжигало ей лицо. Теперь стали понятны ее страхи. Вероятно, она бессознательно предчувствовала, что он убьет ее, что она умрет от его руки. Он задушит ее или перережет горло. В таком глухом лесном углу это нетрудно сделать. Вот и жертвенный камень рядом.

Но все же она продолжала яростно отбиваться, стараясь вырваться, обдирая кожу о пряжки его поясного ремня и грубую ткань камзола.

Понемногу она уступила силе противника. Страх сменяло другое чувство, не лишенное примитивного зова плоти, жадного и слепого. Любовный пыл, охвативший мужчину, лишал ее сил, она теряла и способность сопротивляться, и стремление вырваться.

Анжелика оказалась на земле, хриплое дыхание разрывало горло, глаза слепила яркая луна, освещавшая лицо.

Ее движения становились вялыми.

Пропало представление о происходящем... о том, кто с ней. Голова запрокинулась. Обнаженные бедра касались холодной земли.

И пока тело отдавалось, в мозгу возникли безумные видения, галлюцинации, в которых перемешивались магические чары поляны друидов и предсказания колдуньи.

Анжелика закричала.

Отчаянным движением она освободилась от его хватки, откатилась по земле, потом вскочила и бросилась в лес.

Анжелика долго бежала, подгоняемая ужасом. Она не заблудилась, потому что по этим темным тропинкам, многократно исхоженным в последние месяцы, ее вел инстинкт. По временам она останавливалась и неудержимо рыдала, прижавшись лбом к дереву. Она готова была возненавидеть полное безразличие леса, этого властелина, безучастно укрывающего и молящихся монахов, и преследуемых гугенотов, распевающих псалмы, и браконьеров, и волчьи свадьбы, и даже языческие обряды колдуний.

Она чувствовала себя затерянным в мире несчастным бесприютным ребенком, испытывающим боль от самой жизни.

Еще стояла глубокая ночь, когда Анжелика добралась до Плесси.

Она дважды прокричала соевой, привычным жестом приложив сложенные ладони к губам. Слуги ее поджидали. С высоты башен прозвучал ответный крик.

Мальбран Укол Шпаги, с горящим фитилем в руках, встретил ее в подвале возле входа.

– Так, мадам, больше не может продолжаться, – заявил он. – Какая неосторожность – бегать ночами по лесу. В следующий раз я пойду с вами.

Старый конюший, должно быть, заметил ее растрепанные волосы, беспорядок в туалете и плохо стертые следы слез на щеках. Она выпрямилась и приняла обычное выражение, поспешно нащупывая в кармане накидки носовой платок.

– Хорошо, в следующий раз вы пойдете со мной. Или пусть лучше пойдет Ла Вьолет, ведь лесная сырость не для ваших старых ран. Хотя я не

очень-то доверяю этому парню, – добавила она со вздохом. – Да и кому теперь верить?

Они вышли из подвала и поднялись в притихший дом. Анжелика попыталась беззаботно улыбнуться.

– А тот людоед уже спит? – спросила она, указывая на апартаменты капитана Монтадура.

* * *

В спальне Анжелика сняла изодранную одежду и вымылась в соседней туалетной комнате. Ей казалось, что горячие руки предводителя гугенотов все еще охватывают ее спину, что грубые, мозолистые ладони касаются ее кожи.

Анжелика взяла кувшин и облилась прохладной водой. Потом завернулась в пеньюар и расчесала волосы, в которых застряли былинки.

Все тело ужасно болело. Ее не оставляла мысль о случившемся сегодня ночью. Это напомнило горькие переживания, причиненные сумасшедшим истериком Эскренвилем. «А я-то думала, что хуже уже ничего не бывает», – подумала она. Потом Анжелика вернулась в спальню и поставила подсвечник возле зеркала.

Наклонившись, она рассматривала свое отражение и отмечала изменения, происшедшие за последние недели. К ней вернулся гладкий овал лица. Глаза уже не казались такими запавшими, а губы вновь стали, как лесная земляника, розовыми и блестящими.

Только под скулами оставались новые тени, немного трагичные, нанесенные пережитыми страданиями. Они придавали лицу, так долго казавшемуся девичьим, маску надменной зрелости.

Фаворитка исчезла. Возникла королева.

«А вдруг худшее еще впереди?..»

Ей захотелось смягчить некоторую ожесточенность выражения. А как будет выглядеть это новое лицо под гримом Версаля?

Она открыла створки туалетного столика и вынула горшочки из оникса с кремами и пудрой. Там же находился и ларчик сандалового дерева, инкрустированный перламутром. Анжелика взяла его и открыла. Совсем машинально...

Просто чтобы перебрать скопившиеся там реликвии ее переменчивой жизни: перо Грязного Поэта, кинжал Родогона Цыгана, деревянное яйцо малыша Кантора, ожерелье женщин дю Плесси-Бельер, которые «начинали

мечтать о войне или о Фронде», едва только его надевали... Рядом лежали два кольца с бирюзой, одно – Бахтияр-бея, другое – Османа Ферраджи... «Ничего не бойся, Фирюза, потому что звезды рассказывают... самую прекрасную в мире историю...» Не хватало только золотого кольца – кольца ее первого замужества, которое она потеряла, пока жила во Дворе Чудес. Она подозревала, что его украл у нее бандит Никола во сне.

Трудный путь, на котором светлые периоды чередовались с беспросветной тьмой с тех пор, как по воле короля она осталась вдовой без имени, без прав и без средств к существованию. Ей не исполнилось тогда и двадцати. Следующие годы, после брака с Филиппом и до отъезда в Кандию, – годы, прожитые в блеске королевского двора, можно считать мирным периодом. Да, конечно, если оценивать жизнь по достигнутому успеху, по ее положению великосветской дамы, у которой особняк в Париже и апартаменты в Версале. Она порхала с одного праздника на другой. Но если перечислить все интриги, в которые ее вовлекали, все расставленные на ее пути ловушки, то мирным этот период назвать нельзя. Но в той жизни хотя бы существовал определенный порядок и она жила среди сильных мира сего.

Разрыв с королем вверг ее в хаос. Что там говорил великий маг Осман Ферраджи?

– Та сила, которой наделил тебя Создатель, не позволит остановиться, пока не окажешься в предназначенном тебе месте.

– А где это место, Осман-бей?

– Я не знаю. Но пока ты его не достигнешь, ты будешь все крушить на своем пути, даже собственную жизнь...

Она снова встретится с Самюэлем де Ла Мориньером. Придется! Анжелика принялась поносить его в душе. Ее раздражало болезненное волнение, которое все еще не улеглось и вновь вспыхнет при встрече. Этот мужчина старше ее более чем на двадцать лет. Это бездушный еретик, мрачный и жестокий. Но он владеет ее мыслями. Анжелике хотелось узнать, действительно ли он обладал сверхъестественной силой, так ее напугавшей. Ее горло сжималось, когда в памяти возникали некоторые моменты их борьбы.

Кончиками пальцев она взяла из одного горшочка немного розового крема и легкими движениями начала втирать его в виски. Прозрачное, как лесная вода, зеркало отражало блеск ее волос. Но вдруг в нем стали возникать, словно в кошмаре, неясные очертания человека. Фигура приближалась неуверенной поступью, в центре ее светилось рыжее пятно – усы капитана Монтадура.

Он крадучись подошел к ее спальне, повернул ручку и с удивлением обнаружил, что дверь не заперта. Но за первой радостью победы пришел страх. Слегка задыхаясь, пригнувшись, он вглядывался в полумрак комнаты, освещенной одной единственной свечой. И увидел Анжелику, стоящую перед зеркалом.

Неужели она превратится в лань?

Через длинный пенюар просвечивали ее безупречные формы. Распущенные золотистые волосы покрывали плечи. Она слегка наклонила голову, и под пальцами на ее щеках расцвели прекрасные розовые цветы.

Тогда он решил подойти поближе.

Анжелика повернулась и остолбенела:

– Это вы?

– Разве, моя красавица, вы не оказались столь добры, что оставили незапертой свою дверь?

Пот катился с него градом, а глаза почти исчезли за толстыми красными щеками, расплывшимися в улыбке, которой он стремился придать игривость. К тому же от него разило вином, а протянутые руки дрожали.

– Ну же, моя прелестница, разве недостаточно вы меня истомили? Да вам, наверное, тоже уже не терпится, вы ведь так молоды. Мы славно проведем времечко вместе...

Он знал, что не отличался галантностью. Заплетающийся язык никак не мог справиться с мадригалом, который он старался произнести, и выходили только непростительные банальности. Тогда он отважился на более решительный поступок и грубо обхватил молодую женщину. Она почувствовала отвращение от соприкосновения с его дряблым брюхом и отпрянула назад, опрокинув один из горшочков из оникса. Он упал на каменный пол и разбился.

Опять мужские руки, повсюду к ней тянутся мужские руки: короля, пьянчуги, гугенота и прочих, но неизменно мужские руки и прижимающиеся мужские тела...

Она выхватила из шкатулки тонкий кинжал Родогона Цыгана и с угрозой выставила его перед собой тем неуловимым жестом, которому научила ее Польшка:

– Убирайтесь... или я заколю вас, как борова.

Капитан, выпучив глаза от такого нежданного зрелища, отступил на два шага.

– По... почему?.. – забормотал он. – Да ведь она на это способна!..

Он переводил недоверчивый взгляд с блестящего лезвия кинжала на

сверкающие глаза той, что его держала:

– Ладно! Ладно... Мы просто не поняли друг друга...

Он обернулся и увидел столпившихся в темной комнате слуг, которые загоразживали дверь. Мальбран с обнаженной шпагой, слуги – кто с палкой, кто с ножом, а Лэн Пуару, повар в белом колпаке, и его поварята вооружились вертелами и шпиговальными иглами.

– Чем могу служить, господин капитан? – спросил конюший с угрозой в голосе.

Монтадур посмотрел на открытое окно, потом на дверь. Что тут делает весь этот сброд с дикими глазищами?

– Убирайтесь! – прорычал он.

– Приказы нам отдает только наша госпожа, – иронично откликнулся Мальбран.

Ла Вьолет бесшумно проскользнул к окну и закрыл его. Теперь Монтадур не мог даже позвать на помощь. Он подумал, что им ничто не помешает убить его шпагами или шпиговальными иглами. Его люди располагались снаружи, да и оставалось их в замке только четверо, остальных он отправил в деревню, где объявилась шайка протестантов.

Холодный пот выступил на его лице и потек по складкам напрягшейся шеи. По военной привычке он положил руку на шпагу, намереваясь дорого продать свою жизнь.

– Пропустите его, – приказала Анжелика своим людям. – Капитан Монтадур мой гость... Если он будет вести себя вежливо, с ним ничего не случится *под моей крышей*, – добавила она с ледяной улыбкой.

Он вышел, потрясенный и напуганный. Приказал солдатам войти в замок. Теперь он не чувствовал себя в безопасности в этом уединенном жилище... Разбойничье логово под предводительством опасной самки, настоящее осиное гнездо, вот куда он попал!

От тишины парка, где летали совы, у него замирало сердце. Он поставил часового у дверей своей спальни.

Глава XI

В солнечном проеме дверей замаячили две юношеские фигуры, одетые во все черное.

– Флоримон! – воскликнула Анжелика.

– Флоримон! Господин аббат де Ледигьер! – повторяла она как зачарованная.

Они подошли к ней с улыбкой, Флоримон встал на колени и поцеловал матери руку. То же самое сделал и аббат.

– Но почему же?.. Кто?.. Как это вышло?.. Твой дядя сказал мне...

Вопросы теснились и перебивали друг друга. После удивления наступило чувство полной растерянности.

Аббат объяснил, что очень поздно узнал о возвращении мадам дю Плесси во Францию. Он вынужден был исполнить некоторые обязательства по отношению к господину маршалу де Ла Форсу, у которого после отъезда Анжелики служил помощником капеллана. Как только дела были закончены, он отправился в путь, остановившись по дороге в Клермонском коллеже, чтобы повидаться с Флоримоном. И отец Раймон де Сансе поспешил вернуть ему бывшего воспитанника, будучи счастлив, что для племянника нашелся попутчик, ибо Флоримон уже готовился отправиться в Пуату один.

– Но почему?.. Почему? – повторяла Анжелика. – Мой брат говорил, что...

Аббат де Ледигьер смущенно опустил длинные ресницы.

– Я так понял, что Флоримон им не нравился, и его отослали, – прошептал он.

Анжелика переводила взор с открытого лица аббата на своего сына. Она с трудом его узнавала. Однако это был Флоримон, но такой вытянувшийся и худой как жердь в своей черной ученической блузе. На тонкой, почти женской, талии, перетянутой ремнем, висели роговая чернильница и чехол с перьями. Двенадцать лет! Он скоро достанет ей до плеча. Свободным непринужденным жестом он откинул мешавшую ему прядь длинных волос, и она вдруг поняла, что поразило ее при виде сына. Он все больше походил на отца. Из детских черт, как из оболочки, возникал чистый профиль, немного впалые щеки, полные насмешливые губы. Лицо Жоффрея де Пейрака, каким оно было, несмотря на уродующие его шрамы. Его пышные, абсолютно черные волосы, казалось, стали вдвое

гуще, а в глазах таилась веселая ирония, противоречившая спокойным манерам хорошего ученика.

Что произошло? Она не обняла его и не прижала к груди. Но ведь и он не бросился ей на шею, как это случалось раньше.

– Вы в пыли и, должно быть, устали, – сказала она.

– Действительно, мы утомились, – ответил аббат. – Мы заблудились и сделали напрасно не менее двадцати лье. Мы стремились избежать встречи с вооруженными шайками, наводнившими округу. Возле Шанденье нас остановили гугеноты. Им не понравилось мое церковное одеяние. Но Флоримон их успокоил, назвав ваше имя, и они нас отпустили. Потом на нас напали бродяги, которым просто хотелось заполучить наши кошельки. К счастью, при мне была шпага... У меня создалось впечатление, что в провинции очень беспокойно...

– Пойдемте перекусим, – повторяла Анжелика, понемногу приходя в себя.

Слуги засуетились. Они радовались приезду мальчугана, который долгое время жил в Плесси вместе со своим братом Кантором. Они быстро собрали на стол легкую закуску из фруктов и молочных продуктов.

– Возможно, вас удивляет, что я ношу шпагу, – продолжал аббат несколько жеманным и нежным голосом, – но господин де Ла Форс не выносит вида дворянина, пусть даже священника, без шпаги. Он получил от архиепископа Парижа право на ношение шпаги его капелланами дворянского происхождения.

Осторожно действуя вермелевой ложечкой, де Ледигьер также объяснил, что маршал желает и на войне ежедневно слушать такую же торжественную мессу, как в часовне своего замка. Поэтому иногда можно видеть красочные сцены, когда капеллан служит под стенами осажденного города и дым ладана смешивается с завитками дымов первых пушечных залпов. «Святой ковчег под стенами Иерихона», – в восторге замечал в таких случаях маршал. Вот у кого служил де Ледигьер в отсутствие той, с которой уже не надеялся увидеться и с которой встретился сегодня утром с непередаваемым чувством счастья.

Пока прибывшие подкреплялись, Анжелика отошла к окну, чтобы прочесть письмо отца де Сансе, привезенное наставником сына. Иезуит писал о Флоримоне. Ребенок не отвечает их стараниям, сообщал он. Ему не нравятся занятия, требующие напряжения ума, а возможно, ему попросту не хватает способностей. У него прискорбная привычка прятаться, чтобы изучать глобус и астрономические инструменты в часы занятий фехтованием, или скакать на лошади, когда в классе учитель математики.

Одним словом, он не соблюдает основ школьной дисциплины, и, что чрезвычайно печально, его это нисколько не трогает. На этом пессимистическом отчете письмо обрывалось без дальнейших объяснений. Анжелика подумала: «Я понимаю, что он хочет сказать». Она взглянула в окно и заметила, что листва парка желтеет, а боскет черешен всего лишь за несколько дней приобрел темно-красный цвет.

Пришла осень.

Все написанное служило пустой отговоркой. Флоримон не мог оставить коллеж без разрешения короля. Она снова лихорадочно перечла письмо.

– Вы должны тотчас уехать, – заявила она аббату. – Вам не следовало возвращаться и привозить сюда Флоримона.

* * *

Появление Мальбрана прервало возражения растерявшегося маленького аббата.

– Ну, сынок, что стало с вашей доброй шпагой? Не заржавела ли она, как и вы сами, за время ваших занятий всяким вздором? Но мы возобновим упражнения. Смотрите, вот три отличных клинка. Я наточил их для вас, потому как чувствовал, что вы скоро вернетесь.

– Мадам, что вы говорите, – прошептал аббат. – Вы не хотите брать меня на службу? Я же могу продолжать давать уроки латыни Флоримону и учить грамоте вашего младшего сына. Я рукоположен и могу ежедневно служить мессу в вашей капелле, исповедовать прислугу...

Он на удивление ничего не понимал. Его нежные глаза выражали обожание, тайно пролитые слезы, когда он думал, что она пропала навсегда, и безграничную радость вновь видеть ее живой и невредимой.

Разве он не заметил, как она изменилась под влиянием окружавшей ее опалы?

Разве не ощущает он угрозы беспорядков, общего напряжения в стране? Даже здесь, в этом замке, разве не почувствовал он атмосферу похотливости, ненависти и крови?

– Месса! Вы с ума сошли... Солдаты оскверняют мое жилище. Я пленница, я и сама унижена... я проклята...

Она говорила тихо, растерянно и почти бессознательно, глядя в глаза молодого человека с детским выражением лица, словно желая укрыться за его простодушием. На нежном лице аббата появилось серьезное

выражение.

– Лишний довод, чтобы служить мессу, – мягко сказал он.

Аббат взял руку Анжелики и горячо пожал ее. В его прекрасных глазах светилось чувство бесконечного снисхождения.

Вдруг ослабев, она отвела глаза и потрясла головой, словно стряхивая тяжелую пелену.

– Ну что ж, – сдалась Анжелика, – оставайтесь... И служите свои мессы, дорогой аббат. Возможно, всем от этого станет лучше.

Наступило время возвращений. Через день вернулся из Италии Флипо. Он обучал началам французского говора сына итальянского синьора, выкупившего его в Ливорно. Верхом на муле за полгода он преодолел горы и долины. Из своей службы в богато украшенных дворцах на берегах Адриатики он вынес замашки комедийного слуги, экспансивного и говорливого. А за время странствий по заснеженным Альпийским перевалам, по деревенским пыльным дорогам Франции приобрел прокаленный цвет лица и широкие плечи. Он превратился в насмешливого красивого хитроватого парня-краснобая, который был бы на своем месте среди бродяг Нового моста.

– Почему ты решил не возвращаться в Париж? – спросила его Анжелика.

– Я заезжал туда, чтобы узнать о вас. Но когда мне сказали, что вы в поместье, я поехал сюда.

– Да почему же ты не остался в Париже? – продолжала расспросы Анжелика. – Ты такой расторопный, что нашел бы хорошее место.

– Я, госпожа маркиза, предпочитаю оставаться у вас.

– У меня, Флипо, все очень ненадежно. Король меня держит в опале. Ты ведь дитя Парижа, там тебе будет лучше.

– И куда же, госпожа маркиза, я должен податься? – отвечал с печальной улыбкой бывший обитатель Двора Чудес. – Вы вся моя семья. Вы были мне почти матерью в Нельской башне, когда защищали от побоев. Да я знаю себя: если вернусь на Новый мост, то снова начну срезать кошельки...

– Надеюсь, что ты избавился от этой дурной привычки?

– Ну, как сказать. Я ведь должен сохранять ловкость рук, раз достиг такого мастерства. А потом, чем бы я жил во время странствий?.. Но если постоянно живешь таким занятием, то это становится опасным. Когда мы были малолетками, во Дворе Чудес жил один старик – кажется, его звали папаша Юрлюро, – так он повторял нам по утрам: «Помните, малявки, что вы родились для виселицы». Уже тогда мне не нравилось это занятие. Да и

сейчас не привлекает. Так, перехватить денег, это ладно, но я предпочитаю службу у вас...

– Ну, раз так, Флипо, то я с удовольствием тебя принимаю. У нас с тобой немало общих воспоминаний...

И в тот же вечер к замку подошел бродячий торговец вразнос. Служанка пришла сказать Анжелике, что человек хочет ее видеть от имени «ее брата Гонтрана». Анжелика побледнела и несколько раз заставила повторить имя. Человек сидел на кухне перед развязанным мешком и под восхищенными жадными взглядами челяди раскладывал галантерейные товары: ленты, иголки, цветные картинки, снадобья. И еще – все, что требуется для художников.

– Вы сказали, что пришли от имени моего брата Гонтрана? – спросила его Анжелика.

– Да, госпожа маркиза. Господин ваш брат, наш товарищ, поручил мне кое-что вам передать, когда я отправлялся в странствие по Франции. Он сказал: «Когда пойдешь по Пуату, зайди в замок Плесси-Бельер, что в округе Фонтене. Обратись к хозяйке и передай ей вот это от имени ее брата Гонтрана».

– Как давно видели вы моего брата?

– Да уж больше года прошло.

Все стало ясно. Он продолжал рыться в кожаном мешке, не прерывая рассказа о своем долгом странствии по землям Бургундии, Прованса, Руссильона, о длительных остановках в Пиренеях и на берегу синего океана. Наконец он извлек рулон, тщательно завернутый в промасленную тряпку.

Анжелика взяла сверток. Она распорядилась, чтобы прислуга хорошенько позаботилась о торговце, и заверила, что он как угодно долго может оставаться под ее крышей.

В спальне она вынула рулон из пакета. Раскатав его, она увидела необыкновенно живой портрет троих своих сыновей. На переднем плане находился Кантор с гитарой в руке, в зеленом костюме под цвет глаз. Художник сумел придать взгляду малыша свойственное ему выражение, одновременно задумчивое и веселое. Перед нею стоял он, ее исчезнувший ребенок. От него исходила такая жизненная сила, что в его смерть нельзя было поверить. Казалось, ребенок говорил: «Я никогда не умру».

Флоримон был изображен в красном. С каким предвидением придал ему Гонтран лицо сегодняшнего подростка: тонкость черт, ум, пылкость чувств. Его черные волосы создавали глубокое темное пятно среди ярких красок этой прелестной картины, подчеркивая и зеленый, и красный цвет, а

также и розовые оттенки детских лиц, и шелковистое золото локонов маленького Шарля-Анри. Еще младенец, похожий на ангелочка в своих длинных белых одеждах, он находился между братьями. Его пухленькие ручонки старались коснуться рук Кантора и Флоримона, но те вроде бы не замечали этого. Торжественность несколько неподвижных поз подчеркивала какую-то символичность, мучительно стеснившую сердце Анжелики, словно художник – ах! кто может постичь глубины прозорливости души художника – хотел подчеркнуть различие их происхождения: двое старших на переднем плане, сыновья графа де Пейрака, смелые и словно озаренные светом жизни; и младший, немного позади, сын маршала Филиппа дю Плесси, дивно красивый, но одинокий.

От этого ощущения, щемившего сердце, Анжелика внимательней всмотрелась в изображение мальчика. «Я знаю, на кого он похож, – пришло ей вдруг в голову. – На мою сестру Мадлон!» Однако это портрет Шарля-Анри. Тонкость мазков вдохновенной кисти придавала ощущение жизни неподвижному изображению. Рука, державшая эту кисть, уже бессильна. Смерть. Жизнь. Распад и постоянство. Забвение... Воскрешение...

Глядя на эту картину, Анжелика видела, как сквозь преломление призмы, мрачные и прекрасные моменты своей жизни, проходящие подобно теням облаков над землей, но также предчувствовала, что многое еще остается сокрытым.

* * *

Флоримон ни о чем не спрашивал. Он как должное, без комментариев, воспринял присутствие солдат в парке и капитана в доме.

Поведение Монтадура с той ночи, когда он подвергся угрозам со стороны слуг замка Плесси, складывалось из бессильной ярости, безмерного высокомерия и мрачной задумчивости. Он пропадал целыми днями, преследуя гугенотов, и поручал охрану замка лейтенанту. Но гугеноты разбегались по рощам, а на дорогах все так же находили тела драгунов. Тогда Монтадур приказывал повесить первого попавшегося крестьянина, и нередко им оказывался католик. При появлении капитана раздавались проклятия.

Он часто напивался. Тогда неясные страхи, смешанные с одолевавшим его неотступным желанием, выливались в буйные приступы ярости, он бегал по вестибюлю, размахивал шпагой, нанося удары по мрамору перил или по деревянным позолоченным рамам портретов предков семейства

Плесси-Бельер, взиравших с высокомерным удивлением на действия этого пузатого пьяницы. Во время таких приступов солдаты предпочитали не попадаться ему на глаза. Он ощущал на себе взгляды слуг, притаившихся за полуприкрытыми дверями. Иногда его бред прерывался серебристым смехом маленького Шарля-Анри, которого забавляла Барба. Тогда он раздражался проклятиями. Сначала он оплакивал свою собственную судьбу, но потом на него накатывалась ярость.

– Шлюха! – вопил он, задрав рожу вверх и глядя на верхнюю площадку лестницы. В своем состоянии он не мог преодолеть даже первых ступеней. – Не думай, мне хорошо известно, что ты шляешься ночами по лесу... в поисках мужика...

Анжелика не очень волновалась. Но как он узнал, что она бегала по ночам в лес? Речи капитана оканчивались сбивчивыми обвинениями, относящимися к ланям и колдовству... Однажды, когда Монтадур изрыгал свои вопли, он вдруг почувствовал резкий укол в зад и, обернувшись, увидел, что Флоримон попросту вонзил ему шпагу в мягкое место.

– Не мою ли мать имеете вы в виду, капитан? – спросил Флоримон. – Если это так, то вы должны дать мне удовлетворение.

Монтадур выругался и попытался защититься от быстрой шпаги подростка. Его помутившийся взгляд различал лишь вьющуюся густую черную копну волос. Волчонок! И сама она волчица! Почувствовав, что ранен в руку, Монтадур выронил оружие и стал звать на помощь своих солдат. Те прибежали. Но Флоримон уже упорхнул, показав им нос.

После перевязки и полностью протрезвев, Монтадур поклялся, что изничтожит всех. Но приходилось дожидаться подкрепления. Его положение становилось критическим. Они оказались отрезанными от господина Горма, а письма, которые он посылал господину де Марийяку, вероятно, перехватывались.

Несмотря на эту стычку, Флоримон, казалось, не представлял себе истинного положения дел. Он постоянно упражнялся в фехтовании со своим конюшим и наставником, охотился на белок и куда-то пропадал на долгие часы. Он сажал Шарля-Анри на плечи и скакал с ним по коридорам. И его звонкий смех вызывал удивление. Иногда он седлал лошадь, брал на седло Шарля-Анри и уносился в поля, не обращая внимания на часового, который делал слабые попытки его остановить, потому что не знал, каковы указания по поводу этого молодого господина-католика.

Однажды Анжелика застала сыновей в уголке гостиной. Флоримон сидел, а Шарль-Анри стоял перед ним в позе ученика, отвечающего урок. Старший раскладывал по стоящим перед ним тарелочкам порошки,

которые извлекал из пакетиков с надписанными этикетками:

- Как называется это желтое вещество?
- Это сера.
- А это, серого цвета?
- Это кристаллическая калийная селитра, иначе натриевая селитра.
- Отлично, сударь. Вижу, что вы прилежны. А этот черный порошок?
- Это древесный уголь, который ты просеял через шелк.
- Прекрасно, но вы не должны говорить «ты» своему учителю!

* * *

Однажды поздним вечером возле замка раздался взрыв и что-то яркое устремилось в темноту и упало на лужайку перед домом в снопе искр. Солдаты с криком «Тревога!» бросились к ружьям. Монтадур в тот вечер отсутствовал. Распахнулись окна замка. И на всеобщее обозрение предстал вымазанный сажей Флоримон перед аппаратом собственного изготовления, а рядом – Шарль-Анри, в длинной ночной рубашке, который громко радовался успешному запуску ракеты своего «учителя».

Все рассмеялись, включая самих солдат. Анжелика хохотала так, как давно уже не смеялась. Смех облегчил ей душу, на глаза набежали слезы.

– Ах вы, мартышки! – вздыхала Барба. – С вами не соскучишься.

Казалось, с замка спало проклятие. Может быть, тому способствовали и мессы аббата Ледигьера...

На следующий день над башнями замка появился сокол, и Флоримон поймал его, как заправский сокольник. Вместе с аббатом де Ледигьером он принес матери послание, привязанное к лапке птицы. Взяв чехольчик, Анжелика покраснела. Маленьким ножичком она вскрыла его и извлекла листок бумаги. Крупным почерком Самюэль де Ла Мориньер назначал ей на следующую ночь свидание возле Камня Фей. Ну и наглец! С каким же презрением он к ней относится, если осмеливается давать такие указания... Такой приказ! Не считает ли он ее своей служанкой?.. Она не пойдет! И не станет им больше помогать... Она могла бы продолжать оказывать им помощь, но только не через Патриарха. А находиться с ним наедине в темном молчаливом лесу среди осенних запахов и речных туманов – нет, это невозможно. Как она поступит, если он посмеет к ней прикоснуться? Так ли еще велик страх, чтобы подавить странное влечение, возникшее в ее душе после того происшествия? Тщетно старалась она не думать об этом. Темный призрак склонялся над ней во сне, и она со стоном просыпалась.

Анжелика разрывалась между лесом, его властью, таящейся под деревьями, влекущей, как осенний рев оленя, и желанием замереть и не шевелиться.

Наступила осень, а она все еще не выразила своего подчинения королю. Но эмиссары, посланные арестовать ее, не смогут пробиться сквозь кольцо огня и стали, которое создал Патриарх на подступах к провинции. За стенами парка, где играли ее сыновья, насильствовали женщин, жгли на полях урожай, бродили готовые на все крестьяне.

Флоримон и аббат де Ледигьер наблюдали за ней. Куда бы она ни направлялась, за ней следили вопрошающие взгляды их чистых глаз. Король хорошо понимал, что делал, когда отослал к ней Флоримона. «Дети всегда не к месту, – говорила повитуха. – Когда их не любят, они мешают, когда любят, они лишают сил».

Ранимость трепещущего измученного сердца. Средиземноморье наложило на Анжелику свою печать. Она считала, что зачерствела, но на деле чувствительность к страданиям стала лишь глубже под влиянием облагороженной мысли. Теперь все причиняло боль. Ее затягивали разбушевавшиеся силы, над которыми она была не властна. Осенним вечером, озаренным медным солнцем, над порыжелой листвой раздался призыв рога Исаака де Рамбура. У них был обговорен код посланий по их значимости. «Аллали!» означало «На помощь!». Аллали!..

– Мадам, надо пойти, – умолял Ла Вьолет. Он совсем запыхался, пока бегал в соседний замок. – Там женщины... Женщины из протестантской деревни Гатин... которых уже давно выгнали на дорогу, они совсем беспомощны... сейчас они укрылись у господина де Рамбура. Если Монтадур об этом узнает, они погибнут. Господин де Рамбур просит совета...

Анжелика пробралась в подземелье. Потом через лес она достигла заросшего сада на холме возле замка де Рамбура. Во дворе, у подножия донжона, прямо на земле сидели измученные женщины, прижав к себе исхудавших детей. Угрюмые взгляды, пыльные мятые белые чепцы. Они поведали баронессе о своих бесцельных блужданиях мимо враждебных католических деревень, где кюре требовали от прихожан соблюдать эдикт, запрещающий проявлять к ним хоть какое-то милосердие и чем-либо делиться, будь то хоть черствая корка хлеба. Они питались репой, украденной по ночам с полей, и подолгу жили в лесу. На них натравливали собак. Их преследовали солдатские патрули, которые располагались перед деревнями единоверцев и следили, чтобы местные крестьяне не нарушали эдикт. Под лучами палящего летнего солнца, под проливными дождями и

под грозами скитались по дорогам женщины с детьми. Наконец они решили направиться в Ла-Рошель, бывшую столицу протестантов, где оставалось еще много их единоверцев и где им могли помочь, потому что там не соблюдался эдикт. За несколько дней они пересекли район, где хозяевами положения были отряды Самюэля де Ла Мориньера, и смогли немного отдохнуть на протестантских фермах. Но и там крестьяне бедствовали и еды не хватало. Пришлось идти дальше. Когда они подошли к реке Вандея, они наткнулись на драгун Монтадура. Насмерть перепуганные, они убежали подальше от дороги. И вот они попали в западню: перед ними непроходимый лес, и здесь же оказался штаб главного мучителя протестантов. Из последних сил они дотащились до жилища Рамбуров.

Сопливые отпрыски Рамбура, раскрыв от удивления рот, разглядывали прибывших. Анжелика заметила Флоримона, он стоял возле Натанаэля, старшего сына барона.

– А ты что здесь делаешь? Почему ты вмешиваешься в дела протестантов? – резко спросила Анжелика, испытывая за него страх.

Флоримон улыбнулся. В коллеже он привык не отвечать на упреки. Это выводит из себя. Баронесса де Рамбур, на седьмом месяце беременности девятым ребенком, раздавала женщинам хлеб. Черный черствый хлеб. Одна из дочерей помогала, неся следом корзину.

– Что нам делать, мадам? – спросила она Анжелику. – Мы не можем оставить у себя этих женщин, и кормить нам их нечем.

С рогом на плече подошел барон де Рамбур:

– Отправить их по дороге – значит обречь на верную смерть. Им придется обогнуть лес, и раньше, чем они доберутся до Секондины, их настигнет Монтадур.

– Нет, – ответила Анжелика. Она уже приняла решение. – Они должны пойти на Уклейкину мельницу, что на болотах. А оттуда на лодках добраться до владений господина д'Обинье, где окажутся в безопасности. Понемногу преодолевая озерца – огородники помогут им перебраться, – они достигнут окрестностей Ла-Рошели. Там останется не больше двух-трех лье. А главное, все путешествие пройдет в стороне от проезжих дорог.

– Но как добраться до Уклейкиной мельницы?

– Напрямик через лес. Здесь всего два-три часа ходу.

Протестант скривился:

– А кто же их поведет?

Анжелика взглянула на усталые лица женщин с горящими темными глазами уроженцев ее провинции:

– Я.

* * *

Когда они вышли из леса, ноги погрузились в мягкий мох. Здесь начинались болота. По цвету они не отличались от травы, и казалось, что можно идти и дальше между стволами ольхи и осины, если бы лодки – так называемые плоскодонки, – привязанные к берегу, не выдавали водную поверхность. Анжелика привела с собой трех молодых слуг, чтобы помочь управлять лодками.

– Госпожа маркиза, не так-то просто будет погрузиться, – не скрывали сомнения местные парни. – У Уклейкиной мельницы все контролирует мельник. Он требует плату со всех, кто хочет пересечь болото, и всегда поносит реформатов, он их ненавидит. Ключи от лодок у него. Даже некоторые жители хуторов идут в обход, чтобы миновать мельницу.

– У нас нет времени. Это единственная возможность. Я сама поговорю с мельником, – скала Анжелика.

Они отправились задолго до наступления вечера, прихватив с собой фонари на то время, когда лес окутает темнота. Дети устали. Дорога казалась бесконечной. Когда они добрались до Уклейкиной мельницы, солнце уже село. В темноте раздавалось лишь кваканье лягушек да крики болотных птиц. От земли поднимался холодный туман, он проникал в горло, а в синеватой белизне понемногу расплывались очертания деревьев с корнями, уходящими под воду.

Но слева еще виднелась мельница, приземистая, оскалившая зубы мельничного колеса над спящей водой, покрытой кувшинками.

– Оставайтесь здесь, – сказала Анжелика женщинам, зябко прижавшимся друг к другу.

Дети кашляли и с тревогой смотрели на незнакомые предметы.

Анжелика, шлепая по воде, подошла к мельнице. Она нашла трухлявый мостик, а сразу за ним – знакомый переход над водотоком. Рука нащупала шершавую стену, увитую вьюнком.

Дверь была не заперта. Мельник пересчитывал свои эку при свете свечи. Густая челка, ниспадающая на низкий лоб до самых бровей, подчеркивала выражение тупого упрямства. Одетый в серое, как все люди его профессии, в круглой бобровой шапке, он выглядел зажиточным человеком. На ногах красные чулки и туфли с металлическими пряжками. Поговаривали, что мельник очень богат, скуп и нетерпим.

Анжелика обвела взглядом деревенскую мебель, покрытую тончайшей мучной пылью. В углу стояли полные мешки. Пахло пшеницей. При виде знакомой комнаты Анжелика улыбнулась, потом прошла вперед и сказала:
– Это я, Валентин... Здравствуй.

Глава XII

Лодки двигались в темном туннеле. Впереди желтые круги фонарей едва освещали черное пространство ночи под пологом ветвей. Валентин, мужчина высокого роста, поминутно сгибался. Окликами на своем наречии он предупреждал других лодочников. Женщины успокоились, они перестали бояться, и уже слышался приглушенный смех детей. После стольких дней неизвестности в душах беглянок разливался покой. Покой неприступных болот. Ведь именно о болотах Пуату писал своей возлюбленной добрый король Генрих IV: «Здесь приятно в дни мира и безопасно в дни войны». Какой враг стал бы преследовать здесь своего противника? И если бы Монтадур решился на это и отправил солдат на плоскодонках, они бы вернулись обратно продрогшими и грязными, напрасно проблуждав среди протоков и заводей, высаживаясь на берега, уходящие под ногами под воду, теряясь в лабиринте с зелеными или золотистыми – в зависимости от времени года – стенами, пробираясь зимой через глухое переплетение ветвей. Да еще вернулись ли бы! Этот мир огромных молчаливых пространств мог навсегда их поглотить. Немало безвестных тел покоится в стоячих водах ям для выращивания кресс-салата...

Мэтр Валентин, мельник, встал, когда его окликнула Анжелика. Казалось, он не удивился ее приходу. Под отяжелевшими чертами она разглядела лицо упрямого молчаливого подростка, толкавшего некогда шестом пирогу, чтобы отвезти мадемуазель де Сансе в свои болотные владения и уберечь ее от громогласных призывов пастушонка Никола: «Анжелика!.. Анжелика!..» Пастушонок с посохом бегал по лугу, а за ним бежали собаки и овцы.

Анжелика и Валентин, спрятавшись в тростниках, прыскали втихомолку со смеху, а потом бежали дальше, и призывы замирали, приглушенные зарослями ольхи, вязов, ясеней, ив и пирамидальных тополей...

Валентин срывал стебли дягиля – ангельской травы – и то сосал их, то нюхал. «Чтобы завладеть твоей душой», – объяснял он.

Он не был разговорчив, как Никола. Часто краснел и приходил в ярость. Непонятно почему, но протестанты вызывали в нем бешенство. Вместе с Анжеликой они подстерегали на перекрестках дорог детей-гугенотов, возвращавшихся из школы, и бросали им в лицо четки, чтобы

услышать в ответ: «К черту!» Воспоминания нахлынули на Анжелику, пока под носом лодки с шорохом, подобным тихому дождю, разрывался ковер ряски.

Валентин все так же не любил протестантов, но его привлекали золотые эю, полученные от маркизы дю Плесси-Бельер. Он взял ключи и усадил женщин и детей в плоскодонки.

* * *

Порыв свежего ветра подсказал, что водная протока расширилась. Первая лодка уткнулась в твердую землю. Из-за деревьев показалась яркая луна. Она осветила жилище господ д'Обинье среди лужаек с высокой травой, окруженных ивами. Замок возвышался на одном из бесчисленных островков бывшего залива Пуату, основание скал которого омывалось некогда морем. Зимой вода доходила до первых ступеней большой каменной лестницы. Замок в стиле ренессанса, построенный человеком, которому нравилось отражение белых стен в бездонном водном зеркале, но, возможно, его также привлекала и неприступность выбранного места. При необходимости – жилище заговорщиков!

Залаяли собаки.

К прибывшим подошли слуги, потом, высоко держа подсвечник, появилась мадемуазель де Косм, кухня старого маркиза. С суровым видом она выслушала рассказ Анжелики о бедственном положении несчастных женщин, в основном вдов, которых она привела к ним в надежде, что о них позаботятся и помогут перебраться в Ла-Рошель. Мадемуазель де Косм не одобряла вмешательства в дела реформатов такой сомнительной католички, как мадам дю Плесси. Разве не были широко известны ее приключения в Версале? Однако она пригласила ее войти и, пока крестьянки проходили в кухню, рассмотрела под длинной накидкой бумазейное платье Анжелики, которое та надевала для своих ночных вылазок, вымазанную грязью обувь на плоском каблуке и черный атласный платок, повязанный на волосы.

Старая дева вновь поджала губы, приняла вид обреченной мученицы и предупредила посетительницу:

– Здесь находится герцог де Ла Мориньер. Хотите ли вы его видеть?

Сообщение смутило Анжелику. Она почувствовала, что краснеет, и ответила, что не хочет тревожить герцога.

– Он прибыл сюда весь в крови, – прошептала мадемуазель де Косм,

испытывая возбуждение от стольких событий. – Стычка с драгунами подлого Монтадура, он не смог отбиться и укрылся в болотах. Говорят, что его брат Уго захватил Пузож. Господин де Ла Мориньер выражал сожаление, что не может с вами встретиться.

– Ну, раз он ранен...

– Позвольте его предупредить.

Анжелику охватила дрожь. Но когда она услышала на площадке лестницы шаги Патриарха гугенотов, она выпрямилась и, пока он спускался, смотрела на него смело и твердо.

Герцог подошел к ней. Глубокая воспаленная рана пересекала его лоб. Она еще не зарубцевалась и отнюдь не смягчала его вида. Он показался ей еще выше, тяжеловеснее и мрачнее, чем обычно.

– Мадам, – произнес он, – я вас приветствую. – Он неуверенно протянул руку. – Остается ли в силе наш союз?

И под этим взглядом Анжелика отвела глаза. Она указала на кухню, через открытые двери которой пробивались отсветы очага и голоса успокоившихся протестанток:

– Вы же видите!

Она не предполагала, что происшедшее возле Камня Фей оставит в ней такой след, вызовет застенчивость и волнение. Неужели она подпала под влияние личности, которую некоторые ее современники считали способной околдовать вопреки вашей воле. Никто не смел ему перечить – ни братья, ни супруга, ни жены братьев, ни собственные дочери и племянники, ни дворовые, ни солдаты. Ему стоило только появиться. «Целиком преданный Богу, но вместе с тем было в нем что-то и дьявольское», – напишут об этом крупном протестантском сеньоре, яростно восставшем, хоть и на короткое время, против Людовика XIV.

Он не принес извинений. Возможно, в своей безмерной гордыне он чувствовал себя оскорбленным, что она не явилась на два его призыва?

– Пали Пузож и Брессюир, – промолвил он наконец. – Горожане нас приняли. Мы завладели оружием гарнизонов и вооружили деревенские отряды. Войска, которые господин де Марийяк оставил на севере, отошли на восток, и мы тотчас заняли их позиции в Гатине. Войска господ Горма и Монтадура отрезаны от своих, хотя еще и не догадываются об этом.

Лицо Анжелики просветлело. Она пристально посмотрела на герцога:

– Неужели правда? Я этого не знала.

– А как вам было это узнать? Вы ведь храните молчание.

– Так, значит, – словно для себя самой пробормотала Анжелика, – король... Король не сможет до меня добраться...

– Через несколько дней я выйду из болот и выгоню Монтадура из вашего поместья.

Она выдержала его взгляд:

– Благодарю вас, господин де Ла Мориньер.

– Так я прощен?

Эти слова, должно быть, стоили ему нечеловеческих усилий, потому что даже рана вновь начала кровоточить.

– Не знаю, – ответила она, отвернувшись.

Анжелика направилась к двери.

– А теперь мне пора возвращаться в Плесси, – прошептала она.

Он проводил ее до выхода, и они вместе спустились по ступеням. Когда она направилась в аллею, ведущую к пристани, он в решительном порыве обнял ее за талию:

– Мадам, прошу вас, посмотрите на меня.

– Осторожно, – прошептала Анжелика, указав в темноту, где в лодке ожидал ее мэтр Валентин.

Герцог подтолкнул ее за ствол ивы и под легким пологом ветвей обхватил своими узловатыми руками.

Та же смесь отвращения и желания заставила Анжелику напрячься. Да, любовь с этим Патриархом сулила нечто необычное и страшное. Об этом говорило тело. Она вцепилась в плечи гугенота, не понимая, отталкивает ли его или опирается как на незыблемую опору, столь необходимую в ее ненадежном существовании.

– Почему? – задыхаясь, прошептала она. – Почему нужно нарушать наш союз?

– Потому что вы должны быть моей!

– Но кто вы? – простонала она. – Я уже ничего не понимаю. Разве вы не тот молитвенный человек строгих нравов, каким все вас считают? Говорят, что вы презираете женщин!..

– Женщин? Да. Но вы... Под римским портиком вы явились Венерой. Я понял... Ах! Пелена спала с глаз... Ждать столь долго, целую жизнь, чтобы понять наконец, чего стоит женская красота.

– Но что такое я тогда сказала? Что такое сделала я в тот день? Разве мы не вели беседу о вашей борьбе за веру...

– В тот день... Над вами светило солнце, оно озаряло вашу кожу, ваши волосы... Я не могу этого объяснить. Просто я вдруг все понял. Женская красота.

Он немного отстранил ее.

– Я и вас тоже пугаю? Женщины всегда меня опасались. Признаюсь

вам, мадам. Эта глубокая тайна, мой бесконечный стыд. Когда я входил к своей супруге, она, заламывая руки, умоляла к ней не прикасаться. Хотя преданно мне служила и подарила трех дочерей, но мне известно, что я внушал ей ужас. Почему?..

Анжелика знала ответ. Этого потомка мужчин, получивших, возможно, изрядную долю мавританской крови, этого сурового протестанта ирония судьбы или наследственность сделала любовником с буйным темпераментом.

Это объяснение Анжелики поразило его как громом. Значит, существует и другая сторона жизни, радости которой могут быть и ему доступны? Так как сначала, несмотря на силу своей красоты, она показалась ему слабой и незащищенной, то в нем разбушевались демоны сладострастия. Он рассчитывал на свою власть над ней и продолжал приказывать, хотя и боялся ее взгляда. Между ними началась изнурительная борьба обостренных чувств. Но сообщничество бунтарей скорее разделяло, а не сближало их. Они стремились к осуществлению своей бурной страсти с таким же упорством, как к необходимости истребления королевских солдат или как к открытому вызову повелителю королевства.

– Вы будете моей, – глухо твердил он. – Вы будете мне принадлежать...

То же заклинание короля. Тот же настоятельный торг.

– Возможно, когда-нибудь потом, – пробормотала она. – Не будьте грубы.

– Я не груб. – Его голос почти дрожал. – Не говорите так, как другие испуганные женщины. Я знаю, что вы не боитесь. Я подожду. Я сделаю все, что вы захотите. Но не отказывайтесь прийти, когда я позову вас к Камню Фей.

* * *

Анжелика сидела в лодке на соломе. Она чувствовала себя опустошенной, истомленной, словно только что в самом деле отдавалась этой неистовой страсти. А что будет, если она согласится?.. Анжелика потрянула головой, чтобы прогнать невыносимые картины.

Ночь в лесу, черный охотник, преследующий ее, словно добычу, распластывающий ее на моховом ложе, наваливающийся своим огромным неловким телом. Она отбивается от его рук, от его удушающей бороды,

отбивается до того колдовского мгновения, когда пробудившаяся плоть сменит чувство страха на наслаждение. И потом – полное забвение, прерывистое дыхание, стоны...

Она с измученным видом откинула назад голову. Волосы намокли от влаги. Но дождя не было. За лодкой возникал черный мраморный след, медленно исчезающий под молочной матовостью плотной водяной растительности.

Луна, словно огромная жемчужина в опаловом ореоле, озаряла мягким сиянием деревья и силуэт мельника Валентина, который, стоя на корме с шестом в руках, почти не отличался от стволов ольхи, склонившихся над водной протокой.

Сильный запах мяты говорил о близости берега. Иногда лодка касалась его, ветви царапали плоскодонку, но мельник не нуждался в фонаре, чтобы пробираться в этих зарослях. Желая избавиться от наваждения, Анжелика заговорила:

– Вы помните, мэтр Валентин? Вы уже были хозяином болот, когда повезли меня на ловлю угрей.

– Ну да.

– А та хижина, в которой мы варили уху и объедались ею, все еще на месте?

– На месте.

Анжелика продолжила разговор, чтобы избежать молчания:

– А однажды я упала в воду. Вы меня тогда выловили, я была вся покрыта водорослями, а в Монтелу меня еще и строго наказали. Мне запретили ходить на болота, а потом отослали в монастырь. Так мы больше и не виделись.

– Да нет. Еще на свадьбе дочери папаши Солье.

– Ах! Верно.

Она вспомнила.

– Ты нарядился в красивый суконный костюм и в вышитый жилет, – засмеялась она. – Ты стоял как столб и не решался танцевать.

Потом ей припомнилась рига, где она уснула, утомленная фарандолой. За ней проскользнул туда и Валентин. Он положил ладонь на ее юную грудь. Этот простоватый малый был первым посланцем страсти, приблизившимся к Маркизе Ангелов. Неуместность воспоминания смутила ее.

– А потом, – медленно говорил мельник, словно продолжая развивать свою мысль, – я заболел. Отец сказал: «Будешь знать, как ласкать фей!» Он отвез меня к алтарю Божьей Матери Милосердной, чтобы надо мной

прочитали молитву для снятия чар.

– Из-за меня? – догадалась Анжелика.

– А разве не так? Вы ведь фея.

Анжелика промолчала. Ей стало весело, но мэтр Валентин оставался серьезным.

– Я выздоровел, хотя еще долго болел. Да так и не женился. Взял служанок. И все. Порча от фей, от нее просто так и не избавишься. Да и не так страдает тело, как сердце. Начинаешь чахнуть. А может, душа так и не поправилась.

Он умолк, и тишину наполнил шелковистый шорох раздвигаемой травы. Вдруг раздался писк жабы.

– Теперича недалеко, подплываем уже, – сказал он.

Лодка уткнулась в берег. Донесся запах деревьев и земли. Позади них причалили и остальные лодки, которыми управляли молодые слуги.

– Зайдете на мельницу, госпожа маркиза, выпить стаканчик вина?

– Нет, спасибо, Валентин. Дорога еще долгая.

Со шляпой в руках, он проводил их до лесной лужайки.

– Вон там, у старого дуба, вас поджидал пастух Никола с лесной земляничкой.

Как странно, что звук голоса может пробудить детское сердце в теле женщины, пережившей столько разных событий. Перед Анжеликой возник образ кудрявого черноволосого подростка с горячими глазами, который держал в одной руке пастушеский посох, а в другой – ароматные ягоды. Он поджидал ее в своих владениях: на лугах и в лесах.

Она отстранилась от этого видения, поблекшего за годы жизни.

– Знаешь, что потом случилось с Никола?.. – спросила она. – Он стал бандитом, и его сослали на королевские галеры. А знаешь, как он умер? Он поднял мятеж, и офицер столкнул его в море...

Мельник молчал, и она продолжала:

– Вас не удивляет, мэтр Валентин, что я так много знаю о Никола Мерло, который уже очень давно уехал из этих мест?

– Право слово, ничуть, – покачал тот головой. – Только вам одной известно и прошлое и будущее, разве не так? Да чего там, всем же известно, кто вы и откуда вы явились!

Глава XIII

От криков Монтадура сотрясались стены замка Плесси. Анжелика услышала их еще в подвале.

«Неужели он обнаружил мое отсутствие?» – замерев, подумала она и осторожно поднялась в вестибюль.

– Отрекись! Отрекись!

Какое-то скорчившееся существо вылетело из гостиной и рухнуло к ногам Анжелики: ошалевший крестьянин с распухшим окровавленным лицом.

– Заступница, – простонал он, – вы всегда были добры к реформатам... Спасите!.. Спасите!

Она положила руку на его большую взлохмаченную голову, и он, уткнувшись в складки ее платья, зарыдал как ребенок.

– Я их всех перебью! – прорычал Монтадур, появившись на пороге комнаты. – Как клопов передавлю, да и всех католиков, которые им помогают, тоже прикончу.

– Как небеса могут сносить такое! – воскликнула в крайнем возмущении Анжелика. – Отрекись! Отрекись! Можно подумать, что мы в мусульманском Мекнесе. Вы ничем не лучше фанатиков-мавров, пытающих христиан, попавших в плен к варварам.

Капитан пожал плечами. Судьба пленных христиан в варварских странах была ему безразлична. Он с трудом догадывался, что они вообще существуют.

Анжелика заговорила вполголоса с распростершимся на полу человеком. Она шептала ему на местном наречии:

– Бери косу, крестьянин, и присоединяйся к отрядам де Ла Мориньера. И пусть с тобой уйдут все здоровые мужчины. Следуйте до перекрестка Трех Филинов. Там вы получите от герцога дальнейшие приказы и оружие. И через пару дней, а может, и раньше, Монтадура изгонят из наших земель... Я знаю, уже все готово.

– Ну, госпожа маркиза, раз вы так говорите... – оживившись и с надеждой во взоре отвечал крестьянин.

И в нем пробудилась крестьянская хитрость.

– Ну, так я им подпишу, это ихнее отречение, чтобы отвязались и отпустили... Только на пару дней и во славу Господа, он ведь не может взыскать с меня за такое. И заставлю их расплатиться за это ихнее Credo!..

Через два дня, когда Монтадур и его люди отправились патрулировать окрестности, оставив в замке только несколько охранников, на аллее, ведущей к дому, показался всадник, припавший к ленчику седла. Раненый драгун свалился с лошади на гравий дорожки и, прежде чем испустить дух, крикнул своим товарищам: «Нападение! Банды подступают!»

Под кронами дубов возник неясный шум. Появился герцог де Ла Мориньер и его брат Ланселот с обнаженными шпагами. За ними следовала плотная группа вооруженных крестьян. Солдаты бросились к сараям за мушкетами. Один из них выхватил на бегу пистолет, и пуля просвистела рядом с герцогом. Протестанты схватили драгунов и безжалостно перерезали им глотки. Они проволокли их по гравию до эспланады оскверненного ими жилища благородного семейства Пуату, где герцог де Ла Мориньер велел швырнуть их трупы к ногам Анжелики.

* * *

– Вы поедете к королю!

Молин держал Анжелику за руки.

– Вы поедете к королю и выразите свое подчинение. ТОЛЬКО ВЫ ОДНА можете остановить эту резню.

– Мэтр Молин, отпустите меня, – мягко попросила Анжелика.

Она потеряла руки, которые он больно стиснул. В замке и в парке вновь воцарился покой. Не храпели лошади, не слышались грубые голоса драгунов. Но что-то странное таилось в этом покое. От него тревожно становилось на сердце.

– Мне сообщили, – продолжал управляющий, – что к Пуату движутся войска, посланные военным министром Лувуа. Расправа будет ужасной. Когда герцога де Ла Мориньера посадят в крепость или казнят, то восстание послужит отличным поводом для уничтожения протестантов... Ну а вас...

Анжелика молчала. Она сидела перед инкрустированным столиком и со всей остротой чувствовала, как течет время, час за часом, тяжело низвергаясь в сияние этого осеннего дня. Через открытое окно вливался аромат опавшей листвы. День был словно подвешен над пропастью между двумя жизнями, между двумя неизбежными катастрофами.

– Отряды господина де Ла Мориньера будут истреблены, – продолжал Молин. – Не нужно думать, что восстанет все Пуату. Католики пропустят армию, потому что испугаются, а еще потому, что не любят протестантов и

желают заполучить их добро. И мы вновь увидим, да мы уже и сейчас видим все ужасы религиозной войны: сожженный хлеб на полях, детей, брошенных на пики солдат... Провинция будет уничтожена, перестанет существовать на долгие годы, ее исключат из состава королевства... Вот чего вы добились, безумная гордячка.

Она бросила на него мрачный загадочный взгляд, но продолжала молчать.

– Потому что вы этого добивались, – настаивал несговорчивый старик. – У вас был выбор, но вы уступили желаниям своего необузданного характера. Вы уподобились силам той земли, которая вас породила. И вам легко удавалось направлять стремления де Ла Мориньеров, этих фанатичных скотов или суеверных мужланов. Одно ваше появление выводит их из себя.

– Разве моя вина, что мужчины не могут спокойно видеть женщину? Вы преувеличиваете, Молин. Я долго управляла этим именем и даже жила здесь во время своего вдовства, после смерти маршала, и не помню, чтобы вносила в округу смуту.

– Тогда вы были придворной дамой... Женщиной, как и другие... Сегодня вы не понимаете, что творите, что вызывает один только ваш взгляд. Вы приобрели на Востоке какую-то волшебную, таинственную силу, что-то такое... Но до меня доходят рассказы, которые кочуют из кухни в кухню. Люди вспоминают, что вы были когда-то лесным духом, что вас видели в разных местах одновременно. Что там, где вы проходили, урожаи становились богаче. А все потому, что вы привлекли мелких ленивых кроканов, которые только вам и верят. И что теперь вы вернулись и бегае по ночам по лесу, чтобы освободить Пуату от всех бед и принести в провинцию процветание силой своих волшебных чар.

– Вы заговорили, как мельник Валентин.

– Теперь этот мельник превратился в недалекого скупца... – проскрипел Молин. – Еще один простачок, которого десятилетней девчонкой вы вовлекали в свои безумства у Камня Фей! Сейчас мне кажется, что ваши чары и по сей день не утратили своей силы. После мельника кого изберете вы себе в любовники, мадам дю Плесси?..

– Господин Молин, вы переходите все границы, – выпрямившись, с достоинством отвечала Анжелика.

Но вместо того чтобы разразиться гневом, как он того ожидал, выражение ее лица смягчилось и на губах заиграла улыбка.

– Нет, не пытайтесь пробудить во мне угрызения совести, намекая на мое прошлое развратной девчонки. Я, Молин, оставалась невинным

ребенком. И вам это хорошо известно. Вы продали меня графу де Пейраку девственницей... Вы в этом не сомневались, иначе никогда бы не заключили той сделки. О Молин, я хотела бы еще не начинать жить! Вновь обрести те простые радости, дивное спокойствие тела и души. Но в детство нельзя вернуться, как в отчий дом. Это единственная страна, куда нет обратной дороги. Букетики незабудок, собранных для меня Валентином, лесная земляника Никола, наши танцы вокруг Камня Фей при свете восходящей над лесом луны – все это оставалось невинным и необычайно прекрасным. Во всем этом не было ничего плохого. Но позднее я не смогла пройти по тем же следам, не замавав их кровью, смертью и желаниями. Неужели я лишилась рассудка? Ведь я считала, что родная земля защитит меня...

– Земля – это самка. Она служит тем, кто защищает и оплодотворяет ее, а не тем, кто предаст ее разору. Послушайте, дитя мое...

– Я не ваше дитя.

– Да нет, немного и мое... Вы все же поедете к королю, и мир возвратится.

– Вы, реформат, просите предать людей своей секты, которым я обещала поддержку?

– Речь идет не о том, чтобы их предать, а чтобы их спасти. Здесь вы в своем поместье, но уже не сосчитать повешенных, болтающихся по всей округе на ветвях дубов. Женщины проливают слезы стыда, изнасилованные скотами. Дети терпят от них жестокости, их бросают в огонь. На многих полях урожай уничтожен. Это безумие растет, потому что солдаты охвачены страхом. Когда к ним придет подмога, они удвоят усилия, чтобы отомстить за свой страх. И преследования будут тем ужаснее, что они останутся неизвестными и остальной части королевства, и самому королю. Все совершится втихомолку, при поддержке ловких членов Общества Святых Даров, окружающих короля, и он увидит не кровавые последствия, а только все более длинные списки с именами обращенных. Только вы можете их спасти. Только вы можете поговорить с королем, предупредить его о том, что́ готовится против его подданных. Вы, потому что к вам он прислушается. Вам он поверит. Вам одной. Потому что, невзирая на все ваши недостатки и нежелание подчиняться, вы внушили ему безмерное доверие. Это одна из причин, по которой он вас добивается. Вы станете всемогущей... Вы сможете всего от него добиться...

Он наклонился над ней:

– Вы добьетесь того, чтобы повесили Монтадура и подвергли опале

господина де Марийяка. Вы освободите короля от влияния нетерпимых святош... И в деревнях воцарится мир, справедливость и труд...

– Молин, – простонала она, – вы подвергаете меня страшному искушению! Самому ужасному...

Она смотрела на него так же, как тогда, когда он убеждал ее ради спасения семьи выйти замуж за неизвестного дворянина, о котором говорили, что он убогий и знает с дьяволом.

– Вы станете всемогущей, – повторил он. – Подумайте о тех временах, которые наступят после вашего подчинения. А слова короля... Вы ведь знаете, что они не будут жестоки.

* * *

Моя драгоценная, мое несносное дитя, моя незабвенная...

В предрассветном сумраке Версаля, после ночи, когда ее сомкнутые губы будут удерживать крики протеста – а возможно, они и вырвутся, пронзительные, как крики преступницы, которую навсегда клеймят каленым железом, – король склонится над ней.

Она будет еще спать, ощущая пресыщенное тело – ах! как знакома ей эта чудесная слабость всего существа, это бесконечное изнеможение, – наслаждаясь даже во сне вновь обретенными роскошью и великолепием. От ласки она почти пробудится, потягиваясь среди кружев, безотчетно сладострастная, и вдруг широко раскроет глаза, отливающие зеленью леса. Она увидит его, и не станет сопротивляться, и выслушает его – наконец пойманная... плененная... после стольких лет недостижимости, – а он будет тихонько повторять, как приказ, как победный клич: «Анжелика... вместе... мы непобедимы...»

* * *

В растерянности Анжелика покачала головой.

– Это ужасно, – простонала она. – Это подобно требованию моей смерти, вы принуждаете меня к отказу от всех надежд.

Этот разговор с Молином напомнил ей уже пережитую однажды сцену, и перед ней возник Осман Ферраджи, уговаривавший ее уступить Мулаю Исмаилу. Но она не уступила ему... И тогда перебили всех евреев меллаха и посадили на кол всех рабов...

Получается, что повсюду, во всех странах, существуют правители-тираны и закабаленный народ, подвластный их капризам. Таков неизбежный закон...

На улице начался дождь, зашумели деревья и раздались веселые крики Флоримона и Шарля-Анри, которые бегали под дождем.

Управляющий подошел к секретеру, взял лист бумаги, перо и чернильницу и положил их перед Анжеликой:

– Пишите... Пишите королю. Я отправлюсь сегодня же вечером и отвезу письмо.

– Что же я ему напишу?

– Правду. Что вы к нему явитесь и выразите подчинение. Что вас вынуждает к этому не раскаяние в содеянном, не угрызения совести, а окружающие вас незаслуженные страдания самых верных его подданных. Что вы не можете поверить, будто это творится по его приказу. Что вы прибудете в Версаль только после того, как отзовут из страны драгун господина де Марийяка и отведут войска министра Лувуа. Но что вы покорно выразите свое подчинение в тех самых выражениях, которые угодны его величеству, потому что вы признаете его справедливость, его доброту и его долготерпение...

Анжелика принялась возбужденно писать, и очень скоро ею овладело желание высказать все обвинения против мучителей Пуату. Она перечислила оскорбительные и жестокие меры, принятые против нее лично, рассказала, как пьяный солдафон тиранил ее домочадцев под ее собственной крышей, назвала Монтадура, господина де Марийяка, господина де Солиньяка и Лувуа, уточнила нынешнее расположение королевских отрядов, упомянула о неизбежном и разрастающемся протесте крестьян, прося о снисхождении к ним. И пока она писала, перед ней стоял образ серьезного и внимательного молодого короля в ночной тиши рабочего кабинета.

– Он не хотел всего этого, – заявила она Молину.

– Он мог этого хотеть неосознанно. Обращение протестантов нужно ему для искупления собственных грехов. Он закрывает глаза и затыкает уши. А вы принудите его увидеть и услышать... Ваша роль благотворна...

Окончив, она почувствовала себя разбитой, но обрела покой. Молин посыпал послание песком и запечатал воском.

Анжелика проводила его до дома. Она плохо осознавала, где находится. Что-то подозрительное таилось в тишине полей. Временами ветер доносил запах дыма.

– Опять горят или дотлевают поля, – заметил Молин, садясь на коня. –

Монтадур с войсками отошел к Секондиньи, все сжигая на своем пути. Ланселот де Ла Монтадур пока их сдерживает, но если его отряды отступят... А Патриарх вынужден вернуться к Гатину, чтобы встретить войска Лувуа.

– Молин, а вам не угрожают опасности в пути?

– Я взял с собой оружие, – отвечал он, указывая на дуло пистолета, спрятанного под плащом.

Его сопровождал старый слуга на муле. Они отправились в путь.

Флоримон скакал перед замком на одной ножке, подталкивая камешек. Он подошел к Анжелике и весело, словно сообщая приятную новость, заявил:

– Матушка, теперь пора ехать.

– Ехать? Но куда?

– Далеко, очень далеко, – отвечал мальчик, указывая куда-то за горизонт. – В другую страну. Нам нельзя здесь оставаться. Солдаты могут вернуться, а нам нечем защищаться. Я осмотрел старые кулеврины на стенах. Это просто игрушки, да к тому же проржавевшие. Они не способны стрелять. Я, конечно, попробовал привести их в порядок, но едва сам не взорвался. Поэтому вы понимаете, что надо уехать...

– Ты просто с ума сошел. Откуда у тебя такие мысли?

– Но... я наблюдаю, – ответил ее сын, пожимая плечами. – Это война, и я полагаю, что она еще только начинается.

– Так ты, может быть, боишься войны?

Он покраснел, и она прочла в его черных глазах удивление и презрение.

– Я не боюсь сражения, матушка, если вы это имеете в виду. Но только мне не понятно, с кем я должен сражаться. Против протестантов, которые не согласны подчиняться королю и отречься от своей веры?.. Или против королевских солдат, которые оскорбляют вас в вашем собственном доме? Я не понимаю. Это нечестная война. И потому я хочу уехать.

С самого возвращения он не вел с ней такой долгой беседы. Она считала, что он ни о чем не задумывается.

– Не волнуйся, Флоримон, – отвечала она. – Я думаю, что все уладится. Послушай, тебе хотелось бы... – продолжала она с трудом, – тебе хотелось бы вернуться ко двору?

– Честное слово – нет, – не задумываясь, отвечал ее сын. – Одни мне там льстили, а другие вредили, потому что король полюбил вас. А теперь мне вредят, потому что король вас разлюбил. С меня хватит! Я

предпочитаю уехать. Да мне и скучно в этих краях. Я ничего здесь не люблю. Люблю только Шарля-Анри...

– А меня?.. – едва не закричала она в тоске.

Это было мстью за только что нанесенное ему оскорбление и, подсознательно, за то, что она завлекла его на этот безысходный путь.

«Одному Богу известно, как я боролась за своих сыновей и чем я пожертвовала ради них. И сегодня я вновь приношу себя в жертву».

Не проронив ни слова, она пошла ко входу. Сам факт, что она только что написала письмо королю, обострил ее нервы. Ей не хватало мужества, чтобы успокоить сына. «Удивительно, как дети ускользают у вас из рук, – подумала она. – Думаешь, что наконец их узнала, завоевала их дружбу. Но достаточно одной разлуки...»

Перед отъездом Анжелики на Средиземное море он вел бы себя иначе, он не сомневался бы в своей матери. Но теперь он достиг возраста, когда начинают задумываться о своей судьбе. Если опыт ислама так глубоко повлиял на Анжелику, то почему же год, проведенный Флоримоном у иезуитов, не смог так же преобразить его? И у души есть свои распутья... И нельзя вернуть ее вспять.

Она услышала, что Флоримон догоняет ее. Он коснулся ее руки и настойчиво повторил:

– Матушка, нужно ехать!..

– Но куда же, дитя мое, ты хочешь ехать?

– На свете много мест, куда можно отправиться. Я обсудил отъезд с Натанаэлем. И увезу с собой Шарля-Анри.

– С Натанаэлем де Рамбуром?

– Да, это мой друг. Раньше, когда мы жили в Плесси, до моего отъезда на службу при дворе, мы всегда проводили время вместе.

– Ты никогда мне об этом не говорил.

Он нахмурился с загадочным видом. Существует еще очень многое, о чем он никогда ей не говорил.

– Тем хуже, если вы не хотите ехать! Но я увезу Шарля-Анри.

– Ты говоришь вздор, Флоримон. Шарль-Анри не может покинуть свое наследное поместье. Этот замок, парк, рощи и окружающие земли принадлежат ему и по достижении совершеннолетия поступят в его распоряжение.

– А что есть у меня?

Она посмотрела на него.

– А у тебя нет ничего, сын мой, мое прекрасное, такое гордое дитя! – сказала она, чувствуя тяжесть на сердце.

– У меня нет ничего?

Тон требовал ответа. Несмотря ни на что, он еще надеялся. Каждое мгновение молчания матери подтверждало тяжелый приговор, о котором он подозревал уже и раньше.

– Ты получишь деньги, вложенные мной в коммерческие предприятия...

– А мое имя, мои поместья, мое наследство, куда они делись?..

– Ты ведь знаешь... – начала она.

Он резко отвернулся, устремив взгляд вдаль:

– Вот *потому-то* я и хочу уехать.

Она обняла его за плечи, и они медленно вернулись в замок. «Я поеду к королю, – думала она. – Пройду по Большой галерее, вся в черном, под насмешливыми и довольными взглядами придворных. Встану на колени... Отдамся королю... Но потом я верну тебе титулы и наследство... Я согрешила против тебя, сын мой, желая сохранить свою женскую свободу. Но нет выхода...» Она крепко прижала его к себе. Он удивленно взглянул на нее, и впервые после возвращения они обменялись нежными улыбками.

– Пойдем сыграем партию в шахматы.

Шахматы были одним из страстных увлечений мальчика. Они устроились возле окна за шахматной доской из белого и черного мрамора, которую король Генрих II подарил одному из сеньоров дю Плесси. Фигурки из рога и из слоновой кости. Флоримон, сжав губы, внимательно их расставил.

Анжелика смотрела через окно на испорченную лужайку, на экзотические деревья, срубленные на дрова драгунами злонамеренно, потому что заросли кустарника находились рядом.

Ее жизнь походила на этот разоренный парк. Она никак не могла упорядочить свое существование. Ее опустошили чужие страсти, и она поникла под их тяжестью. Здесь, рядом с таким еще юным и беззащитным сыном, она ощутила всю слабость одинокой женщины, не имеющей защитника. Когда-то она ощущала себя способной на все ради достижения успеха. Но сегодня это «все» оставило после себя привкус горечи. Она прочувствовала всю тщету человеческую. Ислам научил ее, что только полное воплощение человеческого существа приводит его в согласие с собственной душой.

Итак, она отдастся королю. Поступок худший, чем предательство по отношению к самой себе, к своему прошлому, к мужчине, которого она не в состоянии позабыть...

– Ваш ход, матушка, – сказал Флоримон. – И если вы мне доверяете, я

посоветовал бы пойти королевой.

Анжелика слабо улыбнулась и пошла королевой. Флоримон задумался над сложной комбинацией, потом, после очередного хода, взглянул на нее.

– Я прекрасно понимаю, что не во всем ваша вина, – сказал он тем тихим голосом, который приобрел в коллеже. – Нелегко жить среди людей, желающих вам зла только потому, что вы красивы. Но я думаю, что следует уехать, пока еще не поздно.

– Дорогой мой, все не так просто, как ты себе это представляешь. Куда, по-твоему, мы должны отправиться? Я, Флоримон, недавно совершила очень длинное путешествие. Избежала страшных опасностей и все же вынуждена была вернуться, не найдя того, что искала...

– А я найду его! – пылко воскликнул Флоримон.

– Не будь самонадеянным! За этот недостаток придется дорого платить.

– Я перестал вас узнавать, – сказал он строго, – разве не вас провел я подземным ходом, когда вы решились отправиться на поиски моего отца?

Анжелика расхохоталась:

– Ох! Флоримон, мне нравится твоя сила! Ты, по сути, конечно, прав, что бранишь меня, но, видишь ли...

– Если бы я все знал, то отправился бы вместе с вами вместо того, чтобы дать себя упрятать в их проклятом коллеже. Вдвоем мы бы всего добились.

– Какой ты самонадеянный! – повторила она с нежностью.

Жестокое Средиземноморье возникло перед ее глазами. Маленькие оскопленные дети, проданные в рабство, бури, сражения, постоянный торг человеческой плотью. Слава богу, что она не взяла Флоримона в это путешествие. И сколько раз упрекала она себя за ту необдуманность, с которой доверила Кантора герцогу Вивонну, отпуская его на войну с турками...

– Ты не представляешь себе всех опасностей и трудностей такого путешествия. Ты еще слишком молод. Необходимо ежедневно что-то есть, находить кров, свежих лошадей, да мало ли что еще! И за все это надо платить.

– У меня есть тугой кошелек из моих сбережений.

– Правда? А когда кошелек опустеет? Люди жестоки, Флоримон. Они ничего не дают за так, запомни это.

– Ладно, – сказал явно обиженный Флоримон, – я все понял. Я возьму с собой Шарля-Анри. Он-то еще слишком мал, чтобы справляться со всеми этими трудностями, а кроме того, у него есть наследство. Я об

этом как-то не подумал. Ну а я хочу разыскать своего отца и Кантора. Я знаю, где они.

Анжелика замерла с шахматной фигурой в руке:

– Что ты сказал?

– Да, я знаю это, потому что видел их во сне сегодня ночью. Они находятся в радужной стране. Это странная страна. Повсюду клубятся облака, и когда они смешиваются, то окрашиваются во все цвета спектра. И в этом разноцветном тумане я заметил своего отца. Я плохо его различал. Он был словно призрак, но я твердо знал, что это он. Я хотел к нему подойти, но меня окутал туман. И вдруг я заметил, что стою в воде. В море. Я никогда еще не видел моря, но сразу узнал его по волнению, по пене, которая набегала на берег и омывала мне ноги. Волны становились все выше. И вдруг появилась огромная волна, на гребне которой стоял Кантор. Он смеялся и кричал мне: «Иди сюда, будем играть! Знаешь, как здесь весело!»

Анжелика вскочила, оттолкнув стул. Холодная дрожь пробежала у нее по спине. Слова Флоримона словно подтверждали очевидность, в которую она не хотела верить: СМЕРТЬ! Смерть обоих дорогих существ, которые бродили теперь в царстве теней.

– Замолчи, – прошептала она, – ты пугаешь меня.

Она убежала в свою комнату и села перед секретером, обхватив голову руками.

Через какое-то время ручка медленно повернулась, и Флоримон проскользнул в полуотворившуюся дверь.

– Я поразмыслил, матушка, и решил, что мне надо отправляться на ДРУГОЕ море... Вы ведь слышали, что есть и другое море, кроме Средиземного? Я узнал об этом у иезуитов. Это Западный океан, он называется Атлантическим, потому что простирается над древним континентом Атлантида, который некогда ушел под воду, соединив воды Севера и Юга. Арабы называют его Морем Тьмы, но теперь стало известно, что это море омывает Западную Индию. Может быть, там...

– Флоримон, – сказала она в изнеможении, – мы поговорим об этом позднее, а теперь оставь меня, иначе... Иначе, мне кажется, я буду вынуждена дать тебе пару пощечин.

Подросток ушел с недовольным видом, резко захлопнув за собой дверь.

Несколько минут Анжелика боролась со слезами. Потом она открыла один из ящичков секретера и вынула оттуда письмо короля, то самое письмо, которое в свое время она отказалась прочесть.

«...Моя незабвенная, не поддавайтесь безумным надеждам своего сердца. В безысходной душевной тоске, вас охватившей, вы воззвали ко мне о прощении и помощи через преподобного отца де Валомбреза. Но чтобы почувствовать всю его искренность, я хотел бы услышать это из ваших собственных уст. Вы так опасны, прекрасная Анжелика. В вас так много дремлющих сил, мне враждебных. Придите вложить свои руки в мои. Я просто одинокий король, ожидающий вашего возвращения. Вы получите всю полноту власти, и я удалю всякого, кто вам неуютен. Вам нечего будет бояться. Потому что я твердо знаю, что вы можете быть как искренним другом, так и откровенным врагом...»

Письмо продолжалось в том же духе, и она чувствовала признательность к королю за то, что он не старался ее обманывать и коварно завлекать в ловушку. Он писал:

«Вы станете моей повелительницей, и ради вас одной я постигну все значение этого слова. Я не сомневаюсь в вашей верности, так поверьте и в мою преданность... Говорите со мной, я готов вам внимать. Покоритесь мне, и я покорюсь вам...»

Усталая и побежденная, Анжелика закрыла глаза. Она правильно сделала, решив уступить. Завтра несправедливость будет исправлена. Она приложит к этому все силы.

В большой аллее слонялся Флоримон с рогаткой в руке, пытаясь попасть в белок. Анжелике стало жаль сына, и она пошла его утешить. Она поговорит с ним о короле, перечислит блестящие титулы, которые ему вернут, расскажет о должностях, которых она для него добьется.

Но когда она спустилась, Флоримон уже исчез. Она увидела возле пруда только Шарля-Анри, который наблюдал за лебедями. Его атласный костюмчик был столь же белоснежным, как оперение этих прекрасных птиц, а волосы блеском и цветом походили на ивовые ветви над его головой.

Что-то в поведении трех птиц, собравшихся возле берега, насторожило Анжелику. Ведь всем известно, что это опасные птицы и что они могут затащить ребенка в воду и утопить его. Она подбежала и взяла сына за ручку:

– Дорогой, не стой так близко к воде. Лебеди злые.

– Они злые? – переспросил ребенок, подняв на нее свои лазурные глазки. – Но они такие красивые, такие беленькие...

Его мягкая пухлая ручонка доверчиво лежала в ее руке. Не сводя с нее глаз, он мелко семенил рядом. Ей всегда казалось, что он похож только на Филиппа, но Гонтран оказался прав. В розовой мордашке, обращенной к ней, Анжелика узнавала некоторые черты Кантора – недовольная гримаска, овал подбородка, – присущие и другим отпрыскам рода де Сансе: Жослену, Гонтрану, Дени, Мадлон, Жану-Мари...

«Ты, малыш, ведь и мой сын тоже», – подумала она.

Анжелика села на мраморную скамью и взяла ребенка на колени. Она гладила его по волосам и расспрашивала, хорошо ли он себя вел, играл ли с Флоримоном и научился ли уже кататься на ослике.

Мальчуган отвечал одно и то же тоненьким нежным голоском: «Да, маменька. Да, маменька».

Неужели он глуп? Вероятно, нет. Его взгляд, затененный густыми ресницами, казался загадочным, в нем таилось что-то от задумчивости его отца. Может быть, он похож на Филиппа в детстве: маленький одинокий сеньор в своем замке, который он унаследует позднее. Анжелика прижала его к груди. Она думала о Канторе, которого так редко ласкала. Теперь он мертв. Жизнь проходила в бурных интригах взрослых, так что не оставалось времени быть хорошей матерью! А ведь когда-то она играла с Флоримоном и Кантором, в те времена, когда они не были еще богатыми и жили в домике на улице Фран-Буржуа. Но потом она часто отстранялась от Шарля-Анри, и это плохо, потому что нельзя ведь отрицать, что она любила Филиппа. Любила иной любовью, чем первого мужа, но любила. К этой любви примешивались отроческие мечты, опьянение трудно достигнутой победой и что-то от братской привязанности, соединившей их в детстве в родной провинции.

Она ухватила малыша за полную щечку и нежно расцеловала:

– Знаешь, малыш, я очень тебя люблю...

Он замер, как пойманная птица. Восторженная улыбка, обнажив белые зубки, появилась на его губах.

Между деревьями показался Флоримон. Он приблизился к ним, прыгая на одной ножке.

– Догадайтесь, сыночки, что мы сделаем завтра? – спросила Анжелика. – Мы оденемся в старье, как браконьеры, и вместе пойдем в рощу ловить раков.

– Bravo! Bravissimo! Evviva la mamma!^[3] – закричал Флоримон, которого Флипо учил итальянскому.

Глава XIV

Это был замечательный день. Казалось, исчезли все огорчения настоящего и угрозы будущего. Лес укрыл их своей мирной позолоченной листвой. Солнечный свет отражался в рыжей листве дубов, в темно-красных листьях буков, в медных ветвях каштанов. Плоды каштанов падали на мох, верхняя оболочка лопалась, и появлялся великолепный темный блестящий каштан. Такое изобилие приводило в восторг Шарля-Анри, и он набивал ими карманы своих штанишек розового сукна. Что сказала бы Барба!.. Невзирая на указания Анжелики, она одела ребенка, как на прогулку в саду Тюильри. Сначала он с беспокойством поглядывал на свой нарядный костюм, испачканный зелеными пятнами от травы. Но потом, видя, что Анжелика не обращает на это внимания, он осмелел и начал залезать на пни: перед ним распахнулся подлинный рай, и сотворила его мать своими собственными руками! Он всегда знал, что именно в ней заключена вся полнота счастья, и потому так долго любовался по вечерам ее портретом.

С ними пошли Флипо и аббат де Ледигьер. Анжелика испытывала некоторую гордость оттого, что на нее смотрит Флоримон и эти молодые люди. Она догадывалась, что их восхищение возрастает по мере того, как она уверенно вела их по почти незаметным тропинкам и показывала потаенные ручейки. Для них, знавших ее придворной дамой, такая сторона личности представлялась совершенно необычной. Это ставило их в тупик. Но они быстро включились в игру, охваченные охотничьей лихорадкой, и с жаром шлепали по канавам, полным воды, следили, лежа на мху, за неспешным продвижением раков к затопленным корзинам с тухлым мясом. Флоримон чувствовал себя слегка уязвленным, что ему не удавалось ловить раков прямо рукой, как это многократно проделывала Анжелика. Она хохотала, глядя на его смущение, и сердце радостно билось при мысли, что она вновь завоевывает уважение Флоримона.

На одной опушке они повстречались с колдуньей Мелюзиной. Старуха собирала грибы, ощупывая скрюченными пальцами землю. Вокруг нее медленно падали красные листья бука, а ветер увлекал их в какой-то ритуальный танец почитания злого духа леса, воплощенного в этом черном горбатом существе с ореолом белоснежных волос.

Анжелика окликнула ее:

– Эй! Мелюзина!

Старуха выпрямилась, посмотрела на приближающихся, но вместо того, чтобы успокоиться, увидев ту, в ком она признавала силы, подобные ее собственным, ужаснулась и вытянула вперед тощую руку, преграждая им дорогу:

– Убирайся! Убирайся! Ты – проклятая мать!

После чего поспешно скрылась в кустах. И почти сразу пошел дождь. Маленькая компания укрылась под плитами Камня Фей. Внутри мегалитической гробницы земля, высланная сосновыми иглами, оставалась сухой. Они расселись. На камне, поддерживающем заостренный конец плиты, виднелись хлебные колосья, выбитые сотни лет назад, – символ изобилия.

Посмеиваясь в полутьме, напоенной запахом смолы и вереска, Флоримон заметил, что это напоминает ему походы в подземелье, но что там обычно плохо пахнет.

– Мне нравятся подземелья, – добавил он. – Там познаешь тайны земли. Все эти скалы, образующиеся без нашего участия. Однажды в коллеже я спустился в подвал и прокопал киркой ход. Открылась скала. Я нашел там замечательные образцы.

Он пустился рассказывать необыкновенную историю, наполненную латинскими названиями и химическими формулами, повествуя об образцах, из которых намеревался создавать взрывчатые вещества.

– Разлетелось несчетное количество колб в лаборатории коллежа, и меня наказали. Однако уверяю вас, матушка, я был на пороге необыкновенного изобретения, которое перевернуло бы науку. Сейчас объясню. Мне кажется, только вы способны понять...

– И подумать только, что иезуиты считают, будто он не умен, – сказала Анжелика, призывая аббата де Ледигьера в свидетели. – Начинаешь задумываться, чем они заслужили репутацию хороших воспитателей.

– У Флоримона особый склад ума, это сбивает их с толку.

– Если они не способны развить такой ум, то разве это повод его удушать? Я отправлю тебя учиться в Италию, – сказала она Флоримону. – На берегах Средиземного моря можно изучать любые науки. Тебе особенно подходит наука арабов. Слово «алхимия» арабского происхождения. И многое можно узнать из секретов, пришедших из Китая.

И впервые она заговорила о своем путешествии на острова Востока. Шарль-Анри отдыхал, прижавшись к ней. Он был на вершине блаженства. Дождь барабанил по листве, порывы ветра создавали шум, подобный морскому прибою.

Анжелика заговорила о том, как ослушалась приказа короля:

– Его величество запретил мне покидать Париж, и ты знаешь, как я удрала. Но теперь все образуется. Король простит меня. Он просит меня вернуться ко двору. Я послала Молина с письмом к нему. Очень скоро солдаты, которые оскорбляли и мучили нас, будут наказаны и воцарится мир.

Флоримон слушал ее с напряженным вниманием:

– И вам больше не грозит опасность? Ни вам, ни Шарлю-Анри?

– Нет, уверяю тебя, – подтвердила она, пытаюсь избавиться от непонятной тоски на сердце.

Она обеспечит своим сыновьям безопасность, на которую они имеют право.

– Я очень рад, – со вздохом облегчения сказал мальчик.

– Ты раздумал уезжать?

– Да-да, раз вы говорите, что все уладится.

Они вернулись очень поздно. Барба уже волновалась. В такое время года совсем небезопасно бродить по лесу, так и волка недолго встретить. Она уже вся обмерла от страха. И вы только посмотрите, во что превратился костюм Шарля-Анри! Да бедный малыш уж и на ногах не стоит. Он ведь не привык ложиться так поздно.

– Да ладно тебе, успокойся, – сказала Анжелика. – Твой ангелочек объелся ежевикой и забавлялся, как принц. Успеет выспаться. Ночь-то еще длинная...

Да. Ночь была еще длинная, эта страшная ночь замка Плесси.

Глава XV

Анжелика начала раздеваться, когда ей послышался возле замка галоп одинокой лошади. Она замерла и прислушалась. Затем вновь завязала шнуры корсажа, вышла на площадку лестницы, открыла большое окно с цветными стеклами и выглянула наружу. Убыстряющийся галоп раздавался все громче, и вот неясная фигура всадника, обогнув пруд, скрылась во мраке большой аллеи.

«Кто же это?..» – подумала Анжелика.

Она закрыла окно, подумала еще мгновение и направилась к лестнице, чтобы спуститься в служебные помещения, где, возможно, еще не спали слуги.

Потом, передумав, поднялась на несколько ступеней и подошла к дверям комнаты Флоримона. Приоткрыв дверь, она тихонько окликнула:

– Ты спишь?

Недавно, расставаясь с нею, он пожелал ей спокойной ночи и крепко обнял. Его глаза сияли.

– Матушка, о матушка! Какой чудесный день! Как я люблю вас!

Непринужденно, как в былые времена, он прижался головой к ее плечу. В его буйной шевелюре застряли мелкие веточки и еще сохранялся запах осени. Смеясь, она поцеловала его в оцарапанную щеку:

– Спи спокойно, сынок. Вот увидишь, все образуется.

Анжелика вошла в комнату и подошла к кровати. Постель была не тронута. На кружевной подушке не покоилась голова спящего подростка, утомленного целым днем, проведенным в лесу. Она огляделась, отметила отсутствие одежды, шпаги, плаща и бросилась в соседнюю комнату, где спал аббат де Ледигьер:

– Где Флоримон?

Молодой человек, с трудом проснувшись, оторопело смотрел на нее:

– Должно быть... в своей комнате!..

– Его там нет. Вставайте скорее, надо его найти!

Они разбудили Лэна Пуару и его жену, похрапывавших в пристройке возле кухни. Те ничего не видели и ничего не слышали. Да ведь на дворе уже глубокая ночь!

Анжелика набросила на плечи мантию и вместе с поспешно одевшимися слугами бросилась в конюшню. Взлохмаченный мальчик-слуга напевал возле фонаря, грызя засахаренный миндаль. Перед ним на скамеечке стоял

целый мешочек этого лакомства.

– Кто тебе его дал? – закричала Анжелика, уже догадываясь обо всем случившемся.

– Мессир Флоримон.

– Ты помог ему оседлать лошадь? Он уехал?

– Да, моя госпожа.

– Дурак! – закричала она, вlepив парнишке пощечину. – Господин аббат, скорее в седло и догоняйте его.

Аббат был без сапог и без плаща. Он побежал в замок, а Анжелика принялась подгонять мальчишку, чтобы он быстрее седлал для него коня.

Пока тот суетился, она выбежала из конюшни и устремилась в большую аллею, пытаясь уловить звуки далекого галопа. Но поднялся ветер, шевеля опавшие листья, и она ничего не услышала.

– Флоримон! Флоримон! – стала она звать.

Ее голос замирал в сырой ночи. Лес оставался безответным.

– Скачите быстрее, – умоляла она, когда аббат появился вновь. – Как только выедете из парка, приложите ухо к земле, чтобы узнать, в какую сторону поскакал Флоримон.

Оставшись одна, она постояла в нерешительности, не зная, следует ли и ей тоже седлать лошадь, чтобы искать Флоримона в другом направлении.

В это мгновение раздался рог Исаака де Рамбура. Громкий и печальный. Звучала мелодия призыва, звуки медного инструмента разносились в ночи, как воздушные пузырьки, рассекающие темную воду. АЛЛАЛИ!

Душераздирающий призыв повторялся, протяжно звучал, опять повторялся! Эхо не успевало замереть. Весь лес наполнился трагической мелодией.

Анжелика похолодела. Она подумала о Флоримоне, – возможно, он отправился к своему другу Натанаэлю.

Она не услышала приближения всадника, появившегося в кругу света большого кованого фонаря перед входом.

Запыхавшийся аббат прокричал:

– Прибыли драгуны!

– Вы нашли Флоримона?

– Нет, солдаты преградили мне путь, и пришлось вернуться. Их много, и они движутся тесными рядами. Командует Монтадур. Они направляются к замку Рамбур.

Полная отчаяния мелодия «Аллали» продолжала оглушительно звучать, словно тот, кто дул в рог, хотел надорваться.

Анжелика поняла, что случилось. Окруженные королевские драгуны прорвали слабое кольцо оцепления войск протестантов. Они направились в более знакомый район, но были сильно ожесточены, понимая, что им придется продираться через лесную чащу и преодолевать болота.

– Надо идти туда, – заключила она. – Рамбурам нужна помощь.

Анжелика продолжала думать об одержимом сумасбродными идеями Флоримоне, который сунулся в это осиное гнездо.

Вместе с молодым священником она поднялась на холм, где располагалось жилище протестантов. Между деревьями забрезжил свет, и одновременно послышался неясный шум. На полпути они встретили группу рыдающих людей: мадам де Рамбур, ее дети и служанки.

– Мадам дю Плесси, мы бежим к вам укрыться. К нам нагрянули драгуны с факелами. Похоже, все пьяные и обезумевшие. Они подожгли пристройки и, думаю, хотят нас ограбить.

– А где Флоримон с Натанаэлем?

– Флоримон? Откуда мне знать? Я даже не знаю, где Натанаэль.

И, повернувшись к детям, она простонала:

– Где Натанаэль? И Ребекка? Я думала, Жозеф, что ты ведешь ее за руку...

– Я веду Сару.

– Значит, несчастная крошка осталась там. Надо вернуться. А где ваш отец?..

Женщина не держалась на ногах. Руками она обнимала живот. Ей оставалось всего несколько дней до родов.

– Идите ко мне, – распорядилась Анжелика. – Господин аббат вас проводит. А я поднимусь на холм и посмотрю, что там происходит.

* * *

Анжелика поднялась на высокий отрог горы позади старого донжона и притаилась возле стены. Реву драгун, захвативших дом, вторили мучительные крики пытаемых мужчин и еще более пронзительные крики женщин, которых насиловали эти скоты. Призыв рога смолк.

Прячась в тени, Анжелика осторожно продвигалась вдоль левого крыла замка. Вдруг она споткнулась о распростертое неподвижное тело, словно обвитое золотой змеей. Это был барон де Рамбур со своим охотничьим рогом через плечо. Склонившись над ним, она увидела, что его, словно зверя, насквозь проткнула рогатина. Она поняла, что он мертв.

Неподалеку пробежали люди. Анжелика поспешила укрыться за деревьями. Появились драгуны, они, словно красные дьяволы, исполняли танец грабежа, который вознаграждает и опьяняет все армии с тех самых времен, как мужчины превратились в воинов.

Хриплый вопль, предвестник радости, вырывался из их глоток, пока они выстраивали возле стены свои длинные алебарды.

– На пики! На пики!

Из верхнего окна что-то вышвырнули, какую-то маленькую куклу, и она полетела, кувыркаясь в воздухе. Ребекка!..

Анжелика закрыла лицо руками.

Вне себя от ужаса, побежала она сквозь заросли вниз и вернулась в Плесси.

Слуги, собравшиеся посреди цветника, смотрели в сторону соседнего донжона, охваченного пламенем.

– Вы нашли Ребекку? – встретила ее вопросом мадам де Рамбур. – И где барон?

Анжелика сделала усилие, чтобы придать лицу спокойное выражение:

– Они... укрылись в лесу. И мы поступим так же. Быстро, молодежь, берите плащи и съестное. Где Барба? Ступайте ей помочь! Пусть оденет Шарля-Анри.

– Смотрите, мадам! – закричал Ла Вьолет.

Он указывал на бесчисленные светящиеся точки, появившиеся среди деревьев: факелы драгун, спускавшихся к ним.

– Они идут сюда... из поместья Рамбуров.

– Да вот они уже подходят! – закричал один из мальчиков-слуг.

В глубине большой подъездной аллеи ярким букетом расцвели другие факелы. Драгуны неспешно поднимались к замку. Слышались пока еще отдаленные разговоры.

– Вернемся в дом и закроем все входы, – решила Анжелика. – Вы хорошо поняли, все входы!

Она сама проверила перекладки, которыми заложили двери главного входа, запоры и деревянные ставни, закрывавшие окна первого этажа. На многих окнах были решетки. Только на фасаде два больших окна с цветными стеклами, по одному с каждой стороны дверей, оставались незащищенными.

– Берите оружие и становитесь возле этих окон.

Аббат де Ледигьер хладнокровно обнажил шпагу. Подошел Мальбран, нагруженный мушкетамы и пистолетами.

– Откуда вы их взяли?

– Запасся еще в начале волнений.

– Спасибо, Мальбран, спасибо!

Конюший роздал мушкеты мужчинам. Служанкам он вручил пистолеты, они со страхом приняли тяжелое оружие.

– Если, душеньки, вы не сумеете совладать с порохом, то всегда можно взяться за дуло и лупить по черепу.

Мадам де Рамбур, вместе с детьми укрывшаяся в гостиной, неотрывно следила за Анжеликой. В глубине ее запавших глаз затаился страх.

– Что же стало с моей крошкой Ребеккой? И с мужем? Вы ведь что-то знаете, мадам...

– Прошу вас, успокойтесь, мадам! Хотите я помогу вам уложить детей, пусть немного отдохнут. Не нужно их пугать.

Сложив руки, баронесса де Рамбур упала на колени:

– О! Помолимся, дети. Я поняла. Вот и наступил день скорби, о котором сказал Господь: «Я покину своих, чтобы испытать их сердца, Я выдам их врагам».

– Мадам! Драгуны!..

Слуги с беспокойством выглядывали в приоткрытое окно. На площадке, красной от пылающих факелов, появился Монтадур, тяжело восседавший на могучем коне в яблоках. Капитан показался Анжелике более крупным и массивным, чем прежде. Рыжая недельная щетина делала его лицо еще более грубым. Его словно вылепили из красной глины, этот плохо просушенный кирпич.

За ним остановились в нерешительности несколько всадников и пехотинцы с мушкетами и алебардами.

Запертое жилище! Но за цветными стеклами в свинцовом обрамлении угадывались тени наблюдавших.

– Вы, там! Откройте! – проревел Монтадур. – Или я высажу дверь!

В ответ полное молчание. Подошли драгуны, спустившиеся через лес с холма Рамбуров. Они пришли в возбуждение, вспоминая, что менее недели тому назад их изгнали из этих мест, когда Ла Мориньер велел бросить на порог четыре трупа их товарищей.

По знаку капитана двое солдат, вооружившись огромными топорами, приблизились ко входу. Первые глухие удары по резному дереву дверей сотрясли весь дом. Заплакал один из детей Рамбуров, затем он замолк, и раздалось бормотание молитв, которые приказала читать им мать.

– Мальбран... – прошептала Анжелика.

Конюший медленно поднял свое оружие и высунул дуло в приоткрытое окно. Раздался выстрел. Один из солдат с топором покатился

по ступеням крыльца. Второй выстрел! Второй солдат также рухнул.

Драгуны в остервенении закричали. Трое с мушкетами бросились вперед и забарабанили прикладами по двери.

Мальбран перезарядил ружье. Из другого окна дважды метко выстрелил Ла Вьолет. Упали двое солдат. Мальбран прикончил третьего.

– Назад, идиоты! – заревел Монтадур. – Хотите, чтобы всех вас перестреляли поодиночке?

Солдаты отступили, как стая голодных волков. На безопасном расстоянии Монтадур выстроил своих людей с мушкетами. Раздался залп. Стекла разбились, разлетевшись по плитам пола на тысячу разноцветных осколков. Ла Вьолет, не успевший вовремя пригнуться, упал. Аббат де Ледигьер подобрал оружие, выпавшее из рук слуги, и занял его место возле разбитого окна. Через исковерканные свинцовые переплеты виднелись перекошенные злобой лица подступающих драгун. Но офицеры совещались, обсуждая другую, менее опасную тактику. Попытка высадить дверь уже стоила им потери пяти человек.

Анжелика на коленях подползла к Ла Вьолету и оттащила его за плечи в угол вестибюля. Его ранило в грудь, и на ливрее цветов дома Плесси-Бельер – синем со светло-желтым – уже расплывалось большое кровавое пятно.

Молодая женщина устремилась на кухню за водкой и корпией. Ее поразил вид госпожи Орели, жены повара. Сидя перед очагом, она глаз не сводила с содержимого котла.

– Что ты здесь делаешь? Варишь суп?

– Да нет же, госпожа маркиза, я кипячу масло, чтобы лить им на головы, как поступали в старые добрые времена.

Увы! Замок Плесси строился не для защиты от врагов, как замки их предков во времена Средневековья.

Вдруг госпожа Орели прислушалась:

– Они за ставнями! Я слышу, как они там скребутся, проклятые!

Действительно, солдаты обогнули дом и принялись за тяжелые деревянные ставни кухни. Немного погодя раздался первый удар топора. Один из слуг забрался на сточный желоб, чтобы посмотреть, можно ли их поразить через фрамугу. Но оказалось, что это сложно.

– Поднимитесь на второй этаж, – приказала Анжелика троим парням с пистолетами, – и стреляйте из окон над ними.

– У меня только арбалет, – сказал старый Антуан, – но, поверьте, госпожа маркиза, это серьезное оружие. И я превращу их сейчас в подушечку для иглоков, этих весельчаков.

С полотном для перевязки Анжелика вернулась к Ла Вьолету. По всему вестибюлю расползались клубы густого дыма, от которого щипало в глазах. Опустившись на колени, она поняла, что ее усилия уже бесполезны. Слуга умирал.

– Госсс-пожа маркиза, – прошептал Ла Вьолет, захлебываясь кровью, – я хотел вам сказать... Самое прекрасное воспоминание в моей жизни, это когда я обнимал вас.

– Что ты говоришь, несчастный?.. – «Он бредит», – подумала она.

– Нет-нет, это когда господин маршал послал меня вас похитить. Здесь уж мне пришлось вас обнять, и я даже немного придушил вас, чтобы справиться... А потом я нес вас на руках и любовался... Вот почему это лучшие воспоминания моей жизни. Потому что такой красивой женщины... такой красивой... как вы...

Его голос ослабел. И он закончил на выдохе, что придавало его словам тайный смысл:

– ...Больше нет на свете.

Он еще слабо дышал. Она взяла его руку:

– Я прощаю тебе то, что ты сделал той ночью. Хочешь, я позову аббата де Ледигьера, чтобы он благословил тебя?

Умиравший вздрогнул и возразил с последним усилием:

– Нет-нет, я хочу умереть в своей вере.

– Верно, он же протестант, я совсем забыла.

Она погладила его шершавый лоб:

– Несчастный человек! Несчастное измученное человечество. Все! Теперь уходи... Да примет тебя Господь.

* * *

Ла Вьолет умер. В углу стонала раненая юная служанка. Лицо Мальбрана почернело от пороха. Молодые слуги разносили боеприпасы на оба этажа.

«Нужно что-то сделать. Остановить это», – подумала Анжелика.

Она поднялась на второй этаж и решительно распахнула окно:

– Капитан Монтадур!

Ее звонкий голос ясно звучал в ночи, наполненной едким дымом.

Капитан драгун отъехал назад, чтобы лучше видеть. Он узнал ее со смешанным чувством страха и торжества. Она была там! В ловушке! Он отомстит!

– Капитан, по какому праву смее вы осаждать жилище католиков? Я пожалуюсь королю.

– Ваше жилище католиков – настоящее гнездо гугенотов! Выдайте эту волчицу-еретичку, и мы оставим в покое и вас, и ваших сыновей.

– Зачем вам женщины и дети? Преследуйте лучше отряды Ла Мориньера.

– Вашего сообщника! – завопил Монтадур. – Вы думаете, что я ничего не вижу? Вы нас предали, вы отдались дьяволу, ведьма! И пока я сражался за нашу веру, вы бегали по лесам и продавали нас этим бандитам. Я сумел разговорить одного из ваших воздыхателей...

– Я пожалуюсь королю, – заорала Анжелика так же громко, как он, – и сообщу о вашем поведении господину де Марийяку! В интригах между знатными господами первыми расплачиваются их слишком усердные служители... Вспомните об этом!

Какое-то мгновение Монтадур колебался. В ее словах была правда. Попадая в засады, не получая распоряжений, окруженный озлобившимися растерянными солдатами, он начал догадываться, что не приходится ожидать благодарностей за то, какими способами проводил он операцию по обращению Пуату в истинную веру. Но для поддержания духа солдатам требовались убийства и грабежи. К тому же никогда больше не представится случая заполучить ее, эту женщину, один вид которой изводил его месяцы напролет. И его самого, Монтадура, она провела как слепого щенка! Потом – там будет видно! А сейчас – заполучить ее, заставить выть, унижить!

– Выкурите их из логова! – заревел он, указывая на замок. И, привстав на стременах, разразился Анжелике в лицо грубым оглушительным смехом, в котором звучала ненависть и похоть.

Она отошла от окна. Переговоры не помогут. Уже ощущался иной запах дыма, отличный от порохового. Снизу доносились пронзительные вопли госпожи Орели: «Они подожгли ставни!» В приоткрытую дверь выснулась заспанная голова Барбы.

– Мадам, почему такой гам? Так ведь разбудят маленького!

– Драгуны бесчинствуют. Поспешите, заверните Шарля-Анри в теплое одеяло и спускайтесь в винный погреб. Я сейчас выясню, свободен ли путь...

Подземелье! Их последняя надежда. Сейчас туда отведут детей и женщин. Надо молить небо, чтобы драгуны убрались из лесочка, куда ведет выход!

Она быстро спустилась в подвал, но, пока пробиралась среди

бочонков, ясно услышала глухие удары и шум голосов возле дверей подземелья. Они обнаружили выход, его, вероятно, указал под пыткой тот захваченный человек.

Анжелика оторопела, застыв с ночником в руках, глядя на полусгнившую дверную створку, рушившуюся под напором ударов чудовищной банды.

Она поспешила наверх и заперла все засовы на дверях подвала.

– Оставайся здесь, – сказала она, заметив Лэна Пуару с вертелом в руках, – и нашипуй любую тварь, которая высунется из этой дыры.

– Горим! Горим! – кричала, убегая из кухни, госпожа Орели.

Возле стен навалили хворост, и уже трещали в огне толстые деревянные ставни. Дым просачивался во все щели. Молодые слуги спустились со второго этажа. Они уже не могли различать нападавших, да и боевые припасы пришли к концу.

Слуги смотрели на Анжелику, и в их взглядах читался страх.

– Пресвят' Дева! Пресвят' Дева! Что делать?

– Надо бежать за подмогой, – посоветовал чей-то голос.

– Какой подмогой? – воскликнула Анжелика.

Вдруг раздалось тоскливое, хватающее за душу пение:

Прими нас, Господи, в раю своем —
Мы верно служили Тебе всю долгую жизнь.

Это пели слуги-гугеноты и вместе с ними дети Рамбуров, обступившие мать. И странное дело, с маленьких лиц исчез искажавший их страх и появилось выражение безмятежной надежды.

У Анжелики волосы встали дыбом.

– Нет, нет, нет... – твердила она.

Как сумасшедшая, она снова взбежала наверх, до самой башенки. Выскочила на узкую площадку, осмотрелась по сторонам. Но ее окружала непроглядная ночь, пропитанная тем же страшным запахом костра.

– Какая подмога? Какая подмога? – закричала она вновь.

Она не имела никакого представления, где находятся войска Самюэля де Ла Мориньера.

* * *

Внутри замка раздался шум, похожий на глухой взрыв. Анжелика подумала, что обрушилась стена, но это отчаянно завопили несчастные осажденные, когда в дом проникли первые драгуны.

Анжелика спустилась с башенки и наклонилась над перилами. Первый этаж являл картину ужасного смятения. Крики, крики... Крики безнадежно сопротивлявшихся слуг, крики преследуемых женщин, крики цеплявшихся друг за друга детей, которых волокли безжалостные руки... Крики солдат, которых кропила кипящим маслом госпожа Орели. Мольбы баронессы де Рамбур, стоящей на коленях посреди гостиной с молитвенно простертыми руками.

Мальбран Укол Шпаги схватил за ножки стул с тяжелой спинкой и поражал каждого, кто приближался к нему. Крики насилуемых, крики страдания, предсмертные крики... И остервенелый крик победителей: «*На пики!*» Анжелика увидела драгуна, несущегося по лестнице с одним из малышей Рамбуров в руках. Она устремилась вперед, но споткнулась о брошенный мушкет. Рядом валялся пороховой заряд и огниво. Она схватила мушкет и, как загипнотизированная, зарядила его, хотя совсем не знала, как это делается. Но когда подняла тяжелое оружие и спустила курок, солдат, в которого она целилась, завертелся, как марионетка, и рухнул навзничь с черной дырой вместо лица.

Она оперла ствол на перила и продолжала стрелять по красным плащам, пытавшимся подняться по лестнице. Вдруг сзади на нее обрушились тяжелые кулаки и лишили возможности действовать.

Но взгляд еще успел отметить три картины. Она увидела бегущую Барбу, которая прижимала к груди Шарля-Анри. Увидела залитое слезами лицо своей служанки Бертилии, которую держали трое солдат в непристойно расстегнутой одежде. Увидела открытые в темноту окна, из которых выкидывали тела. Потом понимание происходящего отступило под натиском примитивного страха за свою собственную судьбу. Она никогда не испытывала такого животного ужаса. Даже когда была привязана к пыточному столбу. Тогда в сознании оставались такие понятия, как «люди», «жизнь», «смерть».

В эту ночь ею владело одно отчаянное слепое стремление – вырваться, избежать того, что должно произойти. И чем больше она отбивалась, тем сильнее охватывало ее паническое чувство беспомощности. Ей припомнился эпизод в таверне «Красная Маска», когда благородные господа швырнули ее на стол, собираясь изнасиловать. Тогда на помощь пришла собака Сорбонна.

В эту ночь не придет никто! Демоны отомстят непобедимой женщине,

так часто избегавшей их западни. Они лезли отовсюду, в рогатых масках, в красных одеждах ада, с волосатыми ручищами. Этой ночью они уничтожат ее – ее и ту волшебную силу, что хранила ее от позора. Она слишком часто выходила неопаленной из греховного пламени. Ее сделают такой же замаранной, как другие. Никогда уже не будет исходить от нее сияние любовного очарования.

Зловонное дыхание над ее гордым ртом, мерзкие рожи, прижимающиеся к ее губам, тошнотворное осквернение заглушает ее крики, пальцы, словно слизняки, на ее коже и треск ткани разрываемого платья.

Тело распято, лодыжки прижаты к полу грубыми, как кандалы, руками. Ее плоть принадлежит им. В голове отдаются похабные выкрики, под грубым насилием она задыхается, как утопающая в черной воде.

Для нее это оскорбление плоти хуже, чем удар кинжалом убийцы. Это уже не ее тело, это объект стыда и позора. Невыносимая боль завладела всем ее существом, погрузила в мучительное пронзительное страдание. Но наступил милосердный миг: она лишилась сознания.

Глава XVI

Анжелика приподнялась. Она лежала на полу, щека еще хранила холод каменных плит. Предрассветный туман мешался с остатками дыма и заволакивал картины окружающего. В недоумении рассматривала она свои ободранные и обожженные ладони. Это произошло, когда она стреляла из мушкета. И даже не заметила. К ней начинала возвращаться память. Она попыталась встать... и застонала. Стоя на коленях и опираясь на руки, она задыхалась от боли. Волосы падали на разбитое лицо, и вся поза странным образом напоминала ту сцену, когда силы покинули ее и она упала на каменистую тропинку Рифских гор.

Ах! Ты думала ускользнуть от демонов, непобедимая и слишком красивая женщина! Но демоны настигли тебя там, где ты считала себя в полной безопасности, на земле твоего детства, среди всех своих. Именно здесь ожидало тебя самое страшное. Неужели ты надеялась навсегда сохранить этот взгляд на жизнь, смеющийся над препятствиями и оскорбительный для слабых душ? Теперь ты пережила самое страшное. И тебе никогда не оправиться! Ты не все еще знаешь. Анжелика, гордая Анжелика, ты не до конца еще осознала незаживающую рану, нанесенную тебе этой ночью. Мелочные сердца могут торжествовать!..

Женщина, с трудом поднимающаяся на ноги навстречу бледному дню, опирающаяся на стену, растерянно озирающаяся, никогда уже не станет той, что сражалась, надеялась, постоянно возрождалась для новых дел, для новой любви с буйной силой прекрасного растения, расцветающего при первом луче солнца.

* * *

Она машинально старалась прикрыться разодранной одеждой. Вспомнив, что с ней произошло, она издала глухой жалобный стон. Ее преследовали запахи и прикосновения. Собственное тело внушало ужас.

Распростертые тела вокруг. Выделялись красные мундиры драгун. Она не понимала, что все мертвы. Страх, что кто-то из них проснется, погнал ее к лестнице. Она начала спускаться на негнущихся ногах. На ступеньках, обняв ребенка, лежала Барба.

На руках мертвой Барбы спал Шарль-Анри. Анжелика задрожала от

охватившего ее счастья. Не веря глазам, она склонилась над ним. Свершилось чудо. Он спокойно спал, как только могут спать дети среди рушащегося мира. Длинные ресницы сомкнутых век отбрасывали на щечки тени, губы тронула полуулыбка.

– Проснись, мой маленький Шарль-Анри, – тихонько позвала она, – проснись.

Но он не просыпался. Она осторожно его пошевелила, чтобы он открыл глазки. И тогда его головка откинулась назад, как у зарезанного голубя, и на шейке она увидела зияющую рану, через которую ушла его жизнь.

Анжелика с трудом отвела руки мертвой служанки и взяла ребенка. Она успокоилась, почувствовав на плече тяжесть его податливого тельца.

Внизу, не замечая последствий резни, обходя трупы, словно ничего не значащие препятствия, она пересекла вестибюль и вышла в сад.

На пруду появились солнечные блики. Анжелика шла, ничего не ощущая: ни своего истерзанного тела, ни тяжести ребенка. Она им любовалась.

«Самый прекрасный из детей человеческих...»

Она не помнила, где слышала эту фразу.

– Самый прекрасный...

С недоверчивой подозрительностью она начала замечать его неподвижность, отрешенность, восковую бледность круглых щечек, столь же лилейно-белых, как и его длинная ночная сорочка.

– Ангелочек мой... Вернись. Я увезу тебя очень далеко... мы отправимся вместе... Ты ведь хочешь этого, да? Я буду с тобой играть...

Солнце золотило его шелковистые волосы, рассыпанные на ее плече, и они оживали, тронутые легким ветерком.

– Бедный мальчуган!.. Бедный маленький сеньор!..

* * *

Крестьяне, боязливо подхажившие по большой аллее, увидели, что она направляется к ним.

Они взяли ношу у нее из рук и отвели ее к дому управляющего Молина. Дом был разграблен, но не сожжен. Во двор вынесли стул и усадили ее. Она отказалась входить в дом. Ее уговорили выпить немного водки, и она продолжала сидеть молча, уронив руки на колени.

Вся округа, все крестьяне с соседних ферм и хуторов пришли в

Плесси. Их взгляды с изумлением следили за медленным облаком дыма, плывущим над деревьями. Все правое крыло, где располагалась кухня, сгорело. Но пожар погас сам собой, что спасло выживших. Нашли и привели в чувство Мальбрана Укол Шпаги: его чудесным образом спасла мебель, за которой он укрылся. Уцелели и три служанки, которые совсем не пострадали, если не считать, что были изнасилованы этими скотами. Они рыдали, закрывая лицо согнутой рукой.

– Да ладно вам, – отчитывали их старухи, – о чем и говорить-то. Кто хоть раз в жизни не прошел через это? Вы живы, это главное. А остальное... Быстро свершилось, быстро забылось – во в чем правда-то...

Ближе к полудню появилась беличья мордочка Флипо. Ему вместе с мальчиком-слугой удалось выпрыгнуть в окно и спрятаться в лесу.

Потом голова с кровавой повязкой на лбу прижалась к коленям Анжелики, хрупкие плечи сотрясали рыдания: аббат де Ледигьер.

– О мадам, мадам, какой ужас! Меня ранили, и я не смог защитить ни вас... ни несчастного малыша...

Вероятно, его не добились из-за сутаны священника.

Задрожав, Анжелика оттолкнула его, ужасаясь самой себе:

– Не прикасайтесь ко мне, ни в коем случае не прикасайтесь ко мне.

Где Флоримон? – вдруг спросила она.

– Не знаю. А в Рамбуре не могут найти юного Натанаэля.

Она, казалось, не слышала его и вновь впала в оцепенение. Перед ее внутренним взором возник Флоримон, хохочущий вместе с Шарлем-Анри, пока Гонтран рисовал их портрет.

С улыбкой херувима, ангелочек,
Как вы милы!
Лукавый огонечек,
Как вы милы!

– Бедная госпожа, она помешалась, – прошептала одна из женщин, помогавших ей.

– Нет, это она молится, молится святым угодникам!..

– А что это за шум возле парка? – спросила Анжелика, выходя из протрации.

– Мадам, это звенят лопаты могильщиков. Они хоронят.

– Я хочу пойти туда.

Она с трудом поднялась. Аббат де Ледигьер поддерживал ее. На

опушке леса, возле ограды, уже виднелись вырытые могилы с опущенными в них телами. На траве оставались лишь Лэн Пуару с женою да госпожа Орели. Из-за полноты их оставили напоследок.

– Маленького сеньора мы зарыли вот там, – сообщил один из крестьян, указывая на моховой холмик в отдалении.

Могилку уже украсили полевыми цветами.

Мужчина, словно извиняясь перед застывшей Анжеликой, тихо продолжал:

– Надо было побыстрее все сделать. Потом его перенесут со всеми почестями в часовню Плесси. Но часовня-то сгорела...

– Послушайте, – заговорила Анжелика. – Послушайте меня...

Ее голос вдруг окреп и поднялся до страстного крика.

– Послушайте, крестьяне! – продолжала она. – Послушайте... Солдаты убили последнего в роду Плесси-Бельер... Наследника замка. Род прекратился... Род угас!.. Они убили его. Они убили вашего господина. Нет у вас больше господина... Все кончено... Кончено навсегда... Нет больше сеньоров дю Плесси... Эта линия прервалась...

Крестьяне отвечали скорбными горестными возгласами, женщины зарыдали.

– Это преступление совершили солдаты короля. Им платят за то, что они нападают на людей нашей провинции, уничтожают урожай... Грабители, бездельники, способные только вешать и насиловать... Чужаки, которые едят наш хлеб и убивают наших детей... Неужели мы оставим их преступления безнаказанными?.. Хватит с нас этих бандитов, которые именем короля держат нас в своей власти. Сам король велел бы их повесить. Так возьмемся за это сами... Крестьяне, вы ведь не выпустите их из провинции, так ведь?.. Беритесь за оружие... надо найти их... И отомстить за вашего маленького господина...

* * *

Целый день они преследовали драгун Монтадура. Они легко находили дороги, по которым продвигались войска, и к вечеру, когда поняли, что наемники не сумели преодолеть реку и вновь повернули вглубь провинции, почувствовали какую-то горькую радость. Понимали ли солдаты, что за ними охотятся? Нет, вероятно. Но они встречали обезлюдевшие деревни, и притихшая округа, окруженная таинственными лесами, рождала тревогу.

С наступлением ночи взошла луна. Крестьяне продвигались по самым

непроходимым тропинкам оврагов. Они не чувствовали усталости. Инстинкт говорил им, что близок конец охоты. Ковер опавшей листвы заглушал звуки деревянных сабо, и их тяжелые тела двигались тихо и осторожно, наученные вековым опытом браконьерства.

Анжелика первой услышала, как позвякивают удила пасущихся лошадей.

* * *

Она сделала знак остановиться и, забравшись на край оврага, выглянула из-за ветвей. На ровном, слегка пологом пространстве поля, залитом лунным светом, спали, прижавшись друг к другу, драгуны. Их утомила ночная оргия и изнурительный дневной переход. Часовой дремал возле угасающего костра, и ленивая струйка дыма поднималась к усыпанным звездами небесам.

Мартен Женэ, один из арендаторов, возглавивший крестьян, сразу оценил обстановку. Приказы передавались шепотом на патуа, и с едва слышным шорохом часть крестьян разбежалась. Через некоторое время со стороны долины раздался дрожащий крик совы, на который отозвалась другая птица.

Часовой беспокойно зашевелился, подождал и снова задремал.

С четырех сторон поля крадучись заспешили осторожные тени. Не раздалось ни единого крика, только глухое ворчание проснувшихся и вновь засыпающих людей.

На следующий день лейтенант Горма, пытавшийся соединиться с Монтадуром, прибыл в район с отрядом в шестьдесят человек. Он разыскивал драгун. И нашел их посреди поля в позе спящих, но с перерезанным горлом. Сделано это было серпами и косами. Монтадура опознали только по толстому брюху. Его голова исчезла.

Позднее место прозвали Подем Драгунов. И с тех пор там ничего не растет, кроме чертополоха да колючего кустарника...

Так начался великий мятеж Пуату.

Часть вторая
Онорина

Глава XVII

Король осудил действия господина де Марийяка и поставил во главе провинции Бавиля. Но было поздно.

Письмо с ходатайством в защиту провинции, доставленное старым управляющим Молином, которого по прибытии в Версаль король тотчас самолично принял, пришло слишком поздно.

Пока его величество, чтобы ознакомиться с точным положением дел, вызывал Лувуа, сообщника Марийяка, человека лживого и подлого, пока отдавал приказы, Пуату запылало.

Издали трудно было понять, что решающим поводом для этого неожиданного пожара послужило гнусное убийство малютки с золотистыми локонами. С самого начала ситуация представлялась неясной, и долгое время разорение замка Плесси и исчезновение маркизы и ее сыновей приписывались разбою протестантов. Проще всего было бы кричать: «Бей еретиков!» Но уже первые отряды, попытавшиеся проникнуть в Гатин, к своему удивлению, столкнулись с католиками под предводительством некоего Гордона де Ла Ланда, старинного рода, но бывшего в немилости при дворе, как все дворяне, проживающие в своих поместьях.

И в то же время Самюэль де Ла Мориньер, гугенот, возобновил военные действия на юге Бокажа.

С приближением зимы, с ее лилово-розовыми туманами, окутывающими оголенные деревья, королевские отряды отошли на линию Люден – Ньор, проходящую через Партене. И началась война стычек, ужасная по своей жестокости и скрытности, по непримиримости со стороны тех, кого надлежало усмирить. А они были словно призраки. И все в этой стране соответствовало ее невидимым обитателям. С ними невозможно было встретиться. Безлюдный район, похожий на пустыню. С кем вести переговоры? Откуда эта неожиданная ненависть? Кем они недовольны? Королем, войсками, сборщиками налогов?.. Ради чего они сражаются? По религиозным мотивам, за свою провинцию, за свои деревни? Чего добиваются эти мужланы и вдруг рассвирепевшие нелюдимые дворянчики?

На Королевском совете считалось вполне естественным воздевать руки к небу и теряться во всевозможных предположениях. На самом же деле никто не хотел произнести вслух то, что знали и чувствовали все.

Никто не хотел признавать этого вопля, этого глухого рычания раненого загнанного зверя, который решил бороться до конца. Последняя вспышка людей, не желающих становиться рабами.

Зимой в Пуату начал ощущаться результат недорода. Действия господина де Марийяка по обращению в истинную веру путем уничтожения урожая протестантов привели к нарушению общего равновесия хозяйства, уже обремененного разорительными налогами и неурожаем предыдущего лета. Пока Монтадур жег хлеба возле протестантских храмов и католических колоколен, фискальные агенты разрушали жилые дома, чтобы продать балки их перекрытий. Они забирали в счет «подати» кровати, одежду, рабочий скот и даже печеный хлеб, эти круглые ароматные хлебы величиной с колесо, лежащие на полках в ожидании шести долгих зимних месяцев. Какое значение имеет один разоренный человек! Но если не один, а много, то это уже покинутая деревня, нищие на дорогах с наступлением осени, исхудавшие люди, спасающиеся от голода. Они начнут отнимать у тех, кто отнял у них.

Обозы с продовольствием для армии, движущиеся со стороны Нанта, полностью разграбили крестьяне.

А когда небо стало ясным, пригрело солнышко и зародилось ожидание даров лета, разруха прикончила всякую надежду – и наступил страшный голод.

Понемногу стала вырисовываться роль какой-то женщины в этом пожаре ненависти и то, как ей удалось направить к единой цели протестантов и католиков, дворян, крестьян и горожан из маленьких городков.

Рассказы об этой женщине вызывали у некоторых придворных улыбку.

Но другие им верили! Еще не так далеки были времена великих французских воительниц, и невозможно забыть, что существовала когда-то вышедшая из недр народа женщина по имени Иоанна, которая вела в бой рейтаров. А эта не была крестьянкой, потому что ей подчинялась и местная знать. Безвестные дворянчики знатных родов, над которыми потешались в Версале, потому что они были беднее гезов, не только понемногу собрали своих людей, но каким-то чудом даже вооружили их.

Пошло в дело различное оружие, висевшее на стенах над очагом: мушкеты, копья и алебарды, старинные кремневые или фитильные аркебузы, «ландскнехтки», короткие обоюдоострые шпаги, – воспоминание о немецких ландскнехтах времен Религиозных войн. Бородатые, украшенные перьями, в пестрых лохмотьях, тогда они были грозой

мирного населения. И теперь их воинственные души вселились в тех, кто держал в руках их шпаги, подобранные на полях сражений. Встречались даже луки и стрелы браконьеров – грозное оружие, если им пользовались люди, незаметно рассевшиеся на ветвях дубов над размытыми дорогами. И королевские солдаты горько сожалели о прежних кирасах.

Говорили также, что эта женщина молода и красива, потому-то и подчиняются ей главари. Она скачет на лошади как амазонка, закутавшись в темный плащ с большим капюшоном, под которым скрывает свои волосы.

* * *

Анжелика побывала во всех замках округи, во всех поместьях. Она посещала старинные горделивые замки, готовые к защите, возвышающиеся на холмах, окруженные рвами со стоячей водой или возведенные на откосе скалы над рекой. В их высоких, уже бесполезных донжонах собиралось перед жалким камельком процоженное семейство. Она приезжала в замки эпохи Возрождения, возведенные для празднеств, с анфиладой запертых огромных залов, в которых жили лишь мыши. Там стоял лютый холод. Местные вельможи были слишком бедны для таких покоев, или же у них при дворе в Версале был сынок, проматывавший наследство. Заезжала она и в поместья, выстроенные из больших камней, более удобные для жизни своей буржуазной простотой, где незаметно существовали люди, безнадежно мечтавшие подняться повыше.

Анжелика легко находила общий язык с их хозяевами. Она называла имена, говорила о прошлой славе их предков и об их нынешнем унижении.

Они собирали крестьян во дворе замка или в отдаленных ландах. И когда она появлялась перед ними, верхом на лошади или на верхней ступени серой каменной лестницы, гордая фигура в темном плаще, и начинала говорить четким спокойным голосом, далеко разносившимся в морозном воздухе, эти простодушные люди пробуждались как от толчка и вдруг становились очень внимательными к ее словам.

Все, что она обличала, уже давно терзало их молчаливые сердца. Она напоминала о двух страшных годах, 1662 и 1663 год, когда ели сено и траву, когда ели кору деревьев, корни и капустные кочерыжки, когда мололи скорлупу лесных орехов вместе с желудями, добавляя эту муку в последнюю горсть ржи или овса. Она говорила об умерших детях, об исходах в города – именно в это время Никола и оголодавшие крестьяне,

как волки, пробрались в Париж и смотрели на короля, его брата и принцев, обвешанных драгоценностями.

А в следующем году, когда они уже начали зализывать свои раны, министр Кольбер ввел налог на соль, тот, который прозвали «налог на горшок и солонку» или «налог на соленую рыбу и солонину». Тогда всех заставили покупать необходимые приправы в королевских «закромах» и на вес золота...

Напоминая об этом, она касалась того, что тревожило всех французских крестьян. С приближением надвигающихся катастроф крестьяне, не имевшие зимой занятий, видели в призыве к восстанию прежде всего возможность целый сезон не платить налоги. Раз они бунтуют, значит можно бросать в колодцы сборщиков податей или прогонять их вилами. И какая удача, сохранить для себя то небольшое, что имеешь.

– Ваши подлинные сеньоры только те, что живут здесь, – говорила им Анжелика. – Они голодают вместе с вами. Сколько раз приходится им платить десятую часть дохода, подушную подать, десятину, талью, пошлину на свежераспаханные земли в их фьефе?.. Они делают это, чтобы защитить вас от грабительских рук.

– Правда... Правда... – бормотали крестьяне.

– Идите за ними. Они приведут вас к благоденствию и справедливым законам. Пора кончать с вашей нищетой.

Анжелика приводила и цифры: расточительство, которое она наблюдала при дворе, торговля должностями, сделки крупных финансистов, все махинации, которые принуждали правительство каждый год выискивать новые источники поступления денег, то есть искать их на дне крестьянских горшков.

Масоны де Ла Гюйоньер, Гуаларды д'Амбуаз, Шесброны де Ла Фульер, Обери д'Аспремон, Гросбуа, Гинефуа и многие другие даже из самых захудалых родов – все взялись за оружие.

Такие города, как Партене, Монтерей, Ла-Рош, еще колебались, но их принудили: одних силой, других победой протестантских войск, а иногда и уговорами. У многих горожан также накопились претензии к королю. Анжелика умела их убеждать языком денег и здравого смысла. Городские припасы перераспределялись с учетом наступающего голода. Но эти распоряжения и грабеж военных обозов не смогли бы спасти население, отторгнутое королевством, если бы жители атлантического побережья не присоединились к своим братьям из Бокажа.

В этом краю, почти сплошь населенном протестантами, добывалась

соль, предмет острых, почти столетних споров между народом и короной. Понс ле Палюд, контрабандист солью из Сабля, привлек друзей, занимающихся этим промыслом. Отныне продукты по неизвестным речушкам тайно поступали в Пуату с дикого морского побережья. Платили золотом. Один горожанин из Фонтене-ле-Конт сумел убедить своих товарищей по цеху, что золото ничему не поможет, если ты умрешь от голода.

Французское королевство наблюдало за Пуату. Зима служила таким же жестким испытанием, как и восстание. Власти ожидали отступления холодов и туманов, снегов и льдов, чтобы войти в этот бастион и пересчитать там трупы. Но жители Пуату продолжали жить.

* * *

На протяжении всей холодной зимы Анжелика, ночуя в крестьянских домах, редко задерживалась в одном месте. Она сама навещала тех, кто был ей нужен, садилась перед камином с гербом старого замка или возле котла фермерши, а иногда и в задней комнате лавки крупного купца, пользующегося влиянием в своем городе. Ей нравилось разговаривать с разными людьми, и быстрота, с которой она входила с ними в контакт, утверждала ее в правильности убеждений. Дело росло как на дрожжах. Чувствовалось, что назревали важные события!

Но любимым ее убежищем оставались овраги, в которых гулко раздавался стук копыт ее лошади и коней эскорта.

В числе сопровождавших Анжелику находился и барон дю Круассек. К нему первому обратилась она с просьбой о пристанище. С тех пор толстяк вместе с кем-нибудь из своих слуг повсюду следовал за ней.

Протестанты, служившие у Анжелики, ушли в войско де Ла Мориньера. Остальные под руководством арендатора Мартена Женэ создали что-то вроде отряда вольных стрелков: каждый оставался в своем доме, но по первому сигналу должен был явиться в отряд с оружием в руках.

Анжелику сопровождали уцелевшие слуги замка Плесси: конюх Алэн, помощник повара Камил, старый Антуан со своей аркебузой, Флипо, парижский парнишка, не находивший себе применения в этих лесах, и Мальбран Укол Шпаги, постоянно недовольный, но на самом деле счастливый, что вновь испытывал трудности военной кампании. Аббат де Ледигьер неотступно держался возле Анжелики. Он бросался ее искать, как

только терял из виду. Аббат опасался того, что таилось за ее неподвижным холодным лицом, за пристальным взглядом. Его преследовал страх, что она покончит с собой.

Иногда, во время отдыха, она погружалась в глубокое молчание и, казалось, не замечала присутствия окружающих. Сейчас она сидела возле камина в большом зале, стены которого украшали гобелены и оружие. Это напоминало ей обстановку детства. Снаружи бушевал ветер, сотрясая обветшалые ставни. На остроконечных башнях скрипели флюгеры. По временам скрежет ставен заглушался размеренным стуком сапог герцога де Ла Мориньера по каменному полу. Он также находился здесь, ходил вдоль и поперек, и его огромная тень колебалась от вспышек пламени в камине. Время от времени он останавливался, чтобы подбросить в очаг охапку терновника. Этой женщине холодно, надо ее согреть. И вновь продолжал метаться, как зверь в клетке. Его взгляд останавливался на профиле Анжелики, сидевшей в забытьи, и на хрупком силуэте аббата де Ледигьера, расположившегося в некотором отдалении на табурете и клевавшего носом от крайней усталости. Тогда он что-то бормотал в бессильной ярости. Но бесило его вовсе не присутствие маленького аббата.

Препятствие, возникшее между ним и этой женщиной, которую он с каждым днем желал все более страстно, было иного рода, чем постоянное присутствие изящного пажа с девичьими глазами. Он устранил бы его ребром ладони, если бы не существовало иного барьера, против которого были бессильны и его несгибаемая воля, и любовная страсть.

Анжелика ускользала от него навсегда.

Узнав о нападении на замок Плесси, он двинулся туда форсированным маршем. Много дней он разыскивал владелицу замка. Он нашел ее. К ярости, овладевшей Самюэлем де Ла Мориньером после преступления, свершенного солдатами Монтадура, примешивалось незнакомое дотеле чувство страдания. Мысль, что эту женщину обесчестили, сводила его с ума. Пока он искал ее, у него неоднократно возникало желание заколоться собственной шпагой, лишь бы прекратить терзания души и тела. Он даже не мог произнести имя Господне, не мог воззвать к Нему.

Однажды вечером, сидя на ступеньках подножия Вербного креста на перекрестке, продуваемом всеми ветрами, под небом, по которому неслись тучи, этот жестокий человек ощутил, что его сердце кровоточит, а лицо заливают слезы. Он любил. Образ Анжелики озарился сиянием восхитительного открытия: он познал любовь.

Отыскав ее, он готов был упасть перед ней на колени и целовать подол ее платья. Ее взгляд был спокоен, глаза, обведенные темными кругами,

хранили тайну. Ее как бы отступившая и словно измученная красота перевернула ему душу, а мечты только разжигали любовный жар.

Оставшись с ней наедине, он попытался ее обнять. Она побледнела и отступила. Ужас исказил ее лицо.

– Не подходите ко мне, только не подходите ко мне...

Ее ужас свел его с ума. Он хотел целовать эти оскорбленные губы, стереть все страшные следы и своими поцелуями очистить ее. Сознание затмил необъяснимый бред, в котором смешались отчаяние, страстная любовь, стремление к обладанию. Он пренебрег ее мольбой и горячо прижал к себе. Но, увидев ее побледневшее, искаженное страданием лицо, закрытые глаза, пришел в себя. Она потеряла сознание. Дрожа от ужаса, он опустил ее на плиты пола.

Прибежал аббат де Ледигьер и из серафима превратился в карающего ангела:

– Вы негодяй! Как вы посмели к ней прикоснуться?

Он оторвал от Анжелики огромные волосатые лапы, он сражался с этим Голиафом...

– Как вы посмели?.. Значит, вы так ничего и не поняли?.. Она этого больше не выносит... Она не может терпеть, чтобы к ней прикасался мужчина... Какой негодяй!..

Потребовался целый час, чтобы привести ее в чувство.

В течение месяцев военных действий герцог де Ла Мориньер и Анжелика встречались иногда у своих сторонников. Это были томительные вечера, когда хозяева, охваченные неясным страхом, оставляли наедине гугенота и католичку. Молчание. Звук шагов. Вспышки пламени в очаге. Так протекали часы этой непонятной мучительной драмы.

* * *

К февралю Анжелика оказалась недалеко от Плесси. Она не хотела видеть развалины своего старого жилища и остановилась у дворянина Гемене дю Круассека. В нерушимой преданности делу Анжелики толстый барон обрел оправдание своему полурастительному существованию мелкопоместного холостяка. За эти четыре месяца он суетился больше, чем за целую жизнь. Он считал себя надежным другом Анжелики, другом, на которого она может положиться в любой ситуации, и никогда ей не мешал. Трое Ла Мориньеров и другие предводители заговорщиков также собирались у него для обсуждения сложившегося положения. Следовало

ожидать, что с приходом весны королевские войска перейдут в повсеместное наступление. Север защищен был плохо. Можно ли рассчитывать на бретонцев, которые и бретонцы-то только наполовину, поскольку поселились уже на этом берегу Луары?

Вскоре в окрестностях начались ожесточенные бои. Королевские войска уделяли этой округе особое внимание, потому что именно здесь все и началось. К тому же стало известно, что здесь находится и Мятежница из Пуату. За ее голову назначили награду, хотя никто не знал ни ее имени, ни звания. Поле, на котором перебили драгун, располагалось неподалеку, и воспоминания об этой резне возбуждали охотничий пыл военных. Анжелика едва не попала в засаду. Ее спас мельник Валентин, у которого она укрылась вместе с раненым аббатом де Ледигьером. Чтобы уберечь ее от возможного преследования, Валентин увез Анжелику на болота, недоступные для чужих.

Глава XVIII

Анжелика провела в болотной избушке Валентина несколько недель. Лачуга, стоящая у самой воды, с почерневшей соломенной крышей, нахлобученной, словно огромный меховой колпак, оказалась довольно удобной. Специальная обмазка – секрет «шалашников», – сделанная из голубой глины, соломы и навоза, как войлоком, покрывала стены изнутри, предохраняя от сырости и холода. В домишке было тепло и сухо, а когда в очаге над кусками торфа плясало короткое фиолетовое пламя, то становилось жарко и забывался угнетающий окружающий пейзаж, пропитанный сыростью.

Избушка состояла из единственной комнаты и пристройки, то ли стояла, то ли хранилища вина. Там позвякивал колокольчик козы. Валентин привез ее на плоскодонке, чтобы иметь сыр и свежее молоко. В каменном чану извивались черные угри для варева. Запас фасоли и лука, печеные хлебы хранились на полке повыше. Здесь же стоял и бочонок с красным вином. Обстановка отличалась разнообразием. Если кровать с тюфяком из папоротника, положенного на доски, была самой заурядной, то мэтр Валентин не преминул привезти на болота статуэтку Девы Марии, столь дорогую сердцу каждого жителя Вандеи. Существовало твердое убеждение, что сокровище хозяина Уклейкиной мельницы – самое красивое. Оно представляло собой странное сооружение, состоящее из стеклянного колпака, под которым вокруг изображения Богородицы располагались цветы из ракушек и бусинок, кружева, ленты, подвески из цветных камешков и солнце, выложенное из настоящих золотых экю. Анжелика уже видела его прежде и, глядя на него теперь, испытывала странное чувство возврата в прошлое. На короткий миг время замерло, и вернулось простодушное детское восхищение. Но она быстро пришла в себя, вновь ощутив терзания души и тела, которые копошились, подобно клубку угрей в чане. Темные мысли кружились, как чертово колесо, доводя ее порой почти до физического головокружения. Ей приходилось опираться о стену, под ногами словно открывалась пропасть. Подсознательно наступал страх перед окружавшей или таящейся в ней самой страшной опасностью. Потом она успокаивалась, и возвращалось ощущение относительного спокойствия.

На болотах она не испытывала желаний, охватывавшего ее на твердой земле, бежать без оглядки, поспешно возводить преграды между собой и

гневом короля Франции. Ужас перед Людовиком XIV превратился в навязчивую идею. Сюда королевские солдаты никогда не посмеют сунуться. Она решила немного передохнуть. А весной, с наступлением военных действий, она снова выйдет из болот. Ее присутствие необходимо. Чтобы поднять дух сражавшихся, она должна каждому напомнить о цели восстания.

Валентин рассказывал новости. Страна притихла. Но оставалась в боевой готовности. Продолжали набирать войска, но, главное, боролись с голодом. Мятеж служил защитой, и скудные припасы жителей не пропадали в бездонном колодце поборов и налогов. Поэтому страна как-то выживала. Люди радовались: «Жить еще можно, когда сам выкручиваешься как можешь». Но сумеют ли они защитить свободу в случае необходимости?.. К этому тоже готовились.

Мэтр Валентин приходил почти ежедневно. Проводил ли он остальное время на мельнице? Ходил ли рыбачить или охотиться в камышах? Он часто приносил верши, полные рыбы, или привязанных к палке птиц в блестящем оперении, со свисающими головками.

Обитатели избушки разговаривали мало. Больной аббат спал на сене на чердаке. Травяные припарки залечили рану, но его часто лихорадило. Он превратился в молчаливую скорбную тень среди двух других теней, также погруженных в свои мысли. Три таких разных существа, окруженные стоячими водами болот: красивая женщина с трагической судьбой, странный молчаливый тяжелодум-мельник, дрожащий в лихорадке бледный придворный аббат.

Анжелика спала на тюфяке, набитом папоротником, укрываясь тяжелой овчиной. Она погружалась в глубокий сон без сновидений, непривычный для нее в прошлом. Казалось, что пережитая драма не отразилась на ее организме. Просыпаясь, она прислушивалась к шуму дождя, барабанящему по неподвижной поверхности болот, усиливающих его тихий шорох, или к кваканью лягушек, к пронзительным крикам водяных крыс, к призыву ночных птиц – ко всем этим звукам водяных зарослей. И душу наполнял покой.

Когда Валентин оставался в избушке, она видела его по ночам сидящим в плетеном кресле из соломы и полированного дерева. Его глаза оставались открытыми, и отблеск голубоватого пламени скользил по грубому угрюмому лицу, лишенному всякого выражения. По временам в его взоре загорался какой-то огонек. Ей казалось, что он на нее смотрит. Тогда она закрывала глаза и засыпала.

Мэтр Валентин ничего для нее не значил, разве что привычное

присутствие прошлого, которое продолжало ей служить. Он нарезал куски торфа для очага, доил козу, квасил молоко в ларе под камнем очага, готовил суп и рыбу и поджигал вино, чтобы соус варева не горчил. Он мог бы стать отличным поваром, достойным служить у великого Вателя. Иногда Валентин приносил ей корзинку бриошей и лепешек с сыром, испеченных из самой хорошей муки, – те местные лепешки, что готовят только на Пасху. Их корочка должна быть черной, а мякоть – золотистого цвета. И Анжелика с неожиданной жадностью накидывалась на них. Ей постоянно хотелось есть. Слабый свет, похожий на улыбку, появлялся в бесстрастных глазах мужчины, пока он смотрел, как ее белые зубы погружаются в лепешку. Ей становилось не по себе, она откладывала лепешку и выходила наружу, чтобы избежать его взгляда.

* * *

Анжелика поселилась на болотном островке еще зимой, когда затопленная земля напоминала о разливах первобытных рек, чьи соленые отложения содержали ископаемых морских ежей, моллюсков и ракушки. Иногда в тростники прилетали гнездиться морские птицы. Высокие тополя, привезенные при Генрихе IV из Голландии, а также ольха, осина и ясень изменили морской пейзаж. Деревья казались тщательно прорисованными черной тушью на отблесках воды или на прозрачной туманной дымке фарфора. В вышине кричали птицы, кружась над безрадостным пейзажем. Стоя в тростниках, Анжелика терялась взглядом в сплетении сучьев, ветвей и стройных стволов, вырастающих из собственного отражения в сложном мире болот. Этот черно-белый офорт завораживал сердце, и ей начинало казаться, что она видит в тумане Флоримона, Шарля-Анри и Кантора, три маленькие далекие фигурки, держащиеся за руки.

– О сыночки... сыночки мои!.. – звала она, заламывая руки.

* * *

Она кричала, и голос замирал в необъятном пространстве. Тогда приходил аббат де Ледигьер, ласково брал ее за руку и уводил в дом.

«Ты принесла в жертву своих сыновей! – обвинял внутренний голос. – Несчастливая!.. Безумная!.. Тебе не следовало покидать Версаль, нельзя было ехать на Восток, который изменил тебя. Ты должна была подчиниться

королю. Должна была спать с королем...» И она рыдала, продолжая тихонько их звать и прося у них прощения.

Весна выдалась ранняя и буйная, она покрыла огромные пространства изумрудной зеленью, украсила безрадостный пейзаж роскошным убором, вернула грядкам с кресс-салатом их таинственный сине-зеленый цвет. Расцвели нимфеи с запахом меда и воска. Стрекозы в поисках кустиков незабудок и мяты прочерчивали воздух своим легким полетом. В заводях ревели дикие утки, хохлатые удоны, толстые серые гуси, осторожные цапли. За склоненными ветвями бесшумно проплывали лодки. Болота, как и бокажи, только кажутся пустынными, на самом деле они скрывают разнообразную и бурную жизнь. Шалашники, ведущие свое происхождение от колиберов, образовали многолюдную независимую республику. «На болотах живут плохие люди, они не платят налогов ни королю, ни епископу», – рассказывала когда-то кормилица...

Стоял март, но было очень тепло.

– Зима выдалась не очень суровой, – однажды вечером сказала Анжелика мэтру Валентину. – Наверное, нам помогают духи. Скоро мне придется вернуться на твердую землю.

Мельник поставил на стол кувшинчик красного вина и глиняные стаканы. Ужин закончился. Аббат де Ледигьер отправился на чердак спать на охапке сена. Наступил тот час, когда Анжелика и Валентин, сидя перед очагом, пили теплое вино, настоянное на травах и корице. Валентин налил Анжелике и сам устроился на табурете, шумно вкушая напиток. Она с удивлением, словно видя впервые, смотрела на его сильную сутулую спину в полукафтани из серого сукна и на его грубые башмаки с металлическими пряжками. Не горожанин, но и не крестьянин. Мэтр Валентин, хозяин Уклейкиной мельницы. Незнакомец, живущий здесь постоянно.

Он поглядывал на нее поверх стакана своими серыми глазами:

– Ты собираешься уйти?

Валентин говорил на патуа, и она отвечала так же.

– Да, я должна понять, где наши люди. Летом начнется война.

Шумно дыша, он налил себе второй и третий раз.

Потом поставил стакан на стол и встал перед Анжеликой, опустив руки и не сводя с нее внимательного взгляда.

Недовольная таким вниманием, Анжелика протянула ему пустой стакан:

– Поставь его.

Он послушался, но продолжал ее разглядывать. У него было красное рябое лицо, а за приоткрытыми губами угадывались гнилые зубы.

До сих пор Анжелика не задумывалась о безлюдности этих мест, но в этот вечер она ощутила беспокойство.

– Пойду спать, – пробормотала она, нервно сжимая подлокотники кресла.

Он сделал к ней шаг:

– Я постелил свежий папоротник из подлеска, чтобы было помягче.

Он наклонился, взял ее за руку и взглянул умоляюще:

– Ляжем вместе на папоротник.

Анжелика, словно обжегшись, отдернула руку:

– Что с тобой? Ты рехнулся?

Она вскочила, глядя на него с беспокойством. Ужас, который он ей внушал – как и любой мужчина теперь, – мешал защищаться. Сердце бешено билось. Если он к ней прикоснется, она лишится чувств, это уже случилось с герцогом де Ла Мориньером. Она трепетала при воспоминании о страшных спазмах, душивших ее в тот раз, а воспоминание о ночи в Плесси повергло в отчаяние и сковало ужасом. В глазах мельника горел пугающий огонек. Опасный и обжигающий.

– Не прикасайся ко мне, Валентин!

Его высокая, немного сгорбленная фигура нависала над ней. Нижняя губа оттопырилась, придав глуповатый вид, над которым она когда-то смеялась.

– А почему бы и нет, – произнес он с усилием. – Я-то ведь люблю тебя... Вся моя жизнь перевернута этой любовью, она иссушила мне сердце... И я долго ждал этого часа... Я ведь думал, что это невозможно, а потом понял, что теперь я тебя получу...

«Как Никола! – пронеслось у нее в голове. – Как Никола...»

– Я следил за тобой, пока ты здесь. И вижу, что ты толстеешь как жеребая кобыла. И сердцем возрадовался, потому что понял, что ты не фея... и я могу тебя ласкать, не боясь, что наведешь порчу...

Она, не понимая, слушала эти странные признания, которые он хрипло и в то же время нежно бормотал на своем патуа.

– Пойдем, милочка, красавица моя... Пойдем ляжем на папоротник.

Он прижал ее к себе. Его рука долго гладила ее плечи.

Анжелике удалось овладеть собой, и она изо всех сил ударила его кулаком по лицу:

– Отпусти меня, мужлан!

Валентин вздрогнул и от неожиданности отпустил ее. Он вновь превратился в хозяина Уклейкиной мельницы, жесткого и вспыльчивого характера которого опасалась вся округа.

– Как и тогда, – прорычал он, – как и тогда, ночью на гумне, у Шодо! Ты все такая же, ну и пусть. Теперь-то я не боюсь, ты ведь не фея. И ты заплатишься. Сегодня ночью я возьму тебя.

Он произнес последние слова с пугающей решительностью. Потом, отвернувшись, тяжелым шагом подошел к столу и налил вина.

– Я не спешу, но попомни: мэтра Валентина не оскорбляют безнаказанно. Ты иссушила мне сердце и заплатишь за это!

Она поняла, что необходимо успокоить этого безумца.

– Пойми меня, Валентин, – сказала она прерывающимся голосом, – я вовсе не презираю тебя. Но будь ты хоть королем, я оттолкнула бы тебя. Я не выношу, чтобы меня трогал мужчина. Уж так получилось. Это как болезнь. Пойми меня...

Валентин внимательно слушал, глядя недобрым взглядом. Потом отер тыльной стороной ладони влажные от вина губы.

– Неправда. Все ты врешь. В руках у других ты, небось, хихикала. И уж один-то точно тебя трогал, тот, что оставил тебе в животе подарочек.

Это было обычное выражение на юго-западе, хотя иногда оно звучало и на севере. Анжелика знала его. Подарочек! Ребенок!..

– Какой подарочек? – спросила она с таким непониманием, что он невольно растерялся:

– Да как же! Тот, что ты носишь. Вот потому-то я и понял, что ты не фея. Феи, говорят, не могут забеременеть от человека. Мне это один колдун объяснил. У настоящих фей детей не бывает.

– Какой ребенок? – закричала она срывающимся голосом.

Перед ней разверзлась пропасть. Она зияла у нее под ногами. Возникла еще не до конца осознанная угроза, она разрасталась, становилась очевидной; теперь она понимала, что повторяющиеся головокружения, которые столько раз она принимала за физическое недомогание, были вызваны развивающимся в ней существом.

– Ты не можешь сказать, что не знала, – продолжал приглушенно звучать отдаленный голос мельника. – Ты же носишь его уже лун пять или шесть.

Пять или шесть лун!.. Не может быть. Ведь после Колена Патюреля она не любила ни одного мужчины. Она никому не отдавалась...

Пять или шесть лун!.. Осень!.. Красная ночь в Плесси, выстрелы, кровь, пожар, плачь перепуганных детей, вопли женщин, невыносимый вид драгун с расстегнутыми штанами... Борьба и страдание, безумное унижение – и вот через пять лун жуткое открытие.

Она душераздирающе закричала, подобно раненому животному:

– Нет. НЕТ! Только не это!

В эти месяцы, пока она скакала по Пуату, поглощенная одной-единственной целью, не обращая на себя внимания, она ничего не замечала. Она стремилась забыть о своем теле и не задумывалась о некоторых странностях, которые приписывала перенесенному потрясению и усталости от езды.

Теперь она все вспомнила и перед ней открылась истина. В ней жил чудовищный плод. Она натянула под лифом платье. Талии больше не было. Ее безумный вид привел Валентина в замешательство.

Наступила такая тишина, что было слышно, как в тихой воде перед домом играет рыба.

– Ну и что такого? – продолжал мельник. – Ты стала еще красивее...

Он подошел к ней. Она увернулась от его протянутых рук и в полном смятении спряталась в темном углу, не в состоянии произнести ни звука. Мельник схватил и обнял ее.

В этот момент сильный удар потряс дверь, деревянный засов отскочил и высокая фигура Самюэля де Ла Мориньера наклонилась, чтобы войти в хижину. Он огляделся и зарычал, увидев пару.

С тех пор как Анжелика пропала, его снедало беспокойство. Ему говорили, что ее держит в плену проклятый мельник, что он заколдовал ее. К черту эти дурацкие суеверия! Но все равно этот мельник-папист подозрительная, опасная личность. Почему эта знатная дама пошла за ним? Почему не возвращается? Не в силах выносить дольше неизвестность, он нашел проводника и отправился к ней.

И вот он пришел и застал ее в объятиях этой грубой скотины.

– Я перережу тебе глотку, мужлан! – завопил он, обнажая кинжал.

Мэтр Валентин едва увернулся от удара. Он пригнулся и отскочил в другой конец комнаты. Ярость и разочарование превратили его лицо в такую же страшную маску, как и лицо гугенота.

– Вы ее не получите, – задыхаясь, прохрипел он глухим голосом. – Она моя.

– Подлец, свинья, я выпущу из тебя кишки!

Мельник не уступал в силе и крепости протестантскому сеньору. Но он был безоружен. Он начал бегать вокруг стола, не сводя взгляда с пришельца, охваченного безумной ревностью. Тот подстерегал момент, чтобы нанести смертельный удар. Огонь угас, и углы комнаты погрузились в темноту.

Валентин старался подобраться к топору лесоруба, спрятанному за мучным ларем.

Анжелика бросилась к лестнице, ведущей на чердак, разворошила сено и, наклонившись над безмятежно спящим Ледигьером, принялась со всех сил трясти его:

– Аббат!.. Они дерутся... Они дерутся из-за меня.

При тусклом свете старого фонаря, подвешенного к балке, молодой человек с удивлением смотрел на перепуганную женщину с широко открытыми глазами, стучащую от страха зубами.

Он протянул руку:

– Не бойтесь, мадам, я здесь.

Внизу раздался нечеловеческий вопль и глухой звук упавшего тела.

– Вы слышите?..

– Ничего не бойтесь, – повторил он.

Аббат схватил лежащую возле него шпагу и вслед за Анжеликой соскользнул по лестнице. Они увидели упавшего лицом вниз сраженного Патриарха гугенотов. Его череп был расколот, в спутанной гриве зияла кровавая открытая рана.

Стоя у стола, Валентин пил прямо из кувшина. Рядом стоял окровавленный топор. На сером полукафтоне виднелись пятна крови. Он оглядел их взглядом безумца.

Глава XIX

При виде Анжелики он опустил на стол кувшин, крикнув от удовольствия.

– Чтобы завоевать принцессу полагается убить дракона, – сказал он заплетающимся языком. – Дракон явился, и я его убил... Дело сделано. Я заслужил тебя, так ведь?.. Теперь ты не улизнешь.

Он направился к ней, спотыкаясь, пьяный от вина, насилия и неудержимого желания. Аббат, которого он не заметил, проворно выскочил из-за спины Анжелики и встал перед ней, подняв шпагу.

– Назад, мельник, – спокойно произнес он.

Появление хрупкого священника озадачило Валентина. Но он быстро пришел в себя. Обуревавшая его похоть не позволяла прислушаться к разумным доводам.

– Убирайтесь, аббат, – проворчал он, – эти дела вас не касаются. Вы же девственник. Убирайтесь.

– Оставь в покое эту женщину.

– Она принадлежит мне.

– Она принадлежит только Богу. Отойди, покинь дом. Ты можешь навечно загубить свою душу.

– Хватит проповедей, аббат, пропустите меня.

– Во имя Христа и Пречистой Девы, приказываю тебе удалиться.

– Да я раздавлю вас как клопа.

На кончике протянутой шпаги блеснул отсвет почти угасшего пламени.

– Не подходи, мельник, – тихо проговорил аббат. – Заклинаю тебя, не приближайся.

Валентин бросился на него.

Анжелика закрыла лицо руками.

* * *

Мельник отступил, зажав бок руками. Сделав шаг, он рухнул на камень перед очагом.

– Аббат, отпустите мне грехи!.. – вдруг завопил он. – Причастите меня. Помираю!.. Не хочу умереть в смертном грехе... Спасите... Спасите

от ада, я ж помираю...

Крики несчастного наполнили хибарку. Потом они затихли, сменившись стонами и звуками агонии, к которым примешивался шепот молитв священника, стоящего на коленях возле умирающего.

И наконец наступила полная тишина.

Анжелика не могла пошевелиться. Аббату пришлось одному вытащить оба трупа наружу, погрузить их на плоскодонку и столкнуть в темную воду подальше от хижины.

Когда он вернулся, молодая женщина оставалась все в том же состоянии. Аббат осторожно закрыл дверь, подошел к очагу и подложил куски торфа и ветки, чтобы поднять угасшее пламя. Потом взял Анжелику под руку.

– Садитесь, мадам, погрейтесь, – сказал он вполголоса. – Человек, приведший герцога, сбежал, я слышал, как уплывала его лодчонка. Он из колиберов и ничего не расскажет, – продолжал он, когда Анжелика немного ожила.

Ее била крупная дрожь.

– Это ужасно! Ужасно!

– Да, ужасно... Смерть обоих...

– Нет, ужасно не это. Ужасно то, что он мне сказал.

Она пристально на него посмотрела:

– Он сказал, что я жду ребенка!

Покраснев, молодой человек потупился.

Анжелика яростно затрясла его за плечо:

– Вы знали и ничего мне не сказали.

– Но я думал, мадам... – пролепетал он.

– Безумная... Я просто безумная... Как я могла так долго ничего не подозревать...

Она действительно уверилась, что сошла с ума. Аббат де Ледигьер хотел взять ее за руку, но она отстранилась, потому что в ней вдруг шевельнулось что-то непонятное. Это было хуже, чем если бы ее живьем пожирало мерзкое чудовище.

Она начала биться, рвать на себе волосы, хотела утопиться в болоте, а он успокаивал и удерживал ее. Она отбивалась, и его тихие торжественные слова о Боге и о жизни, молитвы и слова любви, которые он шептал, заливаясь слезами, не доходили до ее сознания, погруженного в страшный бред.

Наконец она успокоилась, и черты лица мало-помалу приобрели прежнее спокойное выражение. Аббат с тревогой следил за ней, он

понимал, что она приняла какое-то ужасное решение. Но Анжелика постаралась успокоить его улыбкой:

– Идите спать, дорогой мой, вы уже не держитесь на ногах.

Ее рука ласково потрепала темные волосы, обрамляющие тонкое лицо юноши с прекрасными глазами, в которых читалось выражение мучительного страдания и пылкого обожания.

– Все, что вас мучает, мадам, отдается страданием в моем сердце.

– Я знаю, бедный мой мальчик.

Она с облегчением прижала его к груди, ощущая его чистоту и любовь. Только это было для нее теперь дорого в жизни.

– Бедный мой ангел-хранитель... Идите спать.

Он поцеловал ей руку и с сожалением ушел, охваченный беспокойством. Он так измучился, что спотыкался на перекладинах лестницы и тяжело рухнул на свое ложе.

Она неподвижно просидела еще несколько часов, потом, с первыми проблесками зари, бесшумно встала, закуталась в плащ и вышла из болотного домика. У порога находилась лодка мельника, привязанная цепью к кольцу в глинобитной стене домика. Она отвязала лодку и, взяв деревянное весло, с которым управлялась лучше, чем с шестом, столкнула ее в зеленое русло канала. Едва рассветало. Вокруг раздавались крики пробуждавшихся птиц.

Анжелика подумала о юном аббате. Он проснется и станет в отчаянии ее звать. Но ему не удастся догнать ее и помешать исполнить задуманное. В пристройке есть ялик. В крайнем случае, он может им воспользоваться, чтобы добраться до болотных шалашников.

На горизонте взошло солнце и окрасило в лиловатое золото светлый прозрачный туман. Становилось жарко. Анжелика немного поблуждала в зеленовато-жемчужно-серых каналах. Но все же еще до наступления дня добралась до суши.

Глава XX

– Ты это сделаешь, Мелюзина, ты это сделаешь, или я прокляну тебя.

Анжелика вцепилась в костлявые плечи старухи. Ее грозный взгляд скрестился со взглядом колдуньи. Они походили на сражающихся гарпий, и если бы кто-нибудь увидел их в сумерках пещеры – с растрепанными волосами, со сверкающими глазами, – то в ужасе бежал бы.

– Мое проклятье посильнее твоего! – прошипела Мелюзина.

– Нет, ибо, умерев, я стану сильнее тебя. Я позабочусь лишить тебя силы, потому что умру из-за того, что ты отказала мне в зелье. Я распорю себе живот, чтобы убить его.

– Ладно, – сдалась вдруг старуха. – Только отпусти меня.

Она распрямила старую спину, прикрытую лохмотьями из мешковины. Еще одна зима, проведенная в сыром логове, способствовала дальнейшему переходу человеческого существа в царство животных и растений. Ее тело стало похожим на старый сухой сучок, волосы напоминали паутину, а взгляд приобрел настороженное, лисье выражение.

Она проковыляла к котлу и подозрительно осмотрела кипящую воду. Потом, словно приняв окончательное решение, принялась кидать туда различные травы, листья и порошки.

– Я говорила все это ради тебя. Слишком поздно. Ты уже на шестой луне. Если выпьешь зелье, можешь умереть.

– Какая разница! Я должна от этого избавиться.

– Упрямая ослица... Эх! Ладно, если и умрешь, то хоть не по моей вине, и не будешь мучить меня оттуда.

– Обещаю.

– Но не должна бы я быть причиной твоей смерти, – продолжала бубнить старуха, – потому что тебе предназначена долгая жизнь. Нехорошо мешать судьбе, которая наделила тебя долгой жизнью... Ты сильная и крепкая. Может быть, и выдержишь. Я поколдую, чтобы доля не покидала тебя. Когда выпьешь, пойдти и ляг на Камень Фей. Это место под оберегом. Духи тебе помогут.

Питье было готово только в сумерках. Мелюзина наполнила деревянную чашу черноватым отваром и подала Анжелике, которая решительно выпила все до последней капли. Вкус не был противным. Она вздохнула с облегчением, хотя ее ожидали мучительные часы. Но зато она будет свободна. Она исторгнет из себя зло. Нужно запастись мужеством,

чтобы пережить испытание. Она встала, намереваясь идти на поляну у Камня Фей. Колдунья, бормоча бесконечные заклятия, сунула ей в руку какие-то орешки:

– Если станет невмоготу, сгрызи один или два. Боль утихнет. А когда дитя выйдет, оставь его тельце на камне друидов. Набери омелы и ею покрой его...

* * *

Анжелика заспешила по тропинке, где молодая трава пробивалась сквозь палую листву. Слабые на вид травинки оказывались сильнее тяжелой земли. Все зеленело и шевелилось. Она поднялась на холм и среди аспидных вечерних теней увидела дольмен, подобный выброшенной на берег акуле. У нее под ногами хрустели листья, пахли дубы, как старики обступившие поляну. Их могучие основания покрывал мох, раскидистые канделябры ветвей густо переплетались. Она легла на камень, нагретый солнцем, которое в этот день грело по-летнему. Пока она ничего не ощущала. Она скрестила руки на груди. Взгляд упивался красотой еще светлого неба, на котором дрожала крохотная звездочка.

Здесь, на этой поляне, она плясала когда-то вместе с деревенскими детьми. Они пели странные запретные песенки, чтобы вызвать фей или веселых духов, которых им так хотелось увидеть хоть раз в жизни. Ей слышались их глуховатые голоса и топот маленьких сабо по опавшим желудям или по сухому вереску.

Дэвица, ты следишь,
Да ничего не видишь...

После чего в возбуждении кричали: «Там, там, я его видела... Это эльф! Он карабкался по дубу. – Да это мышь! – Нет, эльф...»

Ночь погасила последние отблески дня. Из-за деревьев поднялась красная луна, потом она постепенно превратилась в светло-серебристую. Над опушкой разлилось ее чистое сияние.

Анжелика корчилась от боли, лежа на сером камне. Боль терзала ей внутренности, не отпуская ни на минуту.

Она задыхалась, не уверенная, что сможет выдержать очередной приступ.

– Должно же это кончиться! – успокаивала она себя.

Но это не кончалось. По вискам струился пот, а глаза, полные слез, слепил лунный свет. Маленькая звездочка бесконечно медленно свершала свой путь по небосклону. Она сопровождала непрерывную пытку. В крайнем изнеможении Анжелика начала кричать, напряжение опустошило ее. В раскачивающихся ветвях оживали призраки и склонялись над ней. Этот черный ствол – это ведь бандит Никола, а тот другой – это Валентин с топором, а этот, лезущий сквозь ветви, – это гугенот, черный, бородатый, с глазами, пылающими, как две свечи, с расколотой головой, подобно треснувшему гранату.

На этот раз она увидела всю братию гномов, бегающих с головокружительной быстротой вверх и вниз по стволам деревьев. С ними черные кошки, оставляющие светящиеся следы когтей, и совы, и летучие мыши, и лешие – их вечные спутники на шабашах. Они кружили над ее головой. Анжелика дрожала в лихорадке. При следующем невыносимом приступе она вспомнила об орешках в кармане, которые дала ей колдунья. Она съела один, и боль стала тише, словно примолкла и отдалилась. Анжелика с жадностью грызла орешки, опасаясь, что жестокая боль вернется, и постепенно провалилась в глубокий сон, подобный смерти.

* * *

Когда она пробудилась, лес уже не выглядел угрожающим. На ветке, на фоне розово-перламутрового неба, распевала какая-то пичуга.

«Вот все и кончилось, – подумала Анжелика. – И я не умерла».

Она так измучилась, что не могла шевельнуться. Но прошло какое-то время, и она поднялась. Все тело налилось свинцом. Она посидела, опершись на руки, с удовольствием глядя на приветливый пейзаж. Мысли были расплывчаты, но ее наполняло счастье. «Ты свободна. Ты избавилась».

Только вот не видно следов свершившейся драмы. Вероятно, их уничтожили духи леса.

Понемногу к Анжелике возвращались воспоминания. Хотя оставалось некоторое недоумение.

– Так что же случилось?

Ответом послужил легкий толчок внутри ее тела, и, остолбенев, она осознала свое разочарование:

– Все осталось по-прежнему. Я мучилась впустую! Проклятие!

Проклятие!

Позор оставался при ней. Ее охватил приступ безумия, она колотила себя кулаками, билась головой о камень. Потом соскочила с дольмена, бегом пустилась к Мелюзине и едва не задушила ее в припадке ярости.

– Дай мне еще зелья...

Для спасения своей несчастной жизни колдунья нашла доводы высокой дипломатии:

– К чему тебе избавляться от плода, раз уж все равно все знают о твоём грехе? Потерпи еще две-три луны... Дождись своего часа!.. Хочешь не хочешь, а дитя все равно из тебя выйдет. Вот и принесешь его в жертву Вандее в Теснине Великана или же оставишь в городе под чьими-нибудь дверями...

Анжелика начала прислушиваться к ее доводам.

– У меня не хватит сил ждать так долго, – пожаловалась она.

Но в душе уже признавала, что колдунья права.

* * *

Анжелика вышла из леса и присоединилась к двум братьям герцога де Ла Мориньера, которые находились в замке Ронсе, возле Брессюира. Она сообщила им о смерти Патриарха, но потребовала, чтобы они продолжали его дело. Они опасались расспрашивать об обстоятельствах смерти великого протестантского сеньора. Ее поведение удерживало от расспросов даже самых решительных. Материнство стало уже для всех очевидным, и она не стремилась его скрывать. Было в ней нечто, что пресекало всякие пересуды. Оба брата де Ла Мориньер продолжали выказывать ей глубочайшее уважение. Они считали, что это ребенок Самюэля де Ла Мориньера.

Встретилась она и с аббатом де Ледигьером. Они не вспоминали о случившемся, и молодой священник вновь занял свое место в бродячем эскорте Мятежницы из Пуату.

С наступлением весны пробудилась не только природа, но и люди. Приближалось время сражений. Участились стычки, начинался период открытой борьбы.

Женщина, окруженная своими приверженцами, неутомимо скакала из конца в конец провинции.

Говорили, что всюду, где она появляется, ее сторонники одерживают победу.

К июлю она решила вернуться в район Ньюля и там на несколько дней скрылась ото всех.

Сначала спутники и слуги искали ее и расспрашивали всех подряд, потом поиски прекратили, потому что всем в голову пришла одна и та же мысль, и они поняли, почему она их оставила и уединилась.

В тоске они собирались вокруг огня и ждали ее возвращения. Она вернется, побледневшая и изменившаяся, с тем же загадочным выражением зеленых глаз. И они не посмеют смотреть на ее вновь похудевший стан.

Они ждали на той же поляне, где она их оставила. Она должна легко их найти. Увы! Они не в силах ей помочь. Они не могут облегчить ее мучений и страданий где-то там, в глубине леса. Они – мужчины, а она – женщина. Она прекрасна, горда и высокородна, но и ее коснулось проклятие, лежащее на всех женщинах. Они не смели думать о ней, ушедшей в одиночестве в лес, и стыдились, что они мужчины.

Глава XXI

Как одержимая, скакала Анжелика в сторону Ньельского леса. Она оставила коня на хуторе, где жила одна почтенная женщина, и начала подниматься к лесу, задыхаясь и цепляясь за кусты, чтобы идти быстрее. В лесу ей стало лучше, но путь был еще долог. Ее подгонял страх. Ей казалось, что она не сможет спуститься с обрыва к жилищу Мелюзины. Наконец, как раненый зверь, она упала на песчаный пол пещеры.

Колдунья подняла ее и положила на расстеленный папоротник. По-матерински, скрюченными пальцами, гладила встревоженная старуха ее мокрые от пота волосы.

Она напоила Анжелику успокаивающим отваром и приложила обезболивающие примочки. Ребенок родился быстро. Молодая женщина приподнялась, чтобы с отвращением взглянуть на этот плод преступления. Она готова была увидеть болезненного уroda, ибо ребенок, зачатый в подобных условиях, не мог быть здоровым.

– О! Мелюзина, смотри! – в ужасе закричала она. – Какое чудовище... Он бесполой...

Колдунья растерянно покосилась из-под седых косм:

– Э-э-э! Чего там! Это ведь щебетунья!

Анжелика откинулась на спину и зашлась неудержимым хохотом:

– О! Какая же я дура, я об этом даже не подумала. О! Нет... Щебетунья!.. Девчонка! О! Я этого не ожидала, я же привыкла, понимаешь... Привыкла... Я рожала только мальчишек... трех сыновей... А теперь нет ни одного. Ни одного!.. Девчонка!.. О! Как смешно...

Ее смех перешел в неукротимые рыдания, подобные грозовому ливню.

И почти тотчас, не осушив слез, она заснула глубоким сном, и во сне ее лицо в обрамлении рассыпавшихся светлых волос приобрело почти невинное выражение.

При пробуждении она ощутила покой, обретенный во сне. Чисто физический покой, но он успокоил ее измученную душу. Приподнявшись на локте, она посмотрела на вход в пещеру и пришла в умиление от увиденного зрелища: четко выделяясь на фоне зеленой листвы, на лужайке паслась лань с детенышем. Вероятно, она хорошо знала пещеру колдуньи, потому что не озиралась пугливо, как это делают все животные, ощущая присутствие человека. Анжелика, затаив дыхание, долго следила за ними, а когда грациозные животные удалились, снова со вздохом вытянулась. У

Мелюзина царил покой. Здесь она поняла, что израненное женское сердце может обрести утешение в лесном уединении и остаться в нем навсегда. Вот так и становятся лесными колдуньями.

Ближе к вечеру ее разбудил незнакомый звук, и она тотчас выпрямилась, охваченная тревогой: слабый приглушенный писк не был звериным.

– Есть хочет! – сказала колдунья, направляясь в глубину пещеры. Она вернулась оттуда с бесформенным свертком в красных тряпках, откуда раздавался писк.

Анжелика смотрела на колдунью с недоверчивым беспокойством:

– Как! Она жива!.. Но ведь, родившись, она не закричала.

– Ну да. А вот ныне орет. Есть хочет...

Мелюзина намеревалась приложить ребенка к груди роженицы.

Анжелика резко отстранилась. Глаза ее пылали.

– Нет! – отчаянно закричала она. – Нет, ни за что... Она получила мою кровь, но молока-то уж не получит... Мое молоко для маленьких сеньоров, а не для ублюдка солдафона. Унеси ее, Мелюзина!.. С глаз моих долой... Дай ей воды, чего угодно, лишь бы замолчала, и не подноси ее ко мне... Завтра я отнесу ее в город...

Анжелика проговорила всю ночь. В бредовом полусне она рассказала все, что видела в Плесси в ту ночь, когда драгуны повалили ее на пол, когда зарезали ее младшего сына. Все увиденное, когда она шла по своему разоренному дому, прижимая к груди мертвое дитя. Картины, запечатлевшиеся в мозгу, которые невозможно забыть.

– Да, да, вспоминаю, – бормотала колдунья, скрючившись перед очагом. – Когда в ту осень я встретила тебя на поляне, я увидела знак смерти над светловолосым малюткой...

* * *

На следующий день Анжелика встала. Она торопилась завершить свое освобождение. Непрекращающийся крик ребенка доводил ее до исступления.

Она обулась, повязала голову черным атласным платком, набросила на плечи плащ.

– Давай ее, – твердо сказала она старухе.

Мелюзина протянула ей новорожденную, которая надрывалась криком и извивалась в красном тряпье. Анжелика взяла ее и решительно

направилась к выходу.

– Послушай меня, девонька, послушай, что я посоветую, – остановила ее Мелюзина.

Она вцепилась в руку Анжелики своей высохшей когтистой лапкой:

– Послушай, девонька... Не надо ее убивать.

– Нет, – с трудом произнесла Анжелика, – успокойся, я этого не сделаю.

– Потому что она отмечена знаком. Смотри.

Она указала Анжелике на родимое пятнышко в виде звезды на крохотном плечике младенца.

– Дети, несущие такой знак, находятся под защитой звездных богов...

Анжелика, поджав губы, отстранила ее, собираясь пройти. Мелюзина вновь ее удержала:

– Я могу назвать тебе этот редчайший знак... Это знак Нептуна.

– Нептуна?..

– Море! – продолжала колдунья, и глаза ее засветились странным огнем.

Молодая женщина пожала плечами и ушла.

Несмотря на слабость, Анжелика легко поднялась на вершину холма. Желание поскорей со всем этим покончить придавало ей силы. Она пересекла опушку у Камня Фей и повернула направо, чтобы выйти из Ньельского леса через перекресток, на котором стоит кладбищенская башенка с фонарем, прозванным Фонарем Голубки из-за украшавшей его птички. Недалеко проходила дорога на Фонтене-ле-Конт.

Через два часа ходьбы Анжелике пришлось остановиться в хижине саботье – ремесленника, изготавливающего сабо. Она изнемогла от усталости, по вискам струился холодный пот. Возможно, саботье и узнал ее, но Анжелику это не пугало, потому что он был глухонемым и жил здесь круглый год вместе со своим десятилетним сыном, тоже глухонемым.

Анжелика попросила миску молока и краюшку хлеба.

Она размочила в молоке хлебный мякиш и сунула в рот ребенку, который тотчас замолчал. Сама она через силу сделала несколько глотков молока. Отдохнув, она двинулась дальше и вскоре вышла на дорогу. Мимо проезжала двуколка, и Анжелика попросила возницу ее подвезти. Тот не доезжал до Фонтене-ле-Конт, но пообещал ссадить ее в одном лье от города.

В конце путешествия ребенок опять заплакал.

– Да покорми же ты его! – раздраженно заметил крестьянин.

– У меня нет молока, – сухо отвечала она.

Возница высадил ее на условленном месте, указав концом кнутовища на далекие городские стены и колокольни.

Фонтене-ле-Конт находился в руках их сторонников. Но Анжелика не боялась, что в этой крестьянке, пришедшей в город избавиться от ребенка, распознают ту, что прозвали Мятеежницей из Пуату, чьи решения принимались как закон важными горожанами Фонтене, когда она явилась сюда на Рождество. Но она решила дождаться темноты, чтобы войти в город.

Круглая головка новорожденной свинцовым грузом давила на сгиб локтя. Анжелика едва передвигала ноги, нервы были на пределе. Ее терзало желание прервать этот назойливый крик, эту слабенькую жизнь. Желание уничтожить, стереть то, что возникло. Она остановилась, ужаснувшись собственным мыслям.

«Мне нужно помолиться», – подумала она.

Но молиться она уже не могла. Бог для нее исчез, а иногда она с ужасом спрашивала себя, не возненавидела ли она и Бога, и ЕГО тоже.

Она продолжала идти в направлении города, синевшего в надвигающихся сумерках.

Под городскими стенами она долго колебалась и бродила, остерегаясь городской сутолоки.

Но когда стражники уже готовились закрыть ворота, она решилась и проскользнула в город через потайную дверь в Хлебной башне. На узких улицах еще отдыхали от своих дел горожане. Они с удовольствием дышали ароматным теплым воздухом лета, вознаграждавшим за все пережитые страдания. Люди не торопились вернуться домой и весело перекликались на порогах лавок.

Анжелика знала, что сиротский приют находится на площади Позорного Столба, возле Ратуши. Число подкидышей было так велико, что монастыри уже не могли их принимать, и господин Винсент создал в свое время городские приюты. Приют «Куш де Фонтене» размещался в средневековом гумне, превращенном в богадельню. Фасад с выступающими балками украшали деревянные статуи. Анжелика не осмелилась к нему подойти и отошла, не желая привлекать внимание кумушек криком ребенка. Она блуждала по соседним улочкам, дожидаясь, пока совсем не стемнеет и люди не разойдутся, и случайно нашла то, что искала: вращающийся «шкаф».

Городская благотворительность поместила его на темной малолюдной улочке, чтобы скрыть позор несчастных, которые туда приходили. Над «шкафом» не было другого освещения, кроме маленькой лампадки возле

статуи Младенца Иисуса. Внутри устройства лежало немного соломы. Анжелика положила на нее ребенка. Потом дернула за цепочку висящего справа колокола. Раздался протяжный звон.

Анжелика отошла и спряталась в темноте на другой стороне переулка. Она дрожала как осиновый лист. Ей казалось, что крик ребенка переполошит всю округу.

Наконец что-то заскрипело за створкой «шкафа», и он пришел в движение. Понемногу крики новорожденной стали приглушаться и смолкли. Анжелика прижалась к стене. Она едва не лишилась чувств. В основном она испытывала невыразимое облегчение, но также и страшную тоску, откинувшую ее на много лет назад. Этот эпизод остро напомнил ей мрачную атмосферу Двора Чудес. Она ведь поклялась тогда, что никогда больше не окажется в подобной ситуации. Получается, что жизнь, как чертово колесо, водит вас по кругу?

Медленно побрела она прочь. С трудом подняла голову. Надо все забыть. Нельзя впадать в отчаяние женщины, блуждающей по городским улицам, раздавленной своим грехом. Нельзя становиться одной из безымянных.

Анжелика подстегнула свою гордость: «Ты ведь Анжелика дю Плесси-Бельер, ты та, кто поднял в провинции мятеж против короля!»

Глава XXII

Часовня Святого Гонория, воздвигнутая для защиты путешественников, ничем не отличалась от окружавшей ее местности: темная, как пещера, приземистая, как дуб; фасад в изобилии разукрашен изображениями животных и растений, а под башенками, оцетинившимися, как кусты терновника, среди множества статуй можно разглядеть персонажей с длинными бородами и глазами навывкате, которых душат апокалиптические чудовища.

Часовня возвышалась на вересковой пустоши, на вершине горы между Гатином и Бокажем. Мимо проходила небезопасная длинная и пустынная дорога.

Анжелика собрала здесь главных предводителей заговорщиков, чтобы договориться о проведении летней кампании. Ей вновь удалось убедить католиков и протестантов забыть на время о разногласиях в вопросах догматов веры ради более высоких целей. Только совместными усилиями сумеют они добиться победы.

Они оставались три дня на высотах Гатина. По вечерам разводили костры вокруг часовни Святого Гонория и под стрекот цикад в теплом воздухе укладывались на ночлег под дубами. Казалось, их благословлял сам святой Гонорий, несущий в руках свою голову. А католики видели в его покровительстве предсказание счастливого исхода борьбы.

Святого Гонория, добропорядочного скототорговца, жившего в XIII веке, убили грабители. Берри, где он родился, и Пуату, где его зарезали, долго оспаривали останки. В результате Пуату удалось сохранить у себя голову святого торговца.

В святой воде источника, текущего из скалы в каменный желоб, мужчины омывали свое оружие.

Анжелика приходила туда украдкой намочить косынку, чтобы освежить пылающий лоб. Жар бился в висках, глаза лихорадочно блестели. Несмотря на травы колдуньи, она с трудом поправлялась после тайных родов.

Вернувшись из Фонтене-ле-Конт, Анжелика решила отправиться в Гатин. Она стремилась напрочь позабыть все случившееся, но природа напомнила ей о проклятии Евы, которым Бог отметил ее тело.

Особенно она страдала по ночам. Во сне возбуждение, вызванное войной и мстью, покидало ее и откуда-то из глубины существа выплывала

безнадежная тревога и слышался писк новорожденной.

Однажды ночью ей приснился святой Гонорий, держащий в руках голову. «Что сделала ты с ребенком? – вопрошал он. – Найди его, пока он не умер...»

Анжелика пробудилась на ложе из вереска. Святой Гонорий оставался на своем месте, на портале часовни. Занимался рассвет. Было холодно, но с нее градом катился пот. Все тело ныло. Она поднялась, чтобы напиться из источника и освежиться.

– Когда перегорит молоко, я перестану думать о ребенке, – решила она.

Ближе к полудню дозорные заметили экипаж, который двигался по извилистой дороге. До этих пор случилось видеть только одного конного, вероятно купца. Опасаясь этого пустынного места, он пустился в галоп, едва заметил среди деревьев подозрительные людские силуэты.

Повстанцы попрятались за деревьями, но следы их пребывания оставались слишком заметны, и Анжелика послала Мартена Женэ и нескольких крестьян остановить экипаж, когда он поднимется на вершину. Приходилось опасаться путников, которые, переезжая из одного места в другое, могли в обмен на золото сообщить расположенным поблизости королевским солдатам о передвижении повстанцев.

Перед остановленной повозкой раздавался мужской хохот, и, так как разговоры продолжались, Анжелика подошла узнать, в чем дело.

Беззубый старик, возница жалкой двуколки, запряженной не менее жалкой клячей, так дрожал от страха, что не мог произнести ни слова.

Под заплатанным тентом, откуда исходило зловоние, сидели три потные краснорожие толстухи, и там же, словно выводок крольчат, копошилась на грязной соломе куча младенцев.

– Не причиняйте нам зла, господа бандиты, – молили, стоя на коленях, бабенки.

– А куда вы едете?

– В Пуатье... Мы хотели проехать через Партене, потому что говорят, что в Сен-Мексане солдаты. И мы, беззащитные женщины, испугались этих распутников и решили сделать крюк по безопасной дороге... Если бы мы только знали...

– Откуда вы? – спросила Анжелика.

– Из Фонтене-ле-Конт.

Успокоившись при виде женщины, самая толстая словоохотливо объяснила:

– Мы кормилицы из больницы Фонтене, из городского приюта, и нас

послали отвезти в Пуатье вот этих, потому что у нас их набралось слишком много. Мы, мадам, честные женщины... Присягавшие... Да, мадам...

– Пропустим их, – решил Мальбран Укол Шпаги, – с них нечего взять, кроме молока в сиськах, и, честное слово, если взглянуть на ребятню, то и им-то не всем хватает.

– Ой, верно вы говорите, господин хороший, – громко захохотала кормилица. – О чем только они там думали, отправив нас трех с двадцатью сосунками. Половину из них придется кормить «с песнями»...

Она указала на кувшин, где в воде с вином размокал хлеб.

– ...Я уж не говорю о тех, кто останется на дороге. Вон там вот один уж полумертвый. Остановимся в ближайшей деревне да отдадим его кюре, пусть похоронит.

Она ткнула в сторону какого-то драного крольчонка, вяло шевелившегося в красном тряпье:

– Вот, взгляните-ка, господа хорошие. Ну, не горе ли!

На лице мужчин появилось отвращение.

– Ладно! Везите их. Но помалкивайте, когда спуститесь на равнину. Не рассказывайте о том, что видели в горах.

Плаксивыми голосами они наперебой обещали молчать.

– Погоняй, возница! – крикнул Мальбран, хлопнув лошаденку по костлявой спине.

– Нет, постойте.

Вся кровь отлила от лица Анжелики. С той минуты, как женщина сказала «мы едем из Фонтене-ле-Конт», она поняла, зачем явился ей ночью святой Гонорий.

Но ее словно парализовало, движения стали замедленными как в кошмарном сне.

Все же она наклонилась и подобрала младенца в красных лохмотьях, которого кормилица отпихнула в ее сторону.

– Теперь трогайтесь.

– Да на что он вам, красавица? Я же говорю, что он помирает.

– Поезжайте, – повторила Анжелика. Ее взгляд был так суров и решителен, что бабенки сжались и присмирели.

Анжелика отошла, словно деревянная. Возле источника ноги ее подкосились, и она опустилась на каменный край.

Чья-то рука легла ей на плечо. Два темных серьезных глаза встретились с ее глазами. К ней подошел аббат Ледигьер. Он наклонился и слегка поддержал ее, озарив горячим сострадающим взглядом, требующим ответа.

– Так это ваш ребенок?
Она едва заметно кивнула с искаженным лицом.
– Вы в этом уверены?
– Я узнала ее по родимому пятну на плече... И по этим красным тряпкам.
– До того как... оставить младенца, вы его окрестили?
– Нет.
– Но окрестили ли ее в приюте?.. В наши дни столько небрежения, столько нечестивых сердец. Мадам, ее надо окрестить.
– Она уже умерла...
– Нет еще. Как вы хотите ее назвать?
– Какая разница.
Он огляделся:
– Святой Гонорий вернул вам ее. Мы назовем ее Онориной.
Он погрузил руку в источник, набрал воды и окропил лобик ребенка, шепча ритуальные слова и молитвы. И так как эти слова были обращены к несчастному созданию, рожденному ею в бесчестье, они с ослепительной силой поразили Анжелику, и она застыла, пораженная.
«Оставайся светочем, Онорина, в этом мире тьмы, в котором ты призвана жить... Да будет сердце твое доступно всему прекрасному и благому...»

* * *

– Нет, нет! – кричала Анжелика. – Я ей не мать. Нельзя от меня этого требовать...
Она с отчаянием смотрела на аббата Ледигьера, склонившегося над ней. В его чистом взгляде она читала свой приговор.
– Не отвергайте жизнь, дарованную Создателем.
– Не требуйте от меня этого.
– Только вы можете ее спасти. Вы ее мать.
– Нет, только не это.
В обращенных к ней темных глазах аббата она видела отражение собственной боли.
– О Боже! – воскликнул он. – Зачем, Господи, создал Ты этот мир?
Он бросился к порогу часовни и припал лбом к ее двери. До Анжелики донеслась его громкая молитва.
Ребенок на ее руках едва заметно пошевелился. И тогда она

приложила его к груди.

Глава XXIII

При выходе из леса лошади захрапели. Под их копытами шуршала опавшая листва. Они раздвигали золотистые волны тумана, заполнявшие овраг легкой пеной. Сквозь оголенные ветви сквозило васильковое небо. Медленно облетали последние листья.

Анжелика сняла оранжевый лист, опустившийся на ее накидку, и задумчиво рассматривала это чудо природы в тонких прожилках. Опять осень. Приближается новая зима. Теплые лучи солнца не могли ввести в заблуждение. В туманных далях таились холодные ветры. Бледнели золотые и шафрановые краски, уступая место лиловым и серым краскам ноября.

Она посмотрела на аббата де Ледигьера, скакавшего рядом с ней, и пожала плечами:

– Есть ли, аббат, что-нибудь более смешное на свете? Военный предводитель в роли кормилицы и капеллан в роли няньки...

Юноша рассмеялся и весело взглянул на нее:

– Разве это важно? Вы, мадам, все так же успешно ведете свои войска к победам. Так успешно, словно дитя приносит нам счастье.

Он с гордостью смотрел на девочку, спящую у него на сгибе руки под черным плащом священника. Это и была колыбель Онорины. Ленчик седла да мужские руки, передававшие друг другу малышку, пока мать не отходила с ней в сторону, чтобы покормить. Своим молоком Анжелика вернула ее к жизни. Ее совесть успокоилась. Но жертва оставалась все такой же тяжелой, а унижение все таким же горьким.

В результате она предоставила своему окружению заниматься этим маленьким ненужным зверьком, от которого судьба не позволила ей избавиться. Онорина познала все виды рыси и галопа, начиная с коня аббата де Ледигьера до скакуна Мальбрана, не миновав и лошадей Флипо и старого Антуана. Никто, даже добродушный толстый барон дю Круассек, не отказывал ей в привилегии спать на надежных коленях. Но зато по ночам, где бы она ни находилась, Онорина раздражалась плачем и замолкала только на руках матери. И Анжелике приходилось оставлять ее возле себя.

– Смешно, – повторила она. – Я все думаю, как при таких обстоятельствах сторонники еще подчиняются мне.

– Ваше влияние на них так велико, мадам. А достигнутые успехи

только усиливают к вам доверие.

– Успехи? – нахмурилась Анжелика. – Победа? Не надо слишком обольщаться. Еще ничего не определилось. Королевские войска не смогли сломить сопротивление Пуату, но осада не снята. И вновь наступает зима. Почти вся земля в запустении, урожай невелик. Голод породит уныние. Как раз на это и рассчитывает король.

– Объясните им, что если мы выдержим до наступления лета, то победим. Король ведь тоже не может держать у себя под боком восставшую провинцию. Вся экономика страны страдает от этого. Ему придется или пойти на переговоры, или подавить восстание в крови. А нас защищают леса. Солдаты не решаются в них углубляться...

– Милый аббат, вы рассуждаете как стратег и немного меня удивляете. Что бы сказали ваши церковные начальники, если бы слышали вас?

– Они бы вспомнили, что в моих жилах течет кровь старого Ледигьера, знаменитого гугенота из Дофине, который так долго бунтовал против королевской власти. Несмотря на обращение семьи в католичество, когда я учился в семинарии, мое имя внушало начальству подозрения. Быть может, они не так уж и ошибались?

Он снова весело рассмеялся. Ветерок играл локонами на его загорелых щеках. Плащ, шляпа с серебряной пряжкой, брыжи – все было в пыли, потерто и изношено.

Вдруг его лошадь испугалась какого-то корня, рванулась и оказалась впереди. Анжелика немного подождала, а потом догнала его.

– Господин аббат, – сказала она серьезным тоном, – послушайте меня. Вы не должны оставаться со мной дольше. Я виновата, что вовлекла вас в дела, которые не подобают ни вашему призванию, ни вашему сану. Вернитесь в свою среду. Епископ Кондомский оказывал вам протекцию и высоко ценит ваши достоинства. Он достанет вам высокий пост при дворе. Если только господин де Ла Форс вновь не возьмет вас к себе на службу. Там не знают, что вы были со мной... Но вы не отвечаете...

Юноша растерялся под наплывом чувств:

– Вы меня гоните, мадам?

– Нет, дитя мое... И вам это хорошо известно. Но подобное существование преступно... И вам не место среди отверженных.

– Но почему же? – пробормотал он. – Если ваши сомнения, мадам, проистекают из уверенности, что только преданность удерживает меня возле вас, то я хотел бы это опровергнуть. Хотя моя жизнь... принадлежит вам, но есть еще и другие причины. Я чувствую... Я чувствую, мадам, что правда на вашей стороне. Я тоже жил при дворе. И как теперь не

прислушаться к вашим словам, обращенным к голодающим и жаждущим справедливости? Я понял, и в том меня убеждает сердце, что правы вы.

Анжелика стиснула зубы, и ее пальцы вцепились в поводья.

– Не ищите оправдания моим поступкам, – жестко отвечала она. – Для меня не существует прощения. Я всего лишь несчастная женщина, полная ненависти, женщина, которая не видит выхода своей ненависти...

Он с ужасом воззрился на нее:

– Разве вы не боитесь быть проклятой?

– Теперь эти слова лишены для меня смысла. Я знаю только одно. Без этого пламени ненависти, испепеляющего мое сердце, я не смогла бы выносить жизнь. Думать о сражениях и поражениях – вот что дает мне силы выживать и даже испытывать радость.

Она видела, что он глубоко опечален.

– И почему, аббат, вас пугает моя судьба? Скорее, Версаль с его почестями нельзя считать подходящим для меня местом. Меня всегда считали непокорной деревенщиной, обреченной на бедность и нелегкую судьбу. Мой брат Гонтран – тот, которого повесил король, – изобразил меня в детстве предводительницей разбойников. Он всегда обладал даром предвидения... И в Париже я жила среди бандитов и воров. Разве вы никогда не слышали рассказов Флипо о тех временах, когда я общалась с Великим Кесарем, королем нищих... Я исходила все дороги, все пути, познала всевозможные лишения, побывала в тюрьмах... На ободренных коленях, в лохмотьях, ползла я по тропам Рифских гор... Так написано мне на роду, и не нужна мне крыша над головой. Теперь я понимаю, что нет мне спасения... Не печальтесь, милый аббат. И покиньте меня... Я приношу несчастья тем, кто меня любит... – добавила она очень тихо.

Он не ответил. Она видела, как быстро заморгали его длинные ресницы и задрожали губы.

Лошади спускались по каменистой дороге на склоне заросшего холма.

Перед ними возник замок Гордон-де-Ла-Гранж с четырьмя башнями по сторонам, окруженный золотисто-коричневым парком.

Путникам не потребовалось подавать сигнала. В этом уединенном жилище, затерянном в просторах Бокажа, им не угрожала засада.

Здесь забывались опустошенные войной территории, сожженные деревни, яростные сражения в ландах или опасные западни, расставленные в узких теснинах. Беспощадная борьба. Опустевшие пограничные деревни провинции. Все лето внутри страны крестьяне не выпускали из рук мушкетов во время полевых работ. В конце сентября один полк королевских войск продвинулся довольно далеко вглубь провинции, все

разоряя на своем пути. Крестьяне словно растворились. Войскам некого было вешать, но они все пожгли: хутора, городки, урожай, – и в Версале уже заговорили о неминуемой капитуляции испуганных кроканов, когда вдруг полк исчез в окрестностях Пузожа. От него больше не приходило никаких донесений. Просто округа, как огромные тиски, раздавила солдат.

Немногие уцелевшие, которым по лесным чащобам удалось добраться до Луары и переплыть ее, с ужасом рассказывали о тенях, которые нападали на них по ночам. Их блестящие косы несли смерть. В самые неожиданные моменты с веток деревьев, как горох, сыпались люди, и тесаки вонзались в спину раньше, чем несчастные успевали издать хоть один звук. Несмотря на их оружие, несмотря на присутствие офицеров, солдат перебили. Восставшее Пуату непреклонно уничтожало их одного за другим.

Воцарилась растерянность. После этой катастрофической кампании войска и высшее начальство замерли в ожидании. С наступлением зимы казалось бессмысленным подбадривать военных начинать новые походы. Все разошлись по зимним квартирам.

Анжелика провела три месяца в замке Ла-Гранж. Там она встречалась с некоторыми руководителями повстанцев и мэрами городов, которые приходили поделиться с ней своим беспокойством. Все жили на голодном пайке. Торговля пришла в упадок, нарастало недовольство. К счастью, зима оказалась не очень суровой.

В начале марта Анжелика начала объезжать провинцию. Она отняла ребенка от груди и намеревалась оставить девочку в замке. К ней уже привязалась одна честная служанка. Но аббат де Ледигьер отговорил Анжелику от этого шага:

- Мадам, не оставляйте ее. Без вас она умрет.
- Но я вернусь за ней, когда события...
- Нет, – произнес он, глядя ей прямо в глаза, – вы не вернетесь за ней.
- Да разве нормально для такого маленького ребенка скакать по горам и долинам?
- Ей подходит такая жизнь, поскольку она рядом с вами, своей матерью...

Он сам укутал Онорину в теплое одеяло и вскочил в седло, ревниво прижимая ее к груди.

К этому времени при взгляде на дочь Анжелику начинало охватывать какое-то сомнение. Страх перед неосознанной угрозой, непонятные подозрения, переходящие в уверенность.

Они находились в опасном месте, куда королевские войска иногда

решались проникнуть. Чтобы не попасть в засаду, Анжелика со своим эскортом каждую ночь укрывалась в многочисленных пещерах, расположенных в отвесных склонах долины реки Севр. Они служили надежным укрытием. Крестьянки с соседних хуторов любили там собираться по вечерам, прихватив пряжу или вязанье. Они избрали эти пещеры, потому что в них было тепло, а следовательно, не было нужды разводить огонь. После ужина они приходили туда со своим веретеном, с льняными очесами, с пенькой и с ножной грелкой, плотно набитой углями.

Они показали Анжелике самые большие из этих природных покоев, где маленькое войско могло спокойно отдыхать, защищенное от пронизывающего холода первых весенних ночей.

Лиуб – примитивный светильник, сделанный из стебля травы под названием медвежье ухо, пропитанного ореховым маслом, и вставленный в небольшую щель в стене пещеры, служил надежным источником света.

Анжелика смотрела на малышку, которая вертелась на полу и пыталась начать ползать. Девочке исполнилось десять месяцев. Она была крепкой для своего возраста. Может быть, это рыжий отсвет факела придавал ее коротким вьющимся волосикам медный блеск?.. А глазки, наоборот, были черные и узкие, их уголки поднимались к вискам, когда она смеялась. И выражение ее лица... Ее выражение казалось Анжелике знакомым. Оно напоминало другое лицо, но карикатурное, заплывшее жиром.

Она так резко отшатнулась, что ударилась головой о каменную стену и, оглушенная, замерла.

Монтадур! Его рыжая свиная рожа!..

Пот заструился по ее вискам. Такое просто невозможно...

Ненависть матери к внебрачному ребенку часто является отражением ненависти, испытываемой к его отцу. Для Анжелики узнать имя насильника было тяжелее, чем думать о ком-то неизвестном. Она бы любила ребенка Колена Патюреля. Но мысль, что она, Анжелика де Сансе, несет ответственность за новую человеческую жизнь вместе с гнусным солдафоном, вызывала у нее ощущение какого-то липкого, отвратительного сообщничества, унижения, которое послала ей судьба. Никогда она с этим не смирится. Жизнь – это чудовищная, отвратительная комедия, которую разыгрывает злобное слепое божество.

На ее крик прибежал аббат де Ледигьер.

– Уберите ее! – кричала, задыхаясь, Анжелика. – Уберите ее с глаз моих! Я могу ее убить...

В полночь под сводами пещеры все еще разносились крики Онорины. Лежа на сене, Анжелика вертелась, не находя себе места.

– Понятно, «они» позабыли дать ей папоротник.

Онорина не засыпала, если не держала в ручке свою любимую игрушку – папоротник, резные зубчики которого приводили ее, кажется, в восхищение.

В конце концов Анжелика не выдержала. Она вошла в большой «зал», где, собравшись возле огня, аббат, конюший, слуги и барон уже исчерпали все свои возможности. Метнув на них уничтожающий презрительный взгляд, она забрала младенца. Девочка замолчала как по команде. Анжелика удалилась в свой закуток. Конечно, малышка мокрая, она замерзла и засопливила. Опытной рукой Анжелика решительно обтерла ее соломенным жгутом, завернула в свою шерстяную шаль и по самые глаза зарыла в сено. Потом она вышла из пещеры и, сорвав на полянке папоротник, удалила зелень с нижней его части. Онорина деловито зажала стебелек в кулачке и с восторгом смотрела, как лохматый завиток молодого папоротника создает на стене пещеры тень доисторического чудовища. Успокоившись, она засунула большой палец в рот и наградила Анжелику довольным взглядом своих раскосых глаз.

«Вот ты меня знаешь, с тобой я спокойна...» – кажется, говорила она.

– Да, я тебя знаю, – прошептала Анжелика. – Да, и здесь уж ничего не поделаешь... Мы обе бессильны, и ты и я. Вот так вот!

Опершись на локоть и подперев щеку рукой, она с напряженным вниманием рассматривала ребенка. Блаженное выражение лица малютки разжало тиски, мучительно сжимавшие сердце.

Был уже не вчерашний, но еще и не завтрашний день. На земле наступил час молчания. А в ней, как сладостные мимолетные тени, возникали скорее образы, чем слова. Они несли успокоение.

– Ты ничейный ребенок... Ты лесная девочка... Просто лесная девочка. У тебя рыжие волосики, как осенняя листва... Черные глазки, как лесная ежевика... Белая кожа... Перламутровая, как песок в пещерах... Ты воплощение леса... Блуждающий огонек... Резвый гномик... И никто больше... Ты ничейный ребенок... Спи... Спи с миром...

Глава XXIV

Аббат де Ледигьер вышел из густых зарослей с руками, полными грибов:

– Онорина, это тебе ам-ам.

Она заковыляла к нему. Ей исполнился летом год, как раз в то время, когда солдаты короля окружили хутор, где находились Анжелика со своими людьми.

Запертые, как кролики в норе, они готовы были уже сдаться, когда их освободили протестанты во главе с Уго де Ла Мориньером. Анжелика выходила с хутора, переступая через трупы. Онорина кашляла, надыхавшись дыма. Запах пороха и пожарища был ей так же привычен, как грохот выстрелов, кровь и пот на мрачных лицах, поспешное бегство галопом и темные ночи в гуще леса.

Первые шаги она сделала в Партене в тот день, когда над осажденным городом гудел набат. Нападавших отбросили, и они отступили, но город, измученный лишениями, оставался безжизненным. Анжелика не нашла Онорину в комнате на стуле, где оставила ее. Девочка оказалась на улице. Вот так и узнали, что она научилась ходить и даже спускаться по лестнице.

Первое слово она произнесла в тот день, когда в яростной схватке в ландах Машкуля был убит Ланселот де Ла Мориньер... И это первое слово, как острый нож, поразило сердце Анжелики.

Увидев цветок мака, девочка произнесла: «кровь». И она забавно сморщила носик, изображая гримасу страдания, которую не раз видела на лицах раненых.

Указывая на цветок, она гордо повторяла: «Кровь... кровь...» Весь вечер она твердила это слово. Мать едва не взбесилась.

После жестоких летних боев Анжелику охватила усталость. В ее душе поселился страх. Король не объявлял отступления, но и Пуату находилось в нерешительности. Уго де Ла Мориньер, потеряв обоих братьев, растерялся без их руководства. Он никогда не был способен самостоятельно принимать решения. Со смертью Ланселота, который поддерживал в нем веру в Анжелику, в Уго вновь окрепло пуританское недоверие к женщинам. И Самюэля не было рядом, чтобы укреплять его гордость вассала, восставшего против короля. Вероятно, конец лета позволит отодвинуть страшные несчастья. Не ожидая такого стойкого сопротивления, военное командование раздумывало, какие шаги следует

еще предпринять. Король склонялся к мысли измотать восставших, изморить их голодом, нуждой и отсутствием боеприпасов. Министры настаивали на применении сокрушительных сил с самим королем во главе войск. Они хотели кровавых репрессий, которые послужили бы примером всем остальным провинциям. Не следовало забывать, что и в Аквитании, и в Провансе, и в Бретани возникали волнения. А на Пикардию и Руссильон, недавно завоеванные провинции, вообще не приходилось полагаться...

Анжелика не знала об этих проволочках. Она могла о них только догадываться, но в этом с трудом удавалось убедить измученные войска. К тому же только она одна все еще напоминала, что для них нет выбора: или борьба, или рабство. Вот почему после летних схваток в пекле раскаленных зноем дней она укрылась в ущельях Мервана вместе с сеньором де Ла Гранжем и его людьми. Они разбили лагерь в глубине векового леса, который лежал к северу от Ньельского леса. Люди восстанавливали силы и залечивали раны...

* * *

Аббат де Ледигьер набрал хвороста, разжег костер с помощью огнива и принялся готовить для Онорины собранные грибы. Ружье, с которым он отныне не расставался, лежало на траве, и он запретил ребенку к нему прикасаться. В ответ девочка состроила гримасу, которая обозначала, что она уже давно научилась остерегаться этого опасного предмета.

Анжелика наблюдала за ними, сидя невдалеке на замшелом камне.

Теперь аббат носил овчинную безрукавку. Он сменил круглую шляпу с серебряной пряжкой на огромный выцветший головной убор местных крестьян. Куда-то пропали брыжи, и ворот рваной рубашки обнажал молодую загорелую грудь, на которой поблескивал золотой крест на вылинявшей ленте. Она превратила молодого образованного наставника, утонченного до кончиков пальцев, в лесного человека! Ничего не осталось от юноши, подвизавшегося в Версале или в Сен-Клу, который с трогательной учтивостью сносил иронические замечания насмешниц и их вызывающие заигрывания и так изящно шаркал ножкой, приветствуя знатных господ с порочными нравами. Его плечи раздались, подчеркивая тонкий стан. Пропал всякий намек на слабость. Только все те же ласковые глаза лани светились на загорелом лице. Сколько же ему лет? Двадцать? Двадцать два?..

Она окликнула аббата, и он, как обычно, поспешно подошел, выражая

самое глубокое почтение. Его отношение напоминало о былых временах и о доме, полном слуг.

– Мадам?..

– Господин аббат, я неоднократно вас умоляла уехать, покинуть нас. Теперь это необходимо сделать. Мы загнаны в угол. Не знаю, к какой развязке мы движемся. Вернитесь в свою среду... Умоляю вас, сделайте это ради меня. Я не могу чувствовать себя ответственной за ваше несчастье...

Как обычно, когда она касалась этой темы, он побледнел и прижал руку к груди:

– Для меня это невозможно, мадам. Я не могу жить вдали от вас, на расстоянии...

– Но почему же?

Он пылко смотрел на нее. Его взгляд был красноречивее любых слов. Анжелику не оскорбил этот взгляд, но взволновал до слез. В тоске она отвела глаза в сторону.

– Нет, дорогое дитя, – еле слышно взмолилась она, – не надо... Я...

– Я знаю, кто вы... – остановил он ее жестом. – Вы та, кого я обожаю... Та, кого я люблю любовью, заставившей меня понять, что можно... забыть Бога ради поцелуя женщины.

– Не говорите так!

Она протянула к нему руку, и он схватил ее. Откровенность и мужественность его пожатия так удивили Анжелику, что она не посмела отнять руку.

– Позвольте мне... исповедаться... Только один раз, – произнес он хрипло. – Вы наполнили мою жизнь земным животворящим чувством, о котором я не могу сожалеть. Ваш взгляд озарил мое существование, и каждое ваше слово...

– Но вам же известны все прегрешения моей жизни...

– Они сделали вас еще дороже моему сердцу, показав вашу слабость, вашу человечность. Ах! Я хотел бы... обнять вас и защитить от врагов и самой себя... Из всех сил оберегать вас...

Силы, на которые он уповал, исходили от него со всей необузданностью молодости. Он весь напрягся, стоя в вечерних сумерках. И впервые за долгие месяцы она откликнулась на этот стремительный вихрь жизни, горячий, завораживающий, который увлекал ее и вырывал из безысходного отчаяния.

Она знала, что по вечерам он уходил вглубь леса и горячо молился, упав на колени. Но как долго любовь к Богу и любовь к проклятой

женщине сможет уживаться в его сердце?..

Не находя слов, Анжелика отняла свою руку и резко запахнула плащ.

– Не бойтесь меня, – мягко произнес он. – Я обожал бы вас... если бы вы удостоили меня только взглядом. По одному вашему знаку я растворился бы в вас... с наслаждением, и пусть мои слова не смущают вас, мадам. Я ваш смиренный слуга... Я знаю, что преграда, которая нас разделяет, непреодолима.

– Ваше призвание?

– Нет... Вы сами. Этот ужас, который вы испытываете перед мужчинами и их вожделием с того момента, как... И не я, с моей неопытностью, смогу преодолеть это препятствие...

– Замолчите... Вы сами не знаете, что говорите...

– Конечно... – Страдание превратило его лицо в жесткую маску. – Я знаю... Вас сломали... все эти несчастья. И болезнь души передалась вашему телу... Если бы не это, я ползал бы перед вами на коленях... моля о любви... Прошу вас, дайте мне высказаться. Вот уже много лет я повсюду следую за вами, и присутствие ваше стало для меня необходимо как воздух, которым я дышу... Если бы вы не были такой... недоступной, все было бы иначе...

Он умолк.

– ...Но все совсем *иначе*, – продолжал он очень тихо. – Значит, так лучше. Из-за этого препятствия я вынужден оставаться с Богом. Я никогда не стану вашим возлюбленным... Это мечта...

Он сделал над собой невероятное усилие:

– По крайней мере, я вас спасу.

Его прекрасный взор обратился к своему идеалу.

– Я вас спасу... Я сделаю для вас больше, чем все, кто вас обнимал. Я верну вам то, что вы утратили: душу, сердце, женственность – все, что у вас отняли... В данное время я бессилён, но я умру за вас и только тогда... В тот день, когда меня озарит Божественное сияние, я обрету силы для вашего спасения. В день моей смерти... Ах! Да наступит скорее этот день...

Он с жаром сложил руки на груди:

– ...О! Смерть! Поспеши... Ты позволишь мне освободить ее!..

* * *

Они не слышали крика совы. Вдруг в начале ущелья появился

всадник в большом кружевном воротнике, с перьями, развевающимися на ветру, а за ним – солдаты в красных плащах с широкими рукавами, вооруженные копьями.

Анжелика бросилась к Онорине. Аббат схватил свой мушкет и прикрывал их отступление, пока она бежала к лесу и карабкалась по склону ущелья. Ребенок приник к ее спине, обхватив за шею. Шум осыпающихся камней выдавал бунтовщиков, которые пытались забраться как можно выше.

Офицер опомнился первым.

– Они там! – заорал он. – Мы напали на логово разбойников! Ату, ребята, на волков!

* * *

Солдаты спешили и тоже полезли в гору.

Анжелика и ее спутники, запыхавшись, следили за их приближением.

– Они лезут...

– Подождем еще немного... Поднимемся выше...

– Камни! Обломки скал! – закричала Анжелика, когда солдаты оказались на самом крутом месте, почти на отвесном утесе.

Глухой рокот наполнил темное ущелье. Огромные камни, обломки скал, сброшенные крестьянами, катились вниз. По дороге они сбивали солдат, скорчившихся в неудобных позах. Камни ударяли их по голове, попадали в грудь. Солдаты теряли опору, скользили и падали.

Крестьяне, навалившись плечом, сдвигали с места гранитные глыбы, веками нависавшие над пропастью. Камни тяжело раскачивались, а потом все быстрее и быстрее катились вниз, со звоном ударяясь о стволы деревьев, стоящие на их пути. Они отскакивали и, как клопов, давили солдат, собравшихся внизу.

Офицер приказал трубить отбой, и всадники, помогая раненым и оставляя мертвых, начали осторожно отходить.

Солнце еще озаряло кровавым светом их мундиры. Анжелика наблюдала за ними сквозь ветви деревьев. Она узнала офицера. Господин де Бриенн, один из тех, кто так галантно ухаживал за нею в Версале. Увидев его здесь, она осознала, какой проделала путь со времен своей эфемерной придворной славы и какая пропасть, более глубокая, чем это ущелье, навсегда отделила ее от того мира.

Наклонившись, она насмешливо закричала, и эхо долго повторяло ее

слова:

– Мое почтение, господин де Бриенн. Обязательно передайте его величеству привет от его драгоценной!..

Когда королю передали эти слова, он побледнел. Затем прошел в свой рабочий кабинет и долгие часы оставался один, спрятав лицо в ладонях.

Потом он вызвал военного министра и приказал употребить все силы для подавления восстания в Пуату до наступления весны.

Глава XXV

Среди войск, посланных королем в Пуату в 1673 году, находился Первый Овернский полк под командованием господина де Риома и пять самых прославленных рот арденцев. Королю надоело слушать о суеверном ужасе солдат перед засадами в лесах Пуату. Тех, кого отправляли теперь, сынов Оверни и Арденн, он приказал набрать среди жителей лесов, с малолетства привыкших к мраку чащоб, к зловеющим деревьям, кабанам, волкам и скалам. Дети саботье, дровосеков и углежогов, они умели читать едва различимые следы. Их одели не в красные мундиры, как драгун, а в черные, и эта форма еще сильнее напоминала зловещих испанцев стальными касками с приподнятым острым гребнем и узкими высокими сапогами, до самых бедер. Они привезли охотничьих собак, сильных и свирепых догов.

Захлебывающаяся дробь их барабанов постоянно раздавалась над опустевшей перепуганной округой.

С их появлением в Пуату поселился ужас.

Три тысячи пехотинцев, полторы тысячи всадников, две тысячи служителей при лошадях, при артиллерии и в интендантстве. И пушки для осады городов...

Король изрек: «До наступления весны».

Значит, война продолжится и зимой.

* * *

Весной оставался только один не подчинившийся бастион. Тот, откуда и начался мятеж, местность, расположенная между Ла-Шатеньере и болотами, на которых укрылись последние повстанцы.

Суровая весна! Холода не сдавались, и даже в конце марта от промерзшей земли не приходилось ждать милосердия.

Из узкого оконца деревенского дома Анжелика наблюдала за Флипо, который подходил к дому. Он вошел, худой и поджарый, как бесприютный волк. Но ни голод, ни холод, ни жизнь загнанного зверя – ничто не смогло изменить его веселого нрава.

– Я все же сумел до них добраться, – сообщил он. – Они уж считали, что вы умерли или что вас схватили. А я рассказал, как ночью вы сумели

ускользнуть из замка Фужеру. Подумать только, они искали вас и там. Сомнений нет, что нас предали, вернее, просто продали. Теперь ведь повсюду предатели!

Он покосился на крестьянку и старика-отца, сидевших перед очагом, утер рукой покрасневший нос и продолжал тише:

– Я видел аббата, Мальбрана, господина барона и Мартена Женэ. Все согласны. Нужно бежать из страны. Теперь они открыли охоту на человека, как они это называют. Точнее, на женщину. Стало быть, на вас, госпожа маркиза. И цену назначили за вашу голову. Они уверены, что за пятьсот-то ливров вас кто-нибудь да сдаст. Люди ведь напуганы и сильно оголодали. Так вот что мы порешили. Сегодня вечером мы отправимся к Фонарю Голубки, а оттуда все вместе уйдем через лес на болота и дальше, на побережье. Понс ле Палюд, которого пока еще не схватили, поможет нам спрятаться... или погрузиться на корабль.

– Погрузиться на корабль, – повторила Анжелика.

Это означало поражение. В течение последней страшной зимы она постепенно утрачивала смысл борьбы, которую вела. Спасти свои жизни во время преследования, оказаться вечером живыми стало единственной изматывающей целью. Да, другого выхода нет, только бегство.

– Я поостерегся назначить встречу здесь, – шептал Флипо. – Не доверяю я этим людям. Они знают, кто вы, и, как и все теперь, винят вас в своих несчастьях.

Крестьяне переговаривались между собой, бросая мрачные взгляды в их сторону. Анжелика уже не осмеливалась подсесть с ребенком к жалкому очагу, потому что ощущала их злобу.

Муж крестьянки погиб, сражаясь против короля. Проходившие мимо солдаты отобрали все – хлеб, скот, зерно, да еще увели с собой старшую дочь. Ее судьба оставалась неизвестной.

* * *

В глубине комнаты на большой вандейской кровати прятались под рваным одеялом четыре маленькие бледные мордашки. Дети весь день оставались в постели, чтобы не так мерзнуть и меньше просить есть.

Через какое-то время старик-отец, обменявшись многозначительными знаками со снохой, надел кожан и взял топор, говоря, что пойдет нарубить дров в перелеске.

– Лучше уносить ноги сейчас, – прошептал Флипо, – а то вдруг он

пошел за солдатами?

Анжелика была с ним согласна. Крестьянка вдруг стала их уговаривать остаться. И Анжелика ускорила уход. Она открыто взяла краюху хлеба и сыр для Онорины. Женщина разразилась бранью:

– Идите! Идите! Убирайтесь подальше. Вы и ваше проклятое дитя и так уже поспорили меня с домовыми. С тех пор как вы появились, они уж не шуршат в стенах дома. Что с нами будет, если уйдут домовые?

Исчезновение домашних духов представлялось ей более страшным, чем все свалившиеся на них испытания.

Анжелика оседлала истощенного мула, который едва переставлял ноги. Флипо вел его под уздцы. Они проходили через сожженные деревни. На площадях, на ветвях молодых вязов, раскачивались повешенные.

День склонялся к вечеру, когда они добрались до Фонаря Голубки, который был уже зажжен. Фонари на кладбищенских башенках – это маяки Бокажа. Высокие каменные свечи на ступенчатом постаменте, они стоят на перекрестках, помогая ночным путникам не заблудиться в прозрачной мгле размытых дорог. К тому же они должны привлекать к себе неприкаянные души и не давать им мучить спящих людей. В конце зимы, даже несмотря на нехватку масла или жира, добродетельная рука старалась зажигать в них огонь. Саботье, живущий неподалеку от Фонаря Голубки, спускался по вечерам и зажигал пеньковый фитилек, прикрытый резным колпачком.

Анжелика сошла с мула и села на каменные ступени, покрытые мхом.

– Никого нет, – сказала она. – Мы с малышкой замерзнем, если придется ждать несколько часов. Садись-ка на мула, Флипо, да поезжай им навстречу. Пусть поторопятся или найдут гумно, где можно переночевать.

Флипо отправился, и в морозном воздухе долго раздавался усталый цокот копыт по замерзшей дороге. Со звуком разбитого стекла потрескивали промерзшие деревья. Все усиливающийся колючий, пронизывающий мороз пробирал насквозь. Анжелика, сидя неподвижно, заоченела до мозга костей. Дыхание вырывалось морозным облачком. Щеки Онорины, свернувшейся клубочком под ее плащом, стали холодными. В тусклом свете фонаря она видела взгляд ребенка, ее черные глазки, внимательные, как глаза бельчонка, смотревшие в окружающую темноту. Тепло материнских рук уже не могло ее согреть. Ручонки, зажавшие кусок хлеба и сыра, покраснели от холода. Анжелика вспомнила слова крестьянки:

– «Проклятое дитя»?.. Так вот как ее называют!

Ее губы задрожали от гнева.

– Во что вмешиваются эти мужлань? Только я одна могу знать,

проклята ты или нет...

Непослушными руками она подоткнула края шали вокруг ребенка.

Анжелика прислушалась, надеясь уловить отдаленный галоп. Ее внимание привлек шорох и легкий треск.

– Кто здесь? – громко спросила она.

Анжелика постаралась разглядеть какое-то движение в подлеске. Вдруг раздался протяжный вой. Она вскочила. Сердце замерло. Волки!.. Ей следовало догадаться, что они появятся!..

Голодные хищники, которых долгая зима выгнала из леса, не раз ставили Анжелику и ее окружение в трудное положение. Волчьи стаи преследовали даже конные войска. Они бродили вокруг бивуачных огней, и приходилось их отгонять, бросая горящие головешки.

А здесь тусклый свет фонаря не мог их испугать. У Анжелики был за поясом пистолет. Она смогла бы их отогнать, но ненадолго.

Она вспомнила о хижине саботье, расположенной немного выше. Надо туда добраться, пока волки не подошли слишком близко и пока на небе еще оставались слабые отсветы необычайно ясного студеного неба. Она заспешила, сознавая, что волки ее преследуют, прислушиваясь к их мягким прыжкам в густом кустарнике.

Оглядываясь, она уже различала их фосфоресцирующие глаза. Не замедляя шага, она наклонилась, подобрала камни и швырнула в волков, словно в стаю злобных собак. Главное, не споткнуться и не упасть. Она вздохнула с облегчением, разглядев освещенное оконце хижины, спрятавшейся под деревьями. Ей пришлось упорно трясти дверь, прежде чем глухонемой решился открыть верхние створки. Анжелика знаками объяснила ему, что за ней гонятся волки и что нужно накрепко запереть дверь. Чтобы успокоить несчастного горемыку и его калеку-сына, которые с ужасом на нее уставились, она положила на стол золотую монету, последнюю из того, что недавно ссудил ей барон дю Круассек. В эти голодные времена окорок возымел бы большой эффект. Однако руки саботье, почерневшие от сока свежей древесины, схватили монету и долго крутили ее, прежде чем сунуть за пояс.

Анжелика подошла к огню. Здесь хотя бы тепло. Глухонемой мальчик бросил на уголья пригоршню стружек, и Анжелика подставила огню маленькие ножки Онорины, осторожно их растирая, чтобы усилить кровообращение. Девочка согрелась, вновь порозовела и принялась за свой сыр, рассматривая серьезными глазками новую обстановку. Ее особо заинтересовали сабо, гроздьями подвешенные к потолочной балке. Анжелика оставалась настороже, надеясь услышать выстрелы мушкетов

своих спутников, которые, придя на место встречи, поймут, что ей пришлось укрыться от волков. Тогда она выйдет на порог хижины и выстрелит из пистолета. Но ничего не было слышно. Разомлев, Анжелика прилегла возле Онорины на откидной полке, на которую ей указал саботье. Ложе из стружек оказалось удобным. Она отказалась от подозрительного одеяла, но согласилась на овечью шкуру.

Анжелика ощущала странный покой и даже на несколько часов уснула без сновидений. Уже давно она перестала терзаться прошлым, думать о том, что могло бы случиться или не случиться, или о тех драматических событиях, которые произошли в ее довольно короткой жизни. Огорчения и драмы, она ведь сама их искала! Она хотела жить вопреки законам и всему тому, чему ее учили. Разве ее первый муж не расплатился за то же самое такой дорогой ценой? Вместо того чтобы извлечь из его трагедии урок, она восстала против установленных правил. Теперь она уже не удивлялась, что вновь стала жертвой. Борьба, чтобы жить, сделалось ее второй натурой, и из привилегированного устоявшегося мира она перешла в мир диких зверей, которые ежедневно должны отстаивать право на существование и преодолевать тысячу опасностей.

* * *

Анжелика проснулась посреди ночи и увидела, что саботье за чем-то наблюдает в маленькое оконце. Она подошла к нему и разглядела рыскавших по поляне волков. Самый крупный сел на задние лапы и завыл. В стойле заметалась и заблеяла привязанная коза.

Анжелика вновь прилегла возле Онорины. Осторожно отвела рыжие локоны со лба малютки и полюбовалась мирным выражением ее спящего личика. Грозное предзнаменование, звучащее в волчьем вое, усилило мрачное предчувствие, закравшееся в сердце. «Это начало конца», – подумалось ей.

К утру пошел снег. Пелена легкого сухого снега окутала все вокруг. Он незаметно подкрался и уничтожил все надежды на весну. Приговоренная страна не желала возвращаться к жизни.

Анжелика тщетно искала в хижине хоть какой-то клочок бумаги и перо. Тогда она взяла белую тряпку и нацарапала на ней древесным углем записку. Пришлось приложить немало терпения, чтобы объяснить сыну саботье, где находится ферма арендаторов Фейе, куда она его посылала.

Наконец подросток скрылся из виду под падающим снегом. Он ушел,

прижимая к груди послание, в котором Анжелика объясняла аббату место своего нахождения.

Он вернулся только на следующий день и знаками дал понять, что видел кого-то из спутников Анжелики и что они назначили ей встречу у Камня Фей, который саботье прекрасно нарисовал на столешнице.

Но почему они до сих пор не пришли сюда сами? Почему аббат не послал с глухонемым записки?.. Она не смогла узнать у него большего и решила пойти на поляну дольмена. Вполне вероятно, что там ее уже ждут.

Итак, она пошла, пожалев, что на ней не мужской костюм, потому что в юбках трудно было идти по снегу. Правда, это были крестьянские юбки, доходившие только до щиколотки.

Подойдя к Волчьей Ложбине, Анжелика в нерешительности остановилась перед снежным заносом. Идти по дороге по верху хребта – слишком долго. Она решила перейти через лощину, но с Онориной это было бы трудно. Она усадила ребенка под деревом, густые ветви которого сохранили от снега сухой участок вокруг ствола, привязала своим шарфом и приказала быть умницей. Скоро за ней придут аббат и Флипо. Онорина привыкла к такому ожиданию. Ей частенько приходилось сидеть в сторонке, ожидая, пока закончится стычка или рекогносцировка.

С огромным трудом Анжелика преодолела овраг. Она не раз падала, по пояс увязала в снегу. Когда она уже почти добралась до верха склона, ей показалось, что слева шевелятся людские фигуры. Уверенная, что это ее спутники, она собиралась их позвать, но вдруг крик замер у нее в горле.

Из леса выходили солдаты.

Они ее не заметили, потому что двигались с поляны на правую сторону ложбины. Черные и поджарые, в блестящих касках, с пиками, направленными в серое небо, они походили на крадущихся безжалостных волков.

От ужаса Анжелика не могла двинуться. Она дождалась, пока они скроются, и только тогда пошевелилась. Откуда шли эти солдаты? Что делали в этом удаленном лесу? Кого искали?..

Волоча ноги, она дотащилась до Камня Фей. Страх не давал вздохнуть. Выйдя на поляну, она поняла, что опоздала. Вокруг дольмена на ветвях дубов качались повешенные. Первым она опознала Флипо...

Бедный Флипо! Еще вчера он был таким оживленным! Она не сумела уберечь его от судьбы. Рожденный быть повешенным, он умер повешенным.

Потом она опознала их всех, одного за другим. Вот они: аббат де Ледигьер, Мальбран Укол Шпаги, Мартен Женэ, конюх Алэн, барон дю

Круассек... Знакомые лица повешенных наполнили поляну почти живым присутствием, и она едва не заговорила с ними: «Ну, вот и вы, друзья мои...»

Анжелика прислонилась к дереву.

– Будь ты проклят, король Франции, – прошептала она. – Будь ты проклят!..

Убитая горем, Анжелика продолжала стоять, боясь поверить своим глазам. В какую западню попали они? Кто их продал? А эти солдаты?.. Это они, конечно, устроили страшную расправу?..

Безумная надежда, что друзья еще не умерли и что она сможет оживить одного из них, заставила ее влезть на камень и постараться вытащить из петли аббата де Ледигьера. Ей это удалось, и тело мягко соскользнуло на землю. Несмотря на мороз, оно еще не остыло. Стоя на коленях, Анжелика старалась уловить биение сердца или другие признаки жизни. Но смерть уже свершила свое дело. Анжелика прижала аббата к груди и поцеловала в чистый лоб:

– О! Мой дорогой ангел-хранитель!.. Мое дорогое дитя!.. Вот вы и умерли... Умерли ради меня... Что будет со мной без вас?

Она с тоской смотрела в его прекрасные глаза, которые уже не могли ее видеть. Потом нежно закрыла их и перекошенный рот...

Негромкий крик прозвенел в морозном воздухе. Она выпрямилась. Онорина!

Анжелика очнулась от охватившего ее оцепенения. Нужно спасти ребенка...

Онорина все так же сидела под деревом. Она не плакала, но ее носик покраснел, как ягодка остролиста. Она размахивала ручонками, радуясь приходу матери.

Анжелика отвязала ее и взяла на руки. И в этот момент почувствовала на себе чей-то взгляд. Обернувшись, она увидела на другой стороне Волчьей Ложбины наблюдавшего за ней солдата.

Анжелика бросилась бежать, и в тот же миг солдат издал громкий гортанный крик.

Она вскарабкалась по склону и устремилась в лес. Побежала напролом, не выбирая тропинок. Тяжелые намокшие юбки затрудняли движение, но она не сбавляла шагу. Ее подгонял непередаваемый ужас.

Издали доносился звонкий собачий лай. Неужели солдаты бросились за ней в погоню?.. С собаками? Она задышалась, руки занемели от тяжести ребенка.

Теперь уже не оставалось сомнений: за ней гнались. Лай приближался,

и слышалась громкая переключка солдатни. Но они еще не спустили собак. На мокром снегу четко виднелись ее следы. Напрасно она петляла, как это делают затравленные животные, солдаты легко распутывали следы и неумолимо приближались.

Сгущались сумерки. Свинцовое небо опускалось на землю вместе с темнотой. В воздухе запорхали первые снежинки, Анжелика почувствовала на щеке их легкое прикосновение. Потом их стало больше, они летели быстрее. Теперь она продвигалась сквозь колышущуюся густую непрозрачную пелену. Но зато снег заметал следы...

Действительно, погоня явно отстала. Уже не было слышно собачьего лая. Гробовая тишина. Анжелика двигалась в полном безмолвии, нарушаемом лишь шуршанием падающего снега. Ее мокрое лицо на морозе заледенело. Несколько раз она больно натыкалась на деревья.

Наконец Анжелика остановилась. Ее окружал непроглядный мрак. Она не знала, где находится. Понемногу снег начал ее заносить, и ею овладело желание сесть – сесть хоть на минутку. Но она знала, что, сев, больше уже не встанет.

Девочка зашевелилась.

– Не бойся, – тихонько сказала Анжелика... Ее губы с трудом шевелились. – Ничего не бойся, ты ведь знаешь, что лес мне знаком...

И снова тявканье собак! Они не оставили погони. Анжелика продолжала идти. Она спотыкалась и едва не падала. Впереди угадывалась пустота. Должно быть, Анжелика на краю обрыва или на крутом склоне. Лес закончился.

Она стояла неподвижно, поэтому услышала долетавший далекий звук колокола. Его ритмичный удары обещали приют.

В отчаянной надежде она начала осторожно спускаться по склону и вскоре различила внизу высокие стены Ньельского аббатства. Анжелика ухватилась за цепь главного входа. Под защитой козырька над входной дверью ей стало лучше, она стряхнула с себя этот гнетущий ледяной кошмар.

Рука приоткрыла глазок на двери.

– Хвала Господу! Что вы хотите? – прозвучал голос.

– Я с ребенком заблудилась в лесу. Приютите меня.

– Мы не допускаем в аббатство женщин. Пройдите еще пятьдесят шагов, там трактир, и там вас примут.

– Нет... За мной гонятся солдаты. Я должна укрыться в ваших стенах.

– Ступайте в трактир, – повторил голос.

Человек собирался закрыть глазок. В отчаянии она закричала:

– Я сестра вашего бенефицианта Альбера де Сансе де Монтелу. Ради бога, откройте... Откройте.

Ее собеседник явно колебался. Потом звякнул запор. Анжелика услышала скрип ключей и задвижек. Подобно самой буре, ворвалась она в снежном вихре в приоткрывшуюся дверь.

Двое маленьких седых монахов смотрели на нее с изумлением.

– Заприте же дверь, – взмолилась она. – Накрепко закройте и не открывайте, если солдаты начнут стучаться.

Они повиновались, и Анжелика успокоилась только тогда, когда толстая деревянная перекладина перегородила створки.

– Правда ли, что вы сестра бенефицианта аббатства господина де Сансе? – спросил один из монахов.

– Да, это правда.

– Подождите здесь, – сказал он, указав на подобие приемной, в которой горела огромная свеча в медном светильнике.

Там стояла стужа почти такая же, как на улице.

У Анжелики зуб на зуб не попадал, она дрожала всем телом. Она не ощущала своих негнущихся заочечневших рук, обнимавших вздрагивавшую Онорину.

Наконец она увидела еще двоих монахов, идущих по внутренней галерее. Один держал масляную лампу. Они носили белые сутаны высшего духовенства. Войдя в приемную, монахи остановились перед Анжеликой. Тот, что помоложе, сделал еще несколько шагов в ее направлении и поднял вверх лампу, чтобы осветить жалкое лицо беглянки.

– Да, это она, – промолвил он наконец, – моя сестра Анжелика де Сансе...

– Альбер! – прошептала Анжелика.

Глава XXVI

Над входом резко зазвонил колокол, и монах-привратник подошел сказать, что группа вооруженных мужчин требует, чтобы их впустили в аббатство.

– Не открывайте, – взмолилась Анжелика, – не открывайте, или я погибла. Это за мной они гонятся.

– Мятежница из Пуату, – негромко пробормотал Альбер.

Анжелика бросила на них затравленный взгляд. Она так часто сталкивалась с жестокостью, что и в этих монахах с холодными, как мрамор, лицами видела врагов. Они выдадут нечестивицу.

Анжелика упала на колени, встретила со строгим взглядом аббата, и ее губы с жаром повторили старинную, еще средневековую, мольбу, которую столько столетий повторяют на пороге церковью жертвы человеческой жестокости:

– Убежища!.. Убежища!

Аббат успокоил ее знаком и, словно белый призрак, удалился в направлении входной двери.

Вскоре он вернулся. По всей вероятности, он направил солдат в трактир. А те, утомленные преследованием по снегу, не стремились брать приступом хорошо защищенное аббатство, которое устояло в стольких войнах. Они без споров удалились, тем более что монах-привратник подбодрил их, добавив, что у трактирщика есть бочонок доброго вина из Шаранты, столь редкого в эти смутные времена.

В монастыре вновь воцарилась тишина. Анжелика, вконец измученная, продолжала стоять на коленях. Тогда Альбер нагнулся и взял на руки маленькое дрожащее существо с живыми темными глазками лесного зверька, которое она прижимала к груди.

– Встаньте, мадам.

Аббат протянул ей худую, но необыкновенно сильную руку. Она встала.

– Мы не можем, мадам, предоставить вам достойный приют в нашем аббатстве.

Он говорил тихим, словно бесплотным голосом, будто читая молитву.

– Я могу предложить вам только два относительно удобных места: кухню, где вы можете принимать пищу, и хлев для сна.

Должно быть, на белом как мел лице Анжелики при этом сообщении

появилось такое восторженное выражение, что некое подобие улыбки промелькнуло на суровом лице настоятеля.

– Ступайте с миром, – закончил он. – Ваш брат вас проводит.

* * *

От мокрых тяжелых юбок Анжелики, сидящей перед пылающим очагом, шел пар. Она напоила Онорину горячим молоком и теперь растирала ее маленькие замерзшие ножки. Потом она раздела ее и завернула в теплое одеяло. Послушники в черных рясах прислуживали ей молча, как того требовали правила. Слышался только негромкий стук их сандалий да потрескивание огня в очаге, куда они подбросили две большие охапки хвороста. Вскоре одежда Анжелики просохла, но она так измучилась, что отказалась от пищи.

Анжелика свалилась на сено и погрузилась в сон, похожий на беспамятство. Альбер де Сансе собственноручно уложил маленькую Онорину в кормушку для животных, куда постелили сено и солому, – обычную крестьянскую колыбель. Перед уходом он подгрел сено вокруг спящей сестры.

Снаружи продолжал тихо падать снег. Белой пеленой укрыл он аббатство и неподвижный лес. Белым саваном укутал повешенных у Камня Фей...

Глава XXVII

Ночью Анжелика проснулась. Позвякивал колокольчик – это за перегородкой иногда ворочались и вздыхали коровы в стойлах. Где-то чистый ангельский хор выводил медленную псалмодию григорианского распева.

Она протянула руку и сразу ее отдернула. Рука коснулась чего-то горячего. В то же мгновение она поняла, что это пылающий лобик Онорины. В желтоватом свете большого фонаря, который она сняла с крюка над дверью, Анжелика, склонившись над ребенком, увидела, что у девочки жар и она дышит часто и коротко.

Три дня подряд она неотлучно находилась возле малютки. Часто приходил монах-врачеватель. Он был сед, а его глаза цветом напоминали те поблекшие фиалки, которые он собирал в лесу для приготовления отваров.

– Если она умрет, – твердила в отчаянии Анжелика, – я собственными руками перебью тех солдат, что гнались за нами.

– Да будет, будет вам. Лучше помолитесь Богородице – Она тоже мать, – ласково увещевал ее монах.

Однажды утром она проснулась и увидела, что Онорина сидит и с серьезным видом играет с хлебным колоском. В порыве счастья Анжелика позвала послушника, немного поодаль доившего коров в стойле:

– Брат Ансельм! Посмотрите!.. Похоже, она выздоровела.

Толстый брат Ансельм и двое молодых монахов, помогавшие ему, окружили Онорину. Девочка похудела, под глазами появились темные круги, но она выглядела спокойной и сосредоточенной. Она выпила предложенное ей молоко и с королевским достоинством и снисхождением к восторженным пажам выслушала поздравления окружающих.

– Младенец Иисус нас не оставит, – сказал с широкой улыбкой брат Ансельм. – Возблагодарите же Господа нашего и восславьте Его, нечестивая женщина! – сурово добавил он, обращаясь к Анжелике. – За все время, что вы здесь, я ни разу не видел, чтобы вы перекрестились.

Альбер де Сансе навестил сестру и принес чемоданчик красной кожи с золотым тисненым узором. Любопытно, что в глазах Анжелики грубая ткань монашеского одеяния шла ее брату больше, чем тонкие шелка, в которые он облачался, когда находился при дворе. Теперь ей казалось, что его узкое бледное лицо никогда не соответствовало жизни в роскоши. Куда

больше, чем парик, шел ему венчик волос на макушке бритой головы. Складки сутаны и широкие рукава подчеркивали значимость жестов, порой вызывавшую прежде раздражение.

Раньше он казался развращенным хитрецом. Но хитрость превратилась в безмятежность и терпение. Бледность лица, казавшаяся признаком болезненности среди раскормленных придворных, здесь выглядела аскетической просветленностью.

– Помнишь, Анжелика, – спросил он, – как часто я повторял, что когда-нибудь получу Ньельское аббатство? И вот я его получил.

«Я-то считаю, что это скорее аббатство получило тебя», – подумала она, глядя на его легкую высокую фигуру со следами самобичевания, в которой трудно было признать бывшего фаворита Месье, брата короля.

Они не говорили о событии, которое вызвало такое решительное изменение в жизни молодого человека. О времени после похорон их брата Гонтрана, когда душевное страдание и тоска погнали его, развращенного фаворита, горько рыдающего и утирающего глаза кружевными манжетами, по дорогам родного края. Аромат цветущего боярышника возвращал его в детство. Это неосознанное паломничество привело его к порогу Ньельского аббатства. В детстве маленький Альбер де Сансе часто приходил сюда, чтобы заниматься латынью. В эти часы учебы в его сердце запало очарование аббатства и непреходящая и неуловимая любовь к родине, которые не смогли угаснуть среди развлечений королевского дворца и Сен-Клу.

В тот день он потянул висящую цепь привратного колокола, и ворота открылись...

* * *

– На чердаках аббатства можно найти забавные вещи, – сказал он Анжелике. – В прошлом здесь не всегда царил строгость. И следы былого сохранились... Отец аббат подумал, что тебе может что-то пригодиться. Он поручил мне передать тебе вот это.

В чемоданчике оказался черепаховый туалетный несессер, отделанный золотом.

Оставшись одна, Анжелика присела на сено и принялась тщательно расчесывать волосы. В одной руке она держала круглое зеркало, светлое, как солнечный зайчик, в другой – великолепную щетку для волос, несколько тяжеловатую, но очень удобную. Онорина, зачарованная этим

зрелищем, тоже требовала своей доли, свесившись из кормушки. Анжелика дала ей другую щетку, поменьше, и черепаховый с золотой накладкой рожек для обуви.

Что за дама де Ришвиль, чувственная и страстная, оставила в этих стенах столь легкомысленные предметы?

Предыдущий настоятель аббатства, голубые глаза которого доводили когда-то до обморочного состояния графиню де Ришвиль, слыл эпикурейцем, поклонником как экзегезы, так и менее возвышенных удовольствий. И в одном из винных погребов Анжелика заметила обломки высокой кровати с балдахином, которую в былые времена устанавливали монахи с приездом этой любительницы уединения.

Его преемник изгнал из монастыря распутные нравы. Нынешнего настоятеля называли суровым и несговорчивым.

И все же Анжелика попросила его о свидании, чтобы выразить свою благодарность. Она вновь обрела человеческий облик, и ей хотелось показать настоятелю, что она вовсе не то жалкое подавленное создание, которому он протянул руку, чтобы помочь подняться с колен.

Выстиранная и выглаженная одежда не отличалась элегантностью, зато Анжелика распустила по плечам волосы, единственное свое украшение. Склонившись к зеркалу, она с некоторым беспокойством изучала их блеск. Эти длинные солнечные полосы среди локонов теплых оттенков – не что иное как новые седые пряди, появившиеся совсем недавно. Она побелеет сразу, без серой седины. Ей всего лишь тридцать три года, но совершенно очевидно, что недалек тот день, когда над ее гладким лицом, еще полным прелести молодости, появится белоснежный ореол. Старость уже прикоснулась к ней своей белоснежной рукой, а ведь она еще не жила! Ибо пока в женском сердце пустота, жизнь – всего лишь ожидание жизни...

* * *

Она прошла по внутренней галерее, потом, поднявшись по лестнице со ступенями, истертыми бесконечными процессиями, по другой открытой галерее, напоминающей арабские дома, окружающие внутренний дворик. Через проемы круглых арок, опирающихся на приземистые столбики, она разглядела во дворе колодец, откуда брат Ансельм брал воду, и рядом с ним Онорину.

Коридоры были пустынно. Шум собственных шагов напомнил

Анжелике о гордой мадам де Ришвиль, в черной кружевной мантилье, которая некогда прошествовала мимо пораженной девочки.

Аббат ждал ее в просторной библиотеке, вдоль стен которой стояли бесценные сокровища. Редчайшие инкунабулы начала книгопечатания, тысячи книг разных размеров и толщины поблескивали старым золотом переплетов в полутьме холодного зала, пропитанного запахами дорогой кожи, пергаментов, чернил и эбенового дерева аналоев, на которых лежали открытые огромные требники, украшенные миниатюрами.

Аббат сидел под витражным окном в готическом кресле с высокой спинкой, и неподвижность этой белой статуи только подчеркивала напряженную жизнь глаз, которые казались черными, но на самом деле были темными, как сталь или бронза. Как многие аскеты, он не имел возраста. Его черные волосы еще не тронула седина, но кожа уже высохла и натянулась на скулах. Суровое выражение его тонких губ насторожило Анжелику, и она приготовилась к защите. Она опустила перед ним на колени, потом села на приготовленный для нее табурет. Спрятав руки в длинных рукавах монашеского одеяния, он пристально смотрел на нее. Анжелике пришлось заговорить первой, чтобы прервать тяготившее ее молчание:

– Отец мой, я должна выразить вам свою бесконечную благодарность за то, что вы дали мне приют. Если бы эти солдаты схватили меня, я бы погибла... Меня ожидала такая участь...

– Я знаю, – коротко кивнул он. – За вашу голову обещана награда... Вы Мятежница из Пуату.

Что-то в его тоне встревожило Анжелику, и не покидавшее ее чувство скрытой враждебности к этому монаху вырвалось наружу.

– Неужели вы будете меня осуждать? – высокомерно спросила она. – Но по какому праву? Что можете вы знать, находясь в своем монастыре, о мировых потрясениях и о причинах, способных заставить женщину взяться за оружие для защиты своей свободы?

Она вела себя вызывающе. Пусть только попробует этот церковник напоминать ей о женском подчинении. Тогда она откроет ему глаза на требования короля.

– Я достаточно знаю, чтобы различить в ваших глазах кривляющийся лик Лукавого, – ответил он.

Она зло рассмеялась:

– Вот та глупость, которую я ожидала здесь услышать. Через минуту вы скажете, что я во власти бесов.

– Есть ли в вашем сердце иное чувство, кроме ненависти?

Она молчала.

– Лукавый есть ненависть, – продолжил он так же монотонно и в то же время проникновенно. – Лукавый не приемлет любви. Это другая ипостась любви, ипостась противоположная. Нет ли в ненависти толики любви?.. Ядовитый разрастающийся цветок. К ненависти скорее склонны сердца благородные, чем заурядные. Известно ли вам, что Лукавый кормится кровью, страданиями и поражениями?

Неожиданное выражение почти физического страдания исказило его лицо.

– Вы влияли на мужчин силой своей красоты, чтобы вести их к ненависти, к преступлениям, к мятежу!.. – с безмерной тоской воскликнул он. – А ведь вас зовут Анжелика... Дочь Ангелов!..

– Брат Жан!.. – вдруг узнала она его. – Вы брат Жан!.. О! Ведь это вы... однажды ночью увели меня под защиту своей кельи... О! Это вы! Конечно же это вы! Я узнала ваши блестящие глаза...

Он молча кивнул. Перед ним вновь была девочка с золотистыми волосами, обрамляющими прелестное личико, невинное, как само детство, уже изощренное, как лицо женское, чьи глаза цвета весны с любопытством взирали на него.

– Чистое дитя, – прошептал он, – во что же вы превратились?

Что-то надломилось в сердце Анжелики.

– Мне сделали больно, – пролепетала она. – О! Если б вы знали, брат Жан, какую боль причинила мне жизнь.

Он перевел свой взгляд на огромное распятие у противоположной стены:

– А что причинили Ему?..

* * *

В ту ночь она не могла уснуть. Как некогда, разорвалось покрывало, оберегающее покой аббатства, и обнаружилось присутствие князя тьмы. Слабый звук колокола, отбивая ночные часы и время молитв заутрени, напоминал о вечной борьбе. Со светильниками в руках по галереям двора шли в часовню монахи. «О монахи! Молитесь, молитесь же, – думала Анжелика. – Это необходимо, пока мрак витает над уснувшей землей...»

Даже здесь Лукавый являет свой кривляющийся лик. Едва она закрывала глаза, ей начинало казаться, что она слышит, как льются потоки

крови. Тогда она протягивала руку и касалась запястья спящей Онорины. Только дитя служило ей той надежной крепостной стеной, что защищает от ужасов нескончаемой ночи. Лишь на рассвете, после криков петухов, смогла она уснуть.

Однако Анжелика не признавала себя побежденной. Она вновь попросила свидания с отцом настоятелем.

– Чтобы я делала без ненависти? – спросила она. – Если бы меня не поддерживала ненависть, я умерла бы от отчаяния, погибла бы, впала бы в безумие. Поверьте, жажда мести, владеющая мной, – это опора, которая позволяет сохранять жизнь и ясность ума.

– Не сомневаюсь. В жизни бывают такие часы, когда мы можем выжить только с духовной помощью силы, превосходящей нашу. Человеческий дух слаб. В моменты счастья нам еще достает его силы, но в страдании мы должны обращаться или к Богу, или к бесу...

– Так вы не отвергаете необходимости того чувства, которое мной овладело?

– Я никогда не отвергал духовной силы мессира Люцифера. Я слишком хорошо его знаю.

– Ах! Вы все время витаете в эмпиреях. Вы не понимаете того, что совершается на земле.

Прекрасная, с рассыпавшимися по плечам волосами, с высоко поднятой головой, со сверкающими глазами, она металась перед ним по комнате, не обращая внимания на впечатление, которое производит, поглощенная внутренней борьбой, требовавшей полного напряжения сил.

Отец настоятель, неподвижный и бесстрастный, как статуя, следил за ней взглядом, и только тонкая насмешливая улыбка скользила по его губам.

– Напрасно, дочь моя, вы отрицаете, что находитесь во власти бесов. Даже менее искушенный взгляд, видя ваше волнение, понял бы, что здесь нужна святая вода.

– Это вы доводите меня до исступления! – воскликнула она. – Я взвинчена потому, что хочу оправдаться, и потому, что отвыкла размышлять над подобными вопросами. Вы ставите мне в вину желание наказать преступление, подтолкнувшее меня восстать с оружием в руках против безграничной тирании, которая доказывает, что она гораздо ближе к разрушительному злу, чем к духу той справедливости, какой возжелал Христос.

Он молчал, размышляя над ее аргументами.

– Вы опасный противник, – согласился он. – Так продолжайте же...

Объяснитесь...

Ей трудно было говорить после столь долгого молчания. Слова теснились на губах, отрывистые фразы беспорядочно вырывались прямо из сердца. Спутанность доводов приводила ее в отчаяние: король, костер, святоши, Колен Патюрель и месье де Бретей, бедняки парижских низов, ее зарезанный ребенок, протестанты, продажность, налоги...

Разве мог он что-то понять в этом сумбуре? Ничего! Он просто прочтет ей наставление. Постоянно откидывая назад волосы, падавшие ей на лицо, не в состоянии ни остановиться, ни замолчать, время от времени она обеими руками опиралась на подлокотники его кресла, наклоняясь, чтобы лучше донести свою правду.

– Вы упрекаете меня за пролитую по моему приказу кровь. Ну а разве менее красна кровь, пролитая во имя Бога? Или это не так преступно?

Ее гнев и горечь теперь обращались к каменному лицу с потухшим непроницаемым взглядом.

– Да, я знаю, что вы думаете, – лихорадочно продолжала она. – Кровь брошенных на пики детей протестантов, конечно же, *нечистая*, а желания короля *священны*, страдания народа справедливы и оправданны, даже *заслуженны*. Им просто не следовало рождаться отверженными... Подчиняться великим, давить слабых... таков закон...

Она буквально обессилила от такой длинной речи, лоб покрылся испариной, она чувствовала себя опустошенной...

Настоятель поднялся, сказав, что наступил час повечерия. Анжелика смотрела, как он уходит по галерее, спрятав руки в рукава, словно высокая свеча с откинутым назад капюшоном. Он ничего не понял. Он пребывает в своей безмятежности.

Однако в эту ночь Анжелика спала лучше, а когда пробудилась, то почувствовала, что с души свалился камень.

Ее вызвал отец настоятель. Ждет ли ее выговор или успокоительная проповедь? Что ж, она не прочь скрестить шпаги. Анжелика вошла, опустив голову, и оторопела, увидев, что он смеется.

– Вы, мадам, уже приготовились к нападению. Неужели я столь опасный враг, что Мятежница из Пуату приходит ко мне во всеоружии?

– Прощу вас, не называйте меня больше этим именем, – сказала она смущенно.

– Я думал, вы им гордитесь.

Она отвела взгляд, ощущая себя смертельно усталой. Она почувствовала, что теперь слабее его.

– Я ни о чем не жалею, – отвечала она. – Я никогда не буду жалеть о

содеянном.

– Но вы сами себе внушаете страх.

Анжелика прикусила губу:

– Отец мой, вы не сможете понять, что я испытываю.

– Возможно. Но я ощущаю вашу муку, и, главное, я вижу темный ореол, окружающий вас...

– Ауру? – переспросила она задумчиво. – О ней говорят мусульманские святые... Отец мой, разве моя аура так темна?

– Вы содрогаетесь при одной мысли заглянуть себе в сердце. Что вы страшитесь там увидеть?

Она пристально на него посмотрела. Эти глаза, блестящие, как ртуть, проникали ей в душу, и она не могла оторвать от них взгляда.

– Избавьтесь от этого, – убеждал он, – иначе вы не сможете возродиться.

– Возродиться! Возродиться! Но к чему возрождаться? Я не стремлюсь к этому.

Она взволнованно кричала, прижав руки к горлу, словно ей трудно было дышать.

– Что, по-вашему, должна я делать со своей жизнью... Меня от нее тошнит, я ненавижу ее... Эта жизнь все у меня отняла... Она превратила меня в женщину, которая... Да, это правда, которая внушает мне ужас.

Обессиленная, она рухнула на табурет.

– Вам этого не понять, но я хотела бы умереть.

– Это глубочайшее заблуждение. Вы не можете желать смерти.

– О! Я утверждаю, что желаю смерти.

– Это просто результат усталости. Поймите, что жажда смерти, вкус смерти даются только тому, кому жизнь – короткая или долгая – удалась, кто завершил ее, кто жил так, как того хотел. Это песнь старца Симеона Богоприимца: «Теперь я могу умереть с миром, ибо лицезрели очи мои Тебя, пришедшего спасти мир». Но до тех пор, пока человек не реализовал себя, до тех пор, пока он блуждает вдалеке от своей цели, до тех пор, пока он познал только неудачи... он не может желать смерти... Забвение, сон, небытие – да... Усталость от жизни? Но это ведь не есть смерть. Смерть – это сокровище, которое Бог доверяет нам вместе с жизнью, это неизреченное обещание...

Анжелика вспомнила аббата де Ледигьера, его молодое просветленное лицо. «О смерть, поспеши!» – восклицал он. Она подумала и о Колене Патюреле, которого столько раз предавали в руки палачей, и о собственных чувствах, которые испытала она, привязанная к столбу на

глазах жестокого Мулая Исмаила. В тот момент она могла бы умереть, она чувствовала, что отойдет в сияние. Но не сегодня.

– Вы правы, – с видимым усилием отвечала она. – Я не могу теперь умереть, это было бы неправильно.

Он рассмеялся:

– Мне нравятся ваши всплески жизнелюбия! Да, мадам, вы должны жить. Умереть в момент поражения, какая насмешка!.. Самая худшая...

Анжелика колебалась. Она не решалась поднять глаза и встретиться с его мрачным взглядом.

– Вы выслеживаете меня, как добычу.

– Я хотел бы видеть вас освободившейся, чтобы вы могли возродиться.

– Но освободившейся от чего? – воскликнула она в отчаянии.

– От того глубоко погребенного, что мешает вам пребывать в мире с самой собой и с жизнью.

– Я никогда не смогу простить.

– От вас требуется не это.

Анжелика продолжала сопротивляться. Он видел, как участилось ее дыхание. Тоска, искажавшая это прекрасное лицо, терзала и его.

Как, зачем и когда придет она преклонить пред ним колена? Она с такой силой уцепилась за его белую сутану, что даже глаза приобрели прозрачную бледность.

– Выслушайте меня... брат Жан... Выслушайте меня. Вам говорили о резне на Поле Драгунов?

Он утвердительно кивнул.

– Это приказала сделать я.

– Нам это известно.

– Но это не все... Послушайте... Мне принесли голову Монтадура, и я испытала... восторг. Мне хотелось омыть свои руки в его крови.

Священник прикрыл глаза.

– И с той ночи, – продолжала шептать Анжелика, – я охвачена страхом и избегаю заглядывать себе в душу.

– Вас коснулось дыхание ада. Хотите ли вы навсегда изгладить это воспоминание?

– Хочу всей душой. – Она смотрела на него с надеждой. – Сможете ли вы стереть его?

– Неужели вы совсем утратили свою детскую веру, если испытываете сомнения?

– Ведь Богу известно все, так какое значение имеет то признание,

которое я сделаю вам на исповеди!

– Богу известно все, но без вашего признания и раскаяния даже Он не может отпустить ваши грехи. В этом и состоит свобода выбора человека.

Он победил.

После отпущения грехов Анжелика почувствовала себя выздоравливающей. Она посмотрела на свои ладони:

– А смоется ли кровь на моих руках?

– Речь идет не о том, чтобы оборачиваться назад или избегать последствий своих деяний, а о том, чтобы начать заново жить. В течение последних лет вы жили ненавистью, отныне вы будете жить любовью. Вот цена вашего обновления.

Она разочарованно рассмеялась:

– Такая жизнь мне не подходит. Моя борьба не окончена.

– Это внутреннее состояние.

– Сколько разговоров из-за одной отрезанной головы! – с вызовом тряхнув волосами, пошутила она над своим возбуждением. – Мулай Исмаил приносил во славу своего бога две-три ежедневно. Видите, как трудно, когда путешествуешь и видишь разные нравы, провести черту, что есть Добро и что есть Зло.

Вероятно, такие рассуждения сильно позабавили отца настоятеля. Его смех был подобен солнечному лучу на снегу. Из-под застывшей суровой маски выглянуло удивительно молодое и приветливое лицо.

В минуты покоя аббат казался холодным, словно высеченным из камня. Казалось, ничто не могло смягчить этой суровости, однако во время разговора на его лице сменялось множество выражений: веселость, страдание, гнев, симпатия. Когда она думала о нем, то перед ней всплывал его суровый непроницаемый облик. Но на самом деле его лицо было очень подвижно в бесконечной смене чувств.

Вначале он приводил ее в смущение, и потребовалось время, чтобы разглядеть эту особенность и почувствовать тепло его существа.

– То, что вредит вашему душевному покою, есть Зло, – сказал он, отвечая на мрачную шутку по поводу Мулая Исмаила. – То, что соответствует вашему личному представлению о справедливости, есть Добро.

– В свою очередь, отец мой, позвольте вас спросить, не пахивают ли ваши рассуждения ересью?

– Я позволяю себе высказывать подобные суждения только перед теми, кто в состоянии их понять.

– Так вы мне доверяете?

Он долго смотрел на нее молча.

– Да, ибо судьба ваша неординарна. Вам предначертаны нехоженые дороги.

* * *

Он подробно расспрашивал ее об исламе. Его удивляло, с какой глубиной она постигла мусульманские обычаи и нравы, их напряженную непримиримую веру. И Анжелика не скрывала от него своего восхищения и тоски по тому миру, который продолжал в ней жить.

Они вместе листали огромные книги, где миниатюры чередовались с описаниями арабских вторжений. В них приводилось учение Магомета и разъяснение Отцами Церкви его послания. Для Анжелики стали незабвенными часы, проведенные перед аналоем, когда аббат переворачивал страницы тонкой узкой рукой, столь худой, столь прозрачной, что она походила на женскую. Постоянно копируя художников Раннего Возрождения, размышляя над их искусством, он и сам, казалось, приобрел их бесплотное изящество.

Однажды днем в ожидании отца настоятеля Анжелика обнаружила миниатюру – ангельское личико с зелеными глазами, показавшееся ей знакомым. Этот ангел многократно встречался в требнике. Ангел то с грустным, то с искрящимся взглядом, то с опущенными ресницами под светлыми волосами, то улыбающийся, то серьезный.

– Эту книгу в свое время украшал брат Жан, послушник Ньельского аббатства, так ведь? – с улыбкой спросила она вошедшего отца настоятеля.

Он взглянул на рисунки и тоже улыбнулся:

– Разве мог я забыть девочку в ночи и ту необыкновенную поэтичность, которую она излучала? Свежесть, красота, жажда жизни – она несла в себе все эти сокровища, и они отражались в ее глазах. Мне кажется, Господь послал ее в монастырь, чтобы напомнить мне о красоте Его творения.

– А теперь я старая и увядшая.

Отец настоятель искренне рассмеялся.

– Что за нелепость! Как такие прелестные губы осмеливаются произносить столь горькие слова? Вы молоды! О! Как вы молоды! – повторил он, глядя на нее с восхищением. – В вас сохранилась полнота жизни, а это почти чудо. Несомненно, вы многое повидали, но я утверждаю, что ваша настоящая жизнь еще ВПЕРЕДИ.

– У меня уже седые волосы.

– Еще одно украшение, – насмешливо парировал он.

И впервые за долгие месяцы она осознала саму себя в устремленных на нее глазах и увидела в них свое отражение. Она ощутила жизнь своего тела, прилив сил под действием лесного воздуха и верховой езды. Ее фигура стала полнее, плечи окрепли. Она вновь превратилась в представительницу Пуату с золотисто-розовой кожей, а тени под глазами, тени, говорившие о пролитых слезах, прибавляла трогательности взгляду и подчеркивала блеск глаз.

Анжелика стала так безразлична к своей внешности, что ее почти смутил этот вновь обретенный образ. Она машинально прикрыла грудь краями плаща.

– Напрасно вы стараетесь подбодрить меня, – сказала она, качая головой. – Вам не понять... Я кажусь живой... Но ощущаю себя... сраженной...

– Нельзя мгновенно оправиться от тяжелой болезни.

Медленным, словно скользящим шагом он отошел, сел в свое кресло и долго смотрел на нее.

– Но выздоровление уже началось. Какие изменения с той ночи, когда с ребенком на руках вы пришли в аббатство в поисках приюта! Будьте терпеливы. Обратитесь не к мраку, а к свету, и выздоровление наступит и в вашей душе, и в вашем теле.

– В моем теле? – удивилась Анжелика. – Но я не больна.

– Вы боитесь и ненавидите мужчин. Вот в чем ваша болезнь. Я бы сказал, ваша странность. Вы должны от нее излечиться. Она губит вашу душу, ибо вы созданы для любви.

На минуту Анжелика замерла, пораженная, а вслед за тем ее охватила ярость.

– О чем вы говорите? – пронзительно закричала она. – Во что вмешиваетесь? Что вы знаете о мучениях женщины, которую преследует мужская похоть? Ее охватывает ужас перед мужчинами и перед самой собой. К какому падению ведет любовь?.. Да не вы ли первый вспоминали призрак разврата и требовали покаяния?

Его не смутил ее порыв, он улыбался.

– Почему вы смеетесь?

– Потому, что чем больше я на вас смотрю, тем больше убеждаюсь, что вы созданы, чтобы спать в объятиях мужчины.

Это видение привело в замешательство и в то же время успокоило Анжелику.

Он невозмутимо продолжал:

– ...Я не употребляю множественного числа. Я сказал: ОДНОГО МУЖЧИНЫ. В вас слишком сильна плоть, чтобы жить без любви. Стремитесь же к выздоровлению ради того, кто должен прийти, того...

– Да, благоразумная девственница со светильником в руках в ожидании прихода супруга... Это как раз про меня...

«Супруг!.. – с тоской подумала она. – Я знала его. Он переполнял меня счастьем, но его вырвали из моих объятий».

– Обратите взгляд в будущее. Постарайтесь угадать того, кто придет. И готовьтесь принять его. Неужели вы решили вечно носить в душе позор ваших прегрешений? Нет? Тогда расстаньтесь и с гордыней вашего тела. Оно значит гораздо меньше. Не храните воспоминания о своем позоре. Вслед за зимой неизбежно наступает весна. Кровь и плоть тоже обновляются. У вас хорошее здоровье...

Ее смущало и одновременно утешало, что он осмеливается так открыто говорить о терзающей ее тайне.

– Это так нелегко, – сказала она. – Ясно, что не вы...

– Упрямец... Научитесь же наконец забывать о тех, кто причинил вам зло. Сегодня первый солнечный день. Возьмите за ручку свою дочь и, предаваясь надеждам, погуляйте с нею в саду.

Она не была уверена, что ее привлекает такое будущее.

Существует ли на свете тот мужчина, что сможет заново приручить ее? Нанесенная рана слишком глубока. И вместе с тем, когда она задумывалась о том наитии, что побудило ее сердце, ищущее поддержки, обратиться к нельскому аббату, вынуждена была признаться, что во многом уже оказалась под его влиянием. Он, как птицелов, терпеливо приручал ее. Но и его мужское обаяние, изнуряемое постоянными постами, тоже сыграло свою роль. Да, он прав. Она все еще остается женщиной!..

– Что произошло со мной в аббатстве? – удивлялась она. – Мне иногда кажется, что я заблудилась и повисла в воздухе.

– Вы попали в ситуацию, которую математики называют «переход в бесконечность»...

– Что вы хотите сказать?

– Когда изучаешь математику, сталкиваешься с тем, что вовсе не обязательно решение задачи можно выразить количественно, то есть не всегда его можно логически вывести из условий задачи и добиться, таким образом, положительного результата. Вот простой пример: иногда при решении уравнения мы не знаем, корректно ли поставлена задача. Иначе говоря, неясно, существует решение или нет. Так, простая с виду операция

извлечения квадратного корня уже создает серьезную математическую проблему, не имеющую однозначного решения: чему равен корень из отрицательного числа? Попытка представить себе решение этой задачи вызывает головную боль и растерянность, разум пасует перед подобной проблемой. Выход из этого положения мы находим, объявляя корень из отрицательного числа мнимой величиной. Но, сделав такое допущение, мы признаем недостаточность обыденной плоскости рассуждения и переходим на *другой уровень познания* физических структур. И тогда, просто для удобства, говорят, что мы «нашли решение через переход в бесконечность». Вы меня понимаете?

– Думаю, что да. Я чувствую нечто вроде мгновенного разрешения проблемы.

– Бесконечность! Какая необъятная глубина, даже если это касается только математики! Но бесконечность вездесуща и в нашей повседневной жизни. И как только наш разум не находит «плоскостного» решения, автоматически возникает «переход в бесконечность», или иррациональное, или, иначе, сверхнормальное, решение. Затем мы возвращаемся к обычному ходу рассуждений, но одновременно и решение оказывается найденным...

– Смогу ли я, невзирая на трудности, вновь обрести точку опоры? Во мне борется столько противоречий.

– Вы из тех женщин, которым нужна борьба, чтобы чувствовать себя полноценной и чтобы – о да, это тоже присутствует – оставаться молодой и красивой. Неужели вас удовлетворяла бы повседневная жизнь, наполненная рукоделием, или какое-нибудь легкомысленное существование?..

– Я уже ни в чем не уверена! Иногда мне кажется, что я была создана для простого деревенского счастья: любимый мужчина, сидящие вокруг стола дети и я, пекущая для них пироги. У всех женщин в глубине сердца живет подобная картина, даже у самых падших, даже у самых светских. Но, как и все женщины, я стремилась к богатству ради тех радостей, которое оно дает: украшения, восхищение мужчин... Хотя очень скоро поняла, что это не приносит ни удовлетворения, ни счастья... Мне это не подходит. Но зато я страстно любила роль военачальника. Вы скажете: женщина не должна проливать кровь, это противоестественно. Но я вот люблю войну. Я солгала бы, отрицая это. Меня волнуют приключения, битвы, ожидание победы. Мне нравится объединять разрозненные силы и направлять их к одной ясной цели. Мне нужны даже страх, беспокойство, стремление выбраться из отчаянного положения. На протяжении этих двух

лет я испытывала страдания, но ни разу не скучала.

– Вы правы, говорят, что для человека – а особенно для женщины – отсутствие скуки – это одно из основных условий счастья.

– Вас не возмущают мои признания? Как вы объясните живущие во мне противоречия?

– Человек способен на многое. В этом и заключается суть его жизни, в ней переплетается добро и зло, бунт и подчинение, кротость и насилие.

– «Всему свое время, и время всякой вещи под небом. Время рождаться, и время умирать... время убивать, и время врачевать... время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать... время обнимать, и время уклоняться от объятий... время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть...» – прошептал он.

– Кто это сказал?

– Один из великих мудрецов древности! Екклесиаст.

– Значит, в моем бунте... было не только мерзкое и отвратительное?

– Конечно нет.

Лицо Анжелики озарилось.

– Для меня ваша снисходительность гораздо живительнее, чем ваша суровость. Вначале вы были так строги ко мне...

– Я хотел вас напугать, чтобы уберечь от чувства безысходности. И я хотел заставить вас говорить. Могу поздравить себя с удачным результатом. Замкнувшееся сердце легко разворачивается.

Подперев рукой подбородок, он глубоко задумался, словно над решением трудной задачи.

– Вам необходимо покинуть эту землю, – произнес он наконец.

– Вы хотите сказать, что я должна умереть? – с ужасом воскликнула Анжелика.

– Тысячу раз нет, душа моя. Вы – сама жизнь! Я хотел сказать: уехать отсюда, из страны вашего детства и... из этого королевства, где за вашу голову назначена награда. Покиньте этот беспокойный мир, в котором еще молодая христианская культура никак не может выйти из первой конфликтной ситуации: Бог и Сатана. Вы не созданы для этих мистических споров. Вы слишком близки природе. Ваша прямота, ваше внутреннее равновесие не могут довольствоваться исключительными и в какой-то степени даже противоестественными чувствами. Ценности, имеющие для вас значение, находятся в совершенно другой плоскости, а потому вы всегда будете в разладе со своим окружением. Мне кажется... вы немного похожи на ту первую женщину, созданную нашим Господом, которая восхищалась плодами Эдема... Вам следует уехать отсюда...

– Но куда же?
– Не знаю. Поезжайте создавать новый мир, более земной, более терпимый...

Он посмотрел в окно:

– Снег растаял, опять светит солнце. Вы заметили, что наступила весна?

В изгибе романской арки синело небо, на откосе окна ворковали привычные горлицы.

– Я навел справки. Солдаты ушли из нашей округи. Страна если и не умиротворена, то успокоена. Вы беспрепятственно доберетесь до аббатства Майезе на болотах, а там и до побережья. Остались ли у вас сообщники, с которыми вы хотите встретиться?

– Вы считаете, что мне следует уехать?

– Время пришло.

Ей представился враждебный мир, поджидающий ее за воротами аббатства, в который она должна вступить, одинокая и гонимая, с незаконным ребенком на руках.

Анжелика опустилась перед ним на колени:

– Не прогоняйте меня. Мне так здесь хорошо. Это приют Господень.

– Весь мир приют Господень для тех, кто верит в Его милосердие.

Она закрыла глаза, и с длинных ресниц заструились слезы, оставляя блестящие следы на щеках. Он видел вокруг нее черный ореол несчастий. Она все еще подвергалась опасностям, но уже маячила конечная победа. Он должен был снова бросить ее в вихрь жизни.

Настоятель протянул руку, и она почувствовала на своих волосах бесконечно нежное прикосновение его бесплотной ладони.

– Мужайтесь, дочь моя, и да благословит вас Господь.

* * *

На следующий день за ней пришел монах-привратник. Как она и просила, он оседлал для нее мула. Она вернет его через монахов из Майезе. Монах-привратник навьючил на животное две корзины, в которых находилась провизия и одеяла. Анжелика тщательно обвязала платком голову дочери. Если она не способна изменить цвет собственных глаз, то хоть скрыть рыжие волосы ребенка ей под силу. Она знала, какое давалось ей описание: женщина с зелеными глазами, с рыжей девочкой на руках. Так уж ей повезло, что Онорина тоже отличалась от остальных.

На мгновение, уже положив руку на шею животного, Анжелика засомневалась. Не может ли она в последний раз попрощаться с отцом настоятелем? И со своим братом?

Привратник покачал головой. Начиналась Святая неделя, и все монахи затворились в уединении.

Действительно, тишина, еще более глубокая, чем обычно, опустилась над аббатством.

В эти дни, предшествующие Пасхе, мужчины, посвятившие себя Богу, собирались вместе для тяжелого духовного паломничества. Женщина должна удалиться.

Опять отрывала Анжелика от своего сердца что-то болезненно кровоточащее. Но сама эта боль, которую она теперь ощущала, служила признаком ее обновления.

Она села на мула, прижала к себе Онорину и выехала за ограду.

Поднимаясь по тропинке, ведущей в лес, она слышала тяжелый скрежет закрывающихся ворот. А затем медленно прозвучали три чистых удара колокола.

Сколько ворот на протяжении жизни уже закрылись за ней, всякий раз перегораживая пути возвращения назад! И всякий раз все сокращались возможности ускользнуть от намеченной судьбы, и вскоре у нее останется только один-единственный выход, ей предназначенный. Каков он будет? Пока она этого не знала и могла только гадать о нем. Она начинала понимать, что всякий раз бедствия и непреодолимые препятствия уводили ее от собственных решений и жестко направляли к единственной цели, пока невидимой, но уже предначертанной.

И вот еще раз, уже в последний раз, едет она по лесу. Она не рискнула ехать днем по дорогам. Через лес, а потом по болотам она без труда доберется до аббатства Майезе.

Когда Анжелика подъехала к Волчьей Ложбине, солнце поднялось уже высоко. Оно светило прямо через долину, и Анжелика остановилась, охваченная небывалым ощущением чуда.

Менее двух недель тому назад в этом самом месте она увязала в снегу, задыхалась от сильного мороза, страдала от жестокой стужи. А сегодня долина покрылась бархатным зеленым ковром. Спавший подо льдом ручей теперь весело скакал, как молодая козочка; фиалки украшали полянки между деревьями. Кукушка куковала свои обещания. Становилось тепло, все распускалось, наступала весна.

Взгляд Анжелики затуманился при виде этих чудес. Природа и жизнь могут преподносить свои милосердные подарки. После такой долгой и

суровой зимы с удесятеренной силой росли в изобилии травы и цветы. Из омерзительного преступления, из ужаса, не имеющего имени, родился этот цветок, прелестный, пухленький, беленький, безмятежный, в пламенеющем венчике волос, спящий теперь у нее на груди, – Онорина.

Мрачные черные вороны больше не кружатся над Камнем Фей. Трудно поверить, что смерть посетила эти места.

Аббат де Ледигьер и аббат из Ньюля! Потребовалось присутствие двух архангелов, чтобы извлечь ее из пропасти, в которую она падала. Эти чистые лики священников сумели стереть мучительные воспоминания о монахе Беше.

И Анжелика подумала, что ей было предначертано дожить до этого дня...

Глава XXVIII

На следующий день Анжелика оказалась уже в Майезе, великолепном аббатстве, построенном на острове над сонными водами в окружении ив. По ночам угадывался шум волн, которые в XII веке бились о фундамент аббатства. Монахи вели полудремотную идиллическую сельскую жизнь, ловили лягушек и угрей, больше спали, чем отправляли церковные требы, оберегая традиции Рабле, который именно в этих стенах написал своего «Гаргантюа». Их жизнь не походила на насыщенную атмосферу Ньюля. К тому же здешние монахи опасались протестантов.

Королевские войска понемногу наводили порядок. Благодаря рекомендации ньельского аббата («чрезмерно святой человек», – вздыхал приор аббатства Майезе) Анжелику хорошо приняли и дали провожатого до окрестностей Ле-Сабль-д’Олонь.

* * *

С Онориной на спине шла теперь Анжелика по грязной песчаной дороге под кронами карликовых дубов и орешника. Прошел дождь. В свежем воздухе ощущался незнакомый запах. Она остановилась, нарвала орешков для Онорины и разгрызла их. Ей на руку осыпались лепестки шиповника, сбитые дождем.

За живой изгородью раздавался непривычный шум.

Последний отрезок пути.

Шум нарастал. Анжелика, напуганная и зачарованная, крадучись пробралась вперед и наконец увидела море.

Но не золотисто-голубое Средиземное море, а Океан, мрачное море, пучина, куда погрузилась Атлантида...

Серое, синее, зеленоватое море простиралось до самого горизонта, сливаясь в туманной дали с небом.

Пройдя еще немного вперед, Анжелика увидела песчаный пляж, разделенный серебристой сеткой мелких прудов. Дальше шли ровные квадраты солеварен и собранные граблями белые конусы соли, окрашенные лучами заката в нежно-розовый цвет.

Слева стояла хижина. Здесь Анжелика должна была встретиться с протестантом Понсом ле Палюдом, этим контрабандистом, одним из ее

сторонников с самого начала борьбы.

Но Понс ле Палюд накануне был схвачен и казнен как браконьер и как мятежник.

Последние соратники попрятались в небольших прибрежных лесах, перебиваясь грабежом. Анжелика обсудила с ними возможность сесть на корабль, идущий в Бретань. Там она могла бы довольно долго скрываться. Самое главное – избежать патрулей.

Население прибрежных районов, сохранявшее верность королю или вновь ставшее верным, не останавливалось перед выдачей то того, то другого мятежника, чтобы своим усердием обрести утраченную королевскую милость. У побежденных нет союзников. Анжелика чувствовала себя неуверенно среди этих горемычных протестантов, осознающих масштабы ее поражения и нищеты. Она торопилась сесть на корабль! Только море казалось ей надежным и верным сообщником.

На третий день в лес прибежали исхудавшие люди в лохмотьях. Они кричали, что приближается купеческий обоз с хлебом и вином, следующий из Марана. Уже несколько месяцев здесь не видели ничего подобного. Они устремились вслед за разбойниками, которые мигом вооружились рапирами, шпагами и дубинками. Для мушкетов уже не оставалось ни пуль, ни пороха.

– Не делайте этого, умоляю вас, – уговаривала их Анжелика. – Вы привлечете внимание конной полицейской стражи. И если они нагрянут в эти лесочки...

– Да ведь надо же как-то жить, – проворчал их главарь.

Среди редких деревьев уже раздавалось звяканье упряжи мулов и скрип телег. Потом послышались крики и звон оружия.

Анжелика уж не знала, каким святым и молиться. Любым путем необходимо помешать этим затравленным людям совершить ограбление, которое приведет в их убежище солдат и таможенников. Увы! Она слишком мало их знала и не имела на них никакого влияния. Она даже не говорила на их наречии. Привязав Онорину к дереву, она бросилась к месту схватки. Возможно, удастся сохранить человеческие жизни, договориться с купцами...

Но купцы совсем не испугались и с первых минут нападения отчаянно защищались. У них были пистолеты, которые они пустили в ход, укрывшись за телегами. На дороге уже валялись раненые.

Анжелика подобралась к главарю контрабандистов.

– Отступайте, – заклинала она его.

– Теперь слишком поздно. Нам нужны их товары, а главное, их

шкуры, чтобы потом не болтали...

Он бросился к одной из телег. Но раздался выстрел, и главарь рухнул. После этого наступила полная неразбериха. Видя, что бандиты растерялись, четверо купцов выскочили из укрытия и бросились в погоню. Уверенно действуя дубинками, чего нельзя было ожидать от мирных торговцев, они ломали бандитам руки и ноги, разбивали головы. Анжелика получила сильный удар по затылку. В глазах потемнело, но она успела разглядеть того, кто нанес ей удар, – довольно крепкий мужчина со светлыми глазами, и, удивительное дело, он выглядел решительным, но не разъяренным. Святой Гонорий, купец, должно быть, походил на него. Второй удар в висок лишил ее чувств.

Вместе со смутными воспоминаниями, путаными и страшными, Анжелика начала приходить в себя. Флоримон в руках Принца нищих, а Кантора похитили цыгане. Вместе с Полькой они их преследуют по грязной Шарантонской дороге, сбежав из ужасной тюрьмы Шатле. Наконец она открыла глаза.

Она находилась в тюрьме. Одна, брошенная на гнилую солому.

Потрясение, которое она испытала, оказалось сильнее любых ощущений. У нее не осталось даже сил проклинать безрассудных контрабандистов, свою злосчастную участь и невезение. Через несколько часов она оказалась бы уже в море, потому что успела договориться о своем проезде до побережья Бретани. Она вяло размышляла, даже не интересуясь, в какой городок ее привезли. Ле-Сабль или Тальмон? Она не задумывалась, узнали ли ее, или какое наказание ее ожидает. У нее болел затылок, она чувствовала себя больной и разбитой. Так она пребывала в полузабытьи до той минуты, когда пронзительная мысль, подобная молнии, заставила ее резко приподняться на убогом ложе: Онорина!

Ее охватил ужас.

Что случилось с ребенком после той роковой схватки? Анжелика оставила ее привязанной к дереву. Нашли ли ее уцелевшие контрабандисты? Позаботились ли о ней? А если никто не заметил ребенка?.. Если малышка все еще там, одна в лесу?.. Полянка вдалеке от дороги. Услышит ли кто-нибудь ее крики?..

Анжелика покрылась холодным потом. Наступал вечер. За решеткой подвального окна красноватый свет предвещал темноту.

Анжелика забарабанила в дверь подвала, но никто не явился, никто не ответил на ее крики. Она вернулась к окошечку и вцепилась в прутья решетки. Проем находился на уровне земли. Неясный шум говорил о близости моря. Она снова начала звать – тщетно. Приближалась темнота,

равнодушная к заживо замурованным узникам, которым до утра нечего ожидать от себе подобных.

На какое-то время Анжелика потеряла представление о действительности. Она металась по подвалу и кричала как безумная. Слабый шум вернул ее к действительности. Снаружи послышались шаги. Анжелика вновь припала к холодным прутьям железной решетки. Шаги приближались. В проеме она увидела пару туфель.

– Ради всего святого, остановитесь... прохожий! Выслушайте меня, – закричала Анжелика.

Туфли остановились.

– Ради бога, – горячо заговорила она, – сжальтесь над моей мольбой.

Никто не ответил, но туфли не двигались.

– Моя девчушка в лесу, – продолжала она, – она погибнет, если никто ей не поможет. Она умрет от холода и голода. Ее загрызут лисы... Прохожий, сжальтесь над ней.

Требовалось указать место, но ведь Анжелика не знала здешних названий.

– ...Это в стороне от дороги, в том месте, где разбойники напали на купцов с хлебным обозом...

«Случилось это вчера или сегодня?» – с неожиданным приступом головокружения подумала она.

– ...От дороги надо пройти по тропинке... там стоит межевой камень. – Она только что вспомнила эту подробность. – Да-да, по этой тропинке вы выйдете на полянку... Она там, привязана к дереву... Моя щебетунья, ей нет еще и двух лет...

Ноги стали удаляться. Прохожий продолжил прогулку. Да обратил ли он внимание на бред, доносившийся из подземелья? «Сумасшедшая на цепи, вероятно, – подумал он. – В тюрьмах ведь сидят разные женщины!..»

Анжелика пробудилась от мучительного сна, в котором постоянно раздавался плач ее ребенка, и увидела перед собой тюремщика и двоих вооруженных мужчин, которые грубо приказали ей встать и идти за ними.

Они поднялись по каменной винтовой лестнице и вошли в сводчатый зал с влажными стенами, изъеденными солью. От жаровни исходило слабое тепло. Впрочем, она находилась здесь не только для обогрева этой средневековой крипты. Анжелика поняла это, увидев фигуру крепкого человека, голые руки которого выглядывали из ярко-красной рубахи. Склонившись над жаровней, он заботливо переворачивал на углях длинный железный стержень.

В глубине зала, сидя под подобием синего балдахина с королевскими

лилиями, впрочем изрядно выцветшего, судья в длинной черной тоге и парике с буклями-валиками разговаривал с одним из купцов, как раз с тем, который ударил Анжелику.

Они мирно вели беседу и не потрудились прервать диалог, когда вооруженные мужчины, введя Анжелику, поставили ее на колени перед палачом и начали снимать с нее плащ и корсаж.

Анжелика отбивалась и кричала как сумасшедшая. Но ее удерживали крепкие руки. Раздался треск разрываемого на спине платья. Перед глазами дрожал раскаленный предмет, он приближался, приближался...

Она взывала не своим голосом.

В ноздри ударил запах горелого мяса. Она так вырывалась из удерживавших ее рук, что ничего не почувствовала. Только после того, как ее отпустили, она почувствовала жуткую боль в плече.

– Ну, парень, – проворчал один из охранников, обращаясь к своему спутнику, – нужен целый полк, чтобы удержать ее. Настоящая фурия!

Боль от ожога отдавалась в голове, пронизывала левую руку до самых кончиков пальцев. Анжелика все еще стояла на коленях и слабо стонала. Палач укладывал свой пыточный инструмент – длинный стержень с кованой печатью с королевской лилией на конце, почерневшей от частого употребления.

Судья и купец продолжали беседу. Их слова довольно громко раздавались под сводами.

– Я не разделяю вашего пессимизма, – говорил судья. – Наша положение еще довольно устойчиво, и неправда, что король хочет известить всех протестантов в своем королевстве. Напротив, он высоко ценит честность и умеренность наших единоверцев. Взгляните, даже здесь, в Ле-Сабль, католиков так мало, что на трех судей-протестантов приходится один судья-католик. А так как он к тому же постоянно на утиной охоте, то чаще всего как раз нам и приходится рубить головы провинившимся католикам.

– Зато в Пуату!.. Уверяю вас, я видел там такие вещи, которые меня сильно поразили...

– События в Пуату?.. Признаю, это простая, хотя и весьма прискорбная провокация. Наши братья еще раз дали себя втянуть в дела раздраженных важных господ, таких как Ла Мориньеры.

Судья спустился по ступеням своего возвышения и подошел к Анжелике, все еще стоявшей на коленях:

– Ну, дочь моя! Сделали ли вы вывод из того, что с вами случилось? Бегать по лесам с разбойниками и контрабандистами не подобает

приличным людям. Отныне, где бы вы ни оказались, легко узнать, что вы подвергались королевскому правосудию. Вы отмечены королевской лилией. Каждый будет знать, что вы побывали в руках палача и не относитесь к достойным людям. Надеюсь, что это заставит вас быть осторожней и лучше разбираться, кому продавать свои прелести...

Анжелика упорно смотрела вниз. Раз ее до сих пор не узнали, она не хотела давать им возможность рассматривать себя слишком пристально. Она ничего не поняла из сказанного, кроме одного: «Вы отмечены королевской лилией».

Она ощущала, как глубоко эта лилия отпечаталась в ее теле, этот позорный знак, который делал ее навсегда отверженной для короля. Она пополнила ряды женщин, изгнанных из общества: продажных девиц, преступниц, воровок...

В данный момент это ее мало трогало. Ничто не имело значения, кроме необходимости выйти из тюрьмы и узнать, что случилось с Онориной.

Анжелика предоставила судье изливать над ней долгие увещевания, очень схожие с пасторской проповедью, и прислушалась только к заключительной части.

– Считаю, что я должен иметь к вам снисхождение, поскольку вы принадлежите к реформатской церкви, я не стану держать вас в этих стенах... Но я обязан заботиться о спасении вашей души и оградить вас от возможности впасть в прежние грехи. Я не вижу лучшего решения, как передать вас в семью, поучительный пример которой направит вас на дорогу добра и исполнения долга перед нашим Господом. Мэтр Габриэль Берн, здесь присутствующий, сообщил мне, что ищет служанку, которая будет следить за домом и детьми. Он готов взять вас в услужение, тем самым исполняя завет прощения, завещанный нам Христом. Вставайте, одевайтесь и следуйте за ним.

Анжелика не заставила просить себя дважды.

* * *

На улочке, где толкались рыбаки, торговки дарами моря, рабочие солеварен, возвращающиеся с пляжей с огромными граблями на плечах, Анжелика поджидала момента убежать от купца, который вывел ее на свободу. Она не собиралась послушно следовать за ним, как рекомендовал ей судья. Мэтр Габриэль, вероятно, догадывался о ее намерениях, потому

что крепко держал за руку. Она помнила, что у него сильные кулаки и что он прекрасно владеет дубинкой. Купец сохранял невозмутимый, но вместе с тем строгий вид.

На постоялом дворе «Прекрасная соль» он указал ей ее комнату:

– Мы отправимся завтра рано утром. Я живу в Ла-Рошели, но по дороге должен посетить еще клиентов. Так что домой мы доберемся только под вечер. Мне нужно удостовериться в вашем добровольном согласии оставаться у меня в услужении, ибо я выступил перед судьей гарантом, что вы не убежите из моего дома, чтобы продолжить вашу беспорядочную жизнь.

Он ждал ответа. Анжелика должна кивнуть в знак согласия, чтобы успокоить его. Но под его честным открытым взглядом она не решилась это сделать. Напротив, по воле своего злого гения она бурно запротестовала:

– Не рассчитывайте на это. Ничто меня не удержит у вас в услужении.

– Даже это?

Он указал ей на высокий сундук с ящиком, обычная крестьянская лежанка.

Она не поняла его.

– Подойдите поближе.

Он немного над ней подтрунивал.

Анжелика сделала два шага и замерла. На подушке она разглядела пламенеющие рыжие волосы. Укутанная до самого подбородка, с пальцем во рту, спокойно спала Онорина.

Анжелика подумала, что бредит и что это одно из тех безумных видений, от которых она не могла избавиться. Она бросила на мэтра Габриэля недоверчивый взгляд. Потом опустила глаза и увидела туфли купца.

– Так это вы! – выдохнула она.

– Да, это я. Вчера вечером я проходил по тюремному двору, чтобы повидаться с судьей, когда меня остановил чей-то голос. Женский голос умолял спасти ее ребенка. Хотя мне не хотелось возвращаться на место нападения, я сел в седло. И нашел девочку у подножия дерева. Она, наверное, долго плакала и кричала, а потом уснула. Но она не очень замерзла. Я завернул ее в свой плащ и привез сюда. По моей просьбе служанка покормила ее.

Анжелике показалось, что она никогда не испытывала столь восторженного чувства освобождения. Отныне, когда с души свалился камень, вся жизнь представлялась ясной и простой. Значит, на свете еще

возможны чудеса, раз это чудо совершилось. Люди добры, а мир прекрасен...

– Будьте благословенны, мэтр Габриэль, – сказала она прерывающимся голосом. – Я никогда не забуду того, что вы сделали для меня и моей дочери. Вы можете не сомневаться в моей преданности. Я ваша служанка.

Часть третья
Протестанты Ла-Рошели

Глава XXIX

Уже наступал вечер, когда двуколка мэтра Габриэля Берна въехала в Ла-Рошель. На фоне темно-голубого неба, словно пронизанного солнечным светом, выделялись ажурные колокольни и полуразрушенные валы – остатки надежных укреплений, снесенных Ришелье.

На перекрестках горели масляные кинкетные лампы. Город выглядел чистым и спокойным. На улицах не было видно пьяных или людей с бандитскими физиономиями. Несмотря на поздний час, многие неторопливо прогуливались.

Мэтр Габриэль сделал первую остановку перед открытыми воротами:

– Это мои склады. Они выходят в порт. Но я предпочитаю выгружать мешки с хлебом здесь, с другой стороны, подальше от любопытных глаз...

Он завел во двор мулов и обе телеги, потом, дав указания подбежавшим приказчикам, снова уселся в двуколку. Ее кузов жестко подпрыгивал на круглых булыжниках вымощенных улочек. Иногда лошадь скользила по камням, и ее подковы высекали искры.

Купец явно радовался возвращению домой.

– Наш квартал на Валах очень спокойный, – продолжал он свои объяснения. – И в то же время мы рядом с набережной и...

Он собирался объяснить что-то еще, вероятно расхваливая преимущества жизни возле действующего порта и вместе с тем вдали от его шума, когда за поворотом улицы яркий свет и громкие голоса послужили опровержением его слов.

Кругом бегали вооруженные люди с алебардами и факелами, свет которых ярко освещал белый фасад высокого жилища с открытыми настежь воротами.

– Стражники у меня во дворе, – пробурчал мэтр Габриэль. – Что там случилось?

Однако, спускаясь с повозки, он не проявлял признаков волнения.

– Следуйте за мной вместе с дочерью. Нет причин оставаться на улице, – сказал он, заметив, что Анжелика боится показаться страже.

У нее, напротив, были все основания не идти за ним в это логово стражников. Но, не желая привлекать внимание, она была вынуждена последовать за новым хозяином.

Полицейские стражники преградили им путь алебардами:

– Никаких соседей. Нам приказано разгонять любопытных.

– Я не сосед, а хозяин этого дома.

– А! Ну, тогда другое дело.

Они пересекли двор, мэтр Габриэль поднялся по ступеням и вошел в прихожую с низким потолком, увешанную тяжелыми коврами и картинами. На консоли стоял подсвечник с шестью горящими свечами.

По каменной лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, сбежал подросток:

– Отец, поднимайтесь скорее. Паписты хотят увести дядю на мессу.

– Ему же восемьдесят шесть лет, и он не может ходить. Это просто шутка, – успокаивающим тоном ответил мэтр Габриэль.

Наверху лестницы, с удрученным видом медленно переставляя ноги в туфлях на высоких каблуках, к нему подошел изысканно одетый мужчина в коричневом бархатном костюме, о высоком положении которого говорили его манжеты, галстук и даже прекрасно ухоженный парик.

– Мой дорогой Берн, счастлив, что вы приехали. Я весьма огорчен, что оказался вынужденным взломать ворота в ваше отсутствие, но речь идет об исключительном случае...

– Господин генерал-лейтенант, я весьма польщен вашим визитом, – отвечал купец, низко кланяясь. – Но могу ли я спросить объяснения?

– Вам известно, что по новым декретам, от исполнения которых мы не вправе уклоняться, ко всем умирающим, исповедующим так называемую реформатскую веру, должен являться католический священник, чтобы по мере возможности несчастный мог покинуть этот мир, освободившись от ереси, которая лишает его вечного блаженства. Узнав, что ваш дядюшка, сьер Лазарь Берн, находится на пороге смерти, один ревностный капуцин, отец Жермен, счел своим непреложным долгом сходить за кюре из ближайшего прихода и привести судебного исполнителя в соответствии с надлежащими формальностями. Но так как эти господа были встречены самым враждебным образом женщинами вашего дома – ах, мой друг, уж эти женщины! – то и не смогли выполнить свою миссию, а потому, зная, какую я к вам испытываю дружбу, они попросили меня успокоить этих дам, что я с успехом и проделал, ибо перед смертью ваш бедный дядюшка...

– Он умер?

– Умрет с минуты на минуту. Ваш дядюшка, повторяю, перед уходом в вечность был наконец озарен светом благодати и попросил Святого причастия.

Вдруг взвился истеричный пронзительный девичий вопль:

– Этого не будет!.. Не будет этого в доме моих предков...

Генерал-лейтенант собственноручно поймал за талию набросившуюся на него маленькую худенькую девочку и зажал ей рот рукой, унизанной кольцами.

– Мэтр Берн, это ваша дочь?.. – холодно спросил он. – Она укусила меня, эта дрянь!.. – тотчас вскрикнул он.

Внутри дома тоже разгорался скандал.

– Кыш! Кыш!.. Вон отсюда...

Из коридора выскочила старушонка, похожая на ведьму, и принялась что-то швырять. Анжелика разглядела, что это луковицы. Первое, что попало под руку старой гугенотке... Слуги стучали толстыми башмаками по каменным плитам вестибюля.

Только мэтр Габриэль сохранял спокойствие. Очень сухо он приказал дочери замолчать.

В это время генерал-лейтенант подал знак через окно. В дом поднялись солдаты. Их присутствие успокоило всеобщее волнение, а любопытство привлекло зрителей к дверям спальни. Анжелика издали видела лежащую на подушке голову старика, который если еще не умер, то, во всяком случае, казался, находился при последнем издыхании.

– Сын мой, я несу вам Иисуса Христа, нашего Господа! – подходя к нему, сказал священник.

Эти слова возымели магическое действие.

Старик вдруг приоткрыл один глаз, очень живой и подвижный, и приподнял голову на длинной тощей шее:

– Я полагаю, что это не в ваших силах.

– Но вы перед этим согласились...

– Что-то не припомню.

– Движения ваших губ нельзя было истолковать иначе.

– Да я просто просил пить, вот и все. Вспомните, господин кюре, что во время осады Ла-Рошели мне приходилось есть вареную кожу и суп из репейника. Так не для того же, чтобы через пятьдесят лет отречься от веры, за которую умерли двадцать три из двадцати восьми тысяч жителей моего города.

– Вы несете вздор!..

– Возможно, но вы не заставите меня нести противоположный вздор.

– Вы скоро умрете.

– А вот и нет!

И он весело закричал смешным дребезжащим голоском:

– ...Принесите-ка мне стаканчик бордери.

Все домашние громко расхохотались. Дядюшка ожил.

Раздосадованный капуцин потребовал тишины. Следовало бы покарать этих наглых еретиков. Понюхали бы тюрьмы, так научились бы проявлять если не искреннее почтение, так хотя бы внешнее. Впрочем, существует особое предписание специально для тех, кто своим публичным поведением подстрекает к скандалам.

В этот момент Анжелика почувствовала запах пригорелой пищи. Она удалилась от споров, которые не могли привести ни к чему хорошему ни для нее, ни для других, и направилась на кухню.

Кухня оказалась огромной, теплой и хорошо обставленной. Она ей сразу понравилась. Анжелика поспешно усадила Онорину в кресло перед очагом и, подняв крышку одного из горшков, обнаружила уже подгорающие овощи, которые еще можно было спасти. Она вылила в котел ковшик воды, убавила огонь, потом, оглядевшись, решила накрыть к ужину длинный стол в центре комнаты.

Преппирательства скоро закончатся, а раз она служанка, то должна готовить еду.

Анжелику встревожила и неприятно поразила эта странная сцена. Возможно, дом протестанта не может служить идеальным убежищем. Но этот купец отнесся к ней очень гуманно. Он, по-видимому, ничего не заподозрил. Они потеряют ее след. Кто будет искать служанку купца-гугенота из Ла-Рошели? Она открыла дверь темного подсобного помещения и нашла то, что искала. Съестные припасы, аккуратно разложенные и подписанные.

– Это ваша служанка? – раздался голос интенданта.

– Да, сударь.

– Она принадлежит к реформатской церкви?

– Совершенно верно.

– А ребенок?.. Ее дочь. Вероятно, незаконная. В таком случае она должна быть воспитана в католической вере... Она крещеная?..

Анжелика упорно стояла к ним спиной, укладывая яблоки. Сердце громко стучало. Она слышала, как мэтр Габриэль объяснил, что только что нанял эту служанку, но что он обязательно уточнит ее положение и положение ее дочери и разъяснит ей содержание закона.

– А сколько лет вашей дочери, господин Берн?

– Двенадцать лет.

– Как раз. Недавний декрет позволяет девочкам, воспитанным в лоне реформатской церкви, в двенадцать лет выбирать религию, к которой они желают принадлежать.

– Мне кажется, что моя дочь уже сделала выбор, – негромко

пробормотал мэтр Габриэль. – Вы только что сами могли в этом убедиться.

– Мой дорогой друг, – голос интенданта звучал сухо, – мне тягостно сознавать, что вы воспринимаете мои указания в каком-то, я бы сказал, немного язвительном, даже фрондерском духе. Я вынужден настаивать. Все крайне серьезно. И могу вам дать только один совет: отрекитесь... Поверьте мне, отрекитесь, пока не поздно, и вы избавитесь от множества неприятностей, множества осложнений.

Анжелика с нетерпением ожидала, чтобы господин де Бардань поскорее удалился вместе со своими разглагольствованиями. Она устала стоять согнувшись и мешать угли, притворяясь занятой.

Наконец его голос затих на лестнице. Потом захлопали входная дверь дома и калитка ворот, раздался топот сапог и лошадиных копыт, и домочадцы стали поодиночке появляться на кухне и вставать вокруг стола. Старая служанка, которая швыряла луковицы, как мышка просеменила к печке и с облегчением вздохнула, убедившись, что ужин, о котором она напрочь забыла в лихорадке происходящих событий, не пострадал.

– Спасибо, красавица, – шепнула она Анжелике, – без вас мне досталось бы от нашего хозяина.

Старая служанка Ребекка, подав еду, остановилась в конце стола, и тогда пастор Бокер произнес короткую речь, которая, вероятно, заменяла молитву, призывающую Господнее благословение на скромную пищу. Потом все сели. Анжелика неуверенно топталась возле очага. Мэтр Габриэль окликнул ее:

– Госпожа Анжелика, подойдите и сядьте. Те, кто нам прислуживает, входит в нашу семью. И ваш ребенок тоже осчастливит нас своим присутствием. Невинность призывает Божье благословение на жилище. Нужно найти девочке стул по росту.

Подросток по имени Мартьяль вскочил и вскоре возвратился с детским стулом, который хранился на чердаке, должно быть, с той поры, когда младший семилетний сын хозяина впервые надел свои штанишки оде-шосс. Анжелика усадила на стул Онорину, которая обвела присутствующих покровительственным взглядом.

Казалось, что она чрезвычайно внимательно рассматривает в бледном свете свечей эти лица горожан, возникшие из темноты над брыжами и белоснежными воротниками. Тени скрывали черные одежды. Белые отвороты женских чепцов, как крылья неизвестных птиц, обратились в ее сторону. Потом она остановила свой выбор на пасторе Бокере, сидевшем на другом конце стола, и послала ему самую обворожительную улыбку, сопроводив ее выразительной мимикой и несколькими словами, не совсем

понятными для окружающих, но, несомненно, весьма любезными. Эта тактичность, с которой она предпочла самого уважаемого человека из всех присутствующих, восхитила окружающих.

– Боже, какая она хорошенькая! – воскликнула юная Абигель.

– Какая миленькая! – добавила Северина.

– У нее волосики цвета медных кастрюль, – завершил Мартьяль.

Все смеялись, довольные и счастливые, а Онорина с набожным восхищением продолжала рассматривать пастора. Старик, казалось, был тронут и даже польщен тем, что внушил такое редкое чувство этой маленькой девице. Он попросил, чтобы ее обслуживали первой.

– Малые дети – главные среди нас. Господь любил собирать их вокруг себя.

Он стал рассказывать притчу о ребенке, которого Иисус поставил среди своих учеников, говоря: «Если не будете как дети, не войдете в Царствие Небесное».

Лица домочадцев, слушавших пастора, опять приняли серьезное выражение, и старший сын хозяина дома прочел молитву, как это принято в городских семьях.

– Отец, – пылко спросила двенадцатилетняя Северина, – что бы вы сделали, если бы дядюшку Лазаря заставили причаститься? Вот что бы вы тогда сделали?

– Нельзя, дочь моя, заставить насильно причаститься. Даже сами паписты считают это кощунственным и неугодным Богу.

– Ну а если бы они все же это сделали, как бы вы поступили? Вы убили бы их?

Она требовательно смотрела на него, черные глаза горели на маленьком бледном, бескровном личике, а белый чепец, очень похожий на крестьянский, придавал ей старческий вид.

– Насилие, дочь моя... – начал было мэтр Габриэль.

– Конечно, вы позволили бы им это сделать. – Она скривила свой большой некрасивый рот. – И на наш дом пал бы позор.

– Не детям судить о таких вещах! – неожиданно разгневавшись, прогремел мэтр Габриэль.

Он выглядел вполне миролюбивым человеком, которого легко приняли бы за кутилу. Но на самом деле, несмотря на небольшой животик и доброе выражение голубых глаз, трудно было найти человека, менее соответствующего такому определению. Познакомившись с ним, Анжелика поняла, что уроженец Ла-Рошели под мягкой внешностью скрывает непреклонную волю. Ей сразу вспомнилось, как он избил ее

дубинкой на дороге Ле-Сабль-д'Олонь. Он родился, чтобы вкушать деликатесы и наслаждаться прочими прелестями жизни, но спокойно довольствовался краюшкой хлеба и зубчиком чеснока, как добрый король Генрих, который долго гостил у жителей Ла-Рошели, прежде чем отправиться в Париж на мессу.

Все домашние перешли в другую комнату, чтобы послушать чтение Библии, и Анжелика осталась одна со старой служанкой. Она чувствовала себя подавленной.

– Не знаю, как вы довольствуетесь такой едой, но моему ребенку этого мало. Даже в лесу она ела лучше, чем в этом доме, который выглядит таким богатым. Неужели голод и нужда Пуату добрались и сюда?

– А на что вы здесь рассчитывали? – возмущенно воскликнула старуха. – Конечно, мы, жители Ла-Рошели, самые богатые из всех других городов королевства. И уже давно. После осады у нас не нашлось бы и луковицы. А посмотрите-ка, что теперь и на складах, и на набережных... Всюду полно товаров, вин, соли и продуктов.

– Так откуда же такая скупость?

– А! Сразу видно, что вы нездешняя! Знаете ли, для нас после осады стало привычкой делить одну селедку на четыре части и считать каждую картофелину. Посмотрели бы вы на папашу господина Габриэля! Вот уж превосходный был человек! Подай ему на стол хоть морской песок, он и то съел бы и не заметил! Только в винах разбирался. Вот здесь, в подвале, – добавила она, топнув сабо по каменным плитам поля, – самые лучшие вина Шаранты.

Продолжая говорить, она собрала миски и принялась их мыть в лохани с горячей водой. Анжелика следила за ней, опустив руки. Решительно, она негодная прислуга. Но она хотела есть. Ее даже знобило, словно она заболела. Ожог на плече гноился и прилипал к корсажу. Каждое движение возвращало воспоминание о позорной минуте, о страхе, о пытке переживаний за дочь, обо всех событиях, еще таких недавних, что она ощущала их леденящее прикосновение.

Анжелика взяла Онорину на руки. Девочка ничего не просила. Она никогда ничего не просила. Казалось, что тепло материнских рук заменяло ей все. Возможно, она походила на этих протестантов, которым нужно для жизни только самое необходимое, а от всего остального они могут отказаться. Как улыбались они ребенку... Прóклятому ребенку!.. Нужно ли оставаться под этой крышей?.. Или надо бежать?.. Бежать, но где же укрыться?

– Держите-ка, вот простокваша и хлеб для малышки, – сказала старая

служанка, поставив огромную миску на краешек стола.

– Но если хозяйева увидят...

– Да ничего они не скажут, особенно про нее... Я их знаю. А потом вы уложите девочку вот здесь.

Она указала Анжелике в нише кухни на широкую и высокую кровать, покрытую периной.

– Это же, наверное, ваше место?

– Да нет. У меня тюфяк внизу, возле кладовых. Я там стерегу от воров.

Анжелика, утолив голод и уложив ребенка, вернулась к очагу. Она боялась лечь спать. Ей очень хотелось удержать старую болтливую Ребекку, которая могла бы дать полезные советы для будущей жизни в этом доме. Старуха мешала в очаге пылающие угли.

– Садитесь-ка сюда, красавица, – сказала она, указывая на скамейку напротив. – Поковыряем краба. Да зальем стаканчиком доброго винца Сен-Мартен-де-Ре. Тогда и на душе станет спокойней.

Краб, которого она вытащила из рыбного садка в кладовке, был огромный, размером с тарелку. Он слабо шевелился на углях и из фиолетового стал розовым, а затем ярко-красным. Ребекка ловко перевернула его кочергой, а затем быстро расколола надвое и протянула половину Анжелике:

– Делайте как я, нож держите вот так. Главное, ничего не выбрасывайте, кроме панциря. В крабе все вкусно.

Горячее мясо, которое Анжелика вытащила щипцами из клешни, сохраняло аромат моря. Его вкус отличался от любых плодов земли. Он пробуждал тоску по далеким горизонтам, по поэзии морских побережий.

– Да отведайте же винца, – уговаривала Ребекка. – Оно отдает водорослями.

Она беспокойно прислушалась:

– Бывает, что госпожа Анна заходит сюда. Уж она бы тут устроила...

Но во всем большом доме царила тишина. После пения псалмов каждый отправился на покой. Масляная лампа слабо светила в комнате больного старика. В подвальном этаже мэтр Габриэль занимался счетами. На кухне потрескивал огонь. А за закрытыми ставнями слышался рокочущий гул моря.

– Не ошибусь, если скажу, что вы не из наших краев, – опять заговорила старуха. – С такими-то глазами. Может, вы из Бретани?

– Нет, я из Пуату, – возразила Анжелика, тотчас пожалев о сказанном.

– Говорят, там жутко что было, – отвечала собеседница с понимающим видом. – Расскажите, чего там повидали.

Ее глаза горели любопытством.

– ...Ах! Все понимаю, – продолжала она, так как Анжелика молчала. – Вы там такого навидались, что и говорить об этом не можете. Это как Жанна или Мадлен, кузины булочника, или как толстуха Сара из деревни Вернон. Они просто помешались. И не смотрите так, я ведь не сказала ничего такого. Да лучше поешьте. Что и говорить, ко всему привыкаешь! Любая наша сестра думает, что это она самая разнесчастная, а потом всегда сыщется другая, которая расскажет вещи и пострашнее. Война, осада, голод – чего от них можно ждать? Только горя. Так почему же именно вас должно это обойти? Так не бывает. Все по пословице: «Знаменосец поскачет – девица честь потеряет». Я вот выжила в осаду, а трое моих деток умерли с голоду. Вот послушайте...

«Да, но я-то ведь была маркизой дю Плесси-Бельер», – подумала Анжелика, слегка уязвленная такими упрощенными рассуждениями.

Из-под высокого и широкого чепца, похожего на средневековый, выглядывало сморщенное личико старой Ребекки с веселыми глазками, теряющимися в сетке морщин. Даже когда она рассказывала о трагических событиях, ее взгляд сохранял неизменное лукавое выражение.

– А вот я... – сказала вслух Анжелика и сама удивилась, услышав свой голос, – я держала на руках своего ребенка, которого зарезали бандиты.

Она вновь содрогнулась всем телом.

– Да, понимаю вас, голубушка. Когда теряешь ребенка, попадаешь в другой мир. Ты уж не похожа на других. Я вот троих, говорю вам, – *троих* – безвинных деток схоронила в могиле во время осады. Сама-то я в осаду выжила, да, доченька, мне было в ту пору двадцать пять лет, а я уж имела троих малюток. Старшему сравнялось семь годочков, и ушел он первым. Я все думала, он спит, и не хотела будить. Пусть, думаю, во сне меньше есть хочется. А вот к вечеру, как он все не двигался, стало мне тошно... Подхожу к его кровати и уже понимаю. Он еще утром умер-то. От голода! Я же сказала вам, голубушка, чего хорошего ждать от войн да осад?

– Но почему вы не попытались выйти из города? – с возмущением спросила Анжелика. – Разве нельзя было это сделать?

– Вокруг города стояли солдаты господина де Ришелье. Да и не я ведь решала, сдастся город или нет. Мы каждый день ожидали прихода англичан. Но они как пришли, так и ушли, а господин де Ришелье построил свою дамбу. Мы каждый день надеялись, что что-то случится. А чего ждать-то было? Наши защитники умирали от голода на крепостных стенах. Мой мужик пошел совсем больной. У него уж и сил не было держать алебарду, я видела, как он цеплялся за стены. А как он вечером не

вернулся, так я и поняла. Он навеки уснул на стенах, и его сбросили в общую яму. Мы не смели выбрасывать трупы за стены, чтобы королевские войска не поняли, что скоро в гарнизоне никого уж и не останется... Голод, его никак не объяснишь и не опишешь никакими словами, пока сам не испытываешь... Особенно если долго голодаешь... Когда я выходила на улицу, то все надеялась... Думала, что-то отыщется... И всюду искала, за каждой тумбой, под каждой ступенькой. Искала на стенах, между камнями, вдруг там что-то найду, что можно пожевать... Хоть травинку... А какое везение, если под полом заскребуться мыши! Я их часами подстерегала, а мой старший малыш очень ловко ловил их. У нас был один фламандский купец, он продавал старые шкуры. Они сделали благое дело. Город купил восемьсот штук и отдал нашим солдатам и тем жителям, кто мог еще держать оружие в руках. Их вываривали и делали добрый студень. Я тоже сумела их раздобыть для двух оставшихся деток... Но каждый день приносил только новые несчастья... На улицах скелеты землистого цвета с трудом волокли в склепы тела, завернутые в саван... Мужья, как кусок сала, несли на плече жену... Две дочери на носилках тащили старика-отца... Мать, как на крестины, несла на руках сынишку...

– Но разве вы не могли покинуть город? Убежать от голода?

– За стенами нас поджидали королевские солдаты. Мужчин они вешали, с женщинами делали что хотели, с детьми... Можно только гадать, что они с ними творили. Да и нельзя было город-то покидать. Это ведь значило бы, что нас сломили. Есть что-то, чего делать нельзя. И не знаешь почему, нельзя, и все тут. Надо было умереть вместе с городом или... Я уж не припомню, когда умер мой второй ребенок. Помню только, что, когда депутаты от города пошли преклонить колена перед королем Людовиком Тринадцатым и поднести ему на подушке ключи от Ла-Рошели, у меня оставался только самый младший. Все кричали, спешили: «К воротам... там телеги с хлебом...» И я тоже побежала. Думала, что побежала, а на деле тащилась, как и другие, как все призраки, от одной стены к другой. Можно сказать, одни только тени... Я смотрела на малыша, на его черные глазки, такие большущие на крохотном личике, и радовалась: вот все и кончилось, депутаты принесли клятву повиновения. В город входит король, в город входит хлеб!.. Все кончено, город сдался. Но у тебя остался вот этот. Хотя бы этот. Капитуляция города подоспела вовремя для этого малыша, я так тогда думала... Еще бы несколько дней, и ты осталась бы бездетной матерью. Слава тебе, Господи Боже! Так вот, знаете, что случилось?

– Нет, – отвечала Анжелика, глядя на нее с ужасом и позабыв, что

осада происходила сорок четыре года тому назад.

– Так вот! Да выпейте же глоточек, а то ваше вино совсем согрелось, а его надо пить прохладным, это винцо с острова Ре. Вот, значит, у ворот солдаты, и они раздают круглые хлебы, еще теплые, прямо из печей военного лагеря. Им приказали хорошо обращаться с доблестными ларошельцами... Знаете, солдаты, когда их не принуждают, они тоже ведь люди как люди... Я видела, что некоторые плакали, глядя на нас... Ну, я ела – ела хлеб, и маленький тоже ел, держа краюшку обеими ручонками, совсем как бельчонок... А потом вдруг взял да и помер... Слишком много да быстро съел... Головка упала на плечо – и все... Мне оставалось только похоронить и его, как двух других... И как вы думаете, что стало со мной потом?.. Помешалась, конечно, почти совсем помешалась... Э! Да ладно, доченька, запомните только одно: что бы ни случилось, что бы вы ни пережили, жизнь, как паук, связывает все порванные нити, и куда быстрее, чем мы думаем. И здесь уж ничего не изменишь.

Она немного помолчала, продолжая выскребать ножом крабовый панцирь.

– Поначалу я утешалась едой, – продолжала она. – Видеть все то, чего мы были лишены так долго, а здесь – только руку протяни! Это такое счастье, что я все забывала. А еще я утешалась, глядя на море. Я шла на скалы и долго там сидела. Слышала стук заступов, которыми сносили городские стены и башни Ла-Рошели, нашего гордого города. Но передо мною было море, и никто не мог отнять его у меня. Да, доченька, это очень утешало... А потом меня полюбил один человек. Он был папист. Их столько появилось тогда в Ла-Рошели! Словно из-под земли вырастали. Но этот и про любовь умел говорить, а мне от него только того и надо было. Мы бы и поженились, но вот ведь история! Надо было поменять веру. Ну, это уж не по мне. Он уплыл на корабле в Сен-Мало, где у него и родня, и наследство оставались. Так я его больше и не видела... Все! Он оставил меня с ребеночком, мальчишечкой... Вот и пришлось мне начинать новую жизнь, так-то вот... Дети-то придают нам сил.

Окончив рассказ, Ребекка встала, отряхнула передник от осколков панциря, потом вновь внимательно прислушалась:

– Нет, это я море слушаю. Разгулялось оно, негодное... Ну-ка, посмотрим.

В глубине ниши, где стояла кровать, старуха потянула половину ставни и распахнула створку окна в свинцовом переплете. Ворвался порыв ветра, он принес воздух, напоенный запахом морских водорослей и соли. Из-за грохота волн, бьющихся о крепостные стены, приходилось говорить

громче.

Облака всех оттенков расплавленного свинца пробегали по диску луны. Их чернильные края были похожи на развевающиеся шарфы. На мрачном фоне бурной ночи застыли черные громады крепостных стен. Слева выделялась башня, увенчанная высокой готической пирамидой, на вершине которой горел большой фонарь. Маяк для судов, борющихся с течениями между островами залива Пертью. Появился силуэт часового с алебардой. Солдат, сгорбившись, шел против ветра. Поправив пламя, которое плясало под сводами башенки, он спустился по винтовой лестнице и укрылся в караульном помещении.

* * *

Только узкая улочка отделяла жилище господина Габриэля от крепостных стен. Ловкий мальчишка ради шутки смог бы выпрыгнуть прямо из окна на проходящую по ним круговую дорогу. Ребекка поведала Анжелике, что знакома со всеми солдатами, несущими круглосуточную караульную службу на Фонарной башне. Сидя перед открытым окном, она лущила зеленый горошек или штопала чулки всего семейства, а солдаты возвращались, позевывая, и останавливались поболтать. Она первой узнавала все портовые новости, потому что в обязанность часовых Фонарной башни входило подавать сигналы о прибытии флота с солью или вином из Голландии, Фландрии, Испании, Англии или Америки и о каждом приближающемся судне, будь то гражданское или военное, иностранное или из Ла-Рошели. Как только на горизонте, где-нибудь за островами Олерон или Ре, начинал маячить белый парус, часовой брался за подзорную трубу. Когда корабль входил в гавань, протяжно звонил колокол. Тогда волнение охватывало посредников, купцов и фрахтователей. В Ла-Рошели не знали скуки, потому что ежедневный приход кораблей вносил на набережные всеобщее оживление.

Раньше о прибытии судов подавали сигнал с башни Сен-Николя, но теперь, когда прекрасная башня была до половины разрушена, эта честь перешла к Фонарной.

Такое расположение дома было большой удачей для мэтра Габриэля. Ребекка неустанно благословляла Создателя, что Он привел ее в услужение в этот дом.

Она закрыла окно, поставила на место деревянную ставню, и в доме вновь воцарилась тишина, показавшаяся теперь еще более глубокой.

Анжелика провела языком по губам и почувствовала на них соль.

Она заметила, что Онорина проснулась. Девочка сидела на постели, золотистые волосы спускались на голые плечики – настоящая крошка-сирена, услышавшая призыв волн. Сонный взор выражал непонятную мечту. Анжелика вновь уложила ее и подоткнула одеяло. Ей припомнилось, что девочка отмечена знаком Нептуна. А на последней ступеньке лестницы, ведущей на верхние этажи, все еще сидел семилетний мальчик. Укрывшись в темноте, он, наверное, жадно слушал рассказы старой служанки.

Ребекка, проходя мимо него, несколько раз покачала головой:

– Этот вот явился на свет, сведя мать в могилу. Его не любят...

Бормоча, она стала спускаться.

– Сироты страдают, матери рыдают, так уж заведено... Вот увидите, нескоро еще прекратится этот дождь слез...

Ее белый чепец скрылся в темноте.

– Тебе пора спать, – сказала Анжелика мальчику.

Он послушно поднялся. Маленький, болезненного вида, из носа течет. Жесткие волосы усугубляли его жалкий вид.

– Как тебя зовут? – спросила она.

Он не ответил и стал подниматься, прижимаясь к стене. Настоящий запуганный крысенок. Когда он уже поднялся на один этаж, Анжелика сообразила, что он не попросил огня, и быстро догнала его:

– Подожди, малыш, здесь же ничего не видно, ты можешь упасть.

Она взяла его за руку, холодную щуплую лапку, и почувствовала боль в сердце. Это напомнило ей тот нежный жест, от которого она уже давно отвыкла.

Он продолжал подниматься, а она шла за ним. Маленькая таинственная и почти бесплотная тень вела ее за собой. Теперь ей казалось, что это он взял ее за руку.

– Ты здесь спишь?

Он утвердительно дернул подбородком и взглянул на нее, словно хотел удостовериться в ее присутствии. Ему устроили на чердаке постель, скорее убогое ложе. Тюфяк, должно быть, редко выбивали, простыни несвежие, одеяло слишком тонкое для этого времени года. Зимой здесь, вероятно, стоит стужа. В проеме круглого окошечка временами возникала бледная луна, она освещала переплетение толстых балок и груды разнообразных предметов, сундуков и ненужной мебели.

Напротив постели стояло большое треснувшее зеркало.

– Тебе здесь нравится? – спросила она мальчика. – Тебе не холодно?

Не страшно? Здесь кто-нибудь иногда бегают?

Она перехватила его испуганный взгляд.

«Здесь, конечно, водятся крысы, и он их боится», – подумала она.

Анжелика стала его раздевать и почувствовала худенькие плечики, совсем как у Флоримона, когда тот был ребенком. Сжатый рот напомнил Кантора, немногословного, но всегда тихонько напевающего. А тоска во взгляде была такой же, как у маленького Шарля-Анри, ожидавшего свою мамочку.

Казалось, ребенок поражен, что ему помогают раздеться. Он пытался самостоятельно снять одежду. Потом очень старательно сложил ее на скамейке. В белой рубаше он выглядел еще более худеньким.

«Ребенок погибает от недоедания».

Анжелика обняла его и прижала к груди. Она не замечала слез, которые текли из ее глаз. Никогда не была она ласковой матерью, упрекала она себя. Она как самка защищала своих детей от холода и голода, потому что это ее детеныши, потому что они маленькие, но она никогда не знала и не стремилась к тому душевному наслаждению, которое возникает, когда прижимаешь их к груди, когда любишь ими, живешь их жизнью. Она ощутила эти тесные родственные узы только тогда, когда их безжалостно оборвали. Незаживающая рана продолжала кровоточить, порождая боль от сознания, что это единение могло бы существовать, если бы она о нем позаботилась.

«О сыночки мои! Сыночки мои!..» Слишком рано они родились. Они связали ее. Иногда она жалела, что они существуют и требуют к себе внимания, отрывая от ее собственных интересов. Она еще не созрела тогда для радостей материнства. Надо сначала пожить женщиной, до того как стать матерью.

* * *

Она подоткнула одеяло вокруг ребенка, улыбаясь, чтобы он не заметил ее слез. Потом поцеловала его и удалилась.

В дальнем конце кухни, возле кровати, она сняла корсаж, потом долго расчесывала волосы. Теперь она уже не хотела бежать. Дом на Валах, над морем, наполнился для нее ожиданием. Он защищал ее.

Глава XXX

На следующий день госпожа Анна весьма торжественно и с соответствующими напутствиями вручила Анжелике Библию в черном веленовом переплете:

– Я заметила, дочь моя, что вы не подпевае­те во время молитвы. Вероятно, у вас охладела вера. Вот Книга книг, в которой каждая верующая женщина может черпать основания для покорности, преданности и самоотверженности, соответствующие ее положению.

Когда она ушла, Анжелика, повертев в руках Библию, отправилась на розыски мэтра Габриэля. Приказчик сообщил ей, что хозяин на первом этаже, на складах, где хранятся книги и счета.

Пройдя через двор и переступив порог двери, она оказалась в большом помещении, где купец держал наиболее дорогие товары, в том числе образцы вин из Шаранты и разных водок. Он слыл одним из главных поставщиков этого товара в Голландию и Англию. Как раз в этот момент с ним прощался какой-то английский капитан, заказавший вина и водки и, похоже, хорошо их распробовавший. Вокруг витал спиртной дух, мухи ползали по двум стеклянным кубкам.

Английский капитан держался очень прямо, но, проходя мимо Анжелики, потрудился снять свою выцветшую шляпу, произнося комплимент в адрес «charming wife of Maître Gabriel».

– Not my wife: служанка... – не отрываясь от книг, сухо поправил его мэтр Габриэль.

– Aoh! Yes! – восхищенно выдохнул англичанин.

Так как Анжелика не знала английского языка, то и не следила за их диалогом и не старалась его истолковать. Ее слишком беспокоила реакция мэтра Габриэля на признание, которое она собиралась сделать.

– Мэтр Габриэль, – начала она, собрав все свое мужество, – я должна рассеять некоторое недоразумение. Конечно, мне следовало бы сделать это раньше. Дело в том, что я не принадлежу к реформатской вере, как думаете вы и ваши домочадцы. Я... я католичка.

Купец просто подскочил от такого неприятного сообщения.

– Но тогда почему же вы дали заклеить себя королевской лилией? – воскликнул он. – Вам следовало просто заявить о своем вероисповедании. И вас не подвергли бы этой ужасной пытке. Закон ясно говорит: всякую женщину, принадлежащую к реформатской религии, виновной в каком-

либо правонарушении, надлежит заклеить цветком королевской лилии и наказать плетью. Мы нашли в Ле-Сабль судью-единоверца, и он согласился отменить наказание плетью. Но он не мог пренебречь первой частью наказания, ибо вас поймали вместе с опасными разбойниками. Известно ли вам, что троих повесили, а остальных приговорили к галерам?

– Я этого не знала. Бедняги!

– Кажется, эта новость не очень вас взволновала! А ведь это ваши товарищи...

– Я их едва знала.

Мэтр Габриэль развел руками и посадил большую кляксу на счета.

– Так почему же, несчастная, вы не объяснили все это вовремя!

Он старательно осушил кляксу и вытер перо.

– Для католички королевская лилия означает, что она виновна в позорном преступлении: убийствах, проституции, кражах. Вы рискуете попасть в тюрьму и быть сосланной как «девка для колонистов» в Канаду, если у вас увидят эту лилию. Так почему вы не объяснились вовремя?

Он внимательно смотрел на нее.

– Может быть, не хотели, чтобы вам задавали лишние вопросы? – добавил он вполголоса.

– Да, действительно, мэтр Габриэль, я этого не хотела. В тот момент я думала только о дочери. Я ведь тогда не знала, что вы спасли ее. И просто не понимала, что со мной делают... А теперь уж слишком поздно. Меня заклеили на всю жизнь. Но знаете это только вы один, мэтр Габриэль, и если вы меня не выдадите...

– Я принял вас в свое жилище. Пока вы под моей крышей, никто не покусится на вашу безопасность. Таков старинный закон гостеприимства.

– Так вы меня не прогоните?

– Почему же я должен прогнать вас?

– Мэтр Габриэль, я постараюсь оправдать ваше доверие. Но... хочу вам сразу сказать...

– Знаю, что вы хотите сказать, – проворчал он. – Что вы не собираетесь менять веру. Но вам ничто не мешает читать Библию. Открывайте ее ежедневно, на любой случайной странице. И всякий раз вы найдете ответ на тревожащий вас вопрос. Чтение Библии будет вам напоминать о забытом крае и возвысит ваше сердце.

И он вложил книгу ей в руки.

Солнце – южное солнце – заливало двор, в центре которого росла пальма с лохматым стволом. Ее огромные резные листья вздымались к чистому светло-голубому небу. Вдоль стены, возле скамейки, росли

испанская сирень и шпалера штокроз, крупных, как кочаны капусты, а в старых глиняных кувшинах стояли букеты темных и желтых левкоев. В одном углу, под сводом в виде ракушки, находился бассейн с фонтанчиком, бормотание которого завершало картину, придавая экзотический характер этому то ли патио, то ли провинциальному садику. Высокие ворота надежно скрывали двор.

Анжелика вернулась, чтобы забрать стаканы, стоящие на столе, и вымыть их на кухне.

– Мэтр Габриэль, простите, что опять вас беспокою. Кто ведет дом? Госпожа Анна? Я у нее должна получать распоряжения?

– Моя тетка никогда не могла отличить кастрюлю от шляпы, – проворчал он. – Когда она во что-нибудь вмешивается, все идет хуже некуда. Да ей это и неинтересно.

– Так кто же управляет домом?

– Скажем, вы. Почему бы и нет? – проговорил он, глядя на Анжелику поверх очков. – Вы показались мне разумной женщиной. Я только и требую, чтобы была еда на столе да стерта пыль с мебели. На необходимые покупки деньги будете брать у меня. Держите, это на первое время.

Он вручил ей кошелек. Домашние заботы явно раздражали его, как и большинство мужчин. Однако он окликнул ее:

– Учтите, я требую точного ведения расходов. Вы умеете читать и считать?

– Да, сударь, – ответила Анжелика.

* * *

Когда наступил вечер, Анжелика, к великому удивлению тетушки Анны, накормила домочадцев капустной похлебкой, заправленной нутряным салом, истекающей маслом жареной рыбой под ароматными травами, яблочным пирогом и салатом. До блеска начистила медную посуду, протерла дорогую мебель в спальнях и вызвала улыбку у маленького Лорье, рассказав ему сказку про Золушку. Она страшно устала, но была спокойна и чувствовала, что заключила с жизнью новый договор. Главные вопросы, такие как удалось ли ей окончательно укрыться от короля, отошли на второй план. Теперь ее больше беспокоило, сможет ли мальчик спокойно уснуть сегодня ночью.

Несколько раз она поднималась к нему на чердак, гладила, рассказывала забавные истории, слегка бранила, но когда тихонько

прокрадывалась наверх, надеясь застать его спящим, то вновь видела, что он сидит на кровати, разглядывая свое отражение в зеркале.

На четвертый раз она не выдержала. Слишком долго – быть может, годами – этот малыш засыпал, только вконец измучившись, постоянно просыпаясь и вскакивая, заслышав, как скребутся крысы. Его окружали страшные тени от беспорядочно наваленных на чердаке вещей. Он припоминал все, что было ему непонятно, трагические псалмы, которые его заставляли петь, оброненные при виде его фразы: «Этот ребенок стоил жизни своей матери...»

Каждая ночь становилась для него долгим испытанием, без привычного окружения и человеческого тепла, безрадостным холодным путешествием, конец которому приносил рассвет в чердачном оконце. И только тогда засыпал он спокойно. Но ненадолго, потому что тетушка Анна будила весь дом не позднее пяти часов утра.

Анжелика открыла шкаф, взяла пару простынь и спустилась в маленькую спальню, которую заметила раньше. Похоже, в ней никто не спал. Лорье будет здесь хорошо. Он перестанет бояться, слушая тиканье больших часов на площадке лестницы, рядом с кухней, с комнатой дядюшки Лазаря напротив, ночной кашель которого напоминает о близком соседстве. Кроме того, в первые ночи Анжелика оставит ему ночник.

Она умело приготовила постель, наполовину задернула полог из прекрасного узорчатого шелка. Голландского шелка. Анжелика могла оценить качество всех вещей в доме, быть может, лучше, чем сами хозяева, которые словно стремились к дорогому комфорту и одновременно презирали его.

На кухне она сняла со стены грелку, открыла ее и бросила внутрь несколько угольков. Когда она вернулась в маленькую спальню, противоположная дверь оказалась открытой. Она соединялась со спальней мэтра Берна.

Он стоял на пороге, заложив пальцем раскрытый молитвенник:

– Что вам здесь нужно, госпожа Анжелика? Напоминаю, что время уже за полночь. Ваша служба не требует присутствия в столь поздний час.

Вежливый тон не мог скрыть некоторого раздражения. Когда мэтр Берн, окончив счета, удалялся в свою спальню, чтобы поразмышлять над Священным Писанием, он хотел, чтобы вокруг все домашние спали и не мешали своим хождением.

Анжелика несколько раз провела грелкой между холодными простынями.

– Простите, мэтр Габриэль, я учту ваше замечание и постараюсь не

нарушать порядок. Но сейчас я хочу приготовить постель для маленького Лорье, которому очень плохо на чердаке.

Она не могла видеть, так как стояла спиной, но почувствовала, вернее, угадала вспышку гнева в серых глазах купца.

– Эту спальню нельзя трогать! Это комната моей покойной супруги! Анжелика повернулась к нему. Он казался крайне разгневанным.

– Я понимаю, – мягко возразила она. – Но я не нашла другой комнаты, куда можно было бы его положить.

Мэтр Габриэль задумался над решением такой сложной проблемы:

– Кого положить?

– Лорье.

– И почему вы решили положить его здесь?

– Сейчас он спит на чердаке. Ему одному там страшно, и он не может уснуть. Я подумала, что здесь ему будет уютно.

– Что за мысль! Надо, чтобы он привыкал к трудностям. Вы хотите сделать из него неженку. Я тоже спал ребенком на чердаке.

– И вы не боялись крыс?

– Боялся, конечно. Но потом привык.

– А вот он не привык. Каждую ночь он не высыпается. Это одна из причин, почему он такой худенький и болезненный.

– Да он никогда не жаловался.

– Дети редко жалуются, особенно когда никто и не пытается их выслушать, – сухо парировала Анжелика.

– Мальчик должен закаляться. В вас говорит женщина.

– Нет, мать... – серьезно посмотрела на него Анжелика.

Его взгляд затуманился. Тяжелый вздох вырвался из груди.

– Я дал себе слово, что никто другой никогда не ляжет в эту постель, где она испустила последний вздох.

– Постоянство ваших чувств делает вам честь, мэтр Габриэль. Но не думаете ли вы, что она сама порадовалась бы за свое дитя?

– Ну, не знаю! – заключил он и тяжело вздохнул. – Вы весь дом перевернули. Я полагал, что малыш спит со старшим братом. А чердак, конечно... Признаюсь, у меня сохранились о нем мерзкие воспоминания. Ладно... Поступайте как знаете.

Анжелика уже так изучила дорогу под крышу, что не нуждалась в свече. Она взбежала, прыгая через две ступеньки.

– Я пришла за тобой, – сообщила она Лорье, который продолжал сидеть нахохлившись, как птенчик неясности.

– Куда вы меня поведете?

– Туда, где тебе будет хорошо. Рядом с твоим отцом...

Она осторожно снесла его вниз на руках. Лорье с восторгом смотрел на теплую комнату, на отца и вдыхал привычный домашний запах. С кровати он мог видеть отблески огня в большой кухне по другую сторону лестничной площадки. Удивление сделало его разговорчивым.

– И я буду здесь спать? Каждую ночь?

– Да, твой отец решил, что ты уже большой и тебе нужна большая кровать.

– О! Спасибо, отец.

Анжелика вышла, чтобы приготовить ночник. Когда она вернулась с красной лампадкой, Лорье уже спал, утонув головой в подушке. Его едва было видно на этой большой кровати, но выражение детского счастья совсем изменило его черты.

Мэтр Габриэль задумчиво смотрел на него, стоя у изголовья кровати. Анжелика наклонилась, чтобы ласково погладить ребенка по бледному лобику.

– Маленький человечек! – нежно произнесла она.

Потом посмотрела на купца:

– Не сердитесь на меня. Я не могла смириться, что он несчастен.

– Не переживайте, госпожа Анжелика. Я думаю, что так будет правильно. Впрочем, нет, – добавил он, немного поколебавшись. – Сегодня вечером, размышляя над Писанием, я упрекнул себя, что несправедливо поступил по отношению к вам, ибо мне следовало вручить аванс за вашу службу.

– Вы совсем не обязаны это делать, мэтр Габриэль. Мне известно, что служанки, прежде чем получить плату, должны в течение месяца работать на новых хозяев.

– Но вы пришли ко мне совсем без всего. А Библия учит нас: не притесняй батрака, бедняка и нищего из твоих братьев или из твоих жильцов, которые в твоей стране, в твоём городе. В тот же день отдай его плату, и пусть солнце не зайдет до того, как он получит ее, ибо беден он, и ее он жаждет своею душою... И потому я решил вам вручить вот это.

Он протянул ей кошелек, вынув его из пояса.

– Хотя это и после захода солнца, – добавил он.

Иногда юмор пробивался через его торжественность. Анжелика подумала, что, родись он в другой вере, в другом городе, он стал бы остроумным эпикурейцем, вроде шевалье де Мере.

– Меня никто не притесняет в вашем доме, мэтр Габриэль, – сказала она с улыбкой. – Не беспокойтесь, я не стану взывать к Предвечному,

жалуясь на вас. Напротив, я никогда не забуду вашей доброты.

Возвращаясь к себе, Анжелика начала понимать, почему между нею и этим купцом сразу возникла непринужденность и взаимопонимание, как между людьми, которые познакомились раньше и при других обстоятельствах. Теперь она была убеждена, что они уже где-то встречались. Но где? И когда? При каких обстоятельствах наклонялся он к ней с той спокойной и радушной улыбкой, которая по временам озаряла его холодное замкнутое лицо?

Глава XXXI

Мысль, что она и раньше могла встречаться с мэтром Габриэлем, долго не выходила у Анжелики из головы, но потом понемногу забылась.

По вечерам, после молитвы, когда тетушка Анна и гости удалялись, мэтр Габриэль иногда позволял себе истинно мужское удовольствие. Он шел в свою комнату и снимал со стены одну из длинных голландских трубок, которых у него была целая коллекция. Тщательно набив табак, он возвращался на кухню разжечь ее угольком.

Потом, опершись о притолоку двери, он курил, из-под полуопущенных век поглядывая сквозь дым на большой семейный зал, на суесящихся служанок, на детей и двух домашних кошек. Дети знали, что в такие вечера он находился в прекрасном расположении духа, и подходили с различными вопросами или рассказывали о своих делах. С некоторых пор и Лорье стал принимать в этом участие. Он сильно изменился, выглядел умным мальчиком и давал отпор насмешкам Мартьяля.

Однажды вечером, когда Анжелика держала его на коленях и нежно гладила по головке, она перехватила сквозь кольца дыма задумчивый взгляд купца. И тут же решила предвосхитить возможные упреки:

– Вы находите, что я слишком балую мальчика?.. Но взгляните, как он окреп. И щечки порозовели. Чтобы расти, мэтр Габриэль, детям нужна ласка, точно так же как цветам нужна вода...

– Я с вами не спорю, госпожа Анжелика, и соглашусь, что из того заморыша, на которого, честно признаюсь, мне тягостно было смотреть, вашими заботами получается прекрасный ребенок... Я допускал грех несправедливости и незнания. Мне легче разбираться в ароматах доброй водки или в канадских мехах, чем в потребностях ребенка. Но меня мучает любопытство, почему так мало этой самой нежности вы уделяете собственному ребенку... Слов нет, вы заботитесь о дочери, но я ни разу не видел, чтобы вы ее целовали, улыбались ей или хотя бы обнимали.

– Я?.. Я так веду себя? – воскликнула Анжелика, покраснев до корней волос.

И она ошеломленно взглянула на Онорину, сидевшую перед тарелкой каши.

Девочку оставляли одну за столом, потому что она ела очень медленно. С некоторых пор она проводила за едой часы, зажав ложку в руке и устремив взгляд в пространство. Анжелика считала, что потеря аппетита вызвана изменением образа жизни, ведь девочка привыкла жить на открытом воздухе. Неужели Онорина страдала от недостатка внимания собственной матери? Какие сравнения возникали в ее пронизательных блестящих глазках? Анжелику выводили из себя ее частые приступы гнева. Обнаружить в таком маленьком существе характер, с которым трудно справиться, было удивительно и казалось недопустимым. Она теряла терпение. «Шлая!» – кричала тогда разгневанная Онорина. Анжелика укладывала ее в постель или передавала Ребекке, к которой малышка сильно привязалась. В душе Анжелика предпочитала Лорье. В нем оживали ее сыновья, ее настоящие дети. Онорина все еще не стала ее ребенком.

«Мэтр Габриэль прав, – подумала она. – Моя дочь... Я впустила ее в свою жизнь, но не могу научиться ее любить... Он ведь ничего не знает!.. Но для меня это невозможно. Если бы он знал, то понял бы...»

– Вы привязались к моему сыну, – с легкой улыбкой продолжал мэтр Габриэль, – а я привязался к вашей девочке. Я никогда не забуду эту брошенную крошку, спящую под деревом. Она протянула ко мне ручки, когда я ее разбудил, и лепетала, пыталась рассказать свою грустную историю.

Лицо Анжелики напряглось. Она выглядела такой потрясенной, что мэтр Габриэль проклинал себя за вмешательство. С присущей мужчинам стыдливостью в проявлении чувств, он прочистил горло, вдруг вспомнил о неотложных делах и вышел. Лорье побежал за ним. Мэтр Габриэль каждый вечер разрешал ему побродить на складе среди товаров.

Анжелика осталась наедине с Онориной. Она переживала странную решительную минуту и испытывала тайный ужас, словно понимая, что ее дальнейшая жизнь будет зависеть от того, сделает она сейчас что-то или не сделает этого. Забавно, что причиной является «эта крошка», как выразился мэтр Габриэль, сидящая с надменным и задумчивым видом. Ей показалось, что перед ней возникла ее сварливая сестра Ортанс. Некрасивая и злая, она была надменна как принцесса. Онорина, без жалоб и очень прямо сидящая на своем высоком стульчике, воскресила забытый образ. Тот же поворот шеи, та же высокомерная посадка головы. Ортанс даже ребенком оставалась худенькой. А Онорина, наоборот, была кругленькая, плотненькая, крепко стоящая на ножках. Но в манере поведения, во взгляде таких же черных колючих глаз с узким разрезом

сквозило несомненное родство. Теперь Анжелика все это ясно видела, но вместо разочарования почувствовала облегчение.

– Иди сюда! – протянула она руки к ребенку.

Но Онорина, выйдя из созерцательности, посмотрела на нее с раздумьем, затем широко улыбнулась.

– Нет! – заявила она, залезая под стол.

– Да иди же, иди же сюда!

– Нет!

Анжелике пришлось ловить ее и вытаскивать из-под стола. Она с трудом подняла ребенка на руки:

– Честное слово, она как свинцом налита...

Анжелика с болезненным напряжением всматривалась в личико дочери:

– Хоть ты и рыжая, но все равно красивая... Мое дитя!.. Хочу я того или нет, это я дала тебе жизнь. И главное, ты уже здесь! Нас с тобой связал тот ужас, который я испытала, поняв, что ты уже живешь во мне. Мы обе оказались бессильны в борьбе с противоестественной и неумолимой судьбой, которая определила нам стать матерью и дочерью. Сердечко ты мое!

Анжелика прижалась губами к прохладной щечке. Младенческий запах напомнил ей запах леса в незабвенные времена мятежа Пуату. Этот запах завладел всем ее существом, он растворил ее застывшую ненависть. Наряду с резней и засадами существовала и Онорина, это ее маленькие белые ножки грела Анжелика перед огнем. Она смотрела своими умными глазками, сидя на руках аббата де Ледигьера, это она звала Анжелику в зимнем лесу, отрывая взгляд от замораживающе страшного зрелища на поляне повешенных.

Анжелика вспомнила решающий момент в жалкой пещере, когда раздался первый крик ребенка, вспомнила скрежет «вращающегося шкафа», увлекшего малютку в потемки сиротского приюта. «О! Все эти дети, подкинутые к чужим дверям, которых собирал господин Винсент! Как можно бросить ребенка? А я ведь бросила собственную дочь. Благословенно будь Провидение, вернувшее мне ее. Существует ли более страшная боль, чем хранить в своем сердце трагический груз воспоминаний о потерянном ребенке? Где ты, плоть от плоти моей? Где ты скитаешься вслепую, вытянув маленькие ручонки, по той бесконечной пустыне, куда я тебя вытолкнула? Как узнаю я тебя после смерти? Да и имею ли я право встретить тебя на том свете, я, бросившая тебя мать?..»

* * *

Анжелика вздрогнула и словно пробудилась ото сна. Она сидела с Онориной на коленях в кухне мэтра Габриэля, в Ла-Рошели, возле догорающего в очаге огня, и судорожно прижимала к себе ребенка.

– Жизнь моя!

Поток долго сдерживаемой любви – любви, почти неосознанной, пробудился с силой подземного родника, прорвавшегося наконец чистой струей на поверхность.

– Я и не подозревала, что так сильно люблю тебя... Да как же можно тебя не любить?

Не любить? Ее разум искал и не находил ответа. У нее действительно ничего не осталось от прошлой жизни. Все провалилось в темную бездну. Простодушная прелесть Онорины, радость жизни на ее круглом личике, ее блаженная улыбка, когда над ней склонялась для поцелуя мать, в которой заключался весь ее мир, и это плотское чувство обладания, испытываемое Анжеликой при виде ребенка: «Ты только моя, а я только твоя...» – это уничтожало все доводы, из-за которых можно было ненавидеть эту маленькую жизнь.

Как быстро забывает разум!

Но тело забывает не так быстро. Иногда в своих кошмарных снах Анжелика вновь слышала звуки рога Исаака де Рамбура, а на запястьях и щиколотках ощущала грубые чужие руки, удерживавшие ее на полу.

Но, пробуждаясь, она видела, как танцуют на противоположной стене отблески огня, зажженного на вершине Фонарной башни, чтобы указывать путь кораблям. Рядом спала Онорина. Анжелика долго смотрела на нее и успокаивалась, восхищаясь этим оставшимся с ней сокровищем, которое оправдывало ее несчастное загубленное существование.

– Спи, дорогое сердечко, спи, дитя мое, жизнь моя... Ты рядом с мамочкой. Ничего не бойся.

* * *

С того момента, как Северина узнала, что Анжелика папистка, она относилась к ней со священным ужасом.

– Эта женщина подослана к нам Обществом Святых Даров, чтобы шпионить за нами, я в этом уверена! – заявляла она, ни к кому не

обращаясь.

– Действительно, бедное дитя мое, очень похоже, – соглашалась тетушка Анна. – Помолимся Господу, чтобы Он избавил нас от ее козней!

«Ну что за ведьмы!» – думала Анжелика, чье терпение подвергалось серьезному испытанию.

Северина глаз с нее не спускала, чтобы вовремя изобличить. Она проявляла образцовую непреклонность. Тетка вела себя так же. Иногда девочка вдруг насмешливо фыркала и заунывно затягивала псалом:

Человек лукавый, человек нечестивый
Ходит с ложью на устах.
Подмигивает глазами, говорит ногами,
Делает знаки пальцами своими...

– Верно ведь, тетушка?

Так Анжелика узнала, что эти дамы ставят ей в вину живость характера.

– Если бы, Северина, ты оказалась вдруг при королевском дворе, то узнала бы, что держаться прямо, как палка, и двигаться резко, как марионетка, – признак дурного воспитания. Непринужденности жестов надо долго учиться.

– Двор – это место гибели, – обидевшись, парировала Северина.

Теперь, в свою очередь, расхохоталась Анжелика.

Большая девочка убежала, покраснев от гнева.

Но у Северины оказалась уязвимая сторона. Как всех девушек этого возраста, ее влекло к маленьким детям, и она горела желанием расположить к себе Онорину. Она неловко пыталась взять ее на руки, повсюду за ней ходила, пробовала кормить и одевать ее.

– Отпусти! Отпусти! – кричала Онорина, разгневанная, как оскорбленная императрица.

Анжелике становилось жаль Северину, которая смиренно отходила в сторону. Ей трудно было убедить своего раздражительного отпрыска вести себя поприветливей. У Онорины были явные предпочтения и столь же явные антипатии. В целом милостью в ее глазах пользовался мужской пол. К Лорье она питала ласковое уважение. Мэтр Габриэль оставался объектом уважительного восхищения. Пастор Бокер всякий раз, как приходил в дом, пользовался абсолютной благосклонностью. Но идолом ее был Мартьяль. Он смастерил для нее маленькую резную шкатулочку, в которую она

прятала свои сокровища: пуговицы, бусинки, камешки, куриные перышки... Малышка унаследовала материнскую склонность. Глядя, как она ковыляет со шкатулочкой под мышкой и с котенком в другой руке, Анжелика вспоминала свою шкатулочку, инкрустированную перламутром, в которой она когда-то хранила сувениры, скопившиеся за ее бурную жизнь.

Отношения Онорины с представительницами женского пола складывались куда более сложно. К особам почтенного возраста она относилась с нежностью. Ребекка и все бабушки имели право на ее улыбки. К женщинам среднего возраста ребенок относился подчеркнуто безразлично. Но девушки и ее ровесницы, которых она рассматривала как возможных соперниц, являлись объектами ее ненависти. Она едва не выцарапала глаза трехлетней Руфи, младшей дочери адвоката Каррера. Одним словом, эта кругленькая куколка Онорина, с решительным видом ковыляющая в своих юбках, вносила большое оживление в жизнь дома.

Часто она издавала странный крик, который Анжелика научилась распознавать. Это означало, что ей надоело сидеть взаперти и она хотела видеть море. На берегу для нее не существовало ничего, кроме игры волн, водорослей и прекрасного мира ракушек. В подоткнутых юбках, похожая на маленькую тыкву, она увлеченно шлепала по воде. Анжелика шла за ней следом, перекидываясь словами со сборщицами мидий.

У подножия крепостных стен при отливе обнажалась широкая скалистая полоса, поросшая водорослями, с углублениями, заполненными прозрачной водой, где прятались крабы. Здесь царили чайки и стайки резвившихся мальчишек. Среди них чаще, чем надо, встречался юный Мартьяль, сбежавший из школы. Он сильно огорчал отца. Мальчик обладал способностями к учебе, но предпочитал набеги на чужие сады вместе с шайкой друзей, в число которых входили главные заводилы квартала, включая обоих старших сыновей адвоката Каррера, Жана и Томá, и сына врача – Жозефа.

Мэтр Габриэль горячо сожалел, что юноша не усвоил жесткую дисциплину коллежа. И тогда он решил отправить старшего сына в Голландию. Там он хотя бы научится правильному ведению торговли.

Анжелика заранее сожалела об этом неизбежном отъезде. В Мартьяле ей многое напоминало ее сына Флоримона. За его беззаботной улыбкой она угадывала беспокойство подростка, который вступал на зыбкую почву и который, познакомившись со средой, где ему предстояло жить, вдруг заметит, что его место вовсе не здесь. Именно такое неприятное открытие заставило Флоримона покинуть мать и убежать на поиски того уголка

земли, где он сможет быть самим собой, а не нести груз двойного проклятия своих родителей.

Мартьяль тоже убежит в один прекрасный день, как и эти подростки, которых необъяснимое ослепление старших еще удерживало на этом обреченном берегу.

* * *

В тот день они сидели на вершине скалы, тесно прижавшись друг к другу, и так увлеклись, что не слышали ее шагов. Ветер играл их длинными волосами, рубашки были расстегнуты на молодой груди. Анжелику охватила тоска при мысли, что та сила, что их переломает, уже затаилась, как зверь, в самом сердце города.

Мартьяль прилежно читал:

– «...На американских Островах никогда не бывает холодов. Там не знают, что такое лед, и увидеть его было бы чудом. Там нет *четырёх* времен года, равных по времени и разных по погоде, как в Европе, а только два. Один – когда идут сильные и частые дожди, с апреля по ноябрь, и другой – когда наступает великая засуха... Однако земля там всегда покрыта приятной зеленью и почти постоянно украшена цветами и фруктами...»

– А виноград-то там есть? – прервал чтение паренек с волосами соломенного цвета. – Потому что мой отец – беженец из Шаранты, он виноградарь. Тогда что мы, виноградары, будем делать, если там нет винограда?

– Да, там есть виноград! – победоносно провозгласил Мартьяль. – Слушай дальше: «Виноград прекрасно растет на этих Островах, и, кроме дикого, который самостоятельно произрастает в лесах и дает прекрасные крупные грозди, во многих местах мы видим виноград культурный, как во Франции, но он плодоносит два раза в год, а иногда и чаще...»

Урок географии продолжился описанием хлебного дерева, папайи, с веток которой свисают особые дыни, кокосового ореха с прекрасным растительным молоком. «...Мыльное дерево дает жидкое мыло, которое стирает и отбеливает белье, тыквы-калебасы служат емкостями и домашней посудой, которую нет нужды делать ремесленникам...»

– А какого же цвета жители этих теплых Островов? Красные, с перьями, как в Новой Франции?

Мартьяль перевернул маленькую книжицу и сказал, что не нашел ответа

на этот вопрос. Все вместе они повернулись к Анжелике, сидевшей возле них с Онориной на коленях.

– Вы не знаете, госпожа Анжелика, какого цвета эти островитяне?

– Я думаю, что они черные, – отвечала Анжелика, – потому что на Острова уже давно привозят рабов из Африки.

– Но сами караибы не черные, – заметил юный Тома Каррер, который с увлечением слушал рассказы портовых моряков.

– Мы просто спросим у пастора Рошфора, когда увидим его, – положил конец спорам Мартьяль.

– Ты сказал, у пастора Рошфора? – встрепенулась Анжелика. – Ты имеешь в виду этого великого путешественника, автора книги об американских Островах?

– И которую я читаю друзьям. Вот, смотрите! – Он показал ей недавно переплетенное новое издание и вполголоса добавил: – Можно заплатить пятьдесят ливров штрафа и угодить в тюрьму, если у тебя найдут эти рассказы о путешествиях, потому что считается, что они побуждают протестантов эмигрировать. Поэтому надо быть очень осторожным...

Анжелика полистала страницы с наивными набросками деревьев и животных этих далеких стран.

Из ее давнего прошлого возникло забытое видение, которое в то время не имело для нее объяснения, но было отмечено словно знаком судьбы: посещение Монтелу пастором Рошфором, когда ей было лет десять.

Этот одинокий темный рыцарь, приехавший к ним с другого конца света во время грозы, рассказывал о неизвестных и странных вещах, о краснокожих людях с перьями в волосах, о диких землях, населенных первобытными чудовищами...

Но в то время – а минуло с той поры уже более двадцати лет – странность заключалась не в необычных обстоятельствах его появления и не в его экзотических рассказах. Нет. Его посещение оказалось визитом опасного и непонятного Посланца Судьбы, призывом отправиться в дальние страны. На этот призыв, прозвучавший с другого конца света, тотчас откликнулся ее старший брат Жослен. Он оставил семью, покинул страну, и никто никогда не узнал, что с ним стало.

– Но этот пастор Рошфор уже умер? – спросила она слабым неуверенным голосом.

– О! Вовсе нет. Он очень стар, но все так же путешествует. В настоящий момент он в Ла-Рошели, – добавил юноша тише. – Никто не должен знать, у кого он скрывается, иначе его немедленно арестуют. Не хотите ли, госпожа Анжелика, увидеть и послушать его?

И так как она утвердительно кивнула, то он сунул ей что-то в руку.

Это был необработанный кусочек свинца, на котором с трудом различался крест, увенчанный голубкой.

– С этим «жетоном» вы можете прийти на ассамблею, которая должна состояться возле деревушки Жувекс, – объяснил ей Мартьяль. – Там вы увидите и услышите пастора Рошфора. Он будет выступать, ради него и собирается ассамблея. Там соберется более десяти тысяч наших...

Глава XXXII

Юноша преувеличил, предполагая, что ассамблея, на которую отправилась Анжелика, соберет десять тысяч горячих приверженцев.

Многих удержал страх, да и сама площадка, где добывали соль, разделенная барьерами, на которых еще возвышались кучи соли, могла с трудом вместить всего лишь несколько тысяч паломников.

Эту заброшенную площадку соледобычи выбрали потому, что она представляла собой изолированную лощину, огражденную двумя скалистыми хребтами, скрывавшими ее от проезжающих по болотистой равнине, которая окружает Ла-Рошель. Рокот близкого моря сливался с гулом голосов. Прибывающие здоровались друг с другом, обмениваясь незначительными замечаниями.

Полукруг из известковых камней создавал примитивный амфитеатр вокруг маленького столика, предназначенного для выступления проповедника.

– Это кафедра, а второй стол несут для причастия, – объяснил Анжелике Мартгьяль.

Он вызвался в провожатые, гордый тем, что сумел ее «завербовать». Они вместе сели в двуколку булочника их квартала, сын которого, подмастерье Анастас, тоже был другом юного Берна.

Тетушка Анна и Северина прибыли в двуколке и привезли с собой хозяина писчебумажного магазина, его жену и дочь. При виде «папистки» их передернуло. Издали было видно, как они спорили с мэтром Габриэлем, сопровождавшим их верхом. Конечно, они его убеждали в опасности ее присутствия. Купец пожимал плечами. Потом их скрыла толпа. Принесли оловянное блюдо, накрытое белым полотенцем, под которым угадывался каравай хлеба, и две оловянные чаши. Возле стола поставили глиняный кувшин, также накрытый полотенцем.

Анжелика долго сомневалась, идти ли на эту ассамблею. Ей грозило очень серьезное наказание, если бы дело получило огласку. Но здесь всем что-то грозило: кому-то разорительные штрафы, кому-то тюрьма, а кому-то и смерть, как тем «обращенным», которые печально и робко пробирались среди бывших единоверцев. После отречения они терзались муками совести.

Все эти гонимые люди носили черную или темную одежду. Только один из самых крупных судовладельцев Ла-Рошели, Маниго, торжественно

появился в бархатном костюме сливового цвета, черных чулках и туфлях с серебряными пряжками. За этим общепризнанным красавцем следовал негр Сирики. Маниго держал за руку сына Жереми, которым очень гордился. Четыре сестры мальчика и мать лебезили перед этим очаровательным ангелочком с длинными кудрями, как перед малолетним королем.

Присутствовало здесь и все семейство адвоката Каррера. Полнота мадам Каррер говорила о приближавшемся в одиннадцатый раз материнстве.

Несколько дворян были при шпагах. Они собрались вместе и принялись о чем-то договариваться.

* * *

– Дорогу, дорогу мадам де Роан!

Слуги принесли и поставили в первом ряду обитое штофом кресло, в которое уселась властная старая дама, положив руку, похожую на когтистую лапу старой совы, на серебряный набалдашник трости.

Теперь поток прибывающих достиг апогея. Но порядок не нарушался. Между собравшимися ходили молодые люди с холщовым мешком, куда опускались пожертвования, предназначенные для проведения религиозных служб. Большинство присутствующих расселись прямо на земле, покрытой соляной пылью. Те, что побогаче или более предусмотрительные, прихватили с собой небольшие подушечки и мешки, а некоторые даже догадались взять грелки с углями, ибо было свежо и ветрено.

В ландах, среди тамариска, оставались привязанными или под охраной услужливых пареньков лошади, ослы и мулы присутствующих. Эти пареньки выполняли одновременно и роль часовых, чтобы в случае чего вовремя предупредить о появлении королевских драгун. Повозки с поднятыми оглоблями ожидали конца церемонии.

Вскоре раздалось песнопение, подхваченное мощным приглушенным хором толпы.

В центр, где стояли столы, вышли три человека, одетые в черное и в высоких черных круглых шляпах.

Один из них был пастор Бокер. Но Анжелика жадно вглядывалась в самого высокого и пожилого из всех троих. Несмотря на седые волосы, обрамлявшие его загорелое морщинистое лицо, она сразу узнала Черного Человека, легендарного путешественника времен ее детства. Казалось, что

бродячая жизнь, бесчисленные опасности, встреченные на пути, не давали согнуться его сухопарому телу.

Третий пастор был коренастым и краснолицым человеком с живым и властным взглядом. Он заговорил, и его сильный голос далеко разнесся по долине.

– Братья, Господу было угодно, чтобы рухнули мои оковы, и вот с великой радостью возвышаю пред вами я глас свой. Сам я ничем не удостоен. Я всего лишь слуга Господень, обремененный огромной задачей: печься о стаде малом моем, то есть обо всех вас, реформаты Ла-Рошели, ищущих путь спасения среди трудностей, с каждым днем возрастающих...

Из его слов Анжелика поняла, что это пастор Тавеназ, глава коллоквиума Ла-Рошели, иначе – объединения протестантских церквей города. Кроме того, он недавно вышел из тюрьмы после шестимесячного заключения.

– Некоторые приходили ко мне с вопросом: «Следует ли нам братья за оружие, как некогда поступили наши братья?..» Возможно, многие уже втайне задавали себе этот вопрос, поддаваясь опасному искушению ненависти, советнице далеко не всегда столь же мудрой, как осторожность. И вот скажу вам, как я сам понимаю: я против насилия. Далека от меня мысль недооценивать героизм наших отцов, сумевших вынести ужасы осады тысяча шестьсот двадцать восьмого года, но разрослась ли наша вера после этого огромного и величественного восстания? Увы! Нет! Еще немного, и в Ла-Рошели не осталось бы ни одного гугенота и наша вера навсегда исчезла бы из этого города!

Пастор Тавеназ еще долго говорил в том же духе. Он помянул национальный синод, который намеревались созвать на следующий год в городе Монтелимаре. На нем собирались подготовить жалобу на административные и прочие притеснения, жертвами которых становились французские гугеноты, чтобы вручить ее лично королю. Пастор окончил свою речь новым призывом доверять властям и хранить спокойствие, опираясь на свой собственный случай и на пример пастора Бокера.

На протяжении этой долгой речи старая герцогиня де Роан неоднократно выражала свое нетерпение. Она качала головой, постукивала по земле тростью. Вероятно, ей совсем не нравились эти мещанские рекомендации. Но она вспоминала, что уже слишком стара, чтобы играть в предводительниц Фронды, и, тяжело вздыхая, хранила молчание.

Присутствующие ответили на его речь шепотом одобрения. Поднялся только один человек, крестьянин с длинной челкой, обеими руками прижимавший шляпу к своей белой рубахе:

– Я, значит вот, из края Жаранс, что в Гатине. Королевские драгуны пришли в нашу деревню. Подожгли наш храм. А потом забрали у меня окорока ветчины, хлеба, обеих коров, осла и жену. Так вот, я все и думаю, взять бы топор да порубить их всех, мне бы и полегчало, чего уж там!..

Раздались быстро смолкнувшие смешки, вызванные порядком перечисления потерь, понесенных этим бедолагой.

Крестьянин мрачно оглядывался. Видно было, что он силится что-то понять.

– Жену-то мою они тащили по дороге за волосы... И никак я не могу позабыть то, что они с ней сделали... А потом сбросили ее в колодец...

Его голос потонул в первых раскатах зазвучавшего псалма, подхваченного хором в тысячу голосов.

Потом заговорил пастор Рошфор. Он напомнил присутствующим об Иходе и о том, как евреи, увидев преследовавших их египтян, воззвали к Моисею: «Лучше оставь нас в услужении египтянам, чем погибнуть в пустыне...» Но Предвечный явил свою силу и утопил войско фараоново, а евреи достигли земли Ханаанской. Они достигли б ее и раньше, если не усомнились бы в доброте Предвечного, который завел их в пустыню с единственной целью – вырвать из позорного рабства, в котором грозило им забвение веры отцов.

Пастор Рошфор храбро начал песнь Моисея:

Пою Господу, ибо Он высоко превознесся;
Коня и всадника его ввергнул в море.
Господь – крепость моя и слава моя,
Он был мне спасением...

Его слегка надтреснутый старческий голос обладал еще силой. Но пел он почти один. Продрогшие усталые люди вяло подхватывали псалом, который к тому же плохо знали.

Старик растерялся и замолчал. Он удивленно посмотрел на собравшихся и быстро заговорил:

– Разве вы не поняли, братья, смысл сего сказания? Гаснет свеча, накрытая горшком. Если бы евреи остались жить в рабстве, то стали бы поклоняться египетским богам. Вот опасность, которая всем нам здесь угрожает. Вас сейчас спросили, хотите ли вы взяться за оружие для своей защиты или согласны покорно терпеть преследования. А я пришел предложить вам третье решение: уезжайте! Новые, бескрайние страны

предлагают вам убежище на целинных землях, которые вы, с Божьей помощью, приведете к процветанию, и душа ваша тоже расцветет в свободном отправлении вашей веры...

Собрание завершалось, и в поднявшемся шуме потонули его слова. Люди вокруг Анжелики уже переговаривались вполголоса между собой:

– Ну как, что ваше дело с мареной в Лангедоке?..

– Если бы мы засаливали улов, как в Португалии, то продавали бы вдвое больше рыбы, это уж точно!.. Так ведь нельзя, налог на соль запрещает.

– Ты, Жозиа Мерлю, мог бы и приодеться ради такого большого собрания.

– Да при такой-то грязище!..

Очевидно, что предложение пастора Рошфора никого не заинтересовало.

Звук трещотки, которую крутил молодой слуга, призвал к тишине. Пастор Тавеназ, бросив на своего коллегу взгляд, который означал «я же вам говорил», вновь взял слово:

– Ассамблея не может закончиться без четкого решения путем голосования поднятой рукой, какой линии поведения будут придерживаться в дальнейшем жители Ла-Рошели.

– Кто за вооруженное сопротивление? – спросил пастор.

Никто не шелохнулся.

– Кто желал бы уехать?

– Я!.. Я!.. – закричали несколько подростков, сидевших в первом ряду.

– Я! – вскакивая, завопил Мартьяль возле Анжелики.

Возмущенные протесты родителей перекрыли молодые голоса, а адвокат Каррер залепил пощечину сидевшему рядом сыну.

На фоне серого океана поднялся сьер Маниго, выпрямился во весь свой огромный рост и поднял руку, призывая к спокойствию.

– Господин пастор, – произнес он, обращаясь с глубоким почтением к знаменитому путешественнику, – для нас великая честь слушать вас, но не удивляйтесь, что в Ла-Рошели найдется немного сторонников, желающих уехать...

Он прижал руку к сердцу.

– Ла-Рошель, она у нас здесь, – продолжал он с напором, – это наша цитадель, город, основанный нашими отцами, за который они отдали жизни. Никто из нас не в состоянии от него отказаться.

– Значит, лучше отказаться от веры? – с дрожью в голосе воскликнул престарелый пастор.

– Об этом нет и речи. Ла-Рошель принадлежит гугенотам. И всегда будет принадлежать гугенотам. Душа города рождена Реформацией. А душу города изменить нельзя.

Раздались аплодисменты. Маниго говорил здраво, и его слова доходили до сердец ларошельцев.

– Что они могут против нас? – слышались выкрики. – Деньги-то ведь у нас!

– Да все ясно: без нас все развалится.

– Говорят, что господин Кольбер затребовал реформатов для организации мануфактур.

Анжелика сидела задумавшись, устремив взгляд на открывавшийся между дюнами серый океан, усеянный белыми барашками.

В нескольких шагах от нее стоял пастор Рошфор. Он тоже смотрел на океан.

– Хоть и имеют глаза, да не видят, – различила она его шепот. – Хоть и имеют уши, да не слышат...

А что видел он взором просвещенного человека? Угадывал ли в удалявшейся толпе будущих мучеников и вероотступников?.. Толпа обреченных!..

Отступивший на время, страх вновь закрался Анжелике в сердце. «Надо уезжать». На берегу нет защиты. Прилив все выше и в один прекрасный день накроет и ее с Онориной. Будь она одна, возможно, от усталости она и подчинилась бы событиям. Но она обязана спасти Онорину. На лбу выступил холодный пот при одной только мысли, что королевские драгуны могут схватить Онорину, с грубым хохотом мучить ее, а потом выбросить в окно на пики.

Она торопливо шла, стремясь поскорее увидеть дочь.

Начался дождь. Белесое небо отражалось в дорожных лужах. Какой-то всадник обогнал ее и обернулся. Мэтр Габриэль.

– Садитесь на круп коня, госпожа Анжелика!

Она вздрогнула от неожиданного видения: вот она идет по такой же размытой дороге, обгоняющий ее всадник оборачивается и улыбается улыбкой мэтра Габриэля.

– Нет, – услышала она свой голос после продолжительного молчания. – Я ведь ваша служанка, мэтр Габриэль. Пойдут пересуды...

– И то правда, ведь мы не в предместьях Парижа, на Шарантонской дороге.

Завеса пала. Рядом с ней Полька. А Анжелику так же бьет озноб, как сегодня.

И, как сегодня, у нее в сердце страх за ребенка: Кантора похитили цыгане. Всадники остановились. Один из них посадил ее на круп своего коня, чтобы подвезти до Парижа. Это молодой протестант, сын купца из Ла-Рошели.

– Ну, узнали вы меня, наконец? – спросил купец.

– Да, вы тот всадник, что однажды помог мне зимним вечером много лет тому назад.

Она неподвижно замерла под дождем. Тому минуло двенадцать лет. И обе сцены почти с точностью повторяли друг друга. Она ощущала ту же тоску, ею владело то же бесконечное одиночество. В ее состоянии полной потерянности лицо молодого незнакомца, участливая улыбка оказали тогда мимолетную поддержку.

В этом открытии с первой минуты ее поразило сходство обеих ситуаций, между которыми лежала головокружительная вершина почета и богатства при дворе французского короля.

«Так, значит, – подумала она, – потребовалось дважды пройти по кругам ада, чтобы понять?.. Чтобы понять, что нет тебе места в этом королевстве, что тебе надо уезжать... Уезжать за моря... – Со смешанным чувством облегчения и унижения подумала она о мэтре Габриэле: – К счастью, он знал меня только в бедности...»

Вероятно, мэтр Габриэль сохранил воспоминания о нищенке из предместий, а вновь встретился уже с разбойницей с большой дороги. Это не должно было внушать доверие. Потому то великодушие, с которым он принял ее под свою крышу, заслуживало еще большей признательности. Учитывая его характер, это плохо сочеталось с его крайне осторожным взглядом на жизнь.

– Почему вы это сделали? – не сдержавшись, спросила она. – Я хочу сказать, как вы поверили мне и впустили в свой дом?

Он легко проследил ход ее мысли и без труда понял смысл вопроса.

– Я верю в значение некоторых знаков, – отвечал он. – Это лицо, увиденное когда-то зимним вечером, как прекрасный и горький символ жестокости большого города, преследовало меня многие годы, и в конце концов я убедил себя, что это не просто воспоминание, что эта встреча служила предупреждением... Это как удар похоронного колокола, который раздается где-то в вечности судьбы, и эхо его постепенно замирает... Но вдруг что-то случается, и ты вспоминаешь, что предупреждение-то уже звучало... Когда я узнал вас во время того нападения, меня это даже не очень удивило. Так было предначертано. Я не мог не проявить интереса к вам и к вашему ребенку. Я ощущал, что мой долг помочь вам выйти из

тюрьмы, пока еще не поздно. Благословен будь судья-католик, отсутствовавший на тот момент.

И он задумчиво добавил:

– Почему я сказал: пока не поздно?.. Я был уверен, что время не ждет, что дело идет о часах. Во мне звучали слова Библии: «Освободи тех, кого влекут на смерть. Тех, кого собираются зарезать, спаси их...» Я чувствую, что ваше присутствие среди нас имеет глубокий смысл, но какой?

– Я думаю, что знаю какой, – ответила Анжелика, тоже попавшая под влияние этой необычной атмосферы признаний и окружавших их пустынных безлюдных ландов, продуваемых всеми ветрами. – В один прекрасный день я тоже спасу вас и вашу семью, так же как вы спасли меня...

Глава XXXIII

Кто-то прошел мимо и воскликнул:

– Француженка!

Анжелика обернулась. Мужчина остановился и смотрел на нее, раскрыв рот от удивления. На нем был вышитый костюм с поблекшим золотым позументом, туфли с растрескавшейся кожей на красных каблуках, потрепанная шляпа с перьями. Он удивленно моргал, как сова при солнечном свете.

– Француженка, – повторил он, – зеленоглазая француженка.

Анжелика разрывалась между желанием убежать и узнать, кто же это. Она машинально подошла к нему. Мужчина подпрыгнул, как белка:

– Теперь никакого сомнения. Это точно вы... Этот взгляд! Но...

Он разглядывал ее скромный наряд, ее чепец, плохо скрывавший волосы.

– Но... Получается, что вы не маркиза. А в Кандии все в этом уверены... И я тоже верил... Да, черт побери, я же видел ваши бумаги!.. Так что же вы здесь делаете, в таком нелепом наряде?..

Теперь и она его узнала, особенно по плохо выбритому подбородку.

– Господин Роша... Вы? Неужели это вы? Так, значит, вы все же сумели осуществить свое желание и уехали из восточных колоний?

– А вы сумели сбежать от Мулая Исмаила? Ходили слухи, что вы скончались под пытками...

– Нет, раз я здесь!

– Я чрезвычайно счастлив.

– А я-то!.. Ах! Дорогой господин Роша, какая радость вас видеть.

– Дорогая мадам, я полностью разделяю вашу радость.

В порыве чувств они пожимали друг другу руки. Анжелика никогда бы не поверила, что встреча с чудаковатым колониальным чиновником может наполнить ее таким счастьем. Они казались себе последними живыми обитателями волшебной страны, которые вдруг встретились в совершенно неожиданном месте.

– Ах! Наконец-то! Кто-то «оттуда», с кем можно поговорить!.. – воскликнул Роша, выражая их общие чувства. – В этом бездушном, бесцветном северном порту... Какое облегчение! Я в восторге!

Он снова сильно пожал ей руку, едва не сломав.

– Но... Так вы не были маркизой? – вновь нахмурился он.

– Ш-ш-ш! – Она остановила его, с тревогой оглядываясь по сторонам. – Давайте найдем спокойное местечко, где можно поговорить, и я вам все объясню, – прошептала Анжелика.

С презрительной усмешкой Роша заявил, что, к несчастью, он не знает ни одного места в Ла-Рошели, где можно выпить настоящий турецкий кофе. Существует, конечно, «Таверна Новой Франции», где подают напиток под этим названием, но это «их» островной кофе. Ничего общего с зернами с эфиопских плато, обжаренными должным образом, ничего общего с тем божественным эликсиром, который пьют «там», на Востоке. Но все же они отправились в эту жалкую таверну, к счастью в тот час совершенно пустую, и устроились в уголке у окна. Роша отказался от предложенного кофе.

– Откровенно говоря, я и вам не советую. Настойка корня солодки с отваром из желудей, вот что называется у них «кофе»...

Они удовольствовались добрым шарантским вином, которое здесь пили все. Хозяин подал к нему роскошное блюдо с дарами моря и ракушками.

– Единственно приемлемая вещь в этом тоскливом краю – это ракообразные, морские ежи и устрицы... Я ими обедаю...

Он опытным взглядом окинул сплетение рей и снастей, закрывавших лучезарный небосвод.

– Как все уныло! Где мальтийские галеры с их знаменами, флаги христианских пиратов, ослики с корзинами апельсинов... Где рыжебородый Симон Данза!..

Анжелика боролась с искушением напомнить ему, что этот порт не назовешь ни северным, ни лишенным красок.

– Разве вы не жаловались когда-то, что застряли на Востоке? И день и ночь мечтали вернуться в метрополию.

– Это верно, я изо всех сил старался вернуться во Францию. А теперь изо всех сил стараюсь вернуться обратно... В Париже такая скука! Правда, там есть маленькое заведение возле Старого Тампля, где можно выпить настоящего кофе и встретить мальтийских рыцарей или турок... Меня прислали сюда, чтобы я постарался отобрать у протестантов монополию на страхование... Я воспользовался своим пребыванием здесь и переговорил с некоторыми купцами... У этих ларошельцев повсюду связи. И вот теперь один из них посылает меня в Кандию. Я отплываю во вторник, – радостно закончил он.

– А королевское поручение?

– О чем вы говорите! – обреченно махнул рукой Роша. – Приходит

время, когда умный человек замечает, что работать на других, то есть на государство, просто глупо. У меня всегда были задатки коммерсанта. Настало время их применить. Когда разбогатею, выпишу семью...

Сообщение о его скором отъезде успокоило молодую женщину. Теперь она могла говорить более откровенно:

– Сударь, даете ли вы слово сохранить в тайне то, что я вам открою?

Она подтвердила, что действительно является маркизой дю Плесси-Бельер. Вернувшись во Францию, она узнала о недовольстве короля, вызванном ее отъездом вопреки его запрету. А впав в немилость, оказалась разоренной и теперь вынуждена вести очень скромную жизнь.

– Жаль! Очень жаль! – вздохнул Роша. – На Востоке недопустимо, чтобы человек с такими превосходными достоинствами, как у вас, попал в унижение...

Вдруг он резко к ней наклонился:

– А вы знаете, *ОН* ушел со Средиземного моря!

– Кто?

– Как можно спрашивать *кто*? Когда бороздишь моря, как вы... *Рескатор*, вот кто. Рескатор! – повторил он с раздражением, так как она продолжала молча, пристально смотреть на него. – Этот пират в маске, который купил вас за тридцать пять тысяч пиастров на батистане Кандии и с которым вы сыграли самую злую шутку со времен возникновения рабства... Можно подумать, что вы уже не помните того, что с вами случилось!

Она начала оживать. До чего глупо так волноваться, услышав всего лишь имя!

– Ушел со Средиземного моря? – переспросила она. – Но он же слыл его полновластным хозяином. А почему? Хоть это известно?

– Говорят, что из-за вас.

– *Из-за меня!*..

Она снова смешалась, сердце забилося неровно.

– Он счел, что мой побег выставил его в смешном свете, и не перенес насмешек своих товарищей-пиратов?

– Нет, не в этом дело... Хотя, конечно, с того момента, как он узнал о вашем бегстве, его марокканская охрана здорово натерпелась страху. Он едва их всех не перевешал. Но это не в его духе. В конце концов он просто отправил их к Мулаю Исмаилу, назвав никуда не годными псами. Клянусь, что бедняги предпочли бы, чтобы их просто повесили. Ах! Мадам, вы можете гордиться, что из-за вас в Средиземноморье проливались реки слез и крови! А в результате вы в Ла-Рошели! Что за конец!..

– Но почему же *из-за меня?* – продолжала настаивать Анжелика.

– Это другая история, уже с Меццо-Морте, его злейшим врагом. Вы хоть помните Меццо-Морте, алжирского адмирала?

– Я не смогу его забыть, потому что он тоже захватил меня.

– Ну так вот! Меццо-Морте хвалился, что через вас он сможет навсегда изгнать Рескатора со Средиземного моря. Как только он завладел вами, он отправил посланца в Кандию... Но сначала я должен рассказать вам еще одну историю. Через короткое время после вашего побега, думаю дня через два или три, Рескатор потребовал меня к себе.

– Вас?

– Да, меня. Неужели я такая жалкая личность, что не могу встречаться с важными пиратскими главарями?.. Я уже и раньше имел контакты с его милостью, если угодно вам знать. Это один из самых веселых людей, которых я встречал в своей жизни, но в тот раз, должен признать, его настроение вполне соответствовало его мрачному облику. Одна его маска уже оказывает на собеседника неприятное впечатление, но, когда через ее прорезы вы видите пронзительный разъяренный взгляд, хочется оказаться где-нибудь подальше. Он уединился во дворце на Милосе. Какое изумительное жилище! Там полно редчайших вещиц! Пожар сильно повредил его шебеку, поэтому он не смог пуститься за вами в погоню. Впрочем, если я не ошибаюсь, в тот день разразилась сильная буря. Ни одно судно не осмеливалось покинуть рейд... Рескатор от кого-то слышал, что мы знакомы. И он долго расспрашивал меня про вас...

– Про меня?

– Конечно! Бегство рабыни, за которую заплачено тридцать пять тысяч пиастров, никого не оставит равнодушным. Я рассказал ему все, что знал. Что вы знатная французская дама в милости у короля Людовика Четырнадцатого, безмерно богатая, раз обладаете консульской должностью в Кандии. И как я обнаружил вас в руках д'Эскренвиля, моего бывшего соученика по Школе восточных языков в Константинополе. Я даже рассказал ему напоследок, сколько приложил сил, чтобы вас купили мальтийские рыцари... Вы свидетель, дражайшая мадам, что я старался как мог! Впрочем, я ведь получил те пятьсот ливров, что вы послали мне с Мальты. Тогда-то в Кандии и узнали, что вы не погибли в бурю, как все думали.

Роша отхлебнул вина.

– Хм! Я полагаю, сегодня вы не рассердитесь на меня за то, что я счел полезным предупредить об этом господина Рескатора... Это человек, перед которым, невзирая ни на что, я несу некоторые обязательства... Он ведь

крайне щедр, деньги для него ничего не значат. Ну а к тому же это ведь ваш бывший хозяин, и, стало быть, вполне естественно, что надо помогать владельцу вернуть его собственность... Почему вы улыбаетесь?.. Вы считаете меня уже восточным человеком?.. Словом, я предупредил его. Но в то время, как он собирался на Мальту, прибыл посланец от Меццо-Морте... Почему вы вдруг изменились в лице?

– Если вы наслышаны о репутации Меццо-Морте, то догадываетесь, что это напоминает мне об очень неприятных моментах, – отвечала Анжелика, не в силах сохранять самообладание.

– Итак, Рескатор отправился в Алжир. Мы так и не узнаем, что там произошло. Когда я говорю «мы», я подразумеваю всех, кто занимается каботажом, путешествует и торгует в этих краях... Короче, я говорю о Средиземноморье!.. Просочилось очень мало подробностей. Похоже, что Меццо-Морте принялся его шантажировать: или Рескатор останется в неведении о вашей судьбе, или Меццо-Морте откроет ему место, где вы укрылись, в обмен на его клятвенное обещание навсегда уйти со Средиземного моря, чтобы в нем царил только он, алжирский адмирал... Многие считали, что глупо предполагать, будто Рескатор может сравнивать свою огромную власть, свое еще более огромное богатство, свое непоколебимое положение единственного торговца серебром с простой рабыней, какой бы красавицей она ни была... Но надо полагать, что Меццо-Морте знал, что делал, ибо Рескатор... гордый и непобедимый Рескатор принял эти унижительные условия.

– Он согласился на эти условия?.. – выдохнула Анжелика.

– Да!

В близоруких глазах бывшего колониального чиновника появилось мечтательное выражение.

– Полное безумие... Никто не мог понять... Надо думать, вы внушили ему чувства большие, чем простое желание... Любовь. Разве это поймешь?

Анжелика слушала затаив дыхание:

– А потом?

– Потом?.. Что вы хотите? Конечно, Меццо-Морте сообщил ему, что вас продали султану Марокко, и затем Рескатор узнал, что вас зарезали... А другие, правда, говорили, что вы удрали, но по дороге умерли. Но теперь-то я вижу, что не верна ни та ни другая версия, поскольку вы живы-здоровы и пребываете во Французском королевстве. – Глаза его загорелись. – Какую дивную историю расскажу я в Кандии, когда вернусь туда... Никто и подумать не мог о такой развязке. Женщина, ускользнувшая из гарема Мулая Исмаила... Сбежавшая пленница,

вернувшаяся в христианские земли... И только я один смогу это подтвердить... Потому что я вас видел!

– Сударь, разве вы не дали обещания сохранить все в тайне?

– Да, верно, – разочарованно согласился Роша.

Некоторое время он предавался мрачным размышлениям, продолжая осушать свой стакан. Конечно, он найдет способ обо всем рассказать, не называя ни имен, ни города Ла-Рошель.

– И вот тогда-то Рескатор и ушел из Средиземноморья, – закончил он свой рассказ. – Хоть он и не нашел вас, но выполнил торжественное обещание, данное Меццо-Морте, который тоже сдержал слово. Волки должны блюсти свои законы. Но перед этим он вызвал Меццо-Морте на дуэль. Алжирский адмирал укрылся от него в далеком оазисе на просторах Сахары, где дожидался отъезда своего врага. И Рескатор ушел через Гибралтарский пролив. Ушел в Атлантический океан. И с тех пор никто о нем не слышал, – скорбно заключил Роша. – Вот какая темная история! Она приводит меня в отчаяние!

Анжелика встала:

– Сударь, я должна удалиться. Могу ли я быть уверена, что вы не выдадите меня и никому не расскажете о нашей встрече, хотя бы до тех пор, пока находитесь во Франции и в Ла-Рошели?

– Можете быть в этом уверены, – пообещал он. – Впрочем, кому бы я мог рассказать здесь об этом? Эти ларошельцы холодны, как мрамор...

В дверях Роша поцеловал ей руку. Он больше не чувствовал себя чиновником, он начинал новую жизнь. И уже давала знать о себе его натура, склонная к авантюрам, проникнутая поэзией, а до того тесно зажата в рамки и не находившая себе покоя.

– Прекрасная зеленоглазая пленница, пусть бог ветров унесет вашу лодочку подальше от той грустной жизни, которую вы влачите теперь. Хотя ваши прелести, ослепившие когда-то Кандию, сейчас безжалостно сокрыты, совершенно ясно, что они не заслуживают подобной участи. Знаете, что я вам пожелаю? Чтобы Рескатор бросил якорь в Ла-Рошели и снова вас похитил.

Она расцеловала бы его за такие слова.

– Боги великие, вот уж нет! – все же вяло возразила она. – Я боюсь, что он заставил бы слишком дорого заплатить за причиненные неприятности. Он, вероятно, и по сей день проклиняет меня...

Чтобы наверстать время, она пошла вдоль крепостных стен. Наверное, ее долгое отсутствие уже вызывает удивление. Суп не успеет свариться к вечеру. Солнце только что зашло, и холодный ветер покалывал ее полуобнаженные руки, потому что после обеда, когда стоял теплый осенний день, она ушла без накидки. Под светло-желтым небом море отливало матово-серым стеклом. Оно было спокойно и катило свои длинные волны вдоль песчаного берега с водорослями. По временам более высокая волна ударялась о подножие стен, и водяная пыль разлеталась по ветру.

Глаза Анжелики, прикованные к горизонту, надеялись различить среди всех прочих один-единственный подплывающий корабль. «Он ушел в Атлантику...»

Ну, не безумие ли мечтать, как юная девушка, сердечко которой взволновано тем, что ее выбрал сказочный принц морей, всем пожертвовавший ради нее?

Разве она не умудренная опытом разочарованная женщина? Разве мужская жестокость не нанесла ей вечных незаживающих ран?

Когда же исчезнут женские фантазии? Вероятно, тяга к чудесному и бесконечные мечты о счастье оборвутся только со смертью.

«Просто я поддавалась сказочной атмосфере этой истории», – подумала она.

Но как позабыть мягкое прикосновение окутавшего ее черного бархатного плаща, глуховатый, слегка надтреснутый голос.

«У меня цветут розы... У меня вы уснете...»

Она так погрузилась в воспоминания, что столкнулась с солдатом Ансельмом Камизо, преградившим путь алебардой.

– Прекрасная дама, раз вы оказались на моей территории, то должны мне один поцелуй.

– Господин Камизо, прошу вас, – приветливо, но твердо обратилась к нему Анжелика.

– Ах! Если королева просит, как я, простой часовой, могу не склониться перед ее просьбой?

Он отступил и дал ей пройти. Опершись на алебарду, он грустным собачьим взором следил за ее царственной походкой, восхищаясь ее крепкой фигурой, изгибом полных плеч, прямым затылком и чистой линией профиля, обращенного к морю.

Глава XXXIV

Однажды утром дядюшку Лазаря нашли мертвым в кровати. Госпожа Анна и Абигель убрали покойника и завернули в дорогие белые простыни. Первым пришел пастор Бокер со своим племянником. Немного погодя явился хозяин писчебумажного магазина, потом появились соседи. Народу становилось все больше. Ближе к полудню зазвонил колокол у ворот. Анжелика вышла во двор. Она открыла калитку и впустила человека, суровое выражение лица которого, черный сюртук и белые брыжи не вызывали особого доверия. Он назвался сьером Бомье, президентом Королевской комиссии по делам религии и помощником господина Николая де Барданя.

Анжелика уже слышала об этом человеке. Она закусил губу и не удивилась, обнаружив за плечами посетителя четырех вооруженных мужчин, которые уверенной походкой, вразвалочку проследовали за ним. Замыкала вторжение малосимпатичная личность, чей плащ с широкими рукавами украшал герб города: кораблик с двумя парусами и тремя геральдическими лилиями в верхнем поле.

С выражением лица, соответствующим обстоятельствам, то есть похоронным, Бомье направился к лестнице. За ним проследовали писарь и остальные пособники, не внушающие особой симпатии.

При их появлении все присутствующие поднялись с колен. В воздухе почувствовалось напряжение.

Сьер Бомье развернул пергамент и зачитал текст сварливым голосом:

– Ввиду того что сьер Берн Лазарь, обратившийся в католичество в шестнадцатый день месяца мая, вновь впал в свои преступные заблуждения, пренебрег вечным спасением души и подал опасный пример, и проч., и проч...» Одним словом, он признается виновным и уличенным в преступлении вероотступничества, во искупление которого палач провезет его публично опозоренный труп по всем городским кварталам и перекресткам, после чего сбросит в яму на свалке. Кроме того, он приговаривается к штрафу в три тысячи ливров в пользу короля и к ста ливрам подаяния для бедных заключенных тюрьмы Консьержери.

Мэтр Габриэль, страшно побледнев, прервал его. Он встал между Бомье и кроватью покойного, который один из всех присутствующих сохранял безмятежное и даже немного ироничное выражение лица.

– Господин де Бардань не мог принять в отношении нас такого

решения. Я прошу послать за ним, ибо он лично засвидетельствовал отказ моего дяди отречься.

Бомье, недовольно морщась, сворачивал пергамент.

– Прекрасно, – заявил он без тени смущения, – так идите за ним, а я останусь здесь. Я располагаю временем, которое посвящаю святому делу очищения города от опасных заговорщиков. Ибо злые ангелы сговариваются против добрых точно так же, как ненадежные подданные плетут заговор против верных подданных короля, а в Ла-Рошели оба заговора часто сходятся.

– Не хотите ли вы сказать, что мы предатели королевства? – выступил вперед член городского совета Легу, раздувая ноздри и грозно хмурясь.

– Кто пойдет за господином де Барданем? – перебил его мэтр Габриэль.

– Мои люди останутся здесь при мне, – провозгласил Бомье с язвительной ухмылкой.

– Ну что ж, пойду я, – сказала Анжелика.

Она быстро накинула плащ и торопливо спустилась по лестнице.

– Бегите, побыстрее бегите! – издевательски кричал ей вслед Бомье.

Анжелика бегом пересекла весь город. Она так спешила, что почти не касалась булыжной мостовой. В доме господина де Барданя ей ответили: «Во Дворце правосудия». Во Дворце правосудия после долгих расспросов один служащий смог дать справку. Господин де Бардань в гостях у судовладельца Жана Маниго.

Анжелика опять понеслась на крыльях ветра. Что там происходит в доме на Валах, где при ее уходе обстановка была более взрывоопасной, чем в пороховом погребе? При саркастических замечаниях Бомье, при грубости солдат, при возмущении и раздражении протестантов не хватало только искры, чтобы произошел взрыв! А она оставила там Онорину! Какая неосторожность! Анжелика уже представляла себе, что стоит перед опустевшим домом с печатями на дверях; его обитатели уведены в тюрьму, неизвестно куда...

Умирая от волнения, она добралась до великолепного особняка семейства Маниго.

Господин де Бардань вкушал легкий завтрак вместе со всей семьей Маниго. Со стен на них внимательно взирала целая династия ларошельских судовладельцев. В комнате витал приятный аромат горячего шоколада с перцем, который раб Сирики разливал из серебряного кувшина. В центре стола в низкой фарфоровой вазе горой громоздились экзотические фрукты – ананасы и грейпфруты вперемежку с прекрасными

гроздьями винограда. Анжелика даже не заметила этого великолепия. Задыхаясь, она бросилась к королевскому наместнику:

– Сударь, умоляю, пойдете скорее. Мэтр Габриэль Берн зовет вас на помощь. Он только на вас и надеется.

Господин де Бардань, крайне удивленный, вежливо поднялся при ее появлении. Анжелика, раскрасневшаяся от бега, с блестящими глазами и вздымающейся под черным корсажем грудью, непроизвольно заражала своим волнением. Ее взволнованность, умоляющее выражение лица вместе со взглядом самых прекрасных в мире глаз не могли оставить равнодушным ни одного поклонника слабого пола. А Николя де Бардань принадлежал к их числу.

– Успокойтесь, сударыня, и объяснитесь без боязни, – сказал он, придавая бархатистость голосу и смягчая блеск серых глаз. – Я вас не знаю, но обещаю выслушать со всей благожелательностью.

Анжелика, поняв свою невежливость по отношению к господину Маниго и его необъятной супруге, присела перед ними в поспешном реверансе. Потом прерывающимся голосом рассказала о последних событиях в доме мэтра Габриэля Берна... Случится что-нибудь ужасное, если уже не случилось... Она коротко всхлипнула.

– Ну что вы, что вы, успокойтесь, – повторял господин де Бардань. – Почему так расстроена эта женщина? – обратился он к супругам Маниго, призывая их в свидетели, – дело-то выеденного яйца не стоит!..

– Вечно мэтр Берн попадает в истории, – кисло заметила мадам Маниго.

– Но согласись, милая Сара, не может же он разрешить позорить своего дядюшку, – запротестовал судовладелец.

– Я знаю только одно: никто другой не попадает в подобные ситуации, – назидательно заметила толстая дама. – Девочки, – хлопнула она в ладоши, – наденьте свои черные бархатные капюшоны, а на Жереми пусть наденут суконный костюм. Мы должны присутствовать возле бедного Лазаря, чтобы с молитвами проводить его в последний путь.

– И то правда, меня ведь никто не предупредил о его кончине, – сказал Маниго, вдруг сильно разволновавшись.

– Я отправлюсь вперед! – жизнерадостно предупредил господин де Бардань. – Эта дама так торопит меня, что я не могу задерживаться.

Он посадил Анжелику в ожидавшую его личную карету, которую с двух сторон сопровождали стражники.

– Боже мой, только бы не было слишком поздно, – прошептала Анжелика. – Сударь, прикажите поторопиться.

– Как вы взволнованы, дорогое дитя! Бьюсь об заклад, что вы не уроженка Ла-Рошели.

– Вы правы. Но как вы узнали?

– Вы не привыкли к таким историям. Что бы ни говорила госпожа Сара, они не редкость в нашем городе. Увы! Иногда мне приходится проявлять строгость. Закоренелое зло вызывает к наказанию. Однако я признаю, что в данном случае Лазарь Берн, придерживаясь на протяжении восьмидесяти лет пагубной веры, не добавил к своему упорному упрямству непростительного греха отступничества...

– Так вы не позволите позорить его этому отвратительному человечку?

Королевский наместник рассмеялся, обнажив под каштановыми усами очень белые и очень красивые зубы:

– Это Бомье вы так называли? Согласен, к нему это очень подходит.

Потом он слегка нахмурился:

– Я не всегда с ним согласен в выборе методов... Прошу меня извинить, но, с одной стороны, мне кажется, что я вижу вас впервые, а с другой – я уверен, что уже встречался с вами... И если это так, то понять не могу, как я умудрился забыть имя такой очаровательной особы!..

– Я служанка мэтра Габриэля Берна.

Он сразу вспомнил:

– Ах! Да-да! Я действительно заметил вас у мэтра Берна в тот памятный вечер, когда капуцины из францисканского монастыря Братьев Меньших буквально силком заставили меня присутствовать при обращении, так сказать, умирающего Лазаря. Мэтр Габриэль вернулся тогда из поездки вместе с вами... У вас ребенок, – добавил он строго, – и по закону он должен воспитываться в католической вере.

– Я вспоминаю сказанное тогда вами про мою дочь. Вы предположили, что она незаконная, – сказала Анжелика, решив в глубине души, что лучше сыграть в открытую, чтобы не допустить расследования на свой счет. – Так вот, вы правы, она незаконная.

Господин де Бардань вздрогнул от такой неприкрытой откровенности:

– Простите, если я вас обидел, но моя печальная обязанность вынуждает меня проверять религиозную принадлежность даже самого юного обитателя этого города и...

– Это естественно, – пожала плечами Анжелика.

– Когда видишь такую прекрасную особу, как вы, – заметил королевский чиновник со снисходительной улыбкой, – понимаешь, что любовь...

– Просто я хочу вас предупредить, – отрезала Анжелика, – что вам нет нужды заниматься ни ее крестинами, ни наставлением в вере, *потому что она уже католичка, как и я сама!*

В этот момент господин де Бардань как раз говорил себе, что эта молодая женщина, должно быть, обращенная или хотя бы воспитана в монастыре. Он с восторгом поздравил себя с такой прозорливостью.

– Теперь все ясно, хотя я и так уже подозревал... Но как вы осмелились пойти в услужение к протестантам? Это очень серьезно.

У Анжелики был наготове ответ. Ей пришло в голову использовать те враждебные подозрения, которые высказывала на ее счет Северина.

– Сударь, – отвечала она, потупившись, – я не всегда вела примерную жизнь. Вы можете догадаться об этом по моему только что прозвучавшему признанию. Но, хвала Господу, я повстречала одну очень набожную особу, имя которой я не могу вам открыть, хотя она местная. Эта особа объяснила, что я должна искупить свой грех, и указала, как это сделать. Вот почему я поступила в услужение в семейство Берн, главу которого все ревнители нашей веры желают видеть среди новообращенных Ла-Рошели.

– Естественно, вы можете на меня положиться.

Он уже перебирал в уме, кто из дам Общества Святых Даров мог поместить эту девицу в услужение к Бернам с поручением шпионить ради святого дела. Мадам де Бертвиль?.. Мадам д'Армантьер? Хватит! Он сдержит свое любопытство. Законы Общества Святых Даров хранятся в глубокой тайне. Он кое-что знал об этом, так как и сам принадлежал к этому братству!..

Анжелика уже смотрела в окно. Вид улицы на Валах вновь пробудил ее беспокойство.

– Сударь, страшно подумать, но в наше отсутствие эти люди могли поубивать друг друга. А я оставила с ними дочку...

– Ну-ну, не надо драматизировать!..

Она становилась просто очаровательной, когда вот так бледнела и выглядела растерянной, а ее ясные глаза широко раскрывались, придавая лицу трогательный и трагический вид. У него возникло желание обнять ее и поклясться, что будет вечно ее защищать. Любезно подав ей руку, он помог выйти из кареты. Людовик XIV научил своих пэров быть учтивыми даже со скромными камеристками, а забыть низкое положение этой особы не представляло никакого труда.

В душе господин де Бардань уже ликовал. Он узнал, что она служанка, и не скрывал радости.

Ей, конечно, польстит внимание такого могущественного человека,

как генерал-лейтенант, личный представитель короля в Ла-Рошели. К тому же ему не придется преодолевать почти врожденную неприступность женщин, принадлежащих к реформатской церкви, сдержанность которых он тщетно пытался победить. В отношениях с ними он потерял всякую надежду, даже с острой на язык и пикантной Жени, старшей дочерью Маниго.

При взгляде на эту цветущую женщину можно было допустить, что ошибки, в которых она раскаивалась, относились как раз к тем, которые он, Николя де Бардань, охотно прощал, особенно когда они совершались ради него.

И он прощал даже существование ее маленькой незаконной дочки, потому что это принижало ее. Ему легко будет использовать и это обстоятельство.

Прекрасная затея, удачный день!..

Входя во двор, он поддержал ее под руку. Анжелика почти не заметила этого жеста. Кроме того, она нуждалась в опоре, потому что ноги уже не держали ее.

– Вот видите, все тихо!.. – успокоил ее господин де Бардань.

* * *

В вестибюле первого этажа четыре солдата, палач и сьер Бомье распивали вино, поданное старой Ребеккой. Бомье держался несколько в стороне, потому что не может же приличный человек сидеть за одним столом с палачом.

Заметив своего начальника, он встал, низко поклонился, но не проявил ни капли смущения.

– Слышите? – спросил он, обратив смиренный взгляд к верхним этажам.

Медленный и печальный псалом о смерти и душевной тоске доносился из комнаты Лазаря Берна. Протестанты находились при покойном, которому угрожало поношение, и черпали утешение в молитве.

– Вот видите, – повторил господин де Бардань, обращаясь к Анжелике. – Разве я вам не говорил? В Ла-Рошели живут хорошие люди. Все улаживается само собой.

Анжелика не могла слушать без содрогания эти приглушенные песнопения. Они всегда будут звучать для нее голосами слуг и детей Рамбуров, окруживших мать, когда драгуны с саблями наголо ворвались в

замок...

Королевский наместник негромко переговаривался с председателем Королевской комиссии по делам религий:

– Боюсь, господин Бомье, что в этом деле возникло недоразумение. Нам трудно обвинять вышеназванного Лазаря Берна в преступлении вероотступничества ввиду того, что он *никогда не обращался в католичество*.

– Вы заверили меня, что даете полную свободу в толковании и ведении всех этих дел по моему собственному разумению, – напрягаясь, возразил Бомье.

– Вне всякого сомнения, и я также полностью доверил вам вести расследование, но не больше. Малейшая оплошность в этих деликатных вопросах может иметь тяжелейшие последствия. Реформаты очень чувствительны и чрезвычайно склонны обвинять нас в недобросовестности...

Чиновник по делам обращения состроил гримасу, означавшую, что он считает абсолютно излишними все эти психологические нюансы:

– Господин генерал-лейтенант, вы слишком церемонитесь с этими отщепенцами. Они просто дезертиры истинной веры. С ними нужно обращаться с той же строгостью, что и с солдатами, совершившими подобное преступление на поле боя.

При этих словах появился господин Маниго, державший за ручку сынишку Жереми. За ними следовала вся его женская паства.

Королевский наместник проводил его наверх. Бомье, сохраняя на сжатых губах улыбку мученика, не отказавшегося от своих убеждений, последовал за ними. Он привык проглатывать обиды. Но твердая уверенность, что он на правильном пути и духовно, и административно, помогала ему сносить мимолетные унижения. Невозмутимо слушал он, как Николя де Бардань сокрушался перед присутствующими о пресловутом «недоразумении» и даже уверял мэтра Габриэля, что не возникнет никаких затруднений и городские ворота во время похорон будут открыты.

Итак, инцидент был исчерпан.

Но сьер Бомье едва не подпрыгнул, когда что-то кругленькое в светло-зеленом чепчике подкатилось к нему, размахивая палкой и шепелявя:

– Ты шлой... Очень шлой. Зя убью тебя!

Это решила вмешаться Онорина, о которой на время все позабыли. Она направилась напрямик к виновнику семейных волнений. Он злой дух, человек, несущий несчастье взволнованным людям. Его надо уничтожить. Она потратила время на поиски палки в дровяном сарае. Бомье едва

увернулся от удара решительных ручек двухлетнего ребенка. Господин де Бардань узнал дочку Анжелики и расхохотался:

– А вот и очаровательное дитя.

– Ах! Вы так считаете? – проскрипел чиновник. – И вы терпите, чтобы это еретическое семя оскорбляло меня?

– Вот еще одно из ваших заблуждений, дорогой мой, эта малютка достойно крещена нашей Святой матерью-церковью.

И он доверительно подмигнул ему.

– Погодите, мэтр Бомье, я сейчас введу вас в курс дела, которое по причине вашей близорукости вновь от вас ускользнуло...

Анжелика и Лорье с двух сторон схватили малышку за руки и утащили на кухню. Онорина стала пунцовой, ее охватил безудержный гнев. Сегодня она и так слишком долго терпела, взрослые занимались ею не больше, чем котенком. Она безнаказанно плескалась в чане воды, разлила миску молока, пытаясь накормить свою проголодавшуюся кошку, слопала половину горшка варенья... А взрослые все смотрели друг на друга с напряженными лицами и что-то громко говорили. И еще они принимались время от времени петь... Матери не было видно, Онорине стало не по себе, и она пошла к взрослым, чтобы рассмотреть их поближе. Бомье сразу пробудил в ней антипатию, как только она увидела, что он вынул табакерку из кармана своего сюртука, набил две-три понюшки в нос, а вслед за тем оглушительно чихнул. Такие нелепые жесты показались малышке отвратительными. Она решила уничтожить этого противного человека.

– Зя хочу его убить, – решительно твердила она.

Анжелика удерживала ее. Она заметила, что девочка по уши вымазана вареньем. И в этот момент у семилетнего Лорье из-за сильного волнения началась рвота. Он дрожал за отца, хотя очень смутно представлял, что же происходит на самом деле. Страх вновь превратил его в то жалкое существо, каким он был до недавнего времени. Анжелика наполнила водой чугунный котел и повесила его на крюк, затем развела огонь. Всех надо вымыть.

В кухню вошли Северина и госпожа Анна.

– А потом, тетушка Анна?.. Его поволокли бы на городские перекрестки... – возбужденно повторяла девочка.

– Да, моя девочка, и всякий сброд имел бы право его оскорблять, плевать на него, выливать на него помой...

– Неужели вы считаете нужным описывать то, чего не будет? – резко спросила Анжелика.

Вдруг Северина еще больше побледнела и соскользнула со стула на пол. Анжелика едва успела подхватить ее и унести в ее комнату.

Сняв с нее туфли, она уложила девочку в постель. Руки у Северины стали ледяными.

Анжелика вернулась на кухню, налила в миску закипающей воды, а заодно приготовила грелку.

Тетушка Анна недовольно заметила, что ее удивляет отсутствие самообладания у Северины, потому что она всегда отличалась энергичностью и твердостью, без никчемной чувствительности.

– А я удивляюсь вашему удивлению, – возразила Анжелика, – вы ведь, кажется, женщина и должны бы понимать, что Северине двенадцать лет, а в этом возрасте с девушками надо обращаться бережно.

Госпожу Анну покоробил намек; действительно, эти «папистки» лишены всякой стыдливости.

* * *

Анжелика посадила Северину, подложив под спину еще одну подушку, опустила ее руки в горячую воду и держала их до тех пор, пока девочке не стало лучше. Потом она сходила за грелкой, маленьким флакончиком духов и белыми бархатными лентами, которые купила на улице Мерсье.

Сидя на краю кровати, она ловко заплела длинные каштановые волосы девушки в две косы, вплетая в них ленты:

– Так тебе удобнее будет спать.

Анжелика вылила несколько капель духов в воду и растерла ладонью лоб и виски Северины. Девочка не сопротивилась, она находилась под влиянием смешанного чувства – вины за свою слабость и покоя, охватившего ее после недомогания.

– Тетушка Анна будет недовольна, – прошептала она.

– Отчего же?

– Она никогда не болеет. Она говорит, что надо умерщвлять свою плоть.

– Да ну? Наша плоть и без того старается нас умертвить, так что нам нечего и вмешиваться, – со смехом ответила Анжелика.

Она вдруг по-новому увидела лицо Северины на подушке. Ее голубоватые веки придавали взгляду томность, а сквозь угловатые детские черты уже проглядывал лик женщины. Ее глаза будут как темная ночь, и

уже сейчас угадывалось, что ее немного крупноватый рот позднее обретет чувственное выражение.

Северина отличалась бескомпромиссным твердым характером, гораздо более твердым, чем у ее братьев, но и она не избежит врожденной слабости. И наступит день, когда в объятиях мужчины она тоже будет выглядеть побежденной. И она сдастся перед любовью.

Анжелика, чтобы успокоить девочку, ласково с ней разговаривала, как когда-то поступала ее собственная мать. Понемногу лицо Северины обрело прежние краски, глаза ее заблестели. Она всегда сожалела, что она девочка при двух братьях – Мартьяле, которым она восхищалась, и Лорье, которому завидовала, что он мальчик.

– Я не хочу быть женщиной, – заявила она с горечью. – Это отвратительное, унижительное предназначение.

– Какая глупость! Я ведь тоже женщина, но разве выгляжу несчастной?

– О! Вы совсем другое дело, – возразила Северина. – Во-первых, вы всегда улыбаетесь... А потом, вы красивая.

– Но ты тоже будешь очень хорошенькой.

– Ах! Нет, я этого не хочу. Тетушка Анна говорит, что женская красота вводит мужчин в искушение и толкает их на свершение греха, неугодного Господу.

Анжелика опять не смогла сдержать улыбки:

– Мужчины грешат по своему собственному желанию, поверь мне. Почему женская красота – это ловушка, а не прославление Создателя?

– Ваши слова опасны, – заявила Северина тоном госпожи Анны.

Она начала уже зевать, и веки ее сомкнулись.

Анжелика подоткнула одеяло и ушла, довольная тем, что во сне на лице девочки, как раньше у Лорье, появилась счастливая улыбка.

Глава XXXV

Через несколько дней Мартьяль погрузился ночью на голландский корабль, но суда Королевского флота провели досмотр в море возле острова Ре. Юного пассажира арестовали, вернули на берег и заключили в форт Сен-Луи.

Новость была подобна разорвавшейся бомбе.

Сын мэтра Берна в тюрьме! Какое унижение для одной из самых уважаемых семей Ла-Рошели!

Мэтр Берн тотчас отправился просить аудиенции у господина де Барданя, но тот не смог принять его утром. Зато он встретился с ухмыляющимся и непреклонным Бомье. Тогда Берн отправился посоветоваться с Маниго. Весь день прошел в бесполезных бесконечных хлопотах. Бледный и усталый Габриэль Берн вернулся домой только вечером. Анжелика не посмела рассказать, что днем несколько часов спорила с помощником управляющего фермами по Шаранте, который приходил с требованием повторного, как с реформата, обложения налогом, взимаемым с купца. Беда не приходит одна!

Мэтр Берн рассказал, что виделся с Николя де Барданем, но, к великому разочарованию, тот вел себя очень уклончиво. Он уверял, что проступок побега подпадает под самую строгую юрисдикцию. Разве не повесили без лишних слов протестантских путешественников, схваченных на Женевской дороге? А направление в Голландию ничем не лучше. Учитывая высокое социальное положение подростка, господин де Бардань обещал внимательно рассмотреть дело. Он уверял, что очень, очень озабочен.

Вечер в семье протестантов прошел мрачно.

Вслед за возмущением и чувством стыда пришел страх. Адвокат Каррер со скорбным видом напомнил, что детей протестантов, арестованных в подобных ситуациях, увозили в неизвестном направлении. Что ходили слухи, будто их отправляли на тяжелые королевские работы. И самые выносливые не выдерживали больше года...

В последующие два дня мэтр Габриэль совершенно забросил торговые дела, бегая по разным адресам, пытаясь вызволить сына или хотя бы увидеться с ним.

На третий день не вернулась к обеду Северина, которая ушла на час к старой деве, живущей в их квартале, брать урок игры на лютне. Им

сообщили, что дочь мэтра Берна арестовали за «оскверняющие поступки» и отправили в монастырь урсулинок.

В доме воцарилась атмосфера тяжелого кошмара.

Анжелика не спала всю ночь.

С наступлением утра она поручила Лорье и Онорину старой Ребекке и отправилась во Дворец правосудия, где очень уверенно потребовала приема у королевского наместника, графа де Барданя.

Лицо графа расцвело, когда он увидел входящую к нему Анжелику. Втайне он очень надеялся на ее приход, о чем и поспешил ей сообщить:

– Вас прислал ваш хозяин? Но вы должны знать, что случай очень нехороший и помочь ничем нельзя.

– Вовсе нет, я пришла по собственной инициативе.

– Я в восторге. Я ожидал этого от вас. Учитывая, что события развиваются, ваше донесение становится необходимым. Не думаете ли вы, что мэтр Берн готов уступить?

– Уступить?

– Я подразумеваю, обратиться в истинную веру. Признаюсь, я места себе не нахожу от этой мысли. Я наметил несколько имен, которые выбрал после внимательных наблюдений в течение всего прошлого года. Десяток, не больше, но, когда я добьюсь их согласия обратиться, ipso facto^[4] падут основы гугенотской Ла-Рошели...

* * *

В комнате было жарко. Пламя, раздуваемое сильным ветром, бушевало в камине, украшенном по бокам грифонами и изображениями кораблей. Вскоре щеки Анжелики уподобились зрелым персикам, а мысли господина де Барданя приняли более галантное направление.

– Но снимите же ваш плащ... Здесь нам не грозит непогода.

Он сам поспешил снять с Анжелики тяжелую суконную накидку. Она машинально восприняла его поступок, озабоченная тем, как ей следует изменить приготовленную заранее речь. Она явилась сюда просительницей, если потребуется, готовой ползать на коленях у ног королевского наместника. Но теперь поняла, что это было бы грубейшей ошибкой. Ибо ее приняли как соратника, соучастницу принудительных обращений.

– Пожалуйста, садитесь, – попросил представитель короля.

Анжелика подчинилась и села, держась очень прямо, с грацией

светской дамы. Она все продолжала обдумывать ситуацию и не заметила, что Бардань пожирал ее глазами. «Воистину, она прекрасна», – думал он про себя. Когда она появлялась в своей строгой одежде и в белом чепце, ее принимали за ту, кем она была, – за служанку. Через несколько минут с ней уже обращались как с дамой. Она обладала спокойной уверенностью, свободой в движениях и речах, подходящей скромностью в сочетании с простотой – все это помогало собеседникам чувствовать себя непринужденно. Воистину она владела завораживающим очарованием. И это проистекало, конечно, из ее красоты, или же...

В этой женщине таилась загадка!.. Граф продолжал стоять перед ней. Так он мог видеть за белой полотняной косынкой ложбинку мраморных грудей, округлость которых не мог скрыть грубый бумазейный корсаж.

Грудь и эта круглая крепкая, слегка загорелая шея придавали ей здоровый вид, крестьянскую крепость, которые контрастировали с тонкостью и благородной формой черт ее лица, имевшего слегка трагическое выражение, даже когда она просто задумывалась.

Господина де Барданя неудержимо влекла эта гладкая шея, ложбинка у плеча, которая казалась нежной и гладкой. Он сгорал от желания прикоснуться к ней губами. У него пересохло горло и вспотели ладони.

Анжелика, осознав наконец, что повисла тишина, подняла на него глаза и тут же их отвела, увидев молчаливое неприкрытое признание в устремленном на нее мужском взгляде.

– Нет, прошу вас, не опускайте ресниц, – умолял он. – Такой редкий цвет глаз, этот сияющий зеленый блеск, сравнимый только с изумрудом!.. Скрывать его – настоящее преступление!

– Я охотно сменила бы этот цвет на какой-нибудь другой, – шутливо ответила Анжелика. – Он приносит столько огорчений...

– Вам не нравятся комплименты? Создается впечатление, что вы опасаетесь похвал. Но ведь все женщины страстно их любят.

– Но, признаюсь, не я. И крайне признательна, господин де Бардань, что вы догадались об этом.

Королевский наместник, с трудом сдерживаясь, понял урок. Он ничего не добьется, ускоряя события. Сев за стол, он постарался пошутить:

– Неужели близость с реформатами до такой степени повлияла на вас, что заставляет с неудовольствием воспринимать мое искреннее восхищение, вызванное вашей красотой? Разве не естественно замереть в восторге перед цветком, чудом природы, яркие краски которого существуют на радость нашим взорам?

– Но нам ведь неизвестно, что думают об этом цветы и не утомляет ли

их иногда наше восхищение, – с бледной улыбкой парировала Анжелика. – Господин граф, что вы сделаете для детей мэтра Берна...

– Ах да! Так о чем мы говорили? – отвечал Бардань, проведя рукой по лбу.

История с детьми Берна, вот уже три дня лишавшая его сна, вдруг совсем вылетела у него из головы. Странный случай. Никогда, право, никогда ни одна женщина не доводила его столь быстро до состояния сладострастного экстаза, сила которого смутила его самого. Он уже испытал нечто подобное в тот день, когда ехал с ней в карете. Потом это чувство померкло. Он продолжал о нем вспоминать с веселой снисходительностью. Как-нибудь, когда будет время, он займется этой прелестной служанкой. Но едва она вновь появилась, как его охватила лихорадка и неуместный жар. Это его смутило, обеспокоило, показалось унижительным... Во всяком случае, все это очень возбуждает! На этот раз господин де Бардань воспользуется своим преимуществом! Он понял, что не каждому мужчине выпадает в жизни удача дважды повстречать столь привлекательную женщину. К сожалению, все эти дела, эти упрямые реформаты, которых надо изничтожить, завистливые коллеги, готовые с радостью обвинить его в слабости, высокие духовные чины, которым списки отрекшихся всегда кажутся недостаточно длинными... Как при такой жизни выкроить время для Венеры?! Ах! Не умеют теперь люди жить!.. Но, как человек ответственный и стремящийся к успеху, он сделал над собой усилие.

– Так на чем мы остановились? – повторил он.

– Входит ли мой хозяин в число людей, которых вы считаете столпами сопротивления гугенотов?

– Входит ли он в число этих людей! – воздев руки, возмущенно воскликнул Бардань. – Да он один из упорнейших! Он не выставляет себя напоказ, действует потихоньку, но это хуже, чем если бы он грешил в открытую. Он помогает протестантским пасторам, беглецам и не знаю уж кому еще. Вы, верно, заметили его подозрительные отлучки...

– Я вижу, что мэтр Габриэль ведет свои счета да читает Библию, – возразила Анжелика. – Он не похож на заговорщика.

Однако, говоря так, она вспоминала какие-то непонятные сцены, появление странных лиц, пробиравшихся украдкой из дома мэтра Берна в дом владельца писчебумажного магазина или пастора Бокера, тайное шушуканье днем... К счастью, ее уверенное заявление, кажется, пробудило сомнения в королевском наместнике.

– Вы меня удивили... Или, может быть, вы плохо следите?

Он похлопал рукой по толстой папке:

– Ибо здесь у меня донесения, не оставляющие ни малейшего сомнения в его опасной и зловредной деятельности. И я неоднократно его предупреждал. Казалось, он соглашался со мной и слушал очень по-дружески. И выглядел вполне искренним, но вот бегство его сына жестоко меня разочаровало.

– Юный Мартьяль отправился в Голландию изучать канатное дело.

– Как вы наивны! Отец отправил его, чтобы удержать в своей вере, почувствовав, что мальчик готов обратиться.

– Да, действительно, мне тоже об этом рассказывали, – ответила Анжелика, с трудом переводя дыхание. – Но я думаю, что вы судите по внешним признакам. А вот я уже много месяцев живу в этой семье и могу засвидетельствовать, что мэтр Берн намеревался только отправить в обучение своего сына. Вам ведь известно, что реформаты много путешествуют.

– Даже слишком много, – сухо заметил господин де Бардань. – Им следовало бы расстаться с этой привычкой. Впрочем, на этот счет есть четкие распоряжения.

– Я считала вас более приятным человеком.

– Что вы хотите сказать?.. – заволновался королевский чиновник. – Я не одобряю насилие и...

– Я хочу сказать, что все эти инквизиторские обязанности несовместимы с вашим характером, как мне думается... Мне казалось, что вы более склонны к земным удовольствиям.

Он непринужденно рассмеялся, польщенный в глубине души. Не так уж она безразлична и задумчива, как кажется.

– Давайте договоримся, – продолжал он. – Как всякий добрый христианин, я пекусь попасть в Царствие Небесное, но признаюсь, что это дело интересует меня в основном с мирской стороны. В настоящее время самый быстрый для чиновника способ продвинуться по службе – это заниматься религиозными делами. С другой стороны, я испытываю глубочайшее уважение к мэтру Берну и хотел бы ему помочь, но он упрямится и никак не хочет понять...

– И что же он должен понять?

– Что только католической семье мы можем доверить воспитание обоих его детей. Зло уже глубоко укоренилось в юных душах.

– Почему арестовали его дочь Северину?

– Потому что для нее наступило время выбирать религию.

– Такие поступки подрывают авторитет главы семьи, основы нашего

общества и всей страны.

– Даже если это пагубный авторитет? Вот у меня есть донесение, в котором...

Он вновь взял какую-то папку, хотел ее открыть, но вдруг остановился.

– Но... Вы их защищаете!.. – глядя на нее подозрительно, воскликнул он.

Анжелика горько упрекнула себя в душе. Какая оплошность! Она слишком открыто выразила свое мнение. Оказывается, теперь она не способна разыгрывать комедию, как делала это когда-то. В былые времена она с большей легкостью хитрила и лгала. Наверное, раньше она не принимала все так близко к сердцу.

Но во что бы то ни стало придется исправлять положение.

– Я их не защищаю, а просто стараюсь вам доказать, что я в курсе того, что происходит в этой семье. И вижу, что вы действуете, опираясь на собранные недобросовестными агентами сплетни, которые они торжественно называют донесениями. А меня при этом ни о чем не спрашивают.

– Это потому, что вы сами ничего не говорите! Я-то как раз рассчитывал все сведения получать от вас. Но ждал тщетно.

– Просто не было ничего интересного, о чем стоило бы говорить.

– И однако, вы упустили бегство Мартьяля Берна и не поставили меня в известность о его планах отъезда, о которых, несомненно, были осведомлены.

– Речь шла не о побеге, а о путешествии.

– Вас ввели в заблуждение.

– Просто скажите, что я круглая дура!

Анжелика вскочила, готовясь уйти. Увидев это, господин де Бардань похолодел. Он быстро обогнул письменный стол, чтобы попытаться ее удержать:

– Что вы, не будем ссориться из-за этого! Вы плохо поняли мои слова. Крайне сожалею...

Под предлогом удержать ее он взял ее за плечи. Под полотняными рукавами он ощутил ее упругое и нежное тело. Легкий запах здоровой женщины опьянил его. Анжелика не сомневалась в природе своей власти. Ей это было неприятно, но она считала, что должна воспользоваться своим преимуществом. Она осторожно высвободилась:

– Вы глубоко оскорбили меня.

– Я смущен и раскаиваюсь.

– Потому что я намеревалась вам сказать, что, продолжая обращаться с мэтром Берном в том же духе, вы ничего не добьетесь. Я знаю его уже достаточно хорошо. Он упрется и станет еще несговорчивее. А вот растрогавшись от проявленной к нему снисходительности и оказанной помощи, он лучше поймет ваши увещания.

– Вы так считаете?

– Это вполне возможно.

Королевский наместник вновь засомневался. Стоя с ней рядом, любуясь ее завораживающей шеей, он не мог сохранять твердость. Он хотел ей верить, слепо ей подчиниться.

– Но я же не вправе просто так вернуть ему детей, это совершенно исключено... Впрочем, вам-то я могу признаться, что подстрекатель в этом деле – все тот же проклятый Бомье. Но теперь, когда начато производство и преступление побега признано, а девочка задержана, я не могу отступить.

– И что вы думаете с ними сделать?

– Парня передадут иезуитам, а девочку – монахиням...

«И мы никогда их больше не увидим», – глубоко потрясенная, подумала Анжелика.

– А я, господин граф, как раз явилась к вам с другим предложением. И оно не сможет огорчить и мэтра Берна. У него есть сестра, она обращенная и замужем за офицером Королевского флота, который проживает на острове Ре.

– Абсолютно верно, мадам Демюри.

– Так вот, детей можно было бы передать ей... Меня заверили, что так поступают. Когда необходимо отнять у родителей ребенка-реформата, ищут какого-нибудь близкого родственника-католика, чтобы доверить ему дальнейшее воспитание. К тому же это очень гуманная и разумная мера.

– Но как я сам об этом не подумал! – просияв, воскликнул королевский наместник. – Действительно, это прекрасное решение. И даже Бомье не сможет к нему придраться, а с другой стороны, и мэтр Берн, думаю, будет мне благодарен. Вы несравненны. Ваша рассудительность достойна вашей красоты.

– Однако мне кажется, что вы в этом сомневались.

– Как мне заслужить ваше прощение?

Бардань, в восторге, что сбросил тяготивший его груз, очарованный все новыми раскрывающимися сокровищами этого удивительного создания, не смог сдержать своего порыва. Он обнял Анжелику за талию и коснулся губами ее гладкой шеи, нежные очертания которой, движения, полные грации, ни на минуту не оставляли его в покое во время всего

разговора.

Анжелика отскочила как ошпаренная. Она так резко высвободилась из его объятий, что несчастный замер от удивления.

– Неужели я вызываю у вас такое отвращение? – пробормотал он.

Его взгляд затуманился, губы дрожали. Хотя и мимолетное, но это прикосновение подтвердило все его ожидания. Эта женщина возбуждала его сильнее, чем все, кого он знал раньше. «Проклятие, – думал он, – неужели она окажется такой же недотрогой, как все эти безбожницы? Но такой шанс нельзя упустить».

Глава XXXVI

Анжелика оперлась на инкрустированный мозаичный стол, еще не зная, как вести себя дальше.

Откровенно говоря, он не вызывал у нее отвращения. Галантный. Красивые глаза, холеные руки, умелые губы. Трудно сказать, но раньше – в те времена, от которых ее отделяла, казалось, черная непреодолимая стена, – она, возможно, и уступила бы. Она не могла отрешиться от мысли, что является сейчас простой служанкой, а он – представитель короля в Ла-Рошели, то есть на иерархической лестнице самый влиятельный человек в городе.

К счастью, он не самодовольный хлыщ. Сейчас он воспринял поведение Анжелики не с обидой, а как болезненную неудачу. Она чувствовала, что следует его утешить.

– Нет, вы вовсе не вызываете у меня отвращения, – отвечала она. – Скорее, напротив. Я нахожу вас очень любезным. Но... Не знаю, как объяснить... Я пообещала своей высокой покровительнице... той особе, которую не могу назвать... вести благопристойную жизнь во искупление прошлых грехов.

– Черт бы побрал этих святош! – воскликнул Николя де Бардань. – Готов поспорить, что она страшна как семь смертных грехов. Она не отдает себе отчета, что такая красавица, как вы, не может жить монашкой.

– А если я сама, господин граф, желаю оставаться добродетельной?.. Тогда пристала ли вам роль соблазнителя?

Господин де Бардань тяжело вздохнул. Предприятие становилось сложнее, чем он полагал вначале. Он решил играть хладнокровно.

– По моему разумению, это роль всякого нормального мужчины, когда он оказывается в вашем присутствии, – весело отвечал он. – Вы ведь достаточно умны... и, я уверен, опытны, чтобы это понять и извинить меня.

Он протянул к ней обе руки:

– Забудем все это, госпожа Анжелика, и помиримся.

Было бы невежливо отказаться от примирения. Он легко поцеловал кончики ее пальцев, а она испытала при этом чисто женскую досаду, вспомнив, как испортились и огрубели ее руки от тяжелой работы.

Анжелика разрешила ему накинуть плащ ей на плечи. Граф проводил ее до дверей и поклонился с почтительной нежностью.

– Только запомните, госпожа Анжелика, что в моем лице вы имеете друга, в любых обстоятельствах готового прийти вам на помощь...

Он обволакивал ее своим обаянием, а она так давно не чувствовала мужского внимания, что поддалась нахлынувшим волнующим воспоминаниям. Столько мужчин склонялось перед ней с таким же горящим взором! Она знала этот прием, всегда один и тот же, смиренный и вместе с тем повелительный.

Эта возбуждающая беспомощность затуманенного взора и прерывающегося голоса, эта внимательная кротость, под которой таится, как под бархатной перчаткой, жестокое оружие обладания, в решающий момент превращающее просителя в повелителя, а недоступную богиню – в побежденную жертву.

Анжелика не поверила бы, что на нее еще могут подействовать ухищрения этой извечной игры, доставлявшей мучения и в то же время привлекавшей как напоминание о привычной обстановке.

Щеки ее пылали, а голос немного нервно дрожал, когда она прощалась с королевским наместником, удивленным и очарованным ее поведением.

Она уходила от него с путаницей в мыслях, равнодушная к убийственным взглядам других просителей, вынужденных ждать стоя, потому что не хватало скамеек. Некоторые так истомились, что отправились обедать. Уже наступил первый час дня. На улице, подхваченная порывами ветра, Анжелика сражалась со своей накидкой и с трудом продвигалась вперед. Небо сияло удивительной синевой. Казалось, буря закручивала зимний солнечный свет в крохотные огненные блики, которые с гулом вылетали из ущелий узких улочек.

Анжелика продвигалась, не обращая внимания на разгулявшуюся стихию, – так ее мысли поглощала состоявшаяся встреча. Ею овладело чувство горячего стыда при воспоминании о собственных просчетах и оплошностях.

Ах! Прошли те времена, когда она искусно соблазняла персидского посла Бахтияр-бея, чтобы затем привести его, смиренного, как собачонка, к ногам короля Людовика XIV. Тогда она проявила высшее женское мастерство. И не поступилась ни каплей добродетели!.. А вот сегодня она вела себя... самым жалким образом. Иначе не скажешь. Вместо того чтобы собраться при виде мужчины, от которого требовалось многого добиться, она растерялась и в пять минут превратилась в какую-то блеющую козочку... Ее передернуло. Она едва не оттолкнула его совсем, приняв несколько смелые высказывания с суровостью девицы, только что покинувшей монастырь. В ее возрасте это просто смешно!.. Раньше

улыбкой и одним словом она поставила бы его на место...

Анжелика, незаметная служанка, одетая в саржу и бумазею, в толчее улиц Ла-Рошели с глубоким уважением воздала должное той блестящей женщине, которой она была всего несколько лет тому назад и которая так искусно умела пользоваться оружием своего пола. Между тем временем и нынешним пролегла ночь в Плесси. Понемногу она оправилась и встала на ноги. Жизнь пустила новые ростки. Но ей казалось, что от одного она никогда не излечится! Не существует такого мужчины, который смог бы совершить чудо: вернуть ей былую радость любви, горячее стремление тела навстречу другому телу, таинственное пробуждение наслаждения, восхищение собственной слабостью.

«Для этого нужен волшебник», – подумала она вдруг. И неосознанно обратила взгляд на мрачное бушующее море, на котором не виднелось ни одного корабля.

Глава XXXVII

Господин де Бардань сдержал слово. И словно бальзам пролился в измученную душу Анжелики, когда она поняла, что, несмотря на все оплошности, в которых она упрекала себя, он поспешил последовать ее советам и угодить ей. Уже на следующий день Мартьяля и Северину перевели к их тетке, на остров Ре.

У Анжелики хватало забот с детьми. Да и домашняя работа не оставляла времени для размышлений.

Полоскать белье она ходила вместе с Онориной к городскому фонтану, где воды было больше, чем у них во дворе. Однажды утром, складывая в ивовую корзину уже выполосканное белье, она с удивлением заметила, что девочка играет с каким-то блестящим предметом.

– Покажи, что это? – сказала она.

Онорина, по опыту научившаяся не доверять в подобных ситуациях, спрятала предмет за спину, но Анжелика успела разглядеть очень красивую погремушку, украшенную золотом, с ручкой из слоновой кости. Подлинная драгоценность.

– Онорина, где ты нашла эту погремушку? Нельзя брать чужое.

– Это дал хороший мессир, – не сдавалась малышка.

– Какой хороший мессир?

– Вон там. – Онорина махнула ручкой куда-то в сторону площади.

Во избежание сцены, которая вылилась бы в пронзительные вопли ребенка и античный хор кумушек, собравшихся вокруг них, Анжелика перестала настаивать, решив выяснить эту историю до конца уже дома. Она взяла корзину под одну руку, другую подала дочке и двинулась к дому.

На узкой и малолюдной улочке к ней подошел мужчина и откинул полу плаща, скрывавшую лицо. Анжелика слегка вскрикнула, но сразу успокоилась, узнав Николая де Барданя, королевского заместника.

– Ой! Вы испугали меня.

– Я крайне сожалею.

Казалось, он очень возбужден своей галантной эскападой.

– Я здесь без сопровождения в этом враждебном квартале, и со всех точек зрения будет лучше, если меня не узнают.

– Это хороший мессир, – вмешалась Онорина.

– Да, я решил напомнить о себе подарком этой маленькой

очаровательной девчушке.

Онорина не сводила с него восторженных глаз. Маленькая женщина, покоренная золотой погремушкой!..

– Я не могу принять такую дорогую вещь, я должна вернуть ее вам, – сказала Анжелика.

– Ах! Как трудно вас смягчить, – вздохнул он. – Я мечтал о вас день и ночь, пытаюсь представить ваше лицо со счастливым и спокойным выражением. Но едва я появился, как вы взглядом уже воздвигаете преграду... Можно вас проводить? Я привязал лошадь недалеко отсюда.

Они медленно двинулись дальше. Господин де Бардань вновь почувствовал, что эта женщина непонятным образом околдовала его. Терпеливый влюбленный вдалеке от нее, в ее присутствии он терял над собой всякий контроль. Возможно, это ненормально. Но это так. И он это понимал. И соглашался с этим! Он полностью сдался... И готов был с мольбой упасть перед ней на колени.

У нее сильные руки служанки, покрасневшие от холодной воды, в которой она полоскала белье, ресницы ребенка, рот королевы, который выглядит сейчас озабоченным. Губы слегка подрагивают.

– Господин граф, простите меня. Вы – важная особа, а я всего лишь бедная женщина, одинокая и беззащитная. Не обижайтесь, но я вас предупреждаю, что вам не на что рассчитывать. Я... Для меня это невозможно.

– Но почему? – простонал он. – Вы дали мне понять, что я не вызываю у вас отвращения. Вы сомневаетесь в моей щедрости? Но ведь само собой разумеется, что вы перестанете быть служанкой. Вы получите удобный дом, в котором будете хозяйкой, появятся слуги, экипаж, если захотите. Все ваши потребности и потребности вашего ребенка я обеспечу.

– Замолчите, – сухо перебила она. – Эти соображения не играют никакой роли.

Он принудил ее остановиться возле какой-то двери, чтобы посмотреть ей прямо в глаза:

– Возможно, вы сочтете меня сумасшедшим, но я должен сказать правду. Никогда ни одна женщина не внушала мне столь пожирающей страсти, как та, что охватывает меня в вашем присутствии. Мне тридцать восемь лет, признаюсь, моя жизнь не может служить образцом благоразумия, она полна приключений, которыми нельзя гордиться. Но с той минуты, как я узнал вас, я понял, что со мной случилось то, чего опасается и вместе с тем желает каждый мужчина: встреча с женщиной, которая поработит его, заставит страдать, отказав ему, или одарит

счастьем, проявив благосклонность. Встреча с женщиной, которой он готов подчиниться и сносить ее капризы, чтобы не потерять ее... Я не знаю, как вы приобрели такую власть надо мной, но я начинаю думать, что раньше я просто не жил. То были пошлые и фальшивые развлечения. Лишь с вами могу я познать любовь...

«Если бы он только знал, чьи уста произносили до него подобные речи, – подумала она. – Уста короля...»

– Неужели вы можете мне отказать? – настаивал он. – Вы же отнимете у меня право на жизнь.

Его приветливое и вежливое лицо человека из высшего общества окаменело. Потемневшие глаза с жадностью были устремлены не нее. Он решал про себя, какого цвета могут быть ее волосы, старательно спрятанные под строгим простым чепцом: белокурые, каштановые, рыжие, как у дочери, а может быть, темные, о чем можно судить по теплomu оттенку кожи.

Ее губы казались перламутровыми. Они напоминали неброскую красоту ракушек.

Граф пришел в такое состояние, что, не будь рядом Онорины, которая смотрела на них обоих, задрвав свой маленький носик, он бы насильно обнял ее и постарался пробудить желание.

– Пойдемте, – вежливо отстранила его Анжелика. – Право, вы сошли с ума, и я не верю ни единому вашему слову. Нет сомнения, что вы знали женщин куда более красивых, чем я. Мне кажется, господин королевский наместник, что вы просто хотите воспользоваться моей наивностью.

С тяжелым сердцем Николая де Бардань последовал за Анжеликой, понимая, как нелепо прозвучало его заявление. Он сам удивлялся, но твердил про себя, что все обстояло именно так. Он любил до беспамятства, готов был скомпрометировать себя, сломать карьеру. Он взглянул на малышку, которая, держа мать за руку, семенила рядом, и новая мысль пришла ему в голову:

– Клянусь, что, если у вас будет от меня ребенок, я признаю его и дам ему образование.

Анжелика сильно вздрогнула. Он не мог найти слов, способных успешнее погасить всякую страсть. Он понял это.

– Как я неловок, – вздохнул он.

Они подошли к жилищу Бернов. Анжелика поставила корзину на землю и достала из-за пояса ключ от боковой калитки.

Королевский наместник следил за каждым ее движением с острым чувством боли и восхищения. Она была воплощенной грацией. И стала бы

украшением дома.

– Ваша целомудренность сводит меня с ума. Если бы она была притворной, я охотно излечил бы вас. Но увы! Я чувствую, что она подлинная... Послушайте, я думаю... да, я думаю, что я готов на брак.

– Но... вы же, несомненно, женаты! – воскликнула Анжелика.

– О! Нет, нет. Здесь вы ошибаетесь. Не скрою, что с пятнадцатилетнего возраста мне на шею пытались повесить всевозможных наследниц, но каждый раз я вовремя спасался и твердо решил умереть холостяком... Но ради вас я согласен на супружеские цепи. И если мысль о жизни вне Божественной заповеди – это то единственное препятствие, которое нас разделяет, я уничтожу его.

Он низко ей поклонился, отставив ногу:

– Госпожа Анжелика, окажите мне честь, приняв меня в супруги.

Решительно, он ее обезоруживал.

Чтобы не оскорбить его, следовало отнестись к его предложению серьезно. Она заверила, что потрясена его предложением, что не могла и надеяться на такую честь, но уверена, что, как только он вернется к себе в свой роскошный особняк, он пожалеет об этом безумном предложении, а потому она не может его принять. Препятствие, стоящее между ними, не так-то легко убрать, даже такой ценой.

– Поймите меня, господин де Бардань. Мне трудно объяснить причины того, что вы называете моей бесчувственностью... Я много в жизни страдала... из-за мужчин. Раны, нанесенные их грубостью, навсегда лишила меня радости любви... Теперь я боюсь этих чувств и не стремлюсь к ним...

– Правда? – воскликнул он, просияв. – Но, глупенькая моя, вам нечего меня бояться... Я умею обращаться с женщинами, я с ними галантен... Я ведь не портовый грузчик. Вас, дорогая сударыня, просит о любви дворянин. Доверьтесь мне, и я дам вам основания изменить мнение и о мужчинах, и о радостях...

Анжелика уже открыла калитку, впустила в нее Онорину и поставила корзину во двор. Ей хотелось закончить беседу.

– Обещайте, что подумаете о моих предложениях, – продолжал настаивать королевский наместник, удерживая ее. – Я исполню все обещания. А вы выберете то, что вам больше подходит...

– Обещаю, господин граф. Я подумаю.

– Скажите хотя бы, какого цвета ваши волосы, – продолжал он молить.

– Седые, – ответила она, закрывая калитку перед его носом.

Мэтр Габриэль поручил Анжелике отнести письмо судовладельцу Жану Маниго. Она уже возвращалась домой по маленькой улочке вдоль крепостных стен, когда обратила внимание, что ее преследуют двое мужчин.

Сначала, погруженная в свои мысли, она ничего не замечала. Но на этой пустынной улочке Анжелика осознала за собой шум шагов, раздававшихся на одном и том же расстоянии.

Глянув через плечо, она увидела двух субъектов, физиономии которых ей совсем не понравились. Не матросы в поисках девиц и даже не портовые рыбаки. Городская одежда отличалась некоторой элегантностью, но не соответствовала их хитрым физиономиям. Они выглядели переодетыми.

Прошлый опыт подсказал: «Полицейские...» Она ускорила шаг. Их шаги сразу приблизились.

– Эй! Красотка, зачем так спешить! – окликнул ее один из мужчин.

Она еще ускорила шаг, но они быстро нагнали ее и пошли с обеих сторон. Один схватил ее за руку.

– Прошу вас, господа, оставьте меня в покое, – попросила она, высвобождая руку.

– Да ну? Это почему же? Вы чего-то невеселая, а мы можем составить компанию.

Их гнусные ухмылки говорили о скверных намерениях. Если дать этим нахалам пощечину, то можно привлечь к себе внимание. Если бы они оказались молодыми горожанами из богатых семейств, то, вероятно, смирились бы с неудачей. Но она безотчетно подозревала, что под приличной одеждой скрываются опасные типы.

В надежде на помощь она посмотрела на закрытые окна фасадов домов. Но жители Ла-Рошели соблюдали южный обычай и после полуденной трапезы закрывали ставни. Не по сезону яркое и горячее солнце располагало к дневному отдыху. Ни в окнах, ни на порогах дверей не было ни души. К счастью, Анжелика сообразила, что здесь совсем недалеко до складов мэтра Берна.

Вместо того чтобы бежать от этих неприятных людей к дому, до которого оставалось еще значительное расстояние, она спрячется на складах мэтра Габриэля. Она знала, что купец сумеет поставить на место этих нахалов.

Они продолжали приставать к ней с комплиментами и всякими

пошlostями. В конце концов, вполне возможно, что это просто слегка перебравшие пьянчужки.

Анжелика свернула направо и с облегчением увидела в конце длинной глухой стены ворота, перед которыми в вечер ее появления в Ла-Рошели мэтр Габриэль сделал первую остановку, чтобы поставить во двор телеги с хлебом. Ей оставалось всего несколько шагов, когда преследователь в зеленовато-синем сюртуке, тот, что был повыше и производил впечатление более крепкого, схватил ее за руку и за талию:

– Ну, хватит, милашка! Вы ведь не станете ломаться перед такими красивыми парнями, как мы. Да и требуется-то нам всего-навсего ваша улыбочка да сладкий поцелуйчик. Нам говорили, что девушки в Ла-Рошели приветливы и любезны с иностранцами. Покажите, как это!..

Продолжая говорить, он склонялся к ее лицу, стремясь поцеловать Анжелику в губы.

Она отшатнулась и изо всех сил вlepила ему звонкую оплеуху. Он отпустил ее и схватился за щеку. Анжелика бросилась вперед, но ее поймал второй тип. На губах получившего пощечину появилась злая торжествующая ухмылка.

– Ну-ка, Жанно, держи ее покрепче! – заорал он. – Давай задерем юбку этой безбожнице!.. Какой лакомый кусочек!.. Нам сегодня повезло...

Вдвоем они справились с ней. От сильного удара ногой под колени она пошатнулась и закричала. Тогда они ударили ее по губам. Начали разрывать шнурки корсажа. В какой-то момент она едва не потеряла сознание, но овладела собой и принялась отбиваться как одержимая, царапаясь и кусаясь.

Ей удалось вырваться и добежать до входа. Но, споткнувшись о камень, она упала на колени и поползла, продолжая кричать:

– На помощь! На помощь, мэтр Габриэль!.. На помощь!..

Они снова на нее набросились. Словно в кошмарном сне она боролась с тем же чувством беспомощности и ужаса, как некогда с драгунами Монтадура.

Вдруг нападающие исчезли. Один отлетел к стене, отброшенный сильной рукой. Глаза его остекленели. Он зашатался и, как тряпичная кукла, рухнул на Анжелику. Из его виска толчками хлестала алая кровь. Она с ужасом оттолкнула окровавленное тело. Кровь продолжала бить фонтаном. Анжелика отчаянно отпихивала тяжелое безжизненное тело, но ей никак не удавалось полностью высвободиться из-под него. Наконец она смогла отодвинуть его в сторону. И тогда она увидела, что мужчина в синем сюртуке дерется с мэтром Габриэлем. Купец значительно

превосходил его силой и ростом. Его кулаки безжалостно дубасили противника. Тот уже просил пощады. Он дважды падал на землю, измятая одежда покрылась пылью, лицо выглядело ужасно. Сорванный парик плавал в канаве, грязные сальные волосы свисали на глаза.

– Перестаньте!.. – задыхался он. – Остановитесь!..

Сильный удар в область желудка вызвал у него икоту. Он прислонился к стене, голова беспомощно моталась из стороны в сторону.

– Прошу, перестаньте... Отпустите...

Мэтр Габриэль приблизился. Должно быть, выражение его лица ужаснуло парня, потому что его глаза вдруг расширились.

– Нет, – прохрипел он, задыхаясь. – Нет... пощадите!..

Новый удар сбил его на колени.

– Нет... Вы не можете этого сделать... Спасите!

Купец неумолимо склонился над ним и, ударив еще раз, схватил за горло.

– Нет... – прохрипел тот.

Его бледные ослабевшие руки попытались схватить и разжать мускулистые, твердые, как железные щипцы, руки купца, душившие его за горло. Он сделал конвульсивное движение и обмяк. Из его непомерно разинутого рта вырывались нечленораздельные звуки.

Пальцы мэтра Габриэля погружались в чужую плоть, как в глину. Казалось, что он ни за что не отпустит это горло.

Анжелика, застыв от ужаса, смотрела, как напрягаются руки купца и сжимаются все сильнее. В неправдоподобной тишине раздавался только хрип.

Анжелика кусала губы, чтобы удержать рвущийся вопль. Это должно закончиться, пусть это поскорее закончится. Лицо парня стало фиолетовым. Но *это* все не кончалось...

Наконец хрип прекратился. Несчастный лежал навзничь с выпученными глазами, откинув голову на круглые булыжники мостовой. Прежде чем разжать руки, мэтр Берн внимательно осмотрел его. Потом медленно поднялся.

На напряженном от усилия лице его светлые глаза казались удивительно прозрачными. Он подошел ко второму типу, перевернул его, потрянул и, что-то проворчав, бросил обратно в лужу крови:

– Мертв! Он ударился о крюк, выступающий из стены. Тем лучше! Не надо его приканчивать... Госпожа Анжелика...

Он поднял глаза, но не взглянул на нее. Его охватило необъяснимое волнение. Молодая женщина поднялась, но, обессиленная, опиралась о

стену в той же самой беспомощной позе, в которой только что стоял мужчина в синем сюртуке, когда в минутном озарении понял, что купец убьет его. Мэтр Берн не узнавал ее...

Вернее, не узнавал до конца.

Анжелика с ужасом переводила взор с одного тела на другое. Трагедия, разыгравшаяся из-за нее, оживила страх загнанного существа, затопивший ее целиком. Обычно спокойное и гордое выражение лица изменилось. Она стала похожа на смертельно напуганного ребенка...

Охваченная ужасом, Анжелика не замечала, в какое состояние привели ее эти мерзавцы. Корсаж расшнурован, сорочка разорвана. Волосы вырвались из-под чепца и рассыпались по плечам и полуобнаженной груди. В лучах солнца длинные светлые пряди отливали золотом. На белоснежной коже со следами крови их блеск казался еще ярче. Кровь, которая уже начинала чернеть, виднелась и на бумазейной юбке...

– Вы ранены?

Тихий и словно безразличный голос купца. Он видел не только пятна крови...

Грубые пальцы оставили синяки на этой неожиданно оголенной перламутровой коже. Может быть, ее касались и их гнусные губы? При этой мысли купца вновь охватил приступ безумного гнева. Эти свиньи хотели осквернить тело, которое жило под тяжелыми складками юбок, а жесткие корсажи сдерживали его восхитительные движения. Тело, о котором он запрещал себе даже думать, когда видел в доме эту женщину с уверенными и грациозными движениями.

Они сделали то, чего он не позволял себе даже в мыслях. Они обнажили это тело, они оголили ее ноги, такие стройные и красивые, какие бывают только у статуй да у богинь.

Никогда не изгладится из его памяти та картина, что открылась ему с порога, когда он одним взглядом охватил это зрелище насилия и разврата: женщина, распятая двумя проходимцами. И это была она!..

– Вы ранены?

От его сурового голоса Анжелика пришла в себя. Массивная фигура мэтра Берна, одетая во все черное, заслонила от нее слепящее солнце и ужасную картину.

Она уткнулась лицом ему в плечо в поиске темноты, в отчаянном поиске защиты и забвения.

– О! Мэтр Габриэль!.. Вы убили... Вы убили двоих... Из-за меня... Что теперь будет? Что с нами станет?..

Он обнял и с силой прижал ее, так что хрустнули кости.

– Не плачьте, госпожа Анжелика... Только не плачьте...

– Я не плачу... Мне слишком страшно, я не могу плакать...

Но Анжелика не замечала слез, льющихся из ее глаз на пластрон утешителя. Она пальцами и даже ногтями цеплялась за него.

– Вы мне не ответили... – повторил он свой вопрос. – Вы не сказали, не ранены ли вы.

– Нет... не думаю...

– А кровь?

– Это не моя кровь... Это... его.

У нее начали стучать зубы.

Рука купца гладила мягкие золотистые волосы, отливающие золоченым серебром.

– Ну! Ну! Успокойтесь... Друг мой, дорогая моя...

Он успокаивал ее, как ребенка; она вслушивалась в его терпеливые интонации, и ее охватывало забытое восхитительное чувство защищенности, исходящее от мужчины.

Кто-то встал между нею и опасностью, защитил ее, убил ради нее. И она, заливаясь слезами, укрылась за этой несокрушимой стеной, которая вдруг напомнила ей – непонятно почему – плечо полицейского Дегре. Только что пережитые страшные ощущения стирались. Проходили приступы отвращения и ужаса. Учащенное дыхание обретало обычный ритм.

«Меня обнимает мужчина, и мне не страшно», – вдруг осознала она. Наступило исцеление, о котором она уже перестала мечтать.

И в тот же момент она почувствовала стыд. В его теплых объятиях она ощутила свою наготу и осознала, в каком беспорядке ее одежда.

Ее заплаканные глаза на мгновение встретились с глазами мэтра Габриэля. Их выражение заставило ее покраснеть. Она отстранилась.

– О! Простите, – пробормотала она. – Я потеряла голову.

Он ее не удерживал.

Анжелика судорожно старалась натянуть обрывки корсажа на грудь и плечи. Смущение мешало ее попыткам. Тогда он сам помог ей, подав завернувшуюся лямку, оторванную завязку. Она все больше краснела.

– Не надо переживать. Эти скоты грубо с вами обошлись, – сказал он. – И с этими лохмотьями уже ничего не сделать, остается только выбросить эту кофту... А теперь нам надо поторопиться...

Голос звучал холодно. Анжелика, проследив за его взглядом, увидела солдата Ансельма, стража Фонарной башни, который наблюдал за ними с высоты крепостных стен.

Несколько бесконечных минут люди, стоящие на разных концах улочки, хранили напряженное молчание. Потом солдат принял решение. Он зашевелился и с трудом начал спускаться по каменным ступеням. Покачивая кабаньей головой в железной каске, он двинулся к ним навстречу. Стук по мостовой тяжелых сапог и алебарды гулко разносился по улице. Купец посмотрел на свои руки, словно спрашивая себя, хватит ли в них силы сразить нового вооруженного противника.

– Отличная работа, дружище, – хрипло проворчал страж. – Я издали все видел, до самого конца. Скажу без лести, отличные у вас кулачищи, мэтр Берн...

Концом пики он потыкал один труп:

– Обоих знаю, этих сволочей... Бомье им платит, чтобы приставали к женам да дочерям протестантов. Мужья или отцы за них вступаются, начинается потасовка – вот вам и повод засунуть в тюрьму еще нескольких гугенотов... Я в таких делах не участвую.

Он, как обычно во время беседы, оперся на алебарду и продолжал:

– Когда побываешь, как я, на дыбе да под кнутом, тут уж нет другого выхода, отречешься, а вы как думали? Я бедный солдат и держусь за свое жалованье. Но это не значит, что я предаю бывших братьев. Ну-ка, уберите отсюда эту падаль... А я ничего не видел...

Он повернулся и полез на крепостные стены на свой пост.

– Посмотрите, что там во дворе, – распорядился мэтр Габриэль. – Не хочу, чтобы приказчики хоть что-то узнали. Если там никого нет, откройте склад слева.

К счастью, двор оказался пуст. Анжелика открыла ворота указанного сарая. В нос ударил острый запах солевого раствора.

Она вернулась к мэтру Габриэлю, который стянул с задушенного им парня рубашку и обмотал разбитую голову второго, чтобы сдержать вытекавшую кровь. Несмотря на эту предосторожность, они, перетаскивая труп, с ужасом увидели, что их запачканная обувь оставляет красные следы на мощеном дворе. Положив труп в сарае, они вернулись за вторым телом.

– Мы закопаем их в соль, это не впервой, – отдуваясь, сказал купец. – Соль прекрасный тайник, она консервирует тела. Так мы сможем выждать удобный момент, чтобы избавиться от них.

Он снял свой черный суконный сюртук, взял лопату и принялся раскапывать снежную гору, слабо мерцавшую в полутьме.

Анжелика помогала ему, разгребая соль руками. Она так торопилась спрятать эти лица с застывшей отвратительной гримасой, что не почувствовала жжения соли на содранной коже.

Тела погребли в глубине кучи и старательно засыпали сверху солью. Анжелика и купец работали молча. Пока купец наводил на складе порядок, Анжелика взяла ведро и наполнила его водой у колонки. Вооружившись щеткой, она принялась отмывать запачканные камни. В другие ворота, с партией бочонков, вошли с набережной два приказчика. Издали они увидели служанку мэтра Берна, которая ополаскивала мощеный двор. Она часто приходила на склады, и хотя обычно занималась счетоводными книгами, но иногда ей случалось выполнять и более грубую работу. Зная, что хозяин где-то поблизости, они не стали к ней подходить. Их, конечно, удивила бы ее разодранная одежда и всклокоченные выбившиеся волосы.

Приказчики исчезли в сарае, где хранились вина и водки.

Анжелика вернулась на улицу. Над лужей крови уже жужжали мухи. Вода в сточной канавке покраснела вплоть до того места в конце улицы, где она вытекала в море.

К счастью, по улице еще никто не проходил. Стоя на коленях, со спадавшими на глаза волосами, Анжелика мыла и терла камни и успокоилась только тогда, когда последняя вода, окатившая мостовую, имела чуть розоватый оттенок. Это уже не могло вызвать подозрений.

Тогда она тщательно закрыла дверь, которую час назад мэтр Габриэль едва не сорвал с петель, бросившись ей на помощь.

– Пройдите в мою контору, – сказал купец. – Теперь здесь все в порядке, а вам надо подкрепиться.

У Анжелики заплетались ноги. Он обхватил ее за талию и поддерживал, помогая дойти до плохо освещенной комнаты, где рядом со счетоводными книгами и разновеликими гирями громоздились ценные меха из Канады, скобяные изделия из Англии и образцы водки из Шаранты.

Из предосторожности он запер дверь.

Он подвел Анжелику к скамейке и усадил ее. Она поставила локти на стол и положила голову на руки.

– Выпейте, госпожа Анжелика... Так надо, – придвинул к ней рюмку водки мэтр Габриэль.

Она не двигалась. Тогда он сел рядом, приподнял ее голову и насильно поднес рюмку к ее губам. Она сделала несколько глотков и закашлялась. Но щеки порозовели, к ним начала приливать кровь.

– Почему это случилось? – спросила она, оглядываясь вокруг с

потерянным видом. – Я возвращалась домой... Они увязались за мной... Я решила прибежать сюда и попросить у вас помощи... Они нагнали с каждой минутой... И вдруг...

– Забудьте все, – сказал он. – Вам больше нечего опасаться, теперь они мертвы.

Ее начала бить крупная дрожь.

– Мертвы? Но ведь это ужасно?.. Почему у меня на пути всегда мертвецы?

– Мертвецы нужны, – резко ответил Берн, глаза которого странно блестели. – Смерть влечет смерть, преступления влекут преступления. В Библии сказано: «Да не пощадит его глаз твой: душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу. Какой кто делает вред ближнему своему, так и ему должно сделать...»

Анжелика отшатнулась. Она вскочила и попятилась, словно вдруг увидела рядом врага.

– Ненавижу мужчин, – глухо изрекла она, – всех их ненавижу и себя самое ненавижу тоже. О! Я хотела бы исчезнуть. Вы смотрите на меня как на помешанную. Вы, должно быть, хотите, чтобы я сохраняла спокойствие, но хватит, не буду я больше хранить спокойствие.

– Как вы вдруг помолодели, вы стали похожи на ребенка. Сейчас вы говорите совсем не как та рассудительная женщина, которую я знаю.

– Вам же ничего не известно, мэтр Берн... Дьяволы ворвались в мой замок, подожгли его и перебили всех слуг. Они зарезали моего младшего сыночка, а меня... После той ночи родилась Онорина... Вы поняли?.. Дитя преступления и насилия... А вы удивляетесь, что я не могу любить ее...

Сначала он подумал, что она бредит, но потом вдруг осознал, что она говорит о своей прошлой жизни.

– Не касайтесь воспоминаний. Вы их уже позабыли.

Он тоже поднялся и перешагнул скамью. Она со страхом наблюдала за его приближением, но в то же время желала, чтобы он оказался рядом с ней, совсем близко, чтобы мог поддержать и чтобы она убедилась, что чудо свершилось и что она вновь может быть счастливой в объятиях мужчины.

– Недавно вы их позабыли, – повторил он тихо... – совсем недавно... прижавшись ко мне!..

Он слегка коснулся ее. Потом его руки легли ей на талию. Она не отстранилась, и он привлек ее к себе. Оба дрожали от охватившего их волнения, но Анжелика не отбивалась.

Она оставалась холодной и бесчувственной, как девственница, позволяющая овладеть собой. В ней преобладало любопытство к своим

собственным ощущениям. «Сейчас я не испытала страха, – отмечала она. – Это правда... а что случится, если он захочет меня поцеловать?»

Смятение на склонившемся к ней лице не вызывало отвращения. Ее не оскорбляло прижавшееся к ней большое тяжелое тело, охваченное желанием. Кому принадлежало это тело, не имело значения. Она забыла и его имя, и кто он. Просто мужчина, державший ее в объятиях, пылкий призыв которого она ощущала.

Невыразимое облегчение, испытанное на его широкой груди, вызвало долгий медленный вздох, как у спасенного утопающего. Так, значит, она еще жива!

Голова ее томно поникла.

Жадные губы, еще не осмеливающиеся прикинуть к ее губам, целовали ее волосы. Потом она почувствовала дрожащую руку, ласкавшую ее обнаженное тело. Внимание, с которым она заново познавала саму себя, лишало ее всех остальных чувств.

* * *

Одного-единственного слова, опасный смысл которого понимали они оба, оказалось достаточно, чтобы Анжелика пришла в себя.

– Соль... Соль... – раздавался снаружи голос приказчика, барабанившего в запертую дверь.

Анжелика напряглась, выходя из своего оцепенения.

– Послушайте, – сказала она, – там говорят про соль... Они что-то узнали!..

Оба замерли, прислушиваясь.

– Хозяин, соль-то грузить? – повторил вопрос голос приказчика за дверью.

– Какую соль? – рявкнул, подскочив к двери, мэтр Габриэль.

К нему быстро вернулось хладнокровие. Он осмотрел свой костюм, поправил пластрон.

– Да в счет налога, – объяснил приказчик. – Они пришли за солью и за вином.

– Готов поспорить, что это проделки Бомье, – проворчал купец.

Он открыл дверь. Сборщик налогов с двумя писцами и четырьмя стражниками конной полиции стояли на пороге за спиной перепуганного приказчика. Здесь же находились две пустые телеги, готовые к погрузке налога натурой.

– Я уже уплатил все налоги, – заявил мэтр Габриэль. – Могу предъявить квитанции.

– Вы принадлежите к реформатской церкви?

– Это так.

– Ну, так, значит, по новому декрету вы должны еще раз уплатить столько же, сколько уже уплатили. Да вот взгляните, здесь все написано, – добавил он, протягивая пергамент.

– Опять беззаконие, к этому нет никаких оснований.

– Ну что вы хотите, мэтр Берн. Ваши отрекшиеся единоверцы на год освобождаются от уплаты налога и на три года – от уплаты подати. Должны же мы как-то возмещать недобор. Вот и приходится таким упрямам, как вы, платить за других. Впрочем, вам это обойдется всего в двенадцать бочонков вина, сто пятьдесят ливров соленого нутряного сала и двенадцать буасо соли: это не так уж и много для такого богатого купца, как вы.

При каждом слове «соль» Анжелика бледнела.

Королевский сборщик налогов дерзко ее рассматривал.

– Ваша супруга?.. – спросил он у мэтра Габриэля.

Тот промолчал, изучая врученную ему бумагу.

– Пойдемте, господа, – сказал он, наконец выходя из конторы и направляясь к сараям.

Анжелика услышала, как сборщик налогов раскатисто хохочет, обращаясь к писцам:

– И эти гугеноты еще хотят читать нам мораль... А сами, как все добрые люди, заводят себе сожительниц.

Глава XXXVIII

Последовали страшные часы ежеминутного ожидания катастрофы. Анжелика ловила каждый шум во дворе. Крики становились все громче. Она представляла себе мэтра Габриэля, которого уводят вооруженные люди. В какой-то момент она решила бежать – вот так, как есть, растрепанная, – схватить Онорину и бежать прямо перед собой, как можно дальше, как только можно дальше, пока не свалится от изнеможения где-нибудь в поле.

Отъезд сборщика налогов спас ее от этого безумного поступка. Телеги, нагруженные изъятими припасами, выехали со двора. Ворота за ними закрылись.

В желтоватом воздухе сумерек танцевали пылинки. Мэтр Берн пересек двор, направляясь к Анжелике. Он выглядел озабоченным, но спокойным. Тем не менее он налил себе рюмку водки. Глаз не спускать с рыскающих писцов, объяснять поденщикам, с какой стороны кучи надо копать соль, и в то же время избегать подозрений недоверчивого судебного исполнителя – ему досталось нелегкое испытание.

– Я не могла вам помочь. Я бы себя выдала.

Купец устало махнул рукой.

– Все это подстроил Бомье, – повторил он. – Сейчас я уже уверен, что именно он наслал на вас этих мерзких типов... А визит сборщика налогов должен был подтвердить стычку и сопротивление королевской власти. Через несколько часов они начнут выяснять, что же мы сделали с их подручными. Поэтому я отослал приказчиков и грузчиков и запер лавку. Нужно без проволочек избавиться от трупов.

Он взглянул на золотистый прямоугольник света в дверях:

– Скоро стемнеет, тогда и примемся за дело.

Они ждали, не зажигая света, не разговаривая, не прикасаясь друг к другу.

Страшная опасность держала их в напряжении и занимала все мысли. Они не шевелились, как загнанные звери, трепещущие от страха в норе, своем последнем прибежище.

Небо в дверном проеме приобретало нежно-розовые оттенки перламутра, и вместе с далеким шумом порта до них долетало равномерное дыхание моря.

Наступала ночь, синяя, холодная, тихая.

– Теперь пора, пошли, – произнес купец.

Они вошли в соляной сарай. Мэтр Берн вытащил из кладовки деревянные сани.

И снова они раскапывали этот горько-соленый снег, обдиравший руки. Тела уложили на сани, сверху прикрыв мешками с зерном и тюками мехов.

Купец впрягся в оглобли. Выйдя со двора позади дома, он закрыл ворота на несколько оборотов ключа:

– Не хочу, чтобы кто-нибудь сюда заходил до того, как я вернусь и сам все проверю.

Каждый взялся за одну оглоблю. Деревянные полозья легко и бесшумно скользили по круглой крупной канадской гальке, которой замостили городские улицы и переулки. Использование саней было вызвано этим совершенно особым мощением, придуманным практичным мэром, который нашел применение крупному гравию из реки Святого Лаврентия в Новой Франции. Когда-то его насыпали как балласт в незагруженные суда. На таких мостовых тележки на колесах с железными обручами создавали бы адский грохот. Анжелика и ее спутник, как боязливые тени, поспешно волокли свою мрачную поклажу.

– Это самый подходящий час, – шепнул ей мэтр Габриэль. – Масляные кинкетные лампы еще не зажигали, а в нашем квартале непокорных гугенотов предписано в виде наказания зажигать их еще позже... Иногда несправедливость оборачивается пользой...

Встречные прохожие не задумывались, чем это занимаются мэтр Берн и его служанка и что такое они везут: их никто не видел, потому что было темно, как в каминной трубе.

Купец не сомневался в выбранном направлении. На извилистом пути он сворачивал в узкие переулки, чтобы избежать более широких и многолюдных улиц.

Анжелике казалось, что прошли часы, и она очень удивилась, оказавшись недалеко от дома, перед воротами одного из их соседей, владельца писчебумажного магазина Жонаса Мерсело.

Купец трижды постучал бронзовым молотком. Дверь открыл сам хозяин.

Этот седовласый человек, воспитанный и прекрасно образованный, некогда владел почти всеми бумажными фабриками в области Ангумау. Его разорили налоги и запрет использовать специалистов-гугенотов. Теперь у него оставался только великолепный дом в Ла-Рошели и небольшая торговля высококачественной бумагой, секрет изготовления которой знал он один.

– У меня здесь кое-что для твоего колодца, – сказал мэтр Берн.

– Прекрасно! Входите же, дорогие друзья.

Хозяин очень любезно помог им втащить сани с мрачным грузом в винный погреб, где стоял запах свежих яблок. Он высоко держал зажженный фонарь, освещая им путь.

Купец сгрузил меха и зерно. Стали видны тела с перекошенными лицами, выпачканными солью и кровью. Кроткий владелец писчебумажного магазина взирал на них без всякого удивления.

– Не будет ли так любезна госпожа Анжелика поддержать фонарь? А я помогу тебе их перенести, – только и сказал он со своей обычной учтивостью.

Берн покачал головой:

– Нет, лучше ты иди вперед. Она ведь не знает дороги.

– Справедливое замечание.

Анжелике вновь пришлось взяться за окоченевшие ноги, казавшиеся ей тяжелее сделанных из камня. Перетруженные руки изнывали от усталости. Они пошли за хозяином дома, освещавшим путь, спустились по трем каменным ступеням и оказались на складе, заваленном стопами бумаги, тюками старого тряпья и бутылками с кислотой. В дальнем конце мэтр Мерсело с некоторым трудом сдвинул старинный ручной пресс, за которым скрывалась маленькая, источенная червями дверь. Ключ хранился в трещине стены.

За дверь открылась винтовая лестница, к счастью довольно короткая.

* * *

Теперь они находились в большом подземном зале с очень низкими сводами, которые опирались на широкие романские колонны. В центре располагался колодец. Жонас Мерсело снял деревянную крышку, запиравшуюся на замок, и шум равномерно набегавших волн наполнил помещение.

– Этот колодец ведет в море, – объяснил Анжелике мэтр Габриэль. – Все, что туда бросают, разбивается волнами о скалы, а потом уносится течением. – Ему приходилось кричать, чтобы она расслышала.

Океан, словно вырвавшись из плена, ревел и бесновался. Эхо подхватывало протяжные вопли волн.

В этом грохоте все казалось дурным сном. Не было слышно падения тел, которые подтащили и сбросили в темную бездну. Они, как

проглоченные, просто исчезли из виду.

Крышку водрузили на место, и шум смолк. Тогда Анжелика оперлась на край колодца и закрыла глаза. Она вспомнила слова мэтра Габриэля, сказанные раньше: «Увы! Это не в первый раз».

Глухой рокот все еще стоял в ее ушах, олицетворяя тайную Ла-Рошель, здесь море было сообщником, здесь с XVI века раздавалось пение псалмов в подземельях, где собирались первые адепты кальвинистской секты. Это звучало эхо непримиримой борьбы, происходившей между враждующими сторонами, которая в дни гонений вновь вспыхивала с той же самой яростью, с теми же самыми преступлениями... находившими оправдание с обеих сторон.

Как избежать крови и страха!..

* * *

Онорина, как зверек в безнадежном ожидании смерти, распласталась на полу, раскинув руки, уткнувшись лбом в холодные плиты пола.

– Она весь день вас искала и страшно волновалась, – объяснила Абигель. – Она заглядывала под мебель, требовала, чтобы не закрывали окна и двери. Она не звала вас, но иногда так кричала, что нам становилось страшно.

– Мы отвлекали ее сладостями, но она ото всего отказывалась.

– А я дал ей свою деревянную лошадку, – добавил Лорье, – но она не взяла ее.

Они с озабоченным видом окружали этот маленький комочек, лежавший на полу. Удивление присутствующих возросло, когда они заметили, в каком состоянии находилась сама Анжелика.

– А с вами-то что случилось? – воскликнула тетушка Анна.

– Ничего серьезного.

Она подняла дочку и судорожно прижала ее к себе:

– Вот и я, сердечко мое, вот и я.

«Онорина почувствовала, что я в опасности, – подумала она. – Вот почему она так волновалась».

Онорина с рождения ощущала опасность. Она инстинктивно чувствовала приближение этого огромного темного зверя на мягких лапах. Вероятно, она постоянно ощущает ее угрозу, притаившуюся за окнами.

Обхватив мать за шею, она категорически потребовала, чтобы закрыли деревянные ставни и спрятали темноту. Все поспешили затворить ставни, и

только тогда она согласилась разжать свои объятия и улыбнуться присутствующим. Мать рядом, а в отражении оконных стекол ей уже не чудился черный и жестокий лик несчастья.

Ее усадили на высокий стульчик и дали кашу. Анжелика пошла сменить платье, надеть туго накрахмаленный полотняный передник и спрятать растрепавшиеся волосы под новым чепцом.

Мэтр Габриэль вполголоса разговаривал с пастором Бокером и его племянником, тоже пастором, беженцем из Северных гор. В один прекрасный день он появился в Ла-Рошели, держа за руку четырехлетнего мальчугана Натанаэля.

В этот вечер ребенок тоже находился с ними, как и близнецы из семейства Каррер, которые жили теперь в их доме. После рождения одиннадцатого ребенка соседи распределили между собой десятерых детишек неимущего адвоката.

Онорина, в восхищении, что оказалась в центре внимания столь многочисленных придворных, разговорилась.

– Мамочка, – спросила она, когда воротилась Анжелика, – а где тот красивый господин, что подарил мне золотую погремушку?

– Какой красивый господин? – нахмурился мэтр Габриэль.

– Какую золотую погремушку? – подозрительно переспросила тетушка Анна.

Анжелика сочла смешным притворяться:

– Господин де Бардань был столь любезен, что сделал ребенку подарок.

В напряженной тишине Онорина рассеянно размазывала ложкой кашу. Она что-то обдумывала.

– Зя так хотела бы иметь такого отца, – заявила она наконец с восторженной улыбкой.

Уже некоторое время она безуспешно подыскивала себе отца. Сначала она обратила взоры на пастора Бокера, но тот разочаровал ее: «Дитя мое, я люблю тебя как духовную дочь, но, честно говоря, не могу назвать себя твоим отцом».

Водонос, к которому она питала расположение, также отклонил подобную ответственность.

Теперь она откровенно прощупывала почву вокруг господина де Барданя, но выбрала явно неподходящий момент.

Анжелика предпочла увести ее на кухню и уложить в постель.

Но Онорина не расставалась с выбранной темой:

– Он не мой отец?

- Нет, дорогая.
- Так где же мой отец?
- Далеко, очень далеко.
- В море?
- Да, в море.
- Тогда зя поплыву на корабле, – заключила Онорина.

Перед ее взором возникло видение сказочного путешествия, но веки сомкнулись, и она уснула, сломленная переживаниями.

Анжелика занялась приготовлением ужина. Ей нужно было погрузиться в повседневные дела, чтобы заглушить обуревавшие ее страхи. Она не видела месье де Барданя после сделанного им предложения и лишь послала ему письмо с просьбой набраться терпения.

* * *

Все уже уселись за стол и собирались приступить к дымящемуся супу из мидий, когда прозвучал привратный колокол.

В свете свечей собравшиеся переглянулись с напряженными лицами. Снова прозвучал нетерпеливый удар колокола. Мэтр Габриэль поднялся.

– Я пойду, – сказал он. – Если мы не откликнемся, это покажется подозрительным.

– Нет, пойду я, – возразила Анжелика.

– Пошлем слугу.

Но слуга почему-то испугался и не захотел идти.

– Пустите меня, – настоятельно повторила Анжелика, положив свою руку на руку купца. – Совершенно естественно, если ваша служанка выйдет к дверям. Я сначала спрошу через окошечко, кто это, и приду вам сказать.

Через окошечко прозвучал вопрос, заданный мужским голосом:

– Это вы, госпожа Анжелика?

– Кто вы?

– Вы не узнаете меня? Это я, Николя де Бардань, королевский наместник.

– Вы? – едва не лишилась чувств Анжелика. – Зачем вы пришли?.. Чтобы арестовать меня...

– Арестовать вас?.. – повторил голос с неприкрытым изумлением.

Бедняге потребовалось время, чтобы прийти в себя.

– Значит, вы считаете, что я только на это и способен? Арестовывать

людей направо и налево?.. Спасибо за прекрасное обо мне мнение. Я знаю, что те упрямы, с которыми вы знаете, охотно изображают меня оборотнем, но все же...

– Сударь, я оскорбила вас, простите. Вы один?

– Один ли я! Несомненно, дорогое дитя. И в маске. И закутан в плащ под цвет стен. Человек моего ранга, имеющий глупость предаваться любовным эскападам, предпочитает одиночество и не стремится привлекать внимание. Если бы меня узнали, то прославили бы навеки. Мне совершенно необходимо с вами поговорить. Это очень важно.

– Что случилось?

– Вы собираетесь разговаривать со мной, не впуская во двор, или все же выйдете ко мне на эту малолюдную и такую темную улицу, что сейчас очень кстати... Черт возьми, госпожа Анжелика, да неужели вы деревянная? Королевский наместник, губернатор Ла-Рошели, тайком приходит отвлечь вас от кастрюль и выразить свое почтение, а вы считаете, что он явился не вовремя.

– Я очень сожалею, но независимо от того, королевский вы наместник или нет, ваше тайное посещение может погубить мою репутацию.

– Я сойду с ума, с вами действительно невозможно договориться. На самом деле вы просто не хотите меня видеть.

– Сейчас мне действительно это неудобно. Вам ведь небезызвестно, насколько щекотливо мое положение среди людей, которых я должна обслуживать. Если они узнают...

– Я как раз и пришел, чтобы спасти вас из этого гнезда еретиков, где вам грозит очень серьезная опасность.

– Что вы хотите сказать?

– Откройте же эту дверь, и все узнаете.

Анжелика колебалась:

– Позвольте мне предупредить мэтра Берна.

– Только этого не доставало!

– Я не стану вас называть, но нужно дать какое-то объяснение моему отсутствию, даже короткому.

– Да, это верно. Но возвращайтесь побыстрее... Услышав звук вашего голоса, вдохнув аромат вашего дыхания, я опять потерял голову.

Анжелика подошла к дому как раз в тот момент, когда обеспокоенный мэтр Берн спускался с крыльца.

– Так кто там звонил?

Она поспешно рассказала ему о приходе месье де Барданя и о его просьбе поговорить. В глазах ла-рошельского купца появился тот же

опасный огонек, как и тогда, когда он намеревался задушить подручного Бомье.

– Что за нахал этот папист! Сейчас я с ним разберусь. Я научу его, как совращать моих служанок в моем же доме.

– Нет, не вмешивайтесь. Кажется, он собирается сообщить мне какие-то важные новости.

– И каковы же будут эти новости? Рассуждения вашего невинного ребенка достаточно красноречивы. Всем известно, что он остановил на вас свой выбор и хотел бы поселить в городе как свою любовницу. Над этим потешается вся Ла-Рошель!

Анжелика изо всех сил старалась удержать мэтра Габриэля, которому ничего бы не стоило отбросить ее как пушинку.

– Успокойтесь, – сурово выговаривала она. – В руках месье де Барданя власть. И сейчас не время отмахиваться от его поддержки, мы только осложним наше положение, и так уже ненадежное, а вам может грозить и веревка.

Но гнев Габриэля Берна скорее успокоили не слова, а прикосновение к его ладони ее узкой ручки.

– Кто знает, что вы ему уже наобещали? – все же проворчал он. – До этого дня я вам доверял.

Он замолчал, потому что в его памяти вновь возник тот момент, когда его доверие поколебалось. Он смутно припомнил месяцы спокойной домашней жизни, проходившие под руководством опытной служанки, ни один жест или выражение лица которой нельзя было истолковать как кокетство. Одному Богу известно, как он старался сохранять сдержанность! Но его бурно проявившееся недоверие все же постепенно утихло.

К тому же была ведь эта истерзанная Ева, бросившаяся, рыдая, в его объятия, безжизненная и словно загипнотизированная, которую он медленно привлек к себе. Если бы она его тогда оттолкнула, он сумел бы сдержаться. Он в этом уверен. Но слабость Анжелики пробудила в нем страсть, которую он с молодых лет смирял с таким трудом. Он тогда потерял голову. Зарылся в шелковистую копну волос и положил руку на полуобнаженную грудь. Ему казалось, что его ладонь до сих пор хранит ее сладостное тепло.

Его взгляд изменился.

Анжелика грустно улыбнулась:

– Вы говорите, что раньше мне доверяли? А теперь... вы считаете, что я способна на любую низость, потому что в момент отчаяния я позволила

себя смутить. Вам!.. Разве это справедливо?..

Какой у нее чувственный нежный голос. Раньше он никогда этого не замечал. Вероятно, потому, что сейчас она говорила с ним очень тихо, очень близко, в темноте и он видел только, как блестят ее глаза и губы.

Ах! Как мучительно и волнующе обнаруживать за повседневным обликом ее потаенную чувственность. Неужели именно так разговаривает она на любовном ложе? Он возненавидел сразу всех мужчин, которых она когда-то любила.

– Неужели, мэтр Габриэль, и я должна заподозрить вас во всех смертных грехах, потому что вы ведь тоже потеряли тогда хладнокровие?..

Он виновато склонил голову. От счастья, что лишился в тот миг своего хладнокровия.

– Давайте все забудем, согласны? – попросила она ласково. – Впрочем, совершенно необходимо это забыть. Мы были не в себе, ни вы, ни я... Мы ведь тогда только что пережили ужасное потрясение. А теперь все будет по-прежнему.

Но сама она понимала, что это уже невозможно. Между ними всегда будет стоять соучастие в двойном преступлении и минута общей слабости.

– Надо сохранять силы для борьбы и спасения, – продолжала настаивать она. – Позвольте поговорить с месье де Барданем. Могу вас заверить, что я никогда ничего ему не позволяла.

И ему показалось, что она немного насмешливо добавила: «Меньше, чем вам».

– Хорошо, – согласился он. – Ступайте. Но не задерживайтесь.

* * *

Анжелика вернулась к калитке, за которой месье де Бардань, королевский наместник, изнывал от нетерпения.

Она открыла дверцу, и он тотчас властно схватил ее за запястья:

– Вот и вы, наконец! Вы просто насмехаетесь надо мной. Что вы там ему рассказали?

– Мой хозяин кое-что заподозрил и...

– Он ваш любовник, это так? В этом нельзя сомневаться... Вы каждую ночь позволяете ему то, в чем отказываете мне.

– Сударь, вы оскорбляете меня.

– Кого вы убедите в обратном? Он вдовец. Вы уже несколько месяцев проживаете под его крышей. Он постоянно видит, как вы ходите,

разговариваете, смеетесь, напеваете... И что там еще! Не может быть, чтобы он не был от вас без ума. Это невозможно допустить, это противно морали. Это просто возмутительно.

– А вы не думаете, что прийти ухаживать за мной безлунной ночью – это тоже противно морали?

– Это разные вещи. Я вас люблю. – И он увлек ее за собой, за угол дома.

Темнота мешала Анжелике рассмотреть выражение его лица. Она почувствовала запах сирени от пудры на его волосах. От него исходило ощущение утонченности и комфорта. Он жил среди праведников. Ему не приходилось бояться. Он был по другую сторону барьера, за которым страдают отверженные.

А складки одежды Анжелики еще хранили запах соли и крови...

Ее растрескавшиеся руки болели, но она не смела высвободить их из его рук.

– Ваше присутствие доводит меня до безумия, – прошептал месье де Бардань. – Мне кажется, вы не были бы так суровы со мной, если бы под покровом этой темноты я вел себя смелее. Ну, подарите же хоть один поцелуй!

Его голос звучал смиренно. Анжелика подумала, что придется сделать над собой усилие. Нельзя так унижать королевского чиновника и не тешить по временам его самолюбие.

Настоящий день испытаний. Природа, лишив Анжелику ее лучшего оружия, похоже, все же вернула ей возможность как-то им пользоваться.

– Ну что ж, так и быть, поцелуйте меня, – произнесла она решительным, но совсем не ласковым тоном.

Тем не менее Николя де Бардань пришел в восторг.

– Дорогая моя, – пролепетал он, – наконец-то вы моя.

– Сударь, речь идет только об одном поцелуе.

– Райское блаженство!.. Обещаю, что буду почтителен.

Он с трудом выполнял обещание. Эта непростая победа придала сладость губам, которые ему хотелось бы почувствовать более податливыми. Но он тактично удовольствовался достигнутым.

– Ах! Если бы вы стали моей, я сумел бы вас зажечь, – вздохнул он, когда она отстранилась.

– Сударь, вы уже завершили те признания, которые намеревались сделать? Мне пора уходить.

– Нет, я еще не закончил... Увы, я должен перейти к менее приятным вещам. Дорогая моя, не только нетерпение увидеть вас побудило меня

прийти сюда, но и необходимость предупредить вас о готовящемся против вас заговоре. Ваше будущее внушает мне опасение. Ах! Почему суждено мне так в вас влюбиться! Я познал надежду, потом тоску, теперь я страдаю. Ибо вы мне солгали, вы сознательно меня обманули.

– Я?.. Я протестую.

– Вы сказали, что в эту семью вас направило Общество Святых Даров. Но это неправда. Бомье провел расследование и совершенно точно установил, что ни одна дама из этого общества не принимала в вас участия и ни одна не знакома с вами.

– Это лишь доказывает, что месье Бомье плохо осведомлен...

– Нет! – Голос королевского генерала звучал скорбно. – Это доказывает, что вы лжете. Ибо именно эта крыса Бомье всегда прекрасно осведомлен. Он занимает в этом тайном обществе очень высокий пост, гораздо более высокий, чем мой. Поэтому мне и приходится иногда с ним считаться. Мне не нравится, что он занимается вами, но помешать я не могу. От одного из шпионов мне известно, что он прилагает все силы, чтобы выяснить, кто вы на самом деле.

Он подошел к ней ближе и прошептал:

– Скажите, кто вы?

Он попытался снова обнять ее, но она, задыхаясь, застыла в напряжении:

– Кто я? Ваш вопрос не имеет смысла. Я всего лишь простая...

– О! Нет. Вы продолжаете лгать. Неужели вы полагаете, что я полный дурак? Известно ли вам, что во всем Французском королевстве не найдется *простой* служанки, способной столь умело легким слогом написать письмо, подобное тому что вы мне недавно прислали. Оно сразило меня и вместе с тем наполнило радостью, но также подтвердило мои подозрения, что вы скрываетесь под чужим именем и одеянием... Бомье заподозрил вас в этом с первого взгляда... Я слышу, как сильно бьется ваше сердце... Вы в ужасе. Если он что-то узнает, сможет ли он вам навредить? Вот видите, вы молчите... Почему, мой ангел, вы не доверяете мне? Ради вашего спасения я готов на все. Прежде всего вы покинете этих мрачных гугенотов, общение с которыми предосудительно. В тот день, когда придут их арестовать, а вы окажетесь среди них, вами займется полиция. А потому в это время вам необходимо находиться уже далеко от них. Я могу увезти вас вместе с вашей дочерью в одно из своих владений в Берри. Потом, когда успокоятся все эти религиозные дела и Бомье займется чем-нибудь другим, я перевезу вас в Ла-Рошель... И естественно, вы станете моей женой. Мне неизвестно, кто вы, но тем не менее я женюсь на вас, –

повторил он с достоинством, опасаясь, что она не в полной мере оценила полноту его преданности.

Анжелика чувствовала, что не способна произнести ни слова. Откровения, которыми завершился этот день, повергли ее в состояние невыносимого ужаса. Она молча пошла прочь, но он удержал ее:

– Куда вы идете? Поистине, вы странная женщина. Вы же ничего не ответили. Так вы подумаете над моим предложением?

– Да, несомненно.

– Однажды вы уже дали мне обещание. Но теперь не тяните с ответом. Завтра я должен отправиться на несколько дней в Париж, меня вызывают на Королевский совет. Если бы вы согласились поехать со мной, я отвез бы вас в Берри.

– Я не могу принять решение так быстро.

– Но могу ли я, по крайней мере, быть уверенным, что по возвращении получу от вас ответ?

– Я постараюсь.

– И он должен быть положительным! Бомье ловок и упорен. Я боюсь за вас.

Он попытался вновь поцеловать ее, но она отстранилась и закрыла калитку. Постояв какое-то время неподвижно в темном дворе, Анжелика сломя голову бросилась к дому.

Она наткнулась на мэтра Габриэля, который удержал ее за локти.

– Что он вам сказал? Почему вы оставались с ним так долго? Он уговаривал вас с ним уехать, верно?

Анжелика резко высвободилась и хотела взбежать по лестнице, но он вновь решительно удержал ее:

– Отвечайте!

– Что я должна вам отвечать? Ах! Все вы безумцы! Вы, мужчины, менее рассудительны, чем дети. А смерть уже здесь! Она подстерегает вас. Возможно, она наступит завтра. Ваши враги расставляют ловушки. Вы в них попадаете, вы мечетесь между преступлениями и доносами. И о чем вы при этом думаете?.. О ревности к сопернику, о женском поцелуе...

– Он целовал вас?

– Да если и целовал, какое это имеет значение? Завтра мы все окажемся в тюрьме, завтра мы будем значить меньше, чем тела под могильной плитой с нашими именами. Нас навечно замуруют в тюрьме... Вы незнакомы с тюрьмой... а я знаю, что это такое.

Она снова бросилась бежать. Он вновь поймал ее и, чтобы удержать, крепко обхватил обеими руками.

На верхней площадке лестницы слабо светила масляная лампа, и в этом полумраке Анжелика, с растерянным выражением лица, утратившим всю красоту, казалась выходцем с того света. Он держал неприкаянную душу, явившуюся человеческому взору в ночь злодеяний. Она уже не принадлежала миру сему.

– Куда вы бежите? Вы переполошите весь дом.

– Я должна взять свою дочку и Лорье и увести их с собой. Надо уходить.

Он не спросил куда. Он смотрел на нее, словно не замечая перекошенного лица и расширенных от ужаса глаз. Она вновь превратилась в ту женщину, которую он ударил дубинкой на дороге в Ле-Сабль-д'Олонь, чьи зеленые глаза, прежде чем померкнуть, с такой мукой воззрились на него. Теперь она опять превратилась в ту несчастную женщину под проливным дождем на размытой Шарантонской дороге. Она олицетворяла собой истерзанную красоту, поруганную невинность, обреченную слабость. Она столько лет являлась ему во сне, что он прозвал ее «женщиной судьбы» и с тоской не раз спрашивал себя, что она произнесет, когда раздастся ее голос. Потому что во сне она шевелила губами, но он не слышал слов.

И вот сегодня вечером она заговорила. Он услышал беспощадные слова, предназначавшиеся ему на протяжении многих лет: *надо уходить*.

– Сейчас, темной ночью? Вы сошли с ума.

– Вы полагаете, что я стану дожидаться, когда королевские драгуны явятся сюда и перебьют нас? Что я стану дожидаться, пока Бомье придет арестовать меня и предать королевскому правосудию? Что я стану ждать, пока плачущего Лорье вместе с другими детьми гугенотов увезут в неизвестном направлении в телеге, которая ежедневно покидает город... Я довольно насмотрелась на рыдающих детей, которые кричат и зовут на помощь... Я неплохо познакомилась с тюрьмами, охранниками, ожиданием и несправедливостью. Вы вольны тоже их узнать и познакомиться с ними... А я уйду вместе с детьми... Я уйду в море.

– В море?

– За морями есть новые земли, верно? И там люди короля не смогут до меня добраться. Только там смогу я вновь любоваться сиянием солнца и цветами. Даже если у меня не будет ничего другого, этого у меня никто не отнимет...

– Вы бредите, душа моя...

Он не сердился, в его голосе звучала нежность, и напряжение Анжелики упало.

На нее навалилась опустошающая бесконечная усталость.

– Испытания сегодняшнего дня оказались слишком тяжелыми, вы совсем без сил, – продолжал он.

– Конечно, я без сил, – пробормотала она. – Но если бы вы знали, мэтр Габриэль, как это просветляет сознание! Я не потеряла рассудка. Просто я увидела, где нахожусь: на последней черте. За мной – свора бешеных собак. Они приближаются. Передо мной – море. Мне надо уезжать. Я должна спасти детей. Я должна спасти свою дочь. Я не могу и подумать о том, чтобы разлучиться с ней, оставить ее среди бездушных людей, плачущую и зовущую меня. Она – всеми отвергнутое одинокое незаконное дитя... Теперь вы понимаете, почему я не имею права позволить им схватить меня... У меня нет даже права умереть... Отпустите меня, да отпустите же меня. Мне надо бежать в порт, – снова вырываясь, завершила она.

– В порт? Зачем?

– Чтобы сесть на корабль.

– Вы полагаете, что это так легко сделать? Кто вас возьмет? И чем вы оплатите свой проезд?

– Если потребуется, я продамсь капитану корабля.

Он яростно встряхнул ее:

– Как вы осмеливаетесь произносить такие возмутительные слова?

– А вы предпочитаете, чтобы я продалась господину де Барданю? Уж если продаваться мужчине, то я предпочитаю отдаться тому, кто отвезет меня как можно дальше отсюда.

– Я запрещаю вам это делать, вы слышите? Я вам запрещаю!

– Я сделаю что угодно, но уеду отсюда.

Она кричала, и ее голос разносился по всему старому дому, где на стенах, увешанных коврами, нависали друг над другом в рамках из заморского дерева бледные или кирпичные лица купцов и судовладельцев. Никогда еще эти поколения ларошельцев не слышали такого крика и подобных вызывающих речей.

Пастор, Абигель, госпожа Анна со свечами в руках склонились над перилами.

– Решено, – произнес мэтр Габриэль, – вы поедете... Но мы все поедем тоже.

– Все?.. – повторила Анжелика, не веря своим ушам.

Купец выглядел измученным, но решительным.

– Да, мы уедем... Оставим дом предков, плоды наших трудов, наш город... Мы отправимся добиваться в далеких землях права на жизнь... Не

дрожите так, моя драгоценная Анжелика... Моя красавица... Правы вы, а не я... У нас под ногами горит земля, а мы подло ведем сюда наших детей, только начинающих жизнь... Тщетно мы старались прикинуться слепыми. Сегодня я увидел разверстую пропасть... И я знаю, что не хочу вас потерять... Мы уедем.

Глава XXXIX

По двадцать раз на дню всматривалась Анжелика в серую морскую ширь, видневшуюся за крепостными стенами.

– Увези меня! Увези меня! – тихонько просила она море.

Но приходилось ждать. Она смирилась с этой необходимостью. Прошло уже двое суток с того дня, когда Анжелика, соучастница мэтра Берна, помогла сбросить обезображенные трупы в колодец владельца писчебумажного магазина Мерсело.

Внешне жизнь вошла в свою обычную колею. Полицейские не появлялись ни у дверей дома, ни на складах. Казалось, что ничего не случится и дальше, если только убедить себя, что вообще ничего не произошло. Что течет мирная жизнь, что единственные дела – это повесить горшок над очагом да солнечным днем выгладить белье, отдушенное майораном.

Не напрасно требовала Онорина, чтобы по вечерам закрывали деревянные ставни. Над домом нависла угроза. Чувствовалось, что и жилище, и его обитатели уже отмечены незримой печатью. Город окружал их, как ловушка, потому что порт, преддверие их свободы, оставался территорией бдительной полиции. Суда подлежали скрупулезному осмотру. И чтобы вздохнуть свободно, мало было под всеми парусами выйти из гавани между Цепной башней и башней Сен-Николя, обогнуть дамбу Ришелье и пройти мимо бухты, окруженной белыми скалами. Корабли Королевского морского флота крейсировали и в открытом море, возле острова Ре. Они пресекали бегство осужденных из города.

* * *

Дети плясали в хороводе вокруг пальмы. До Анжелики долетали их звонкие голоса вперемежку с ритмичным стуком маленьких деревянных сабо по мощеному двору.

Я больше не пойду
За мидиями, мама.
Мальчишки из марены
Корзину отберут.

Там собралась стайка соседских ребятишек, их привели родители, пришедшие на совет старейшин.

Вышитые детские чепчики девочек, их разноцветные яркие переднички на пышных юбках выделялись, как яркие цветы, среди мальчиков, одетых в темную саржу.

На их плечиках вились светлые, каштановые и рыжие локоны, у всех розовели щечки, а смотрящие вверх глазки сияли, как звездочки.

Анжелика ежеминутно отставляла утюг и высовывалась из окна, наблюдая за ними.

В любую минуту может распахнуться входная дверь, войдут люди в черном или солдаты с ружьями, схватят детей за руку и утащат неизвестно куда.

* * *

На площадку лестницы вышли члены Церковного совета. К ним присоединились их жены, которых принимала тетушка Анна. Они спускались отдельными группками, переговариваясь негромко, как в доме, где лежит покойник.

Немного погодя на кухню пришел мэтр Габриэль, взял стул и уселся на него. Но он не снял со стены длинную голландскую трубку, которую обычно курил в часы отдыха.

Он заговорил, не глядя на Анжелику.

– Мы решили отправиться в Сан-Доминго, – сказал он. – Нашу группу в десяток семейств сопровождают два пастора: Бокер и его племянник. Все хотят попытать счастье и начать новую жизнь на новой земле. Для некоторых это будет нелегко: торговец бумагой Мерсело, адвокат Каррер отправятся со всеми домочадцами. Какое занятие найдут они на Островах? Даже опытные рыбаки, такие как Гассертон и Малир, вряд ли быстро наладят новые тони. Потому что там живут в основном работой на плантациях: сахарный тростник, табак, какао.

– Какао меня интересует, – живо откликнулась Анжелика. – Я когда-то занималась производством шоколада и отлично разбираюсь в качестве какао-бобов.

Она предалась мечтам, видела себя свободной, в огромной соломенной шляпе, подобной той, что носила ее мать. Она разъезжает по

изумрудной плантации вместе с Лорье и Онориной, которые ловят золотистых и сапфировых бабочек.

Ее зеленые глаза заблестели, словно в них уже отражались пальмы и волшебный отсвет Карибского моря.

Мэтр Габриэль с глубокой печалью незаметно поглядывал на нее. За минувшие дни он научился любоваться всеми оттенками красоты, которые ранее запрещал себе видеть. Он резко упрекал себя, но его взгляд постоянно возвращался к этому лицу, на котором отражалась напряженная и тщательно скрываемая жизнь. «Она, как светоч, озарила наше существование», – думал он. Она озаряла их жизнь, но о ней самой никто ничего не знал. Сейчас она старательно гладила крахмальные чепцы. Ее щеки порозовели от горячего пара, исходившего от влажного белья. Она быстро и ловко справлялась с работой, но в ее огромных глазах притаилась бездонная глубина. И если он с напряженным вниманием следил за ней, то это было вызвано не плотским желанием, а скорее притягательностью ее таинственного прошлого.

Ее случайно вырвавшиеся слова продолжали жить в голове купца. Он старался собрать воедино отрывочные сведения. Разве она только что не сказала, что занималась какао? И при каких же обстоятельствах? Он уже отметил ее познания в коммерции, в частности в области морской торговли. Но что общего между женщиной, возникшей как поверженный ангел на грязной Шарантонской дороге, и той, что прокричала ему с безумным видом: «Они ворвались в *мой* замок, они зарезали *моих* слуг...»?

«Авантюристка! – категорично отрезала мадам Маниго, касаясь кончика носа. – Мой нюх никогда меня не обманывает!»

* * *

Анжелика перехватила пронизательный взгляд своего покровителя и улыбнулась немного смущенно. По обоюдному согласию они решили «все забыть» и сохранять до отъезда видимость добрых отношений. Она была ему благодарна за это. Суровое гугенотское воспитание приучило мэтра Габриэля смирять свои страсти. Мужчина горячий и чувственный, с помощью молитвы и силы воли он превратился в осторожного и спокойного, способного на аскетизм человека, которого в Ла-Рошели все уважали и даже немного побаивались. Важной чертой его характера была надежность. В час опасности он не переключивал на других терзавшие его сомнения. Ему хватило здравого смысла понять, что если события

продолжат развиваться в том же духе, то люди просто сойдут с ума и, как обезумевшие овцы, устремятся к своей гибели.

Его холодное выражение лица возвратило в дом подобие спокойствия. Нервы Анжелики пришли в норму. Духовная сила купца помогала ей выносить собственные страхи. Но иногда между ними возникало напряженное молчание.

– Как же мы отправимся? – спросила она.

– Вообразите, случилось чудо, как сказали бы вы, паписты. – Лицо ла-рошельского купца просияло. – Судовладелец Жан Маниго, ярый противник любого отъезда, вдруг решил к нам присоединиться. К такому решению его подтолкнул недавний неприятный случай: его малолетнего сына Жереми схватили, когда малыш неосторожно засмотрелся на процессию. «Они» увидели в этом желание отречься, а так как ребенку больше семи лет, то его отвели в обитель Братьев Меньших. Маниго потратил целое состояние на его освобождение. И оно лишь временное. И как бы ни был богат Маниго, теперь он дрожит за своего сына. А потому он тоже уезжает. Его решение облегчит нашу затею. В Сан-Доминго у него уже есть несколько факторий. И мы отправимся на одном из его собственных кораблей. Вот его план. Я считаю, что он совсем неплох. На днях возвращается из Африки его судно, перевозящее рабов. В ожидании отправки на Острова их поместят на складах на набережной. Маниго внесет их в список, который подается властям. Но в последний момент место рабов займем мы. Если на борту не будет дополнительных проверок с момента, когда мы отчалим от набережной, и до того, как пересечем залив Пертью-Антиош, мы сможем считать, что спаслись.

– Рабы?

– Они останутся на берегу, в запертых складах, и их одурманят, чтобы они как можно позднее обнаружили свое присутствие.

– Значит, великое мужество господина Маниго заключается в том, что он лишится прибыли от ценного груза, – подытожила практичная Анжелика.

– Есть многое другое, что мы вынуждены здесь оставить, – задумчиво продолжал Берн. – Но не стоит сильно жалеть Маниго. Он рассчитывает продолжить торговлю со своим напарником, остающимся здесь. В сущности, он просто будет жить в Сан-Доминго, а не в Ла-Рошели. У него будет то же самое дело, его тылы обеспечены. У меня есть небольшие капиталовложения в Голландии и Англии. Кроме того, мы используем оставшиеся дни, чтобы перевести бóльшую часть нашего состояния в наличные деньги. Они займут немного места на корабле.

– А такие денежные операции не вызовут подозрений?

– Мы действуем осторожно. Католикам, с которыми мы ведем переговоры, хорошо известно, что протестанты вынуждены многое продавать, чтобы оплатить двойное налогообложение.

– Но когда же, когда мы отплывем? – задала Анжелика вопрос, горевший у нее на устах.

– Через две-три недели.

– Три недели! – воскликнула она. – Боже, как долго!

Ее собеседник вздрогнул, в нем пробудилась злость.

– Когда ты должен покинуть землю отцов, то этот срок кажется очень коротким, – глухо проговорил он, стукнув кулаком по столу. – Да будут прокляты те, кто вынуждает нас к этому!

Она хотела перед ним извиниться, но промолчала, остерегаясь вызвать еще большее раздражение.

Анжелика, давно уже все потерявшая, с трудом понимала, что удерживало протестантов в этой скорбной удушающей обстановке.

Но так же как крестьянин, живущий на бесплодной почве, привязан к этой земле, приносящей ему плоды, и равнодушно взирает на тучные, но чуждые ему долины, так и протестанты всегда цеплялись за свою ненадежную судьбу. Одна мысль об американских Островах, о том солнце, об обещанной там свободе приводила их в уныние.

Привычка оставаться на плаву в бурном житейском море, сталкиваясь с новым препятствием, едва преодолев предыдущее, начинать дело с нуля воспитала из них людей, готовых к любым напастям и крайне трудолюбивых. Они уже два века жили в обстановке постоянных преследований. И теперь покинуть свой город, свою провинцию представлялось для них более тяжким испытанием, чем вести глухую борьбу, с которой они уже свыклись.

Как можно жить под другим небом, а не под васильковым небом Ла-Рошели! Знать, что их дети уже не вдохнут привычного воздуха, напоенного морскими ароматами, не пройдут по земле, истоптанной их отцами.

Целые поколения маленьких ларошельцев бегали босиком по песчаным пляжам, одним ударом ножа, разламывая раковины, открывали устриц и выпивали их прохладную горьковатую влагу в тени Фонарной башни, пока рыжий прилив возвращался в гавань, заставляя плясать высокие белые паруса больших торговых кораблей.

Все оставить...

– Три недели – это совсем недолго, – вздохнул ла-рошельский купец, –

хотя я тоже уверен, что опасность все ближе. Но надо постараться использовать все возможности, вот почему стоит рискнуть тремя неделями промедления. Потому что самое большое через три недели голландские торговые корабли зайдут в Ла-Рошель. Вам не хуже меня известно, что эта нация, в отличие от французов, предпочитает не плавать в одиночку. Они объединяются между собой, и дважды в год настоящая армада торговых судов под защитой военных кораблей отплывает из Амстердама или Антверпена. А так как Маниго застрахован в Голландии, то это дает ему некоторые преимущества среди прочих: войти в их состав и пользоваться их защитой. Вот почему необходимо дождаться их прибытия. Это не только вызовет в порту оживление и даже некоторый беспорядок, благоприятный для нашего замысла. Подняв паруса и смешавшись с их судами, мы автоматически избежим контроля Королевского военного флота, у которого и без нас будет полно дел, если придется досматривать все суда. Так мы избежим последней проверки гражданского состояния. Выйдя из порта, – а я бьюсь об заклад, что в такой день гражданские представители Адмиралтейства не станут проявлять чрезмерную придирчивость, – мы окажемся вне преследования!

Анжелика утвердительно кивнула. План казался разумным и весьма продуманным. И все же ее не покидал страх. Недели отсрочки казались ей длиннее года. Что там замышлял в тишине сьер Бомье? Он не тот человек, что отказывается от своей добычи. Не воспользуется ли он пребыванием Николя де Барданя в Париже, чтобы принять те решения, которые не одобрил бы его начальник?..

На сердце у Анжелики было тяжело, но она смело подняла голову:
– Да услышит вас Господь, мэтр Габриэль!

Глава XL

Дорога петляла по прибрежным скалам среди сухой солончаковой травы. Она повторяла изрезанные контуры побережья и вела от Ла-Рошели по извилистым берегам бухточек, заливов и мысов к деревушке Ла-Палис, напротив острова Ре. Анжелика медленно шла по серому песку, в котором вязли ноги.

Она не спешила, времени оставалось достаточно. Хотя Анжелика предпочла бы поскорее покончить с данным ей поручением, но эта неожиданная прогулка доставляла ей удовольствие.

Онорина бодро семенила рядом. Со дня убийства двоих полицейских Анжелика не решалась оставлять ее дома одну. Впрочем, ей редко приходилось отлучаться. Она боялась выходить из дому. Повсюду ей мерещились подозрительные фигуры, а в глазах прохожих она читала непонятное осуждение. Она твердо знала, что ловушка вот-вот захлопнется!

Часы и дни проходили спокойно, но Анжелике они казались струйками песка, вытекающими из-под крепкой постройки. Песок потихоньку струится, еще и еще, а потом неожиданно обрушится все здание!

Вокруг нее люди, сговорившиеся бежать, действовали с поразительной быстротой, сравнимой только с их скрытностью. Внешне в квартале ничего не изменилось. Никто не вызывал подозрений сборами багажа. Но по ночам таинственные тюки доставлялись в порт. Разнообразные сокровища размещались в трюме «Святой Марии», невольничьего судна, недавно вернувшегося от берегов Африки. Бедные и богатые, каждый увозил дорогие его сердцу предметы. Да, они, конечно, уедут, но как же спать без этого желтого стеганого атласного одеяла? А что можно сварить без этого чугунного котелка, в котором приготовлено столько вкусных рыбных супов шодре?

Судовладелец Маниго вел долгие споры со своей супругой, которая намеревалась увезти прекрасную коллекцию фаянса, изготовленного одним знаменитым гугенотом, нашедшим некогда приют в Ла-Рошели, – Бернардом Палисси. Судовладелец долго бушевал, потом разрешал взять вот это блюдо или вот эту супницу, но сам тоже не желал отказаться от своих гравированных золотых табакерок.

В портовых складах звериный запах черных рабов из Гвинеи

смешивался с запахом ванили, перца и имбиря. В ностальгических напевах изливали они свою тоску невольников. В трюмах «Святой Марии» кузнецы проверяли цепи для перевозки негров на Острова. Ничто не давало оснований подозревать, что их место займут совсем другие пассажиры.

Необходимость путешествовать в трюме, где перевозили рабов, очень тяготила тетушку Анну.

– Там нечем будет дышать, – утверждала она. – К тому же все дети перемерут от цинги.

Она по многу раз на дню складывала в кучу книги, которые ей требовалось увезти с собой: свою Библию, трактат по математике, книгу по астрономии... Каждый раз гора получалась слишком высокой, и старая дева тяжело вздыхала.

Анжелика закупила для детей в лавчонке левантийца запас инжира и изюма. Савари когда-то говорил, что это помогает от цинги с ее язвами по всему телу, кровоточащими деснами и неизбежным печальным концом.

Все занимались сборами. Каждый надеялся на благополучное отплытие. И действительно, пока все шло прекрасно. Анжелика то обретала спокойную уверенность, то впадала в беспокойство. Инстинкт не мог ее обмануть, да и мелкие неприятности постепенно сгущались вокруг. Но как их распознать? Нужно ли считать плохим предзнаменованием то, что месье де Бардань все еще не вернулся из своей поездки в столицу? Или то – и это казалось куда более странным, – что исчезновение двух полицейских не вызвало никаких разговоров в городе, никаких расследований?.. А недавнее распоряжение полицейского прево держать днем и ночью городские ворота закрытыми и самым тщательным образом проверять всех входящих и выходящих? Нужно ли это рассматривать как усиление надзора за гугенотами или, напротив, считать разумной мерой: поговаривали, что по берегу бродят пираты? Правда, здесь не Средиземное море и не приходится бояться вооруженных набегов, но добропорядочные купцы знали, чего следовало опасаться. Пираты бросали якорь недалеко от порта, а потом, смешавшись с городской толпой, сбывали награбленное по бросовым ценам, не выплачивая дорогой пошлины за право торговли в городе. И всегда находились купцы, которые заключали с ними сделки в надежде получить значительный барыш, не облагаемый налогом. Разве можно отрицать, что на днях типы с бандитскими рожами предлагали канадские меха? Но только ли из-за них в городе расквартировался целый полк драгун? Как бы то ни было, но отныне ворота держали закрытыми и под надзором.

* * *

По этой причине Анжелике и поручили отправиться на остров Ре за Мартьялем и Севериной. Прежде предполагалось, что в назначенный день мэтр Габриэль сам привезет старших детей, но теперь протестанты не покидали город без самой крайней нужды. При выходе стражники записывали их имена, долго расспрашивали и проверяли не только их возвращение, но и количество вернувшихся в город.

С другой стороны, время торопило. Тайный отъезд становился неизбежным. Уже объявили о подходе голландского флота.

Сколько раз высовывалась Анжелика в окно над крепостными стенами и спрашивала Ансельма Камизо:

– Ну, как голландцы? Уже появились?

Страж Фонарной башни отрицательно качал головой:

– Пока еще нет. Да откуда такое нетерпение, госпожа Анжелика? Уж нет ли среди них вашего ухажера?

Теперь прошел слух, что они зашли в Брест. Дня через два-три они, вероятно, будут здесь. Горизонт расцветет парусами. На несколько часов море станет белым и подвижным, как песчаный пляж, заполненный птицами. В порт хлынут здоровенные молодцы с ветчинно-розовыми физиономиями и грубым говором.

И темной ночью горстка преследуемых мужчин, женщин и детей поспешно погрузится на корабль, едва слышно перешептываясь, укачивая младенцев, чтобы не заплакали...

Покидая город, их город, город их отцов, эти боязливые тени соберутся на корабле. И в эту ночь гордая протестантская Ла-Рошель пожнет плоды своего поражения...

В глубине трюма в томительном ожидании отплытия они будут ловить слова отдаленных команд и вслушиваться в шаги над головой. Судно вздрогнет. Они почувствуют, что оно двинулось. Качка усилится. Потом наступит момент, когда они смогут наконец безбоязненно выйти из вонючего пространства под палубой. Море вокруг будет пустынно, а они станут всматриваться в далекий горизонт в надежде разглядеть образ их свободы.

* * *

Анжелика глубоко вдохнула воздух, напоенный запахом соли и горькой полыни. Между дюнами росли мелкие темно-желтые цветочки. Онорина старательно их собирала.

– Пospеши, дорогая, – попросила ее Анжелика.

– Я устала.

– Ну что ж! Тогда я понесу тебя.

Она встала на колени, чтобы малышка смогла забраться ей на спину.

Ей было приятно шагать, обдуваемой ветром, чувствуя на себе этот нетяжелый груз. Шелковистые волосики Онорины, разлетающиеся по сторонам, ласкали ей щеку. Девочка смеялась. Им обеим нравилась тишина ландов, наполненная тысячей звуков: шумом ветра, шорохом прибоя на гальке у подножия скал, криком птиц, вылетающих из тростников. Анжелика отметила про себя, что Онорина походила на нее. Она была убеждена, что обе они не созданы для жизни в городе. За городскими стенами они окунулись в свою излюбленную среду: ланды, далекий горизонт и влекущий зов как некое обещание того, что таится вдали. Плоская, безлесная, оголенная местность. Под еле заметной дымкой зеленоватого тумана перед ними простиралась бесконечная равнина, состоящая из дюн, болот и неприглядных полей. Справа, очень далеко, скопились жалкие буррины, – домишки маленькой деревеньки Сен-Морис.

В море еще виднелся центральный столб дамбы Ришелье, обросший ракушками, по сторонам которого скрещенные обломки балок продолжали разрушаться, ржавея в морской воде.

Анжелика рассеянно взглянула в ту сторону. Перед ней простирался залив Пертюи – внутреннее море между островами Олерон и Ре, но уже скрывающее беспокойную мощь океана.

Онорина крепче сжала ручонками шею матери.

– Ты счастливая? – спросила она со снисходительной нежностью, присущей избалованным детям.

– Да, я счастливая, – подтвердила Анжелика.

Она говорила правду. Приближалось время освобождения. Глядя на этот еще дикий пейзаж, не затронутый человеком и его страстями, она обрела уверенность, что море ее не предаст. Открывалась новая страница жизни.

Какие бы ни возникли трудности, она будет жить с обновленным сердцем, потому что освободится от гнета, давившего на все ее существо. На этой земле она оставляет только одно горестное воспоминание – маленький могильный холмик на опушке Ньельского леса, недалеко от развалин белого замка. И единственное сокровище, которое она увозит с

собой, – это ее дочь, бесценное дитя, ее друг.

Надо пережить еще несколько часов, и она вступит в спокойную жизнь, где израненные бурей птицы плывут по мирным водам. Счастье уже близко.

– Ну, если ты счастливая, то спой мне песенку! – сделала вывод Онорина.

Анжелика рассмеялась. Ее дочь никогда не упускала удачного момента.

Она стала напевать любимую балладу Флоримона про Зеленую мельницу. В ней говорилось о мельнице, сплошь покрытой изумрудами, о черте, который решил ею завладеть, о хозяине, боровшемся за свою мельницу. Нескончаемая история.

Продолжая напевать, Анжелика отошла от скалистого обрыва. Теперь нужно срезать путь по ландам, чтобы вернуться на проезжую дорогу, ведущую к маленькому порту Ла-Палис, первые хижины которого уже виднелись вдали.

– А вон там черт с Зеленой мельницы, – сказала Онорина.

Мать машинально повернулась в направлении, указанном маленьким пальчиком, и замерла. У нее даже перехватило дыхание.

Почти точно в том месте, где они должны были бы оказаться, если бы продолжали идти по тропинке вдоль моря, появился человек. Анжелика отошла уже довольно далеко и не могла разглядеть черты его лица, но она увидела, что это человек высокого роста, одетый во все темное, в огромном черном плаще, раздуваемом ветром.

Настоящий Мефистофель!

И в этот момент море накрыло берег облаком тумана, и Анжелика оказалась в центре бесплотного видения, где жило и трепетало только черное крыло огромного плаща.

Ей показалось, что жизнь в ней замерла или что душа вдруг покинула тело и перенеслась в ту страну, где воплощаются неясные образы, где мечта становится осязаемой, а реальность постепенно утрачивается.

Должно быть, именно так сходят с ума.

Вероятно, она слишком часто вспоминала шутливое пожелание сьера Роша: «Желаю вам, чтобы Рескатор бросил якорь возле Ла-Рошели», вот она его и увидела! Она перенеслась в воображаемую действительность, созданную ее фантазмагориями.

Анжелика решила, что потеряла разум, и ей стало страшно.

Вслед за тем влажное облако тумана рассеялось. Море вновь обрело свои живые яркие краски. Все стало ясным, четким, резким, и вдалеке даже

проглянула Ла-Рошель, белая, зубчатая, как корона из чистого серебра. Станный мужчина поднял руки, поднес к глазам подзорную трубу и навел ее на город. Теперь он превратился в обычного человека, и его чернильно-черный образ над обрывом на фоне лучезарного неба если и вызывал некоторое недоумение, то все же уже не казался ни призрачным, ни тем более дьявольским.

Он продолжал свои наблюдения, крепко стоя на слегка расставленных ногах, обутых в кожаные сапоги. Потом он опустил трубу и сделал знак невидимым людям, находящимся на полосе пляжа.

Анжелика очнулась. Сейчас он обернется и увидит стоящую женщину. Почему она вдруг прониклась убеждением, что этот мужчина и его сопровождающие не хотели, чтобы их узнали и даже заметили?

Она огляделась, поспешно добежала до кустов тамариска и укрылась за ними вместе с дочерью. Лежа в песчаной ложбинке, она плохо видела, что происходит вдали. К первому мужчине подошли еще двое и о чем-то заговорили.

Потом они исчезли. Анжелика могла бы подумать, что все это ей привиделось, но она приложила ухо к земле и услышала неясные человеческие голоса и удары, похожие на стук плотницких молотков.

Порыв ветра принес легко узнаваемый горьковатый запах кипящей смолы. Над скалами, которые в этом месте глубоко врезались в берег, образуя небольшую бухту, поднимался легкий дымок.

– Не шевелись, – велела она Онорине.

Но та и не думала шевелиться. Ее диковатой натуре было привычно прижиматься к земле, как затаившемуся зайчонку. Вероятно, она усвоила это еще в раннем детстве.

Анжелика подползла в траве к самому краю скал.

* * *

Сначала она увидела в центре бухточки трехмачтовое судно без флага, стоящее на якоре. С низкой осадкой и довольно широкое, оно могло оказаться как голландским, так и английским, но совершенно точно не французским и явно не относилось к ла-рошельскому рыболовному флоту, добывавшему треску. Их суда не превышали ста восьмидесяти тонн водоизмещения, а этот корабль имел тоннаж не менее двухсот пятидесяти или больше.

Зачем торговое судно зашло в бухту в одном лье от Ла-Рошели,

малопригодную для якорной стоянки? Всем известно, что обрывистые, но невысокие скалы служили плохой защитой, а дно здесь неглубокое и вязкое. В подобных заливчиках укрывались лишь рыболовецкие лодки.

И было ли это торговое судно? На Средиземном море глаз Анжелики научился определять маскировку. Теперь она не сомневалась, что на судне двойная палуба с батареей пушек и что плотно подогнанные створки, почти неразличимые с близкого расстояния, в нужный момент распахнутся, открыв черные жерла пятнадцати пушек.

На палубе, возле особенно высоких и прочных поручней, навалены внешне безобидные мешки: они скрывали пушки кулеврины. Об этом же говорило и присутствие часового возле этих мешков.

Другие кучи, накрытые брезентом, маскировали длинные багры, шлюпочные крючья и лестницы. В море эти инструменты служат для отталкивания корабля, идущего на abordаж... или для его подтягивания.

От судна отвалил каик и направился к прибрежной полосе. Он подошел к берегу и пропал из виду.

Анжелика очень медленно проползла еще вперед и осторожно подняла голову.

Голоса стали слышнее, но она не могла разобрать, на каком языке говорили люди. Внизу она разглядела висящий над костром, разложенным на гальке, большой котел с кипящей шведской смолой, иначе говоря, с гудроном, который используется при ремонте подводной части корабля. Вокруг стояли бочонки. Сверху она видела только спины и головы матросов, лохматые или в шерстяных колпаках. Они обмакивали пучки пакли в гудрон и складывали их в корзины, которые грузили затем на каик.

Первое, что бросалось в глаза при взгляде на команду каика, – это что она разнородна. Каждый из четырех членов принадлежал к разным расам, словно их собрали специально, чтобы представлять на морском празднике балет четырех сторон света. Один, поджарый и проворный, со смуглым лицом и огромными глазами жителя Средиземноморья, – сицилиец или грек, а возможно, и мальтиец. Другой, приземистый, как медведь, и в меховой шапке, с трудом передвигался в жесткой накидке и сапогах из тюленьей кожи. Третий, с узкими глазками на лице цвета коврижки, несомненно, турок. Мускулы его огромных ручищ вздулись горой, когда без видимых усилий он водрузил на голову бочку солидных размеров с кусками смолы. Последний – громадный гордый мавр – не принимал участия в тяжелой работе остального экипажа. С мушкетом в руках он следил за окрестностями.

«Пираты!..»

Значит, объяснение начальника полиции, по какой причине закрыли ворота, оказалось правдой. Пираты, о которых говорили, действительно существовали, и она их видела! Их дерзость превосходила всякое воображение: всего несколько кабельтовых отделяло их от ла-рошельского форта Сен-Луи и чуть большее расстояние – от Сен-Мартена на острове Ре, базы Королевской эскадры!

Паруса были убраны с расчетом на то, чтобы очень быстро их поднять: это указывало на готовность корабля отплыть при первой опасности. Странно только, что в таких условиях они конопатили судно. Вероятно, это служило для отвода глаз и было рассчитано на неопытного наблюдателя, заметившего их издали с земли или с борта корабля, бороздившего рейд.

Шум осыпавшихся невдалеке камней заставил Анжелику теснее прижаться к земле. Раздался непонятный пугающий рев, сменившийся надрывным визгом, который показался бы трагическим, если бы не исходил от двух больших свиней, которых владельцы – крестьяне из деревни Сен-Морис – гнали на пляж. К ним подошел матрос в меховой шапке и начал торговаться. Вероятно, крестьяне находились в прекрасных отношениях с командой пиратского судна, вставшего поблизости на якорь. Но все же судно оставалось кораблем разбойников, готовых на все. Эти пираты, несомненно, живые люди. Она видела и слышала их, почти касалась. Но вот человек в черном не мог быть настоящим. Не верилось, что *он сам* явился во плоти, чтобы бросить якорь перед Ла-Рошелю. Именно *он!*.. Почему *он?*.. Ей все это привиделось. К тому же он уже исчез. Кроме неподвижного часового, судно казалось безлюдным. Оно слегка покачивалось, и на солнце поблескивали золотистые украшения средней надстройки, поражающей своими размерами и богатством. Украшение кормы подошло бы и королевскому кораблю. Анжелика разобрала его странное название, выведенное золотыми буквами, – «Голдсборо».

Прикосновение маленькой ручки вернуло Анжелику к действительности. Онорина соскучилась ждать так долго и осторожно, как котенок, подобралась к ней поближе.

Увидев ее, Анжелика поняла, что оставаться дольше здесь нельзя.

Что с ними станет, если их увидят пираты? Морские бродяги не отличались нежными сердцами. В условиях окружавших их опасностей они бывали весьма несговорчивыми. А если их главарь действительно Рескатор, которого она, кажется, только что видела, то станет ли намного лучше, если она попадет в руки ему?..

Крайне осторожно, переползая с одной дюны на другую, Анжелика

удалилась от берега. Она выбралась на проезжую дорогу и, посадив Онорину на спину, заспешила к Ла-Палис. В деревне она остановилась в харчевне, куда заходили рыбаки выпить стаканчик после работы.

– Можно подумать, что вы повстречались с самим чертом, – сказала хозяйка и, не спрашивая, поставила перед ней графинчик с вином с острова Ре.

– Ну да, мы его видели, – подтвердила Онорина.

– Какая бойкая малышка! – засмеялась женщина.

Анжелика попросила молока и кусок хлеба для дочери и горячего овощного отвара для себя. Несмотря на уговоры хозяйки, она отказалась от вина, которое совсем лишило бы ее сил. Она помнила, что идет на остров Ре за Мартьялем и Севериной.

Двумя часами позже она добралась до маленького городка Сен-Мартен, пестревшего красными и синими сюртуками с золотыми галунами королевских морских офицеров.

Она расспросила и без труда нашла дом мадам Демюри, сестры мэтра Берна. Анжелика, бледная и растерянная, вполне соответствовала роли, которую ей предстояло сыграть: мэтр Габриэль Берн вдруг тяжело заболел, находится при смерти и перед кончиной хочет проститься с детьми.

Его сестра не посмела отказать. Больше всех новость поразила именно ее. Она была доброй женщиной. В католичество она обратилась потому, что была честолюбива и достаточно умна, а следовательно, понимала, что девушка-протестантка обречена в этой жизни на унижения и разочарования. Младшая сестра мэтра Габриэля, она тяжело переживала разрыв со своим горячо любимым братом. Сейчас она разрыдалась, думая о его неизбежной кончине, и отпустила его старших детей, порученных ее заботам королевским наместником, совершенно позабыв, что ей запретили выпускать их из дому без специального разрешения.

Хозяин лодки, перевозившей их на берег, следил за темными тучами, заволакивавшими небо. Приближалась гроза. Лодка плясала на гребнях высоких темных волн с белыми барашками, а когда они причалили, полил проливной дождь. Анжелика наняла крытую двуколку. При такой погоде она не рискнула возвращаться через ланды пешком. Возница-гугенот рад был оказать услугу детям мэтра Берна.

Поездка оказалась недолгой. Они быстро достигли крепостных стен Ла-Рошели возле ворот Сен-Николя. Их охранял часовой, укрывшийся под плащом с капюшоном из промасленного полотна. Он не пошевелился и, не глядя, пропустил повозку крестьянина. Анжелика уже порадовалась непогоде, позволившей им так легко миновать охрану, когда из

караульного помещения вышли два стражника.

Они остановили лошадь, загородив ей путь, и заглянули внутрь тележки.

– Да вот и она, – сказал один из них.

Анжелика узнала того, кто спрашивал ее имя и звание, когда утром она выходила из города.

– Это вы госпожа Анжелика, служанка в доме мэтра Габриэля Берна, расположенном на углу улицы Су-ле-Мюр и площади Марк-о-Бер?

– Да, это я.

Стражники посоветались между собой, потом один из них влез на скамейку возле возницы:

– Мы получили приказ по возвращении отвезти вас во Дворец правосудия.

Глава ХLI

Хозяин повозки изменился в лице. Человеку, принадлежащему к реформатской вере, не сулило ничего хорошего общество людей, которых надлежало везти во Дворец правосудия.

Но ему пришлось следовать в указанном направлении. Слезая с повозки перед длинной средневековой стеной, чьи дождевые трубы с гаргульями на концах извергали потоки воды, Анжелика почему-то думала, что ее будут расспрашивать о пиратах. Потом ей пришло в голову, что Николя де Бардань вернулся и хочет ее видеть.

Однако они не пошли к расположенной в глубине двора большой лестнице под позолоченным кессонным потолком, по которой она уже поднималась.

Ее вместе с тремя детьми втолкнули в темноватую контору, окна которой выходили под аркады. Там уже горели свечи. Среди беспорядочного скопления бумаг, чернильниц и гусиных перьев трудились писцы. Некоторые из них сидели на табуретах по углам комнаты и от безделья грызли ногти.

Здесь витал мрачный запах сала и пыли, к которому примешивался присутствующий военным запах табака и кожаных сапог. Он будил в Анжелике неприятные воспоминания: запах полиции. Один человек встал, посмотрел на молодую женщину с тупой наглостью и открыл дверь позади себя.

– Входи, – сказал он, подталкивая ее.

Говоря это, он взял Онорину за руку и оторвал от матери:

– А вы, дети, оставайтесь здесь.

– Но они же могут пойти со мной, – попробовала возразить Анжелика.

– Нет, нельзя! Господин Бомье должен тебя допросить.

Анжелика встретила взглядом с Мартьялем и Севериной. Они часто дышали, приоткрыв рот. Вероятно, их сердечки учащенно бились. Их уже приводили сюда после ареста. Анжелика хотела крикнуть: «Только молчите...» – потому что она имела неосторожность, пока они ехали с острова Ре в Ла-Палис, шепотом рассказать им об отъезде в Америку.

– Хорошенько следите за Онориной, – только и смогла посоветовать им Анжелика. – Объясните ей, что она должна быть умницей и что здесь *надо молчать...*

Последние слова потонули в воплях Онорины, недовольной, что ее разлучили с матерью. Дверь закрылась, и Анжелика осталась стоять в

тревожном ожидании в комнате, куда ее ввели. Она прислушивалась к крикам дочери, заглушавшим ворчливые, но, вероятно, добрые мужские голоса, пытавшиеся ее успокоить. Крики стали затихать. Ребенка увели. Раздалось хлопанье дверей, после чего вновь воцарилась тишина.

– Подойдите. Садитесь.

Анжелика подскочила. Она не заметила присутствия сьера Бомье, сидевшего за столом. Он указал на табурет по другую сторону стола:

– Садитесь, госпожа Анжелика.

Ей показалось, что он подчеркнуто произносит ее имя с какой-то непонятной интонацией. Пока она садилась, он не смотрел на нее и листал папку, почесывая редкие волосы одним пальцем.

В усах его застряли крошки нюхательного табака. Он несколько раз пробормотал «так... так...», закрыл папку и откинулся на высокую спинку вытертого кресла.

У Бомье были близко посаженные глаза, сходящийся, слегка косящий взгляд, который оживлялся напряженным блеском, присущим инквизиторам. Насколько Николая де Бардань мало подходил к возложенной на него роли, настолько Бомье соответствовал своей должности.

Анжелика поняла, что ее ждет борьба. Молчание продолжалось. В практику Бомье входило такое затягивание, чтобы напугать тех, кого он собирался допрашивать. Но сейчас это время позволяло Анжелике собраться с мыслями. Она не знала, с какой уязвимой стороны он начнет свою атаку. Возможно, и сам Бомье еще этого не знал. Погруженный в свои размышления, он провел языком по тонким губам и стал похож на безжалостную лисицу.

Наконец он решился.

– Скажите-ка, красавица, что вы сделали с телами? – наклонился он к ней с вкрадчивым видом.

– С телами? – с удивлением переспросила Анжелика.

– Не начинайте разыгрывать невинность. Вы бы не волновались, если бы не знали, о чем пойдет речь. Это ведь не очень приятное воспоминание, перетаскивать тела... Прятать их... А?

Анжелика сумела сохранить на лице все то же выражение вежливого изумления.

Бомье начал терять терпение:

– Не будем терять зря времени... Вам все равно придется признаться. Эти тела... Эти мужчины... Помните?.. Один был в синем сюртуке.

Он похлопал ладонью по письменному столу:

– ...Вы хотите сказать, что месяц тому назад ни один мужчина в синем сюртуке не приставал к вам на улице, не заигрывал с вами?

– Простите, сударь, – ей удалось изобразить растерянную улыбку, – я не понимаю, о чем вы говорите. Не сердитесь...

Управляющий по религиозным делам покраснел, на его губах появилась злая ухмылка.

– Так вы не помните этих двух мужчин?.. Третьего апреля сего года, если быть точным, в час пополудни... Вы возвращались из порта со складов Маниго... Эти мужчины увязались за вами... Они преследовали вас по улице Перш, по улице Сура... Вы вправду ничего не помните?

В его голосе звучала ирония и убежденность.

– Возможно, – пробормотала она, еще не зная, чем он может привести ее в замешательство.

– А! Мы начинаем вспоминать, – сказал он с удовлетворением.

Он вновь удобно устроился в кресле, глядя на нее как на добычу, которой уже не ускользнуть.

– Ну так расскажите об этом.

Анжелика решила действовать. Если она позволит собеседнику запугать себя его дьявольской уверенностью, она погибнет. Она увязнет в череде признаний.

– Что же рассказывать? – спросила она, вдруг перейдя на развязный тон. – Представьте себе, бывает, что на улице со мной заигрывают мужчины. Кстати сказать, Ла-Рошель приобретает все более дурную славу. А мне есть чем заняться, кроме как помнить об этих скучных господах и думать, в красном или синем сюртуке они были.

Бомье отмел ее слова жестом:

– Но я уверен, что этих двоих вы запомнили очень хорошо. Ну-ка, напрягите память. Он шли за вами, а... потом...

– Честное слово, – огрызнулась она, – раз вы уверены, что они увязались за мной, то полагаю, что я их отшила.

– И продолжили свою дорогу?

– Вероятно.

– Третьего апреля, возвращаясь от месье Маниго, вы прямиком вернулись в дом мэтра Берна на улице Су-ле-Мюр?..

Она почувствовала ловушку и прикинулась, что глубоко задумалась:

– Третьего апреля, вы говорите?.. Может, я в тот день и не сразу вернулась домой, а сначала зашла на склады своего хозяина, как обычно, когда передавала ему письмо от месье Маниго.

Казалось, такой ответ удовлетворил Бомье, улыбка обнажила его

желтоватые зубы.

– Вы очень кстати вспомнили свой путь в тот день. Если бы вы утверждали обратное, то показали бы свое нежелание говорить честно. Потому как знайте, что упомянутых любезников за вами послал я. Когда вы уходили от Маниго, я находился в маленьком портовом кабачке и видел, как они двинулись за вами. Еще один человек с двумя стражниками поджидал вас возле жилища мэтра Берна на улице Су-ле-Мюр. Так вот, этот человек свидетельствует, что не видел, чтобы вы в тот день вернулись домой, ни вы, ни ваши псевдоухажеры, с которыми он должен был объединиться. И они... *они никогда больше не вернулись.*

– Ах! – воскликнула Анжелика, словно не понимая трагического подтекста чиновника, в голосе которого зазвучали мрачные нотки.

– Не начинайте вновь разыгрывать невинность! – закричал он, опять хлопнув рукой по столу.

От злости он скрипнул зубами:

– Вам отлично известно, почему они не вернулись. Потому что их убили. И я знаю кто и объясню вам, как все произошло, раз у вас такая короткая память. Вы пришли на склады вашего так называемого хозяина, и там мои люди, следуя инструкции – о! признаю, инструкции, которую они весьма охотно исполняли, – постарались получить от вас маленькую награду. Мэтр Берн с приказчиками вмешались. Завязалась драка, и мои люди пали под превосходящим числом и ударами противников. А теперь я хотел бы знать, куда вы их дели.

Анжелика приложила все силы, чтобы слушать этот рассказ с широко открытыми от ужаса глазами. В версии Бомье хромал один пункт, относительно приказчиков, что говорило о его неосведомленности.

– Боже правый! – воскликнула она с преувеличенной наивностью. – Но ведь это ужасно, то, что вы здесь рассказываете. Я ушам своим не верю. Вы обвиняете моего хозяина в убийстве?

– Да, он убийца! – четко отрубил Бомье.

– Но, сударь, это просто невозможно. Он очень набожный человек и ежедневно читает Библию.

– Это ничего не доказывает, скорее наоборот. Эти еретики на все способны. Поверьте, я знаю, что говорю, за это мне и платят.

Но возмущение и притворное простодушие Анжелики все же зародило в нем сомнение.

– Он и мухи не обидит, – продолжала она настаивать. – Это очень спокойный и добрый человек.

На губах инквизитора появилась неприятная улыбка.

– Не сомневаюсь, красавица, что вы сумели оценить эти его качества.

– Мой хозяин...

– Ваш хозяин! Ваш хозяин! – прорычал он. – Не будем извращать роли. Он такой же ваш хозяин, как вы его хозяйка, то есть любовница.

Анжелика приняла оскорбленный вид, прежде чем выложить карту, которую она приберегала с самого начала, ту единственную карту, которая могла помочь ей в сложившейся ситуации. Грубый намек Бомье дал к этому повод.

– Сударь, – сказала она с большим достоинством, опуская глаза, – вам, должно быть, известно, что месье де Бардань удостоил чести заметить меня, невзирая на мое скромное положение. Я не думаю, что ему понравятся сомнительные и оскорбительные обвинения, которые вы против меня выдвигаете.

Но его это несколько не смутило. Напротив, он улыбнулся своей вкрадчивой улыбкой и сделал жест, вселивший в Анжелику неизъяснимый ужас. Он взял с письменного прибора гусиное перо и принялся задумчиво вертеть его в пальцах. Подобный жест пробудил в ее памяти ужас тех допросов, которые некогда учинял ей страшный полицейский Франсуа Дегре. И тогда, когда он уже готовился приковать ее к позорному столбу, он тоже играл гусиным пером.

Анжелика не могла отвести взгляд от машинальных движений его большого пальца, почерневшего от табака.

– Кстати сказать, – заметил Бомье с продуманной мягкостью в голосе, – господин де Бардань уже не вернется в Ла-Рошель. Там, наверху, сочли, что ему не хватает решительности в выполнении доверенной ему задачи.

Его губы презрительно растянулись.

– Нужны цифры, а не обещания. В результате его слишком снисходительного правления наглость гугенотов только возросла, и следует признать, что те немногочисленные обращения в истинную веру, которые можно назвать за этот период, обязаны моему усердию, честно признаться, очень плохо оцененному.

Он положил перед собой обе руки ладонями вверх и вдруг почти добродушно заявил:

– Итак, малышка, ситуация ясная. Теперь нет месье де Барданя, чтобы защищать вас и запутываться в расставленных вами сетях. Отныне вам предстоит договариваться со мной. И я ручаюсь... да-да... что мы договоримся.

Губы Анжелики непроизвольно задрожали.

– Он не вернется... – прошептала она, откровенно сраженная.

– Нет... Ба! Если этот любовник, признаю, представлял для вас выгодные преимущества, то мэтр Берн остается надежным приобретением, выгодным помещением капитала. Вы совершенно правы, что прибрали к рукам этого вдовца, набитого деньгами...

– Сударь, я вам не позволю...

– А я, паршивая лгунья, не позволю и дальше над собой потешаться! – заорал Бомье, разыгрывая праведный гнев. – Что?.. Вы не его любовница? А что же вы делали в конторе мэтра Берна в этот пресловутый день третьего апреля, когда судебный пристав Громмер явился изъять налоги?.. Он видел вас!.. У вас был расшнурован корсаж, а волосы разметались по плечам... И ему пришлось уж не знаю сколько барабанить в дверь, пока этот порочный безбожник не решился ему открыть... И вы смеее утверждать, что вы не его любовница?.. Лгунья и интриганка, вот вы кто.

Задохнувшись, он прервался, с удовольствием наблюдая, как запылала щеки его собеседницы.

Анжелика проклинала себя, что покраснела. Как отрицать?.. По крайней мере, из-за темноты на складе судебный пристав не заметил ее разорванного платья в пятнах крови. Полбеда, если он приписал беспорядок в ее одежде только фривольным забавам. Но даже в самых снисходительных глазах все выглядело именно так.

– А! Теперь вы не так горды, – заметил ее мучитель.

Он ликовал, что вынудил ее опустить глаза. Наглость этих женщин превосходит всякое воображение. Еще немного, и они заставят вас поверить, что это вы заговариваетесь.

– Ну?.. Так что вы скажете?

– Сударь, бывают же минуты слабости...

Глаза Бомье сузились, черты лица приняли слащавое и злобное выражение.

– О! Безусловно!.. Такая женщина, как вы, притягивающая взоры мужчин и сознающая это, конечно, может иметь слабости... Я, честное слово, даже сказал бы, что это ваше ремесло. Меня бы сильно удивило обратное. И в конце концов, то, что вы остановили свой выбор на Берне, – это ваше дело. Но вы мне в этом бесстыдно солгали, и если бы я вас не припер к стене, вы продолжали бы с негодованием защищать вашу оскорбленную добродетель... Когда так лгут в одном вопросе, то могут солгать и в других случаях! Теперь я вас знаю, красотка, я вас изучил. Вы сильны, но я вас одолею.

Анжелике стала понимать, что попала в очень нехорошую историю.

Этот маленький человечек, закосневший в лести и бумагах, оказался крайне изворотливым, если только это не она утратила свою былую находчивость. Он страшил ее еще сильнее, чем Дегре. Даже тогда, когда тот всеми силами добивался от нее признания в соучастии в ограблении дома, она ощущала какую-то связь с ним, плотское влечение, делавшие увлекательной даже самую яростную борьбу.

Но даже при одной мысли использовать свои прелести для смягчения злобы этой вонючей крысы Анжелика от отвращения едва не лишилась сознания. Это казалось выше человеческих сил, да к тому же с Бомье любые подобные попытки могли провалиться. Он был худшей копией де Солиньяка. Свое сладострастие он удовлетворял в радости бескомпромиссного исполнения долга, в зрелище сломленного существа, молящего о пощаде, в умоляющих взглядах, в чувстве своего могущества, которое состояло в том, чтобы одним росчерком пера разрушать устремления целой жизни.

С блаженным видом он сложил руки на тощем животе, что обычно свойственно людям тучным. Это подчеркнуло его жалкую внешность и сделало похожим на старую деву.

– Ну же, красавица, давайте подружиться. Чего это ради вы связались с этими еретиками? Признаю, в другие времена такие Берны и их денежки могли бы соблазнить. Но вы достаточно прозорливы, чтобы понять, что на сегодняшний день богатство реформата – это всего лишь пшик. Если только он не отречется. Тогда совсем другой разговор. Если бы вы были похитрее, то давно бы уже устроили нам переход Берна и его семейства в католичество. Вы выиграли бы со всех сторон, тогда как теперь вы в нехорошем переплете: соучастница убийства, соучастница затей гугенотов, вы теряете свое преимущество как католичка. Вас можно обвинить в желании примкнуть к их преступной конфессии. А это очень серьезное обвинение.

Он снова заглянул в небольшую бумажку:

– Вот и кюре ближайшего к вам прихода Сен-Марсо говорит, что никогда не видел вас на богослужениях и не исповедовал вас. Что это означает? Что вы отходите от католической веры?

– Нет, конечно, – сказала Анжелика, сильно вздрогнув, что должно было служить верным доказательством ее искренности.

Бомье это почувствовал и пришел в замешательство. Разговор шел не совсем так, как он того желал. Он угостил себя понюшкой табака, втянул ее носом, шумно чихнул, даже не подумав извиниться, и долго и старательно отвратительно сморкался.

Анжелика невольно вспомнила тот момент, когда появилась Онорина, раскрасневшаяся под своим зеленым чепчиком, с блестящими от ненависти глазами, и, подняв на Бомье свою палку, закричала: «Зя хочу его убить».

Ее сердце наполнилось любовью к маленькому непокорному созданию, которое уже теперь восставало, как и она сама, против всего низкого и отвратительного. Надо было выйти отсюда, забрать Онорину и пережить несколько часов, отделявших их от побега.

– А что вы думаете об этом? – спросил Бомье.

Он протянул ей листки бумаги. Список имен. Здесь стояло имя Габриэля Берна с семейством, имя семьи Мерсело, Каррер, Маниго и многих других. Анжелика перечла его дважды, сначала заинтригованная, потом обеспокоенная. Она вопросительно взглянула на своего визави.

– Все эти люди будут завтра арестованы, – сказал он с радостной улыбкой.

И вдруг нанес неожиданный удар: *«Потому что они собираются сбежать»*.

Анжелика узнала список. Это была копия списка тайных пассажиров «Святой Марии», составленного Маниго. Здесь перечислялись все имена, вплоть до крошки Рафаэля, новорожденного семьи Каррер, обозначенного как «незаконнорожденный по ордонансу», потому что пасторы больше не признавались, как раньше, официальными лицами, регистрирующими гражданское состояние новорожденных.

Ее собственное имя также значилось в списке после семьи Берн: госпожа Анжелика, служанка.

– «Святая Мария» не отправится в плавание, – продолжал Бомье. – Она уже взята под строгий надзор.

Различные решения и возможности проносились в голове Анжелики, сменяя друг друга со страшной быстротой. Она поочередно их отбрасывала. Ее обостренный ум тотчас показывал, как Бомье обратит их против нее. Ему многое известно. Ему известно все. Но она не позволит ему этим воспользоваться. Нужно делать что угодно, но только не молчать. Длительное молчание равносильно признанию.

– Бежать, – переспросила она, – а зачем?

– Все эти гугеноты, вместо того чтобы покориться королю, стараются спасти свое богатство, убежав к врагам Франции.

– Я никогда ни о чем таком не слыхала... А почему и я в этом списке? Мне ведь не надо отречься или спасти богатство.

– Возможно, вы опасаетесь оставаться в Ла-Рошели... Вы ведь пособница убийцы.

– Ах! Сударь, – воскликнула Анжелика, изображая крайний ужас, – умоляю вас, не повторяйте подобного обвинения. Клянусь вам, что оно ложно. Я даже могу вам это доказать.

– Вам что-то известно?

– Да-да. – Анжелика уткнулась лицом в платок. – Сударь, я скажу вам всю правду.

– Ну, в добрый час! – воскликнул Бомье, лицо которого осветила торжествующая улыбка. – Говорите же, дитя мое, я слушаю вас.

– Этот... Этих мужчин, которых вы послали за мной третьего апреля, я очень хорошо запомнила.

– Я так и думал.

– Особенно молодого человека в синем сюртуке. Не знаю, как вам объяснить... Мне стыдно, сударь. На самом деле, вопреки тому, что вы думаете, мой хозяин человек суровый и в его доме не бывает никаких развлечений. А я бедная девушка с ребенком на руках. Я согласилась прислуживать у этого гугенота из-за хорошей платы. Но он очень строгий. Нужно работать и работать да Библию читать, вот и все. И вот в тот день, когда этот любезный молодой человек заговорил со мной на улице Перш, я с удовольствием его слушала. Но только не сердитесь, сударь.

– Я не сержусь, – проворчал Бомье, – это просто доказывает, что он знает свое ремесло, за которое получает деньги. Ну, дальше что?

– Ну вот, дальше мы пошли вместе и приятно беседовали, а когда я подошла к складам мэтра Берна, куда направлялась, думаю, он уже понял... Что я охотно увижусь с ним позже... и в более укромном месте... Я вспоминаю, что он поговорил со своим товарищем и сказал ему что-то вроде: «Старый краб неплохо набил наши карманы, так что мы сможем повернуть это дельце...»

– Старый краб? – подпрыгнул Бомье.

– Не знаю, сударь, о ком он говорил, но теперь мне кажется... что, возможно, о вас?

– Продолжайте, – ответил он с раздражением.

– Да, кажется, они говорили, что у них есть денежки.

Она далеко зашла в своих предположениях, на самом деле эта подробность была ей неизвестна. Но она могла предположить, что когда председатель Королевской комиссии по делам религий отправляет на панель Ла-Рошели своих штатных подчиненных, то он должен предоставить им средства, чтобы поразить красоток. Ее предположение оправдалось, потому что Бомье и глазом не моргнул. Анжелика осмелела:

– И он сказал еще: «Раз уж встретила любезница, которая не

начинает с оплеух, то не будем портить удовольствие. Подожди меня в таверне Сен-Николя да выпей графинчик за счет старого... хм! А потом посмотрим».

– Что он хотел этим сказать? – спросил Бомье, который еле сдерживал свой гнев.

– Не знаю, сударь... Сознаюсь, я тогда думала о другом. Это был такой приятный молодой человек. Надо признать, вы сделали правильный выбор. Такой смелый. Не скажешь, что он мне не приглянулся, тем более, как я вам уже говорила, жизнь моя у этих гугенотов очень невеселая и уж очень давно не имела я некоторых... радостей. А улица оставалась пустынной...

Она сама ужасалась той мерзкой истории, которую сочиняла на ходу, но Бомье, кажется, на нее клюнул. Он был сильно возбужден, и это подстегивало воображение Анжелики.

– Но мой хозяин все испортил. Месье Берн нас увидел. Он очень буйный и вот впал в ярость. Да к тому же он очень сильный, и мой новый дружок не смог с ним справиться. Он удрал, и правильно сделал, верно ведь?

– Черт бы побрал этих ветрогонов! Почему они разошлись? Я ведь не просто так послал двоих!..

– Ну а меня хозяин потащил к себе в контору, чтобы проучить. Говорю вам, он очень разозлился...

– Это ревность!

– И то может быть, – согласилась Анжелика с долей кокетства. – Он собирался побить меня палкой, когда появился судебный пристав Громмер и избавил меня от наказания.

Бомье заволновался. Новое объяснение событий сбilo его с толку.

– Это все?

– Нет, не все, – прошептала Анжелика, опуская голову.

– А что еще?

– Этот молодой человек в синем сюртуке... мы... еще встречались.

– Когда? Где?

– В тот же вечер. Мы успели договориться о свидании возле крепостных стен. А потом еще, на следующий день...

Она продвигалась на ощупь. Стремясь подтвердить достоверность своего рассказа, не развалит ли она все хрупкое сооружение своей лжи?

– А потом я его больше не видела. Я подумала, что он ушел из города... Он намекал... Ну, я, конечно, расстроилась.

Бомье с горьким разочарованием передернул плечами:

– Все они одинаковы! Из сил выбиваешься, обучая их ремеслу, вдалбливаешь им роль, доверяешь важное поручение, а они втихомолку сбегают искать счастье на стороне. Но Жюстен Медар меня удивил. Кому можно верить?

Анжелика не дала ему слишком долго удивляться необъяснимому поведению несчастного Жюстена Медара, который как раз за свою преданность правому делу и стойкую приверженность ремеслу пошел на корм крабам.

– Теперь, сударь, я вам все сказала, – вздохнула она, – и прошу вас, не будьте со мной очень строги! Я обещаю, что завтра же уйду от гугенотов. Слишком много от них неприятностей. Тем хуже! Я даже еще не знаю, куда пойду, но от них уйду обязательно, обещаю.

– Ну, нет, сейчас вы от них не уйдете, – возразил он. – Наоборот, вы должны у них оставаться и сообщать мне обо всем, что там затевается. Так вы знаете об их отъезде на «Святой Марии»? Вы ведь в списке.

– Но я-то, сударь, при чем? Я совсем ничего об этом не знаю. Я думаю, что если бы мой хозяин собирался уехать, то он сказал бы мне об этом или занялся бы приготовлениями к отъезду.

– Так вы ничего не заметили?

– Совсем ничего.

Она постаралась принять наивный вид. Бомье вертел в руках разоблачительный список:

– Но мои сведения выглядят надежными.

– Если те, кто вам их предоставил, так же честно отрабатывают свои деньги, как ваш Жюстен Медар... – фыркнула Анжелика.

– Заткнитесь! – заорал Бомье. – Если я имел снисхождение вас выслушать, так вы уже о себе возомнили. Нахалка! Бесстыжая! Вы заслуживаете, чтобы я запер вас в монастыре Кающихся Девиц, потому что вы просто ш... худшего пошиба... Но если вы действительно такая, то вы мне полезнее в миру, чем в монастыре.

Вновь успокоившись, он внимательно и задумчиво посмотрел на нее.

– Если вы действительно такая, как кажется, – повторил он вполголоса.

Он встал и обошел стол. Анжелика с опаской спрашивала себя, что он задумал. Оставалось надеяться, что он не потребует поцелуя в обмен на освобождение. Но он направился мелкими шажками к двери.

– Сударь, сударь, – взмолилась Анжелика, молитвенно складывая руки, – скажите, что вы отпускаете меня и возвращаете мою дочь. Я ведь не сделала ничего плохого.

– Да, думаю, что отпущу вас, – решил он с олимпийским высокомерием. – На этот раз... Сейчас вас ждет одна маленькая проверка... а потом вы свободны.

Он вышел.

Если бы она не была так напряжена, то заметила бы подозрительные нотки в его голосе, когда он произносил «Сейчас вас ждет маленькая проверка». Но она услышала только утешительное обещание. «Я отпущу вас». Ведь в какой-то момент положение казалось ей безнадежным. Только бы вместе с Онориной ей вернули и детей Бернов!

Ее плечи опустились. Она закрыла глаза, и две слезы, вызванные усталостью, скатились по ее щекам.

Потом дверь отворилась, и кто-то вошел в комнату.

Вошел полицейский Франсуа Дегре.

Глава XLII

Когда Анжелика увидела его квадратную челюсть, прямой взгляд карих глаз, широкие плечи, обтянутые коричневым суконным сюртуком, скромно украшенным по петлям золотым галуном; когда она увидела все то, что отдавало в его персоне при галстукке и в туфлях на высоких каблуках столицей – Парижем с его каретами и синими ночами, – она так удивилась, что не сразу сообразила, что означает для нее присутствие этого человека из ее прошлого.

Личность маркизы дю Плесси-Бельер, Мятежницы из Пуату, установлена, ее арест именем короля как мятежницы, тюрьма, приговор, брошенная Онорина, как и Флоримон, утраченная для нее навеки, невозможность побега на Острова...

После такого потрясения ее парализованный мозг отказывался думать. Она узнала его. Она даже неосознанно обрадовалась этой встрече. Дегре! Прошлое было так далеко... и так близко!

Он поклонился, словно они только вчера расстались:

– Приветствую вас, мадам. Как поживаете?

Его голос заставил ее вздрогнуть, отозвавшись далеким эхом их споров и периодов ненависти и страха, которые она из-за него испытала, но и воспоминанием о минутах горячей и грубой любви, к которой он ее принуждал.

Она следила взглядом, пока он пересекал комнату и садился за стол Бомье. Он не носил парика. Это вызывало в памяти его знакомый облик былых времен и, несмотря на подчеркнuto жесткое выражение, напоминало лицо бедного студента-гуляки, с которым она повстречалась в те времена, когда он еще не служил в полиции. И напротив, его изысканная одежда, уверенные движения и то, как он расположился в кресле с видом человека, привыкшего исполнять тяжкие обязанности, были ей незнакомы.

Черты лица заострились. В уголках глаз глубоко затаилась вечная ирония, а по обеим сторонам рта полугорькая и вместе с тем полунежная складка не исчезала даже во время улыбки. Он одарил ее любезным блеском зубов своей хищной улыбки.

– Ну-с, дорогая Маркиза Ангелов, как видно, это записано на небесах, что мы вновь должны встретиться, несмотря на ту поспешность, с которой вы изволили покинуть меня при последнем свидании. Когда же это было?.. Очень давно... Четыре, нет, пять лет тому назад!.. Уже пять лет, подумать

только! Как время летит. Для некоторых оно богато событиями, как для вас, например. Это ваша личная особенность, жить беспокойно. Ну а я?.. Что вы хотите, моя жизнь течет куда более мирно, если только вы в нее не вторгаетесь. Я занимаюсь текущими делами, знаете, всеми делами без разбора. Вот недавно арестовал одну из ваших соседок, маркизу де Бренвилле. Да помните ли вы ее? Она проживала через несколько улиц от вашего особняка Ботрейи. Так вот, она отравила всех членов своей семьи, а заодно и еще несколько десятков человек. Я долгие годы шел по ее следам, а арестовать-то ее помогли мне вы. Да-да! Это те ценные сведения об ограблении, совершенном вашими добрыми друзьями из Двора Чудес, которые я у вас так ласково тогда вырвал. Вы и этого не помните? Вероятно, забыли... Конечно, с тех пор ведь столько всего случилось. Ах! Дорогая моя, сейчас в Париже отравляют так часто. И я безумно занят. В Версале тоже много случаев. Но там расследования крайне деликатные... Впрочем, я вижу, что вам совсем неинтересны все эти мелкие сплетни. Поговорим о другом.

Мне поручили вас найти и схватить. На меня постоянно возлагают неприятные поручения. Схватить Мятеевницу из Пуату! Не так-то просто. Да и не мое это дело, таскаться по провинции вроде вашей... Жалкая провинция, – пробормотал он, – обескровленная, разграбленная, население подобно скоту, но, стоит слышать ваше имя, сразу запирают рот на замок!.. Я вынужден был отказаться от этой затеи и положиться на случай... Свою роль здесь сыграл проныра Бомье. Он приехал в Париж с докладом по этим нескончаемым религиозным делам, а заодно собирал сведения об одной женщине, которая... О женщине, которую... Почему пришло мне в голову, что этой женщиной можете оказаться вы? Право, не знаю. А недавно, после беседы с любезным губернатором Ла-Рошели месье де Барданем, исчезли и последние сомнения. Поэтому я поспешил приехать, чтобы увидеть вас, моя бесценная. И это действительно вы. Итак, поручение выполнено.

А известно ли вам, что вы помолодели?.. О! Да. Я был просто поражен, увидев вас. Неужели все дело в простеньком белом чепце, который так напоминает служанку мэтра Буржую тех времен, когда я захаживал в «Красную Маску» выпить стаканчик белого сюренского вина? В дальнейшем меня глубоко разочаровал ваш облик фаворитки короля, обвешанной драгоценностями. Поверите ли, но я уже начал замечать на вашем лице стигматы моих отравительниц: жадность, честолюбие, страх, стремление мстить. Но теперь все в прошлом. Я вновь увидел ваши искренние глаза молодой женщины... Но в них появилось что-то еще:

пережитый тяжелый опыт. Так что же смыло ваше прошлое? Что вернуло вам гладкие чистые щечки? И ваши огромные, проникающие в душу глаза, которые зывают о помощи?

Я вошел сейчас и сразу подумал: «Боже! Как она молода». Надо признать, приятный сюрприз после пятилетней разлуки. А может быть, это из-за слезинок на ваших щечках?..

Неужели, дорогая, вас заставил плакать эта старая крыса Бомье? И почему же? Что вы еще натворили, что привело вас в когтистые грязные лапы полиции?.. Ну когда же вы научитесь осторожности?.. Да ответьте же, наконец! Ваши глаза красноречивы, что и говорить, они всегда такими были, но мне этого мало. Я хотел бы слышать и звук вашего голоса.

Он с важным видом наклонился вперед, глядя ей прямо в глаза. Она молчала, не в силах произнести ни слова. Из глубины ее отчаяния рвался крик: «Дегре, друг мой Дегре, помогите!»

Но ее губы не издали ни звука.

Дегре замолчал и долго смотрел на нее. Он вновь узнавал черту за чертой, подробность за подробностью лица той женщины, которая так часто владела его мечтами.

Он приготовился увидеть ее разбитой, постаревшей, вызывающей, озлобленной, ненавидящей, но не ожидал такого откровенного страдания, молчаливой отчаянной мольбы в ее зеленых глазах, которые казались ему теперь еще светлее и прозрачнее, чем раньше.

«Я знал, что ты красива, – думал он, – но ты стала еще красивее!.. Каким же это чудом?»

В нем пробудилось глубокое уважение к этой женщине, сумевшей свершить «подвиг»: несмотря на пережитые тяжелые годы, на войну, на поражение, на жизнь загнанного зверя, на постоянные опасности, она смогла сохранить свою душу нетронутой.

Вновь наклонившись, он стал серьезным:

– Мадам, чем могу я вам помочь?

Анжелика сильно вздрогнула, словно вышла из гипноза:

– Мне помочь? Вы готовы, Дегре, мне помочь?

– С момента нашего знакомства я только тем и занимаюсь, что вам помогаю. Да, даже тогда, когда пытался арестовать вас в Марселе, я делал это, чтобы вам помочь. Чего бы я не дал, чтобы помешать вам броситься в то отчаянное путешествие, за которое вы так дорого заплатили!

– Но... У вас же ордер на мой арест?

– Безусловно... И уже второй раз. Но я вас не арестую.

Он покачал головой:

– Потому что теперь это будет для вас концом. Теперь вам уже не ускользнуть. Я буду вынужден, моя овечка, привезти вас связанной по рукам и ногам. И я не поручусь за вашу жизнь. Свободу вы потеряете безоговорочно. Вам никогда уже не выйти на волю.

– А ваша карьера, Дегре?

– Довольно опрометчиво напоминать мне о карьере в тот момент, когда я предлагаю вам свою помощь. Просто я не могу вообразить вас в пожизненном заключении, вас, созданную для воли... Кстати, вы правда собирались отплыть на Острова вместе с тремя десятками протестантов?

Он небрежно листал список пассажиров «Святой Марии». Перед ее глазами проносились фамилии Маниго, Бернов, Карреров, Мерсело... Имена Мартьяля, Северины, Лорье, Ребекки, Жереми, Абигели, Рафаэля... Она колебалась лишь долю секунды.

Любой полицейский знает сто способов, как добиться признания. Не преследовал ли взволнованный голос Дегре, его резкие замечания, неожиданно прерываемые словами нежности, одну-единственную цель – усыпить ее подозрительность? Одним своим словом она могла предать друзей, которых стремилась защитить любой ценой. Губы у нее задрожали, но она пошла ва-банк.

– Да, правда, – произнесла она.

Дегре откинулся назад и слегка вздохнул.

– Хорошо, что вы не усомнились во мне, – сказал он. – Если бы вы это сделали, возможно, я и арестовал бы вас! Как странно, при нашем ремесле с возрастом становишься более жестким и одновременно более сентиментальным, более жестоким и более нежным. Отказываешься от всего, кроме какой-то малости, которую ценишь дороже золота. И со временем она становится тебе все дороже. Это относится и к вашей дружбе. Осмелюсь сделать это признание, дорогая, хотя оно совсем не в моем стиле, – я знаю, что если отпущу вас сегодня, то уже никогда больше не увижу.

– Вы отпустите меня?

– Да. Но поймите, этого недостаточно для вашей защиты, потому что вы опять попали в нехорошую историю. Почему вы раньше не уехали на Острова? Это стало бы наилучшим решением. Я бы никогда с вами не встретился, и душа моя была бы спокойна. А теперь я должен терзаться. Этот Бомье быстро до вас доберется. Все ваши сообщники со дня на день будут арестованы. Их судно под надзором. С этой стороны у вас ничего не выйдет... Почему вам пришло в голову, дорогая, связаться с этими еретиками, хотя у вас имелась сотня возможностей остаться незамеченной.

В наши дни они привлекают слишком много внимания, чтобы их жилище могло служить надежным убежищем... Уж не говоря о том, что они вообще люди неинтересные. «Рыбья кровь», они не умеют даже любить... Вы меня разочаровали!..

– Вы сказали, что их должны арестовать? – спросила Анжелика, которая услышала только это. – Когда?

– Завтра утром.

– Завтра утром, – повторила она, побледнев.

Никто еще не знает об этом. Завтра утром люди в черном и стражники войдут во двор с цветущими левкоями и испанской сиренью, где вокруг пальмы танцуют дети. Они схватят этих детей и уведут навсегда. Руки мэтра Берна закуют в цепи. Они будут толкать старую Ребекку и уважаемую тетюшку Анну, а та будет протестовать, прижимая к тощей груди Библию и книги по математике. Но они вырвут их у нее и бросят в канаву...

И по всем улочкам квартала на Валах поведут женщин в белых чепцах с поспешно собранными узелками, мужчин в кандалах, а маленьких, едва поспевающих перепуганных детей поволокут солдаты в сапогах.

* * *

– Дегре, вы ведь сказали, что поможете мне...

– А вы воспользуетесь моей помощью, чтобы предупредить этих людей?.. Ну нет, девочка. Хватит глупостей! Я даю вам время только собрать свои тряпки, и то под моим присмотром, после чего вытаску вас из этой опасной колеи, в которой вы увязли по своей глупости. Вы слишком быстро забыли, что вас *тоже* ждет виселица и что вас не спасет ваше положение папистки, если кто-нибудь, кроме меня, слегка копнет ваше прошлое.

– Выслушайте меня, Дегре.

– Нет.

– Одни сутки... Я прошу у вас отсрочки на одни только сутки. Добейтесь своей властью, чтобы их арест отложили на послезавтра, ну, в крайнем случае хотя бы до завтрашнего вечера.

– Черт возьми, да вы сумасшедшая! – не на шутку разозлился Дегре. – Вам всего мало. У меня и так уже столько хлопот ради спасения вашей собственной головы, кстати сказать оцененной в пятьсот ливров!

– Только одни сутки, Дегре... Обещаю, что побегу вместе с ними.

– Вы утверждаете, что до завтрашнего вечера сумеете спрятать и сделать недосыгаемыми полсотни человек, которым грозит арест?

– Да, я сумею...

Минуту Дегре смотрел на нее молча.

– Что за звезда зажглась в вашем взоре? – произнес он с неожиданной нежностью. – О! Узнаю ее! Вас не изменишь, Маркиза Ангелов. Ну что ж, будь по-вашему. Я предоставлю вам и им ту отсрочку, о которой вы просите. Ради той улыбки, с которой вы произнесли: «Я сумею».

Она вскочила, но он удержал ее жестом:

– Подождите. Одни сутки. Не больше. Хотелось бы мне не суметь этого добиться. Но здесь ко мне относятся с уважением, потому что я правая рука господина де Ла Рейни, генерал-лейтенанта Королевской полиции. Однако я прибыл по частному делу, по вашему делу, и не должен вмешиваться в дела провинции. Безусловно, Бомье будет крайне недоволен, если я нарушу планы ареста «его» протестантов. Но я все же найду предлог отложить операцию до завтрашнего вечера. Но не дольше. Он ведь хитер, и ему известно, что голландские корабли на подходе к Ла-Рошели. Кутерьма, которая последует за их приходом, окажется слишком благоприятной для тех, кого он так давно выслеживает. А потому все должны оказаться под замком до прихода голландцев.

– Я поняла.

– Пройдите здесь. – Он взял ее за локоть и подвел к другой двери, расположенной за письменным столом. – Не хочу, чтобы видели, как вы уходите. Так не будет повода для нескромных вопросов.

Анжелика остановилась как вкопанная:

– А дети? Я не могу уйти без них.

– Я уже давным-давно отправил их домой, – проворчал он. – Эта рыженькая чертовка, вероятно ваша дочь, просто оглушила нас своими воплями. Я приказал старшему: беги к отцу, ни с кем не разговаривай и ждите возвращения госпожи Анжелики. Это пока Бомье вас допрашивал, а я ждал своей очереди.

– О! Дегре, как вы добры! – прошептала она.

Он провел ее по узкому и темному коридору и открыл на себя дверь. Уже стояла глубокая ночь. Ближайшая гаргулья извергала потоки воды. Однако дождь прекратился. Влажный шальной ветер сильными порывами проносился по улице.

Дегре остановился на пороге. Он по-своему обнял Анжелику, беззастенчиво и неотразимо, пресекая всякое сопротивление.

– Я люблю вас, – произнес он. – Сейчас я могу это сказать, потому что

теперь это уже не имеет никакого значения.

Его сильная рука поддерживала ее запрокинутый затылок сгибом локтя, и она почти лишилась чувств, но не из-за силы его объятия, а потому, что во власти темноты и ветра перестала его видеть и ощущать. Он опять утратил реальность. В глубине ее существа оставалось только стремление пойманной птицы вырваться и улететь навсегда.

Он понял, что держит в руках только тело, что душа ее уже далеко. Для этой преследуемой женщины он не был тем живым серьезным человеком, каковым себя полагал, а всего лишь призраком из ее прошлого, который стремился увлечь ее в свою могилу. А она рвалась к ожидавшей ее судьбе, в которой ему не было места.

«Она создана для бескрайнего простора, – подумал он, – для свободы...»

Он наклонился к ее губам, но не поцеловал их.

– Прощайте, Маркиза Ангелов, – прошептал он.

Очень осторожно он отпустил ее. Она высвободилась, сделала несколько шагов, потом спохватилась. Вероятно, она обернулась. Он уже не видел ее.

– Прощайте, друг мой Дегре... Спасибо, спасибо, – донесся ее голос.

* * *

Анжелика бежала по ночному городу. Ветер оставлял на губах привкус соли. Так, вероятно, бежала жена Лота в обреченном Содоме, когда уже сгущались смертоносные тучи, уничтожившие город.

Вконец запыхавшись, она добежала до дому.

Все были в сборе: дети, мэтр Габриэль, старая Ребекка и тетушка Анна, Абигель, старый пастор и молодой вместе с маленьким сироткой.

Они бросились ее обнимать, тесно окружили, забросали вопросами.

– Рассказывайте, – требовал купец. – Вас арестовали. Почему? Что происходит?

– Ничего серьезного.

Даже тетушка Анна повторяла дрожащим голосом:

– Вы так нас напугали. Мы боялись, что вас посадили в тюрьму.

– Это все не важно.

Она пыталась улыбаться, чтобы их успокоить. Поскольку все здесь собрались, она уже не сомневалась, что ее замысел удастся и она сумеет их спасти. Ее проводили на кухню, усадили, и Ребекка принесла вина. Какое

она желает? Ребекка готова была открыть все бутылки, раз уж нельзя взять на корабль весь винный погреб.

– Корабль? – переспросил мэтр Габриэль. – Вас ведь из-за этого арестовали, да? Они что-то пронюхали?

– Ничего серьезного.

– Вы повторяете, что ничего серьезного, а бледны как полотно. Что же случилось, расскажите. Нужно ли предупредить Маниго?

Его трудно было отвлечь на другое. Купец положил руку на плечо Анжелики:

– Я уже собирался бежать во Дворец правосудия.

– Вы свершили бы страшную ошибку, мэтр Габриэль. Я поняла, что эти господа что-то заподозрили, но у них нет доказательств, а когда они их добудут, мы будем уже далеко! Надеюсь, что Мартьяль и Северина не проболтались.

– Нас ни о чем не спрашивали, – отвечал Мартьяль. – К счастью! За нами сразу пришел важный господин. Он взял Онорину на руки, чтобы она не плакала, а потом сказал нам: «Возвращайтесь домой. Госпожа Анжелика тоже вернется». Остальные выглядели недовольными, но он сам вывел нас на улицу.

– Мне кажется, он из Парижа, – вмешалась Северина. Глаза ее блестели. – Все относились к нему с уважением.

– Действительно, этот господин один из моих друзей, – подтвердила Анжелика. – И он пообещал, что сегодня мы можем спать спокойно.

– У вас, госпожа Анжелика, есть друзья в парижской полиции? – резко спросил мэтр Габриэль.

– Да. – Анжелика провела рукой по лбу. – Случайно, но это так! И как видите, это бывает полезно. Обещаю, что все расскажу завтра. А сегодня вечером я устала, да и детей пора укладывать.

Однако, когда все разошлись, она попросила Абигель остаться:

– Я должна с вами поговорить.

Они подождали, пока в большом доме не воцарится тишина и не заснет Онорина. Анжелика открыла сундук, стоящий в углу кухни, и вынула теплый плащ и шерстяной платок, который накрепко завязала под подбородком, чтобы спрятать чепец.

– Я не хотела говорить о своем намерении мэтру Берну, потому что он, конечно, помешал бы мне его исполнить, – объяснила она Абигель. – А сделать это могу только я. Но вы тоже должны знать.

И она второпях ввела ее в курс дела. Их предали. Кто? Возможно, один из приказчиков Маниго. А может, кто-то из своих?.. В конце концов,

не имеет значения кто! Важно то, что Бомье все известно. Он знает их имена. За ними наблюдают его подручные и стражники. Они следят и за складами, и за «Святой Марией». Все их дома помечены. Черный ангел несчастья уже наложил свою невидимую руку на фасады и богатых домов, и скромных домишек квартала на Валах. Завтра придут всех арестовывать.

Абигель слушала не шелохнувшись. Сейчас она больше, чем когда-либо, походила своим удлинненным овалом нежного лица и светлыми бровями под белым чепцом на одну фламандскую мадонну. Она оставалась спокойной. Ей хватало душевной силы смириться с неизбежной судьбой, но ей это нетрудно, подумала Анжелика, потому что она еще не знает, что такое несчастье. Она не испытала тюрьмы, не знает преследования, не искала угла, где приклонить голову, не взывала тщетно о помощи, находясь среди себе подобных.

– У нас остается только одна надежда, – заключила Анжелика. – И я попробую ее использовать. Вот почему я должна сейчас уйти.

Абигель вздрогнула:

– Вечером? В такую непогоду? Вы слышите...

Ветер стучал в ставни и в окна. Опять полил дождь, и шум низвергающихся потоков смешивался с глухим ревом моря.

– Но счет идет на часы, – возразила Анжелика, – или мы все погрузимся завтра на судно, или все погибнем.

– Погрузиться? Но как это возможно? Вы же сами сказали, что порт охраняется. И корабли в такую погоду не рискуют выйти в море.

– Но нам ведь хватит и одного корабля, – упрямо ответила Анжелика. – Надо воспользоваться этой возможностью, это последний шанс. Будьте готовы, Абигель. В мое отсутствие приготовьте для каждого узелок. Соберите немного вещей: смену белья и одежду.

– Когда вы вернетесь?

– Не знаю. Возможно, на рассвете. Но будьте готовы... Я, вероятно, скажу, что судно ждет нас и готово сняться с якоря и что надо спешить.

Она дошла до двери и остановилась, словно ей в голову пришла новая мысль.

– Если я не вернусь, Абигель... Чтобы ни случилось, постарайтесь защитить мою дочь Онорину. Но что за глупости я говорю!.. Я *должна* вернуться. Иначе просто не может быть!

Абигель подошла к ней и положила руку на ее плечо:

– Что вы собираетесь сделать, Анжелика?

– Самое простое. Я найду знакомого капитана и попрошу его взять нас всех.

Девушка тесно прижалась к ней, и, взглянув на нее, Анжелика поразилась озаренности ее лица.

Далекое наивное видение детских лет примешалось к возникшему чувству дружбы. Когда Анжелика была совсем маленькой, под вой бури, бушевавшей над болотами Монтелу, она представляла себе, что ее обнимает Дева Мария, и все страхи исчезали. Она прижалась лбом к плечу Абигели.

– Почему вы хотите увезти нас всех? – тихонько спросила та. – Это ведь гораздо труднее. Вы, Анжелика, могли бы спастись одна!..

– Нет. Не могла бы. Правда, это оказалось бы выше моих сил. Вам не понять, добрая моя Абигель, но я знаю, что, если бы я не попыталась помочь вам спастись, вам и вашим братьям протестантам, я никогда бы не искупила ни пролитой крови, ни ошибок, совершенных в жизни...

И с какой-то лихостью она заключила:

– Сегодня вечером или никогда. Вот почему все должно получиться.

Абигель проводила ее до двери. Резкий порыв ветра задул свечу. Молодые женщины обнялись в полной темноте, и Анжелика, прижимаясь к стенам, чтобы уберечься от порывистого ветра, скрылась за крепостными валами. Она не услышала стука закрывающейся двери.

Пока она будет бороться, Абигель останется перед зажженной лампой, ожидая ее возвращения. Значит, она не одна. Анжелика почти на коленях преодолела скользкие ступени лестницы, ведущей на смотровую площадку. Наверху ее оглушило неистовство моря. Она слышала мощные удары разбушевавшихся волн, дробящихся о дамбу. Брызги взлетали вверх, заливали все вокруг и растекались пенным покрывалом по каменным плитам. Анжелика промокла насквозь, пока добралась до караульного помещения Фонарной башни.

Укрывшись на несколько минут за выступом, она отдышалась, потом встала на цыпочки и через фрамугу заглянула внутрь. Она увидела солдата Ансельма Камизо, печально сидящего возле жаровни. Пылающие угли отбрасывали красноватые отблески на его плохо выбритую физиономию.

К счастью, Анжелика не сомневалась в крайней застенчивости своего воздыхателя, потому что вид одинокого солдата под сводами средневековой оружейной комнаты, на которого она смотрела через скрещенные железные прутья решетки, не внушал доверия.

Но у нее не было выбора! Она постучала в фрамугу.

Солдат не торопясь поднял глаза, и его лицо выразило глубокую растерянность, когда он увидел в ночи это явление, ниспосланное ему богом бурь. Он несколько раз протер глаза, потом вскочил, запутался в

алебарде, наткнулся на лежащую на полу каску, вызвав многоголосое эхо по всей башне, подошел наконец к двери и отпер ее.

Анжелика тотчас вошла, с облегчением откинув тяжелый промокший капюшон.

– Вы? Госпожа Анжелика! – задыхаясь, как от долгого бега, выговорил Ансельм Камизо. – Вы!.. Здесь, у меня!..

Это «у меня», обозначавшее мрачную круглую комнату, тюфяк и скромный ужин сторожа, состоящий из креветок и черного хлеба, звучало просто трогательно.

– Мессир Камизо, я пришла просить вас о большой услуге. Откройте мне маленькую угловую дверь, мне надо выйти из города.

Стражник задумался, и проступившее разочарование придало ему суровость.

– Надо... Я должен... Только не это! Это запрещено, моя красавица.

– Вот потому-то я и пришла к вам. Это единственно возможный выход. И я знаю, что у вас есть ключ.

Обезьяньи брови бедного Камизо сходились все ближе.

– Если это чтобы встретиться с любовником, то на меня не рассчитывайте. Я и нравственность стерегу тоже.

Анжелика пожала плечами:

– Вы думаете, что в такую погоду встречаются в ландах с любовником?

Солдат прислушался к шуму дождя и завыванию ветра, налетавшего на башню.

– Пожалуй что нет, – промолвил он. – Даже здесь лучше, чем на улице. Ну так что? Зачем вам потребовалось выходить из города?

У нее не было заготовленной лжи. Но она быстро нашлась:

– Я должна отнести письмо одному человеку, который прячется в деревне Сен-Морис... Ему грозит смерть... Это пастор.

– Понимаю, – проворчал Камизо, – но если вы, госпожа Анжелика, и дальше будете впутываться в такие истории, то окажетесь в тюрьме, а я рискую попасть не только на дыбу, но и на виселицу.

– Никто не проговорится... Я обещала отнести послание и сразу подумала о вас. И никому ни слова не говорила о своем намерении, но если вы мне откажете, то к кому же еще могу я обратиться с таким же доверием?

Она ласково положила руку на его огромную волосатую лапу и посмотрела умоляюще. Бедный Ансельм Камизо был потрясен. Если когда-то при встрече он мимоходом отпускал ей комплименты, как всякий

уважающий себя шутник, то никогда, никогда в жизни даже помыслить не мог, что в один прекрасный день она посмотрит ему прямо в лицо, да еще таким взглядом. Он провел рукой по подбородку, вспоминая небритую щетину и свой безобразный облик, всегда вызывавший женские насмешки.

– Я буду вам очень признательна, мессир Камизо, – продолжала настаивать Анжелика. – Уж так признательна.

Воображение солдата не шло дальше надежды на поцелуй, но одной только мысли, что эти прелестные губы могут милостиво прикоснуться к нему, самому обездоленному из всего гарнизона, оказалось достаточно, чтобы вскружить ему голову. Его товарищи часто обсуждали холодность красавицы-служанки семейства Берн. И если однажды они узнают, что Ансельм – уродина и предмет насмешек – получил то, что даже самые большие бахвалы считали невозможной удачей... Ах! Право, за подобное можно и свечку поставить в папистской церкви! Разве такое придумаешь? Он заранее приходил в ужас.

– Э-э-э! Ладно... Хорошо! – пробормотал он с помутившимся взором. – В конце-то концов, никому от этого худо не будет, так ведь? Здесь, на крепостных валах, я хозяин, и для кого же и потрудиться, если не для такой женщины, как вы?

Он снял кольцо с ключами:

– А когда вы вернетесь, вы ведь задержитесь на минутку... у меня?

– Да, задержусь, – отвечала она, готовая на любые условия.

Анжелика одарила его улыбкой, потому что искренне подумала, что этот мужлан – славный парень, потому что не потребовал, как другие, платы вперед. Ансельм Камизо прикинул, что успеет побриться перед латами, заменявшими зеркало, и спуститься в каменный мешок башни за припрятанными там сокровищами: бочонком белого вина и окороком... Вот уж будет праздник!

Анжелика трепетала от нетерпения, пока они выходили и потом, когда следовала за ним к углу крепостной стены, где в сводчатом подземном ходе могли спрятаться при осаде лучники, чтобы осыпать стрелами нападающих. За деревянной дверью узкая лестница вела в дюны. Анжелика переступила порог и стала спускаться по скользким ступеням, ежеминутно рискуя сломать шею. Охранник светил ей сверху, но ветер несколько раз задувал фонарь, и молодая женщина, ожидая, пока он вновь не зажжет его, прижималась к стене, чтобы расшвырявшая буря не сорвала ее с лестницы и не скинула вниз.

Наконец ее нога ступила на размякшую землю. Она вышла из города.

Под шум обезумевших волн, набегавших на гальку пляжа, она

отыскала тропинку вдоль обрыва над скалами и пошла по ней. Только ощущая песок под ногами, она понимала, что идет по дорожке. Иногда она теряла ее в траве или наталкивалась на куст тамариска. Тогда она нащупывала ногой землю. Ей казалось, что никогда еще не приходилось ей идти в такой темноте.

Ни огонька, ни лучика путеводного света в этом безбрежном океане мрака. По ней струями стекал холодный дождь. Мокрые ресницы слиплись. По временам она шла с закрытыми глазами. Она знала, что слева открывается скалистая пропасть. Малейший ложный шаг, и она разобьется, упав к подножию известнякового обрыва.

Понемногу страх настолько завладел ею, что она не могла уже ступить ни шагу. Анжелика встала на четвереньки, руками и коленями нащупывая в грязи дорогу, которую дождь превратил в ручей. Она не имела сил продвигаться вперед. Чтобы избавиться от страха и не свалиться в пропасть, она решила спуститься к подножию обрыва и пойти по пляжу. Так она тоже дойдет до нужного места, не опасаясь упасть со скал. Проходя здесь днем с Онориной, она заметила рядом с тропинкой деревянный крест, на который только что наткнулась, а потому знала, где находится. Недалеко от этого места образовался скалистый оползень, он давал возможность спуститься на полосу пляжа.

Она отыскала это место и начала спускаться. Но ком земли сорвался и увлек ее в новый обвал камней. Она скатилась вниз, сильно ободравшись, но в целом невредимая. Ее руки кровоточили, а платье порвалось на коленях. На счастье, она ничего не вывихнула. Значит, можно встать и идти дальше. Она оперлась о скалу, чтобы не терять направления.

Но теперь опасность грозила со стороны остервенелого моря. Глаза Анжелики уже привыкли к темноте и различали приближавшиеся белые гребни валов с длинными полотнищами пены. Натиск бледных грозных призраков сопровождался адским грохотом. Некоторые волны разбивались далеко от нее, другие, наоборот, не знали, казалось, преград в своем разбеге и подбирались со злобной змеиной гибкостью к самым ногам.

В какой-то момент набегающая волна показалась ей такой высокой, что Анжелика в ужасе прижалась к каменной стене, словно хотела в нее вдавиться.

Гребень волны обвалился в нескольких шагах. Анжелика почувствовала, что холодная вода с отвратительным хлюпаньем залила ей ноги по щиколотки, затем поднялась до колен. Следующий вал зальет ее по пояс.

Отступая, вода с такой силой потащила ее за собой, что она упала,

цепляясь за что попало.

Следующая подобная волна может утащить ее в море.

«Надо подняться наверх», – подумала она.

Но как найти выход из этой ловушки? Она побежала, спасаясь от натиска ошалевших волн. Ноги подворачивались на камнях. В некоторых местах полоса пляжа опасно сужалась.

Теперь она думала только об одном: подняться в ланды. Вероятно, начинался прилив. Если она останется внизу, то непременно утонет. Руки молодой женщины цеплялись за камни, стремясь за что-то ухватиться, но в этом месте скалы поднимались почти отвесно. Продвигаясь вперед, она обнаружила маленькую бухточку, где иногда бросали якорь барки, а наверх вела крутая тропинка, которой пользовались рыбаки. Она добралась до верха, вырвавшись из адского заливчика.

Оказавшись на откосе обрыва, она без сил упала ничком, прижавшись щекой к мокрой земле, и долго оставалась неподвижной.

Это путешествие на исходе ночи было подобно тому, что, вероятно, испытывают после смерти. Медленные мучительные поиски пути в незнакомом краю.

Осман Ферраджи, великий черный маг, объяснял это следующим образом: «Мы не всегда замечаем момент смерти. Некоторые непонятным для себя образом оказываются во тьме в неизвестном краю и должны искать там дорогу. И проводником им служит только свет, который снискали они в своей земной жизни. Если они ничего не добились на земле, то обречены блуждать и в мире духов... Так говорят восточные мудрецы...»

Осман Ферраджи! Он возник перед ней, черный как ночь, и спросил:

– Почему бежишь ты от этого мужчины... Твоя судьба и его судьба непрестанно пересекаются.

* * *

Анжелика оперлась на руки. «Раз его судьба пересекается с моей, – проговорила она сквозь зубы, – то я должна добиться успеха!»

Вряд ли на эти берега Рескатора привел просто слепой случай. В этом что-то таилось. А значит, Анжелика должна с ним встретиться. Значит, невзирая на ветер, на море и на ночь, она придет к нему. Глуховатый, необыкновенно явственный голос шепнул ей на ухо: «У меня вы уснете. У меня цветут розы». И ей представилась волшебная атмосфера Кандии и то

необъяснимое мгновение, когда она почувствовала, что хочет навсегда остаться с этим человеком в маске, который ее купил.

Анжелика встала.

Она заметила, что дождь прекратился. Но ветер, кажется, еще больше усилился. Он наваливался ей на плечи и толкал вперед, потом огибал ее, и приходилось с каждым шагом преодолевать его почти осмысленное сопротивление.

Через несколько шагов она испугалась, что движется не в том направлении. Она повернулась кругом, как марионетка, и опять не могла сориентироваться. Но небо постепенно расчистилось. И вдруг на востоке она увидела красное пламя Фонарной башни. С противоположной стороны другой огонек, поменьше, светил на мысе острова Ре.

Анжелика вышла из состояния неопределенности. Ее окружала знакомая равнина, с которой ветер согнал туман. Она пошла быстрее. Дойдя до бухты, где накануне она видела стоящий на якоре корабль, Анжелика замедлила шаг.

«А если он уже отплыл?» – подумала она вдруг.

Потом она успокоилась. За последние часы случилось столько драматических событий – возвращение детей, арест, допрос Бомье и допрос Дегре, – словно она прожила несколько дней. Вчера, когда она увидела пиратов, они конопатили судно.

Это означало, что судно нуждается в ремонте и что они не решаются выйти в море ночью, перед надвигающейся бурей.

Но вот появился яркий свет, словно огромная звезда повисла над ней. Она поняла, что это фонарь на мачте «Голдсборо».

Несмотря на желание оставаться незамеченными, пиратам необходим был свет, ибо они остановились в незащищенной бухте и судно сильно натягивало якорные цепи. На палубе виднелись фигуры часовых, с трудом укрывавшихся от непогоды.

Стоя на краю обрыва, Анжелика долго смотрела на них.

Оставаясь невидимой, она разглядывала судно, едва различимое в полутьме, силуэт корабля-призрака, его мачты с убранными парусами, чтобы их не трепал ветер. Судно покачивалось в пенном кипении, как в колдовском котле.

Недавно, выходя из Ла-Рошели, ей казалось совершенно естественным бежать сюда, как в тот единственный приют, где их ждала надежная помощь.

Теперь она осознала свое безумие: добровольно предаться в руки этих людей, находящихся вне закона, предстать перед опасным пиратом,

которого она оскорбила и выставила на посмешище, просить его о трудновыполнимой помощи, ничего не давая взамен!.. Столько дерзких поступков, они приведут ее к катастрофе. Но и позади ее тоже ждала катастрофа. И она уже слишком далеко зашла.

Внизу плясал другой отсвет – отсвет разведенного в пещере костра, возле которого матросы несли караул.

Та же рука, возможно Османа Ферраджи, которая недавно подняла Анжелику с земли, толкнула ее вперед. «Иди! Иди! Там твоя судьба...»

Ее сердце разрывалось между страхом и надеждой. Но больше она уже не сомневалась и, найдя тропинку, по которой днем шли рыбаки со свиньями, начала спускаться.

Анжелика вышла на пляж. Ноги тонули в перламутровом песке из миллионов раздробленных ракушек. Она с трудом продвигалась вперед.

Сзади ее обхватили за талию и за запястья чьи-то руки. Потайной фонарь осветил лицо. Окружившие ее пираты говорили на незнакомом языке. Она различала смуглые лица, кроваво-красные платки, жестокие оскалы зубов и золотые серьги в ушах у некоторых из них.

Тогда она громко закричала, прикрываясь, как щитом, этим именем:

– Рескатор!.. Я хочу видеть вашего предводителя господина Рескатора!..

Глава XLIII

Она ждала, опершись о деревянную перегородку пляшущего корабля.

Часовые с пляжа привезли ее на каике, которым разбушевавшиеся волны играли как ореховой скорлупкой, и в невероятном нервном напряжении ей удалось в полной темноте вскарабкаться на борт корабля по веревочной лестнице, мотавшейся на ветру.

Теперь она добралась до цели. Ее ввели в некое подобие камбуза, какого-то кухонного помещения, если судить по сохранившемуся запаху жира.

Двое остались ее караулить. Вошел третий, скрывая лицо в маске под мокрой шляпой с перьями, но она тотчас узнала его приземистую фигуру:

– Вы капитан Язон?

В ее памяти он стоял на палубе галеры «Ла-Рояль». Капитан Язон, помощник ужасного Рескатора, отдавал приказы герцогу де Вивонну, главному адмиралу флота Людовика XIV. Возможно, сегодня он выглядел не так великолепно, но сохранял уверенность человека, действующего от имени хозяина, чье решение всегда остается последним.

– Откуда вы меня знаете? – спросил он после минутной растерянности.

Сквозь прорези маски он с удивлением рассматривал приведенную к нему крестьянку, насквозь промокшую, растрепанную, в рваной одежде.

– Я видела вас в Кандии, – отвечала она.

На его лице отразилось удивление. Совершенно очевидно, что он ее не узнал.

– Скажите вашему предводителю господину Рескатору, что я... та женщина, которую он купил за тридцать пять тысяч пиастров четыре года тому назад, в ночь пожара.

Капитан Язон в буквальном смысле слова подпрыгнул до потолка. Пораженный, он продолжал смотреть на нее. Потом отпустил несколько английских ругательств. И наконец, с суетливостью, ему, человеку невозмутимому, явно несвойственной, приказал двоим матросам на их языке строго следить за пленницей. После чего опять подпрыгнул, и она услышала, как он бежит по палубе.

Оба сторожа сочли за благо держать Анжелику за руки. Но ей трудно было бы убежать. Теперь она находилась в логове зверя.

Последствия ее заявления внушали беспокойство. Совершенно

очевидно, что здесь ее не забыли. Сейчас она встретится с хозяином. На нее нахлынули воспоминания. Кандия, освещенная отблесками голубой ракеты. Кандия в огне, пылающая бригантина «Гермес» пирата Эскренвиля, словно сделанная из чистого золота, и ее мачты, падающие в снопе искр. Среди клубов дыма бежит Рескатор, покидая свою шебеку. И этот старый гном, колдун Савори, приплясывающий на носу греческой барки с криками: «Это греческий огонь! Это греческий огонь!»

Она закуталась в мокрый плащ, висевший свинцовым грузом на усталых плечах. В ночь пожара в Кандии сошлись и сразу разошлись две яркие судьбы. И вот теперь, вопреки всякой логике, вопреки их собственной воле, они встретились этой ночью в другой точке земли. Не это ли прочел по звездам Осман Ферраджи на вершине Мазагребской башни?..

Снаружи послышались шаги. Анжелика выпрямилась, готовясь увидеть его. Но вошел капитан Язон. Он сделал жест. Анжелику повели. Миновав мостик, она вновь ощутила резкие порывы ветра, услышала близкий рев волн. Ее заставили подняться на несколько ступенек невысокой деревянной лестницы.

За стеклами кормовой надстройки блестели красные огни. Неподвижные, они походили на дьявольские огни, сияющие среди реторт алхимиков, служителей Сатаны. Почему такой образ пронесся в мозгу Анжелики, когда с последним порывом ветра ее втокнули в помещение? Возможно, она вспомнила здешнего хозяина, Мага Средиземноморья...

* * *

В первый момент ей показалось, что она ступила на мягкий ковер из мха и цветов, а пока закрывалась дверь, успела оценить благодатное тепло помещения. После ледяного дождя и порывов холодного ветра ей стало почти дурно. Пришлось напрячь всю волю, чтобы не потерять сознание.

Но понемногу Анжелика оправилась. Глаза привыкли к яркому свету. Она разглядела стоящего мужчину. Казалось, что он заполняет собой все пространство.

Человек из ланд. Рескатор. Она забыла, что он такой высокий. Его голова касалась низкого потолка. Она забыла, что он такой большой. Раньше она видела, как он небрежной походкой хищного зверя идет по батистану в Кандии. Тогда он не казался таким жестким. Теперь его угловатая фигура с квадратными плечами, опоясанная широким кожаным

ремнем со стальными накладками, с которого свисали два прекрасно отделанных пистолета, казалась высеченной из черной скалы. Обтягивающие кожаные кюлоты подчеркивали удлиненные мускулы суховатых бедер. Его поза, ноги, расставленные для сохранения равновесия при бортовой качке, руки за спиной – все говорило, что это судия. Холодный, внимательный, недоверчивый.

Он ждал. И совсем не походил на принца Средиземноморья.

Она узнала только его узкую голову, по-испански обвязанную темным атласным платком, безжизненную кожаную маску, опускающуюся низко, почти до самых губ, черную курчавую бороду, еще больше удлиняющую его темное лицо, и сверкающие сквозь прорези маски алмазы непонятно что выражающего, почти невыносимого взгляда.

Это был, конечно, он, Рескатор, но отмеченный другой, более суровой магической силой – силой Океана. Она так долго мечтала об этой загадочной личности, представляя его героем «Тысячи и одной ночи», а увидела перед собой пирата.

В кровавом свете двух венецианских ламп из красного с золотом стекла, стоящих по бокам, его вид не внушал доверия.

Сильная волна заставила Анжелику оступиться и отбросила ее к двери, о которую она оперлась. Тогда черная статуя пошевелилась. Плечи судорожно задвигались. Голова откинулась назад.

Анжелика поняла, что Рескатор хохочет своим приглушенным смехом, переходящим в кашель.

– Французенка из Кандии! – воскликнул он.

Хриплый и глухой голос, в котором прорывались нарочитые интонации, произвел на нервы Анжелики прежнее впечатление. Болезненное мучительное волнение. Слышать его было невыносимо, однако тут же возникало желание услышать его вновь!

Он направился к ней размеренным шагом. В черной бороде прорезалась белая полоска зубов.

Этот смех привел Анжелику в замешательство куда больше, чем брань.

– Почему вы смеетесь? – спросила она слабым голосом.

– Потому что мне любопытно, что превратило самую красивую на Средиземном море пленницу, стоившую мне целого состояния, в женщину, за которую я не дал бы сегодня и сотню пиастров!..

Нельзя было выразить большего презрения и дерзости. Анжелика увидела себя со стороны: промокшая, в разодранном темном платье простолоюдинки, бледная, с черным мокрым платком на голове, возможно, с прилипшими прядями волос на висках – настоящая ведьма.

Но этот новый удар не сломил ее, а неожиданно придал силы для борьбы.

– О! Вы правы, – с насмешкой парировала она. – Но это ведь к лучшему. Теперь вы перестанете принимать близко к сердцу, если вы испытывали подобные чувства, ту веселую шутку, что я сыграла в Кандии.

Опершись на дверь, она исподлобья рассматривала мужчину в маске и вдруг поняла, что совсем его не боится. Она уже решила, что он спасет их, потому что он и его корабль оставались последней надеждой. Следовательно, необходимо вовлечь его в разговор, как-то затронуть его. Потому что он казался огромным и недоступным, страшно далеким, немного нереальным видением, возникшим между кошмарным сном и пробуждением. Молчание только усиливало это впечатление.

Ей хотелось, чтобы он вновь заговорил. Звук его голоса помогал вырваться из-под власти его гипнотического взгляда.

– У вас хватает дерзости напоминать мне о своих подвигах? – спросил он наконец. – Как вы нашли меня здесь?

– Я увидела вас, когда шла по ландам. Вы стояли над обрывом и рассматривали город.

Он вздрогнул, словно она задела его за живое.

– Очевидно, судьба просто играет нами! – воскликнул он. – Вы прошли недалеко от меня, а я вновь вас не заметил.

– Я сразу спряталась в кустах.

– Однако я должен был бы вас увидеть, – раздраженно заметил он. – Что за талантом вы обладаете – появляться и ускользать между пальцами?..

Он начал расхаживать по комнате. Анжелике стало легче, она с трудом переносила его враждебную неподвижность.

– Я разберусь со своими людьми, которые несли дозор, – продолжал он. – Вы говорили кому-нибудь о том, что здесь видели, или о нашем присутствии?

Она отрицательно покачала головой.

– Ваше счастье... Итак, увидев меня, вы снова убежали, а вот теперь, в полночь, явились... Почему? Зачем вы пришли?

– Чтобы просить вас взять на борт людей, которым необходимо покинуть Ла-Рошель и самое позднее завтра утром отплыть на Американские острова.

– Взять пассажиров?

Рескатор снова остановился. Он чрезвычайно легко передвигался, несмотря на постоянную бортовую качку. Анжелике вспомнился его силуэт на конце бушприта шебеки, когда он бросал канат, чтобы спасти галеру «Дофина». Анжелика находилась здесь, в этой морской гостинной, а в мозгу оживали отдельные видения прошлого. Это было как тайный поиск, целью которого неизменно оставался завораживающий черный человек. Как и впервые, когда он подошел к ней в торговом зале батистана, на нем сосредоточились все ее силы и внимание.

Признания Эллиды, молодой греческой рабыни, как причудливые бабочки, запорхали в ее голове: «Всех женщин!.. Он пленяет всех женщин... Понимаешь, подруга, ни одна не может избежать его чар...» И в то же время она слышала и свой четкий ответ:

– Да, пассажиров. Они хорошо заплатят.

– Что за странные пассажиры, которые ищут пиратское судно? Очевидно, чтобы сбежать из Ла-Рошели...

– «Сбежать» – это самое точное слово, месье. Речь идет о семьях, принадлежащих к реформатской религии. Король Франции не желает больше терпеть еретиков в своем королевстве. У тех, кто отказывается отречься, нет других возможностей избежать тюрьмы, как покинуть свою страну. Но за побережьем ведется слежка, и выйти из порта тайком невозможно.

– Семьи... вы сказали? И вероятно, с женщинами?..

– Да... Да...

– И с детьми?..

– Да... Дети – это главное, – подтвердила Анжелика без всякого выражения.

Они вновь возникли перед ее внутренним взором, розовощекие дети с сияющими глазенками, танцующие вокруг пальмы. За рокотом бури ей слышались их голоса и ритмичный стук маленьких сабо.

Но вместе с тем она понимала, что такое признание почти наверняка вызовет отказ. Капитаны грузовых судов очень неохотно берут на борт пассажиров. Что касается женщин и детей, то это всего лишь товар, пригодный для получения «подарков» от негритянских вождей. Женщины хнычут, умирают, мужчины на корабле затевают из-за них драки.

Анжелика достаточно долго прожила в таком порту, как Ла-Рошель, чтобы понимать всю возмутительность своей просьбы. Как можно осмелиться ходатайствовать перед пиратом за адвоката Каррера с его одиннадцатью детишками?.. Ее уверенность угасала.

– И каково же количество этих малопримечательных исполнителей псалмов, которыми вы желаете загрузить мои трюмы? – явно издевательским тоном спросил он.

– Примерно... человек сорок.

Она умолчала еще о добром десятке.

– Да!.. Вы просто шутите, красавица. Впрочем, я думаю, что на этом шутки и кончатся. Но меня занимает одно. Чего ради маркиза дю Плесси-Бельер – ибо я купил вас под этим именем? – вдруг заинтересовалась судьбой горстки непримечательных безбожников?.. Среди них есть ваши родственники? Возлюбленный?.. Хотя я думаю, что они не должны вдохновлять бывшую одалиску... Или же – кто знает? – вы выбрали среди еретиков нового супруга, ибо, мне кажется, вы славились частой их сменой.

Она почувствовала острое любопытство, таящееся под злой иронией.

– Ничего подобного.

– Так что же?

Как ему объяснить, что она стремилась спасти своих друзей-протестантов? Они не заслуживали защиты в глазах пирата-безбожника, возможно, как поговаривали, испанца по происхождению. Тогда к его нечестивости добавится и природная нетерпимость.

Удивительная осведомленность Рескатора о событиях жизни Анжелики вызывала беспокойство. Он, вероятно, знал о ней очень многое. Конечно, Средиземноморье разносит слухи с удивительной точностью, хотя иногда и преувеличенной.

– Вы замужем за еретиком, это верно? И правда, как низко вы пали, – продолжал он насмешливо.

Анжелика отрицательно покачала головой. Коварные намеки, окрашенные оттенком злобы, ее не трогали. Она переживала неудачу своих переговоров. Какие найти доводы, чтобы убедить его?

– Среди них есть судовладельцы, поместившие часть своего состояния на Американских островах. Они смогут расплатиться с вами, если вы спасете им жизнь.

Движением руки он отмел это предложение.

– Все, что они смогут мне предложить, не компенсирует неудобств от их присутствия. У меня на борту не найдется места для сорока человек. И я даже не уверен, что смогу покинуть рейд и пройти проливы без неприятностей со стороны этого проклятого Королевского флота, который стоит у меня на дороге. Ну и кроме того, Американские острова мне вовсе не по пути.

– Если вы их не возьмете, завтра вечером они окажутся в тюрьме.

– Ну что ж! Я думаю, что в этом очаровательном королевстве это судьба многих.

– Не стоит, месье, говорить о таких вещах в легкомысленном тоне, – сказала она, сжимая в отчаянии руки. – Если бы вы знали, что такое тюрьма.

– А кто вам сказал, что мне это неизвестно?..

Действительно, подумала она, чтобы оказаться вне закона, он, вероятно, был осужден и вынужден покинуть свою страну. За какое же преступление?..

– В наши дни столько людей попадает в тюрьму! Столько загубленных жизней! Немногим больше, немногим меньше!.. Пока еще вольной территорией остается море да некоторые девственные края в Америке... Но вы не ответили на заданный вопрос. Почему маркиза дю Плесси заинтересовалась еретиками?

Тон звучал повелительно.

– Потому что я не хочу, чтобы они попали в тюрьму.

– Значит, бескорыстные чувства? Я не верю в подобные чувства у женщины с вашей моралью.

– О! Верьте во что угодно! – огрызнулась она, выведенная из себя. – У меня нет другого объяснения. Я хочу, чтобы вы всех их спасли!

В этот день она измерила пропасть, разделяющую мужские и женские сердца. После Бомье – Дегре и Рескатор! Мужчины, облеченные властью, серьезные, безучастные к женским слезам и рыданиям истерзанных детей. Бомье наслаждался этой картиной. Дегре уступил только ради нее, потому что все еще любил ее. Но Рескатор, в глазах которого она потеряла всякую привлекательность, не уступит ни в чем!

Он повернулся, отошел и сел на большой восточный диван. Его поза говорила о крайней усталости, даже о разочаровании. Он вытянул свои длинные ноги в высоких сапогах.

– Женские безумства воистину безграничны, но должен признать, что ваши превосходят все допустимые пределы. Резюмируем: в последний раз, когда я с вами встречался, вы убежали, оставив в качестве прощального подарка пылающую шебеку и тридцать пять тысяч пиастров долга. Через четыре года вы находите вполне естественным прийти ко мне, нисколько не опасаясь наказания, с просьбой взять вас на борт вместе с четырьмя десятками ваших друзей-беглецов. Согласитесь, что ваши притязания выше всякого понимания!

Резким движением пальца он перевернул морские песочные часы,

стоящие на низком столике возле него. Прибор, благодаря тяжелому бронзовому основанию, удерживавшему его на месте, не подвергался качке. Песок побежал быстрым светлым потоком, и Анжелика стала пристально следить за ним. Шли часы, проходила ночь...

– И теперь – вывод, – произнес Рескатор. – Ваша сделка по перевозке людей меня совершенно не интересует. Впрочем, как и вы. Но раз уж вы имели неосторожность отдаться в руки хозяина, сотню раз поклявшегося заставить вас заплатить за все содеянное, то я оставляю вас у себя... В Америке женщины ценятся не так высоко, как на Средиземном море, но, возможно, мне все же удастся вас продать и вернуть часть денег.

Несмотря на тепло комнаты, Анжелика почувствовала ледяной холод, доходящий до самого сердца. Мокрая одежда прилипла к телу, но до сих пор в пылу спора она не обращала на это внимания.

– Меня не удивляет ваш цинизм, – отвечала она хрипло, – я знаю, что...

Она затряслась в удушающем кашле, прервавшем ее слова. Это завершало картину ее поражения... К жалкому виду прибавилось впечатление болезненной, задыхающейся женщины.

При виде ее тяжелого приступа он неожиданно подошел к ней, взял за подбородок и приподнял голову.

– Вот до чего доходят, когда бегают за пиратом по ландам бурными ночами, – пробормотал он.

Он приблизил свою маску к ее лицу, и ее поразило странное сочетание холодной и жесткой кожи маски и сияния горячих глаз.

– Что вы скажете, мадам, о чашечке отличного кофе?

Анжелика сразу ожила:

– Кофе? Настоящий турецкий кофе?

– Да, турецкий кофе, какой пьют в Кандии... Но сначала снимите эту мокрую накидку... Вы уже испортили мои ковры.

Она посмотрела на жалкое состояние толстого восточного ковра, по которому ступала, как по мягкому мху и цветам.

Пират снял с нее накидку и отбросил в угол. Со спинки стула он взял свой собственный плащ.

– Вы уже задолжали мне один, который без зазрения совести унесли на плечах в ночь пожара. Ах! Никогда в жизни не оказывался Рескатор в таком смешном положении...

И все повторилось, как в ту ночь на Востоке. Две теплые руки на ее плечах, а вокруг мягкие ароматные складки роскошного бархатного плаща. Он повел ее к дивану, все так же не отпуская от себя. Когда она села, он

прошел вглубь гостиной, и Анжелика услышала снаружи звук колокола. Буря, вероятно, стихала, потому что качка корабля уменьшилась.

Чистый песок в приборе, отмеряющем время, продолжал струиться, поблескивая в красном свете венецианских ламп.

Анжелика потеряла представление о действительности. Она оказалась в пещере мага...

На звук колокола явился человек, босоногий мавр в коротком бурнусе поверх красных матросских штанов. Мягкими движениями, свойственными его народу, он опустился на колени и придвинул к дивану низкий столик, потом поставил на него ларец из кордовской кожи с серебряными украшениями. Две откинутые стороны ларца превратились в два подноса, на которых стояли, надежно закрепленные, все принадлежности, необходимые для того, чтобы приготовить кофе и насладиться им: серебряный самовар, литой золотой поднос с двумя китайскими чашечками, маленький китайский кувшинчик с водой, где плавал кусочек льда, и блюдечко с леденцом.

Мавр вышел и скоро вернулся с кипящим самоваром. Очень старательно, не пролив ни единой капли, он приготовил восточный напиток, аромат которого проник в Анжелику и пробудил в ней почти детское счастье. Щеки вдруг окрасил румянец, когда она протянула руку к подносу, на котором стояла китайская чашечка. Сидя возле нее, Рескатор наблюдал с загадочным видом, как двумя пальчиками, в соответствии с мусульманскими правилами, взяла она крохотную чашечку и, чтобы осадить гущу, налила в нее капельку ледяной воды, а затем поднесла к губам.

– Сразу видно, что вы побывали в гареме Мулая Исмаила, – заметил он. – Какое самообладание! Вас можно принять за мусульманку. Несмотря на поражение, вы сохраняете хорошие манеры, по которым вас легко узнать.

Мавр удалился. Анжелика поставила чашечку на удерживавшую ее подставку, и пират наклонился, чтобы налить ей еще. Тогда он заметил следы крови на чашечке:

– Откуда эта кровь? Вы ранены?

Анжелика увидела свои ободранные ладони:

– Я даже не заметила. Это случилось на скалах... Ба! В Рифских горах бывало и хуже.

– Во время вашего побега?.. Известно ли вам, что вы единственная христианская рабыня, совершившая такой подвиг! Я долгое время полагал, что ваши кости белеют где-то в пустыне.

В широко распахнутых глазах Анжелики оживала трудная одиссея.

– А правда ли... Что вы отправились на мои поиски в Мекнес? – задала она вопрос.

– Совершенно верно! Впрочем, это не составляло труда: вы оставили за собой побоище.

Усталые веки молодой женщины сомкнулись. На лице отразился ужас.

– Там, где проходит зеленоглазая француженка, остаются только развалины и трупы, – прошептал с двусмысленной улыбкой мужчина в маске.

– Это выражение превратилось в поговорку в Средиземноморье?

– Да, что-то вроде того.

Анжелика с подавленным видом рассматривала кровь на своих руках.

– Из Мекнеса отправились десять человек, – продолжил он свои расспросы. – Сколько дошло до Сеуты?

– Двое.

– Кто второй?

– Колен Патюрель, король пленников.

И снова навалилась тоска. Необъяснимая опасность...

Чтобы предотвратить ее, она постаралась вновь встретиться взглядом со своим собеседником.

– У нас много общих воспоминаний, – произнесла она очень тихо.

– Слишком много! Гораздо больше, чем вы думаете. – Он рассмеялся своим хриплым пугающим смехом. – Оботрите руки, – вдруг протянул он ей свой платок.

Она машинально повиновалась. Проснувшись притихшая было боль: соль разъедала царапины.

– Я хотела пройти по пляжу, чтобы не заблудиться.

Анжелика рассказала, что, когда начался прилив, она решила, что на этот раз пришел ее смертный час, и не могла понять, каким чудом сумела вскарабкаться по отвесным скалам.

– Мне казалось, что я барахтаюсь внутри смерти... Но все же я добралась до вас.

Голос Анжелики приобрел при последних словах нежную мечтательность. Впрочем, она сделала это неосознанно. «Я добралась до вас».

В таинственном свете она уже не различала черное неподвижное лицо. Здесь заканчивались все ее мечты.

Наступила минута, когда Анжелике показалось, что она бросится на грудь этого огромного пирата, спрячет лицо в складках его бархатного

камзола.

Бархат оказался не черным, как она думала раньше, а темно-зеленым, как мох на деревьях. Она смотрела на него и думала: «Как там было бы хорошо!»

Рескатор протянул руку. Он коснулся ее щеки, подбородка. Необъяснимым образом он, чьи пронизательные глаза видели все, осторожными жестами слепого старался распознать словно невидимые черты.

Потом одним пальцем, очень медленно, он развязал жалкий платок, все еще покрывавший волосы Анжелики, и скинул его. Слипшиеся волосы, потемневшие от морской воды, упали на плечи молодой женщины. Седые пряди выделялись светлыми полосками. Анжелика предпочла бы их спрятать.

– Почему вы так хотели до меня добраться? – спросил Рескатор.

– Потому что вы единственный человек, который может нас спасти.

– Ах! Опять вы об этих людях!.. – воскликнул он, явно недовольный.

– Но как могу я о них забыть?

Ее глаза обратились к струящемуся песку. Через равные промежутки времени песок вытекал, и Рескатор автоматическим жестом переворачивал часы.

А в это время Онорина спала там, в большой вандейской кровати на кухне, но ее младенческая безмятежность, которой столько раз с восторгом любовалась Анжелика, казалась растревоженной. Она вертелась и плакала во сне. Сегодня опять ее окружали угрожающие лица, и она ощущала страх своей матери. Абигель сидела над ней, сложив руки в молитве за Анжелику. Возможно, проснулся и Лорье, как в те времена, когда ночевал на чердаке. Он прислушивался к взволнованным шагам отца в соседней комнате.

– Как могу я о них забыть? Вы только что мне сказали, что я оставляю за собой только трупы и развалины... Ну так помогите же мне спасти хотя бы несколько этих обломков.

– Этих людей, этих гугенотов? Что они делают... Я хочу сказать, какие у них занятия?

Он резко задавал вопросы, нервно покручивая бороду. По таким признакам замешательства у мужчины, который ни при каких обстоятельствах не терял самообладания, она поняла, что необъяснимым образом добилась своего.

Лицо ее просияло.

– Не торжествуйте, – сказал он. – Даже если создалось впечатление,

что я уступил вашим настойчивым просьбам, не вы окажетесь в выигрыше.

– Мне безразлично! Если вы согласны взять их на борт и тем спасти от тюрьмы и от смерти, какое значение имеет все остальное? Я готова на все!

– Пустые слова! Вы ведь не знаете, какую цену я с вас потребую. Ваше доверие ко мне граничит с наивностью. Я морской разбойник, пират, и вы должны понять, что мое ремесло заключается не в спасении человеческих жизней, а скорее наоборот – в их уничтожении. Женщинам вроде вас следовало бы интересоваться только любовью.

– Но это тоже любовь.

– Ах! Прекратите разводить философию! – воскликнул он. – Иначе я возьму вас на корабль только для того, чтобы утопить в открытом море! В Кандии вы меньше болтали, а потому были гораздо милее! Отвечайте на мои вопросы: что за людей хотите вы погрузить ко мне на корабль, помимо набожных женщин – самой худшей женской разновидности – и горланящей ребятни?

– Среди них есть крупный ла-рошельский судовладелец месье Маниго и купцы, ведущие морскую торговлю. У них на Островах...

– В этой группе есть ремесленники?

– Один плотник и его подмастерье.

– Это уже лучше...

– Один булочник и два рыбака. Это бывшие мореплаватели, они организовали небольшую флотилию для поставки уловов на рыбный рынок Ла-Рошели. Месье Мерсело, фабрикант бумаги, мэтр Жонас, часовщик...

– Никчемные люди!

– Мэтр Каррер, адвокат.

– Еще хуже.

– Один врач...

– Ладно! Хватит... Погрузим и их, раз вы хотите спасти... всех. Я в жизни не встречал такой назойливой женщины. А теперь, любезная маркиза, не угодно ли вам представить план, позволяющий осуществить ваш каприз? У меня нет намерения век торчать в этой крабьей дыре, куда я имел глупость сунуться. Я собирался отплыть на рассвете. Согласен подождать до конца утра, до следующего прилива, но это последний срок.

– Мы встретимся на скалах, – радостно вскакивая, заявила Анжелика. – Я иду за ними.

Глава XLIV

Солдат Ансельм Камизо, подогревая себя надеждой и райскими видениями, провел часть ночи возле углового тайного хода. Он подскочил, услышав легкое царапанье по двери в крепостной стене. Его надежды уже начинали угасать, как пламя догоревшей свечи, потому что ночь кончалась и занимался рассвет.

Он с трудом заставил двигаться свое заоченевшее грузное тело.

– Это вы, госпожа Анжелика? – спросил он шепотом.

– Это я.

Ключ со скрипом повернулся, и Анжелика проскользнула в приоткрытую дверь.

– Как долго вы ходили, – вздохнул воин.

В тот же миг железная рука сдавила ему горло, а удар в поясницу опрокинул на землю. Еще один сильный удар, направленный точно в нужное место на голове, отправил его в страну грез строить свои идиллические планы.

– Бедняга, – пробормотала Анжелика, глядя на распростертое костлявое тело Ансельма Камизо, перевязанное, как колбаса, и с кляпом во рту.

– Ничего не поделаешь, мадам, – отозвался сопровождавший ее матрос.

Их было трое, Рескатор отобрал их среди членов экипажа.

«Я дал им указание не отходить от вас ни на шаг и доставить обратно живой или мертвой!..»

Во дворе дома Бернов фонарь мэтра Габриэля осветил Анжелику, в темном плаще с серебряным сутажом, и появившихся вместе с ней трех матросов с бандитскими рожами, которых нетрудно было представить с ножом в зубах. Они положили наземь огромный тюк, в котором купец узнал связанного стража Фонарной башни.

– Вот, – быстро сообщила Анжелика, – я нашла капитана корабля, который согласен взять нас всех. Он снимается с якоря через несколько часов. Эти люди должны сопровождать меня, пока я пойду оповещать остальных. Надо бы дать им переодеться, чтобы они не так бросались в глаза. Это иностранное пиратское судно...

Она предусмотрительно скрыла, что пират не зависит ни от какого государя и не поднимает иного флага, кроме знаменитого черного.

– Он бросил якорь в бухте возле деревни Сен-Морис. Там мы должны собраться. Каждый будет добираться самостоятельно. Вам и вашей семье, мэтр Берн, я предлагаю выйти из города через маленькую дверь в крепостной стене. Этот проход будет свободен в течение трех часов, потому что смена караула происходит не ранее семи утра. Если поторопимся, то и другие семьи смогут воспользоваться этим проходом.

У мэтра Габриэля хватило ума не спорить. Абигель ему все рассказала. Будь что будет, нужно хвататься за любую возможность, которая позволит выйти из города и отплыть как можно скорее. Под покровом темноты и тумана начинался отсчет первых часов этого дня, сулившего либо успешный исход, либо конец в королевской темнице.

Он указал погреб, где следовало запереть связанного солдата, потом поднялся по лестнице впереди Анжелики, сказав, что идет разбудить детей и тетку.

Позже будет время подумать о сопровождавших ее странных телохранителях с лицом цвета подгоревшего хлеба, в подозрительных меховых шапках, и о событиях, превративших служанку в почти незнакомую женщину, отдающую ему распоряжения.

Мэтр Берн смутно понимал, что важность момента уже не позволяет Анжелике притворяться. Тревожный рассвет раскрыл ее подлинную сущность. С хладнокровием и бескорыстием старинных знатных сеньоров она взяла их под свое покровительство, и, чтобы не помешать ее усилиям, следовало быстро и безоговорочно подчиниться во всем.

Абигель в соответствии с указанием приготовила их жалкий багаж. Пастор Бокер уже спустился со своим племянником. Маленький Натанаэль продолжал спать рядом с Онориной.

– Я разбудю их и одену, – сказала Абигель, ни о чем не спрашивая. – А вы, Анжелика, в это время согрейтесь в лохани горячей воды, которую я для вас приготовила, и переоденьтесь в сухое.

– Вы волшебница, – отвечала Анжелика. Не теряя ни минуты, она заперла дверь, ведущую на кухню.

Она прошла в кладовку, где стояла приготовленная горячая вода, сбросила на пол плащ Рескатора, потом свои мокрые лохмотья и вздрогнула от удовольствия, погрузившись в воду. Без этой передышки, несмотря на владевшее ею возбуждение, ей не хватило бы сил. А ее задача еще не была выполнена.

Она слышала, как Абигель ласково будила детей, рассказывая им о чудесной стране, полной цветов и лакомств, куда они отправятся. Девушка сумела мягко пробудить их ото сна, не дав почувствовать тревогу, когда

каждая секунда падала как свинцовый груз.

– Восхищаюсь вами, Абигель, – сказала Анжелика из-за перегородки. – Вы нисколько не растерялись.

– Это самое малое, чем я могу вам помочь, Анжелика, – отвечала та с готовностью и все так же спокойно, словно сидела вечером за прялкой с шерстью. – Но где вы были? Вас словно подменили.

– Меня?

Вдруг Анжелика взглянула на стоявшее у стены высокое полированное стальное зеркало, в которое она рассеянно смотрелась только для того, чтобы поправить прическу или чепец, и увидела себя обнаженной.

В долю секунды она оценила белизну своей кожи, весь облик здоровой женщины с хорошей фигурой, с высокой грудью, с тонкой талией, с красивыми ногами – «самыми красивыми ногами во всем Версале», с красной печатью рубца, оставленного Коленом Патюрелем, когда он спасал ее после укуса змеи там, в Рифских горах.

Забывшее тело!..

Оскорбительные слова вновь зазвучали в ее ушах. «Женщина, за которую я не дал бы сегодня и сотни пиастров».

Она пожала плечами беззаботно и насмешливо.

«Что еще ему надо? Что ж, тем хуже для него».

Анжелика накинула на себя сухую сорочку, положенную Абигель возле нее на табурет.

Она с вызовом тряхнула волосами, и они снова окружили ее солнечным ореолом.

«Как это понять? Это мой злейший враг... и лучший друг...»

Сначала он обращался с ней зло и цинично. Глумился. Не принимал всерьез нестерпимую тоску преследуемой женщины. «А теперь, любезная маркиза, не угодно ли вам представить план, позволяющий осуществить ваш каприз?» Словно желание добиться спасения многих человеческих жизней зависело от неуместной фантазии! Но он же согласился взять их на борт. Риск, которого испугался бы опытный капитан, имевший хороший запас продовольствия и сопровождаемый эскортом, взял на себя человек, стоящий вне закона.

В таком случае циничные слова ничего не значат! Чувствительность Анжелики уже давно притупилась. Несчастья научили смиряться. Теперь только поступки имели для нее значение.

– У вас, дорогая, отвратительный характер, это неоспоримо, и, однако же, вас не смутило отсутствие любезности с моей стороны, – все же

выразил он свое удивление перед ее уходом.

– О! Есть вещи куда более важные. Спасите нас, а потом делайте со мной что хотите.

– Не премину этим воспользоваться.

Анжелика едва удержалась от смеха. Абигель ничего бы в этом не поняла.

Ее поддерживало некое сообщничество соперников, которые считают себя равными по силе и умеют постоять за себя.

Заканчивая шнуровать корсаж, она вышла из кладовки, закрутила волосы, надела чистый чепец и закуталась в плащ:

– Я готова.

– Мы тоже.

Анжелика взглянула на прекрасные напольные часы. И полчаса не прошло с момента ее возвращения. Время становилось растяжимым.

Онорина, неповоротливая в плотных юбках и плаще с капюшоном, продолжала стоя спать. Анжелика взяла ее на руки, разомлевшую и тяжелую.

Ребекка хотела вылить воду из лохани, но Анжелика ее остановила. Время поджимало. Ребекка хотела бы еще и привести дом в порядок. Но требовалось только погасить головешки в очаге. Мэтр Габриэль сам загасил их, раздавив ногой.

Они молча спустились, освещая путь единственной свечой. Каждый нес в руках плоскую корзинку или узелок.

Во дворе мэтр Габриэль спросил, что делать со связанным солдатом, запертым в погребе. Оставить его в доме, куда никто не вернется, означало обречь на жестокий конец. Ведь Ансельм Камизо им невольно помог. Все стояли в нерешительности. Анжелика заметила, что если их бегство не будет обнаружено раньше, то вечером в жилище Бернов обязательно явятся вооруженные люди, чтобы арестовать всю семью. Они найдут дом опустевшим, произведут обыск и освободят беднягу-солдата, если он сам до этого не сумеет выбраться.

– Ладно. Пошли, – сказал мэтр Берн.

Темнота начала бледнеть, когда они переступили порог и тяжелая дверь захлопнулась за ними.

В густом тумане они подошли к основанию крепостных стен и скоро оказались у небольшой двери. Анжелика передала Онорину на руки Абигель:

– Я не могу с вами идти. Мне нужно предупредить остальных. Идите к деревне Сен-Морис. Когда все соберется, то пойдем на место посадки на

судно. Деревенские рыбаки не должны ничего знать о ваших планах. Скажите, что вы собрались хоронить единоверца в ландах.

– Ты знаешь дорогу, Мартьяль? – спросил сына мэтр Габриэль. – Отведи женщин в деревню. А я должен остаться с госпожой Анжеликой.

– Нет, – возразила она.

– Вы полагаете, что я оставлю вас наедине с этими иноземными парнями?

Анжелике удалось уговорить его сопровождать свою семью. Она ничего не боится, она чувствует себя защищенной и только хочет, чтобы как можно больше наших собралось за пределами города. Это первый этап.

– Нужен такой человек, как вы, чтобы успокоить людей, которых я пошлю в деревню. Они ведь покинут дома, не успев все обдумать. И вполне возможно, что на месте встречи могут потерять присутствие духа.

Когда наконец группа, состоящая из Бернов, двух пасторов и Абигели с Онориной на руках, скрылась из глаз, Анжелика приступила к роли овчарки, собирающей свое стадо.

* * *

В семействе Мерсело все прошло очень спокойно, ни супруги, ни их дочь Бертий не потребовали никаких объяснений. Анжелика им объявила, что нужно отправляться немедленно, иначе ночевать придется уже в тюрьме. Они оделись. Мэтр Мерсело взял под мышку книгу, которую он долгие годы писал на бумаге с водяными знаками в виде королевского герба и озаглавленную «Анналы пыток и страданий, которые претерпели жители Ла-Рошели в благословенные годы с 1663 по 1676».

Это был труд всей его жизни...

Бертий спросила, что будет с вещами, уже перенесенными на «Святую Марию».

– Мы займемся этим позднее.

Семейство Мерсело направилось к крепостным стенам, а Анжелика пошла будить часовщика.

Через некоторое время она позвонила в дом к Каррерам. Этот адвокат без практики, обремененный одиннадцатью отпрысками, представлял собой то, что Рескатор считал самым «беспольным» в своем грузе. Но как раз он выдвинул множество возражений. Уезжать? Сейчас? Но почему? Потому что их арестуют? А откуда ей это известно? Ей это сказали? А кто именно? А есть ли у нее доказательства?.. Анжелика, прекратив спор,

пошла по комнатам будить домочадцев. К счастью, дети, отлично воспитанные матерью, не создали беспорядка. Старшие одевали младших, а те самостоятельно собирали свои вещички. Через несколько минут все были готовы, комнаты убраны, постели застелены. Мэтр Каррер, в рубашке и ночном колпаке, все еще требовал доказательств возможности своего ареста, а весь выводок уже ждал его в вестибюле, полностью готовый.

– Мы решили уехать, отец, – сказал старший, шестнадцатилетний мальчик. – Мы не хотим в тюрьму. Вот сыновей часовщика увели, и они так и не вернулись.

– Ладно, пошли, Матье, – сказала мадам Каррер. – Раз решили уезжать, то поехали, какая разница, теперь или немного позднее!..

Она передала новорожденного Анжелике, чтобы подать мужу его брюки о-де-шосс. Затем с ворчанием одела его, как ребенка, и вытолкнула на улицу без лишних разговоров.

– А моя табакерка, – прохныкал он.

– Держи, вот она.

Туман поредел. Занимался светлый день. Город начал просыпаться. Анжелика и три матроса, следовавшие за ней по пятам, довели семью адвоката до маленькой двери.

Видя, как они один за другим выходят на тропинку и скрываются в тумане, Анжелика испытала непередаваемое облегчение.

Оставалось предупредить еще три или четыре семьи и семейство Маниго, жившее в более удаленном квартале.

Зазвучал карильон, и почти одновременно раздался приглушенный туманом призыв колоколов к мессе. Уже ощущалась городская суэта. Ремесленники снимали ставни с окон своих мастерских.

Вновь подходя к лестнице крепостных стен, на этот раз с семьей булочника, Анжелика вдруг замерла.

По стенам бегали люди. Перекликались мужские голоса. Потом над улочкой свесилось что-то ярко-красное.

Туман не до конца еще рассеялся, так что солдат не мог заметить беглецов. Они тихонько отошли и принялись совещаться под дверями ближайшего дома.

– Смена пришла на свой пост и обнаружила исчезновение стража, – объяснила Анжелика.

– Они решат, что он ушел через угловой подземный ход. Но во всяком случае, теперь они запрут дверь или поставят перед ней часового.

С каждой минутой видимость становилась все лучше, и наверху возникало все больше людей в ярко-красных мундирах.

– Красные плащи – это драгуны, – пробормотал булочник. – Откуда столько военных?

– Возможно, прибыл голландский флот...

Жена булочника расплакалась:

– Как нам не везет! Если бы ты, Антуан, хоть немного поторопился, мы успели бы пройти. А как выйти теперь?

– Да через городские ворота, – успокоила ее Анжелика. – Их, наверное, как раз сейчас открывают.

Она объяснила, что на них обратят внимания не больше, чем на других ремесленников и купцов, которые с утра пораньше отправляются в Ла-Палис или на остров Ре.

– Город не на осадном положении, а полиция дала нам еще один день отсрочки. Вы выйдете с корзинами хлеба. Если вас станут расспрашивать, назовите свое имя.

Ей удалось их успокоить, и они смешались с первыми прохожими. Мэтр Ромэн прихватил изрядный запас утренней выпечки. Этим хоть можно будет перекусить в ожидании флотских галет.

В то утро, если его и заметили, он был просто булочник из Ла-Рошели, идущий среди своих сограждан, но, направляясь с тяжелым сердцем к воротам Сен-Николя, сам он уже ощущал себя изгнанником.

Поспешность, с которой происходил отъезд, усиливала его страдания. Он не мог до конца в него поверить.

* * *

Анжелика обнаружила Маниго в столовой за великолепным завтраком. Сирики разливал горячий шоколад.

Она выглядела почти такой же запыхавшейся, как в тот день, когда впервые пришла к ним в поисках господина де Барданя.

Ведь солнце стояло уже высоко. После ночной бури занимался прекрасный ясный день. Туман почти совсем рассеялся. В городе кипела жизнь. Ночь перестала быть союзницей. Теперь приходилось преодолевать опасность при свете дня.

Как можно короче Анжелика ввела их в курс дела. Их заговор раскрыт, арест неизбежен, единственный выход – немедленно погрузиться на судно, которое согласилось взять их на борт и которое стоит на якоре недалеко от Ла-Рошели. Трудность в том, как выйти из города, не привлекая внимания. Все Маниго хорошо известны, и, вероятно, на их счет

уже отдан приказ. Лучше всего разделить на небольшие группы и выйти под чужими именами. А за городом встретиться возле деревни Сен-Морис...

Мэтр Маниго, его жена, четыре дочери, зять и малолетний сын просто остолбенели, не донеся чашку ко рту.

– Да эта девица тронулась умом! – воскликнула мадам Маниго. – Как? Она считает, что мы просто так возьмем и отправимся в Америку?.. Все бросив?

– Как называется этот корабль? – строго спросил судовладелец.

– ...«Голдсборо».

– Никогда не слышал. А эти люди с вами, они что, члены команды?

– Совершенно верно.

– Если судить по их ромам, это ненадежный и даже подозрительный корабль.

– Вы правы, но он согласился взять людей тоже подозрительных, каковыми мы сегодня являемся. Тем хуже для вас, если этим ромам вы предпочитаете рожи стражников Бомье, которые явятся сегодня вечером арестовать вас и заключить в тюрьму.

– Из тюрьмы выходят, а я пользуюсь влиянием.

– Нет, господин Маниго, в этот раз вы не выйдете.

Один из матросов коснулся ее руки.

– Мадам, – произнес он по-французски с сильным акцентом, – хозяин велел не задерживаться в городе с наступлением дня. Надо поторопиться.

Анжелика вышла из себя при виде этой семьи, мирно восседающей за богато накрытым столом, вкушающей лакомства, словно им ничего не грозило. Оставить здесь Маниго означало лишиться опытного купца, в руках которого находились основные богатства маленького сообщества. Она обещала Рескатору, что с ним расплатятся. Но главное – это судьба маленького Жереми, белокурого ребенка, так похожего на Шарля-Анри.

– Ну что ж, тем хуже для вас и вашего сына, – сказала она. – Я сожалею, что рисковала жизнью, чтобы предупредить вас. Если бы мне не пришлось бежать сюда, я была бы уже возле деревни Сен-Морис. С каждой минутой тают наши надежды. Просто вы вели разговоры об отъезде, а на самом деле этого не хотели. Вы рассчитываете на чудо и не хотите ничего потерять: ни своего положения, ни своих денег, ни своей веры, ни своего города. Но вы же размышляете над Писанием, где евреям, египетским пленникам, сказано есть пасху стоя, опоясавшись и с посохом в руках, готовыми уйти, как только прозвучит сигнал... пока не передумал фараон.

Судовладелец пристально посмотрел на нее. Он сильно покраснел,

потом почти побелел.

– Пока фараон не передумал, – прошептал он. – Сегодня ночью я видел сон. Все опасности, которые нас окружают, обрели форму. Я понял, что огромная змея явится задушить и меня, и мою семью. Она медленно приближалась, и ее голова оказалась головой...

Он замолчал, встал, все так же пристально глядя в пространство, не спеша вытер салфеткой рот и положил ее рядом с недопитой чашкой.

– Пошли, Жереми, – произнес он, взяв за руку младшего сына.

– Куда вы? – закричала мадам Маниго.

– Грузиться на судно.

– Неужели вы поверили сумасшедшим бредням этой женщины?

– Я им верю, потому что это правда. Уже несколько дней я подозревал, что нас предали. Принеси мне и Жереми плащи и шляпы, – обратился он к старому негру.

– Возьмите золото, – подсказала Анжелика, – все, что есть в наличии.

– Да он потерял голову! – разразилась стенаниями мадам Маниго. – Что с нами будет, доченьки?..

Девушки переводили взгляд с матери на отца. Офицер, зять судовладельца, тоже встал.

– Пошли, Жени, – проговорил он, беря жену под руку.

Он серьезно и нежно посмотрел на нее:

– Надо уезжать.

– Вот так сразу? Прямо сейчас?.. – в ужасе пролепетала та.

Она заранее страшилась предстоящего путешествия на «Святой Марии», потому что ждала ребенка.

– Но ты же приготовила багаж для отъезда? Вот и возьми его. Придется ехать.

– У меня тоже приготовлен мешок, – сказал Маниго. – Он довольно большой, но его понесет Сирики.

– Лучше пусть Сирики останется здесь, – посоветовала Анжелика. – Все в городе знают, что это ваш негр. С ним вас сразу опознают. А ведь за вами непрерывно следят.

– Оставить здесь Сирики? Но это невозможно, – запротестовал судовладелец. – Кто о нем позаботится?

– Ваш компаньон сьер Тома, который после отъезда будет вести все дела, а когда вы прибудете на Острова, вступит с вами в переписку.

– Мой компаньон?.. Это как раз он и предал нас. Теперь я в этом уверен. Он, конечно, мечтает все присвоить. У змеи, которую я видел во сне, его голова, – добавил он, помрачнев.

В вестибюле он с горечью окинул взглядом солидные разукрашенные своды. Застекленные двери выходили на аллеи большого сада. Другие двери вели во двор с неизбежной пальмой.

Маниго снова взял за руку Жереми и пересек двор. За ним шел один из матросов с мешком.

– Куда вы идете? – завизжала мадам Маниго. – Я еще совсем не готова. Мне надо запаковать несколько самых ценных блюд из коллекции...

– Пакуйте что хотите, Сара, и догоняйте нас, как сможете. Но хоть на этот раз поторопитесь, – с философским спокойствием ответил судовладелец.

За ним шли молодые супруги. Потом, уже на улице, к ним бегом присоединилась одна из дочерей:

– Отец, я тоже хочу пойти с вами.

– Пойдем, Дебора!

Она была его любимицей, как и Жереми.

Ему хватило мужества переступить порог и пересечь улицу, не обернувшись.

* * *

При подходе к воротам Сен-Николя группа, состоящая из судовладельца, его сына и дочери с мужем, а также Анжелики и троих матросов с «Голдсборо», решила разделиться. Жозеф Гарре, офицер, прошел первым вместе с Жени и Жереми, за ними последовал месье Маниго в компании трех матросов. На заданные вопросы один из них отвечал по-английски. Но часовой ни слова не знал по-английски, зато знал, что в порту бросило якорь английское судно, прибывшее накануне. С понимающим видом он пропустил вышедших на прогулку иностранцев. Похоже, что две местные красотки, Анжелика и Дебора, были из их компании. Получив разрешение, они с шутками миновали ворота, не потрудившись назвать имена и звания, а солдаты не решились их спрашивать.

Компания удалилась под их снисходительными взглядами.

– Ну, самое трудное позади, – шепнула Анжелика Маниго. – Вас не узнали.

Они пошли гуськом, чтобы продвигаться быстрее. Дул сильный ветер. Ослепительно-белые бахромчатые облака, словно перышки, неслись по

небу. После ночной непогоды воды рейда оставались еще темными.

– А как же наша матушка? И сестры? – спросила Дебора.

– Они тоже придут... или не придут...

Далеко впереди на равнине уже виднелись первые хибарки Сен-Мориса.

– Наконец-то! Вот и вы! – встретили их восклицаниями.

Беглецы выходили из домишек, где они коротали время у очагов.

Мэтр Берн изо всех сил старался внушить им терпение и веру в успех.

Им говорили о корабле? Но где он? И каждый вспоминал о чем-то очень важном, что он позабыл взять с собой.

– Рафаэль, а где твоя шаль?..

– Ох! Кошелек с пятью ливрами!..

Но благодаря строгому надзору Габриэля Берна порядок сохранялся. Детям дали парного молока, потом пастор Бокер прочел молитвы, и жители деревни с видом потерпевших кораблекрушение присоединились к ним, потому что, несмотря на святого защитника, имя которого носила деревня, они тоже были гугенотами.

При переключке все оказались на месте, кроме мадам Маниго и двух ее старших дочерей.

– Что же делать, мы не будем их ждать! – решил один из матросов «Голдсборо», который говорил на своем удивительном французском и откликнулся на имя Николя Перро. – Начинается прилив. Пора перевозить пассажиров. Один из нас останется здесь и подождет отстающих.

Родители созвали детей, которые уже до конца проснулись и в восторге от неожиданной загородной прогулки затеяли игры.

Собравшись семьями, они двинулись в направлении, указанном матросом, говорившим по-французски, когда их остановили вопли, доносящиеся со стороны ландов.

Перепрыгивая через низкий кустарник, по ландам с головокружительной быстротой несло какое-то подобие красно-розового пламени. Наконец стало ясно, что это старый негр Сирики скачет, как антилопа, в своей атласной ливрее цвета амаранта, отделанной золотым галуном.

– Мой хозяин? Где мой хозяин?

– Ах! Сыночек! – воскликнул Маниго, прижимая старого раба к сердцу.

Сирики снял свою обувь на высоком каблуке, чтобы передвигаться быстрее. Его голова, повязанная белоснежным шерстяным шарфом, болталась из стороны в сторону, звенели золотые кольца.

– Ты не уедешь без меня, хозяин! Иначе моя умирать.

– Что сказали часовые, когда пропускали тебя? – спросила Анжелика.

– Часовые?.. Ничего не сказать. Моя, я бежал, бежал! – И он рассмеялся, обнажив белые зубы.

– Поспешим, – напомнила Анжелика, подталкивая собравшихся на тропинку, указанную матросом.

Она взяла Онорину за руку. Первые группы начали переходить ланды. До прибрежных дюн шло плоское открытое пространство. Равнина казалась голой и бесконечной. Отсюда еще хорошо различалась Ла-Рошель со своими башнями и крепостными стенами. Анжелика начала беспокоиться. Раб Сирики, бросившийся вдогонку за своим хозяином, неминуемо привлеч внимание.

– Идите, – поторопила она семейство Маниго. – Теперь нельзя терять ни минуты.

Но они медлили. Судовладелец разрывался между желанием навсегда освободиться от особы, вот уже двадцать пять лет отравлявшей ему жизнь, и беспокойством за супругу и двух дочерей.

«Она выпутывается из любого положения, – подбадривал он себя мысленно. – Она даже способна прибрать к рукам моего подлого компаньона! Но если ее бросят в тюрьму, мою бедную Сару, то она погибнет, ведь она так любит хорошо поесть».

Вдруг послышался шум колес, подпрыгивающих на каменистой дорожке, и возникла мадам Маниго, потная и задыхающаяся. Она вместо осла впряглась в тележку, заваленную как попало коврами, всякой мелочью, одеждой, ларцами, но больше всего – ее драгоценной посудой Бернара Палисси. Обе дочери и служанка подталкивали колеса.

Усталость не сломила ее, скорее наоборот, ибо едва она заметила своего супруга, как разразилась бранью и упреками.

– Теперь ваша очередь, – заявила она, уступая оглобли зятю. – А тебе, бездельник, – набросилась она на Сирики, – неумоготу, что ли, было подождать меня? А он, видите ли, упорхнул, как ласточка.

– Вы прошли через ворота Сен-Николя с этой тележкой? – спросил Маниго, покраснев от гнева.

– Ну, так и что?

– И вам ничего не сказали?

– Сказали. И многое. Но я заткнула рот этим грубиянам. Посмотрела бы я, как бы они помешали мне проехать!..

– Ладно, раз уж вы здесь, то поторопитесь! – распорядилась Анжелика, теряя терпение.

Эта толстуха, вероятно, устроила скандал в воротах Сен-Николя. Она так и прошла, пешком, как цыганка, волоча за собой тележку! Разозлившись, она вполне могла им крикнуть, что уезжает, садится на корабль и никогда не вернется, что хватит с нее Ла-Рошели и всех ее жителей! Кстати, это была ее излюбленная тема, потому что она была родом из Ангулема и так и не привыкла к жизни в портовом городе.

С Онориной на руках, Анжелика направилась к скалам. По временам она оборачивалась, чтобы крикнуть: «Поторапливайтесь!..» – супругам Маниго, которые тянули тележку и продолжали переругиваться.

Потом она посмотрела на город.

Сияющий белизной город над плоской серой землей, как никогда, походил на корону со множеством зубцов. Но внимание Анжелики привлекло облако пыли, вдруг возникшее возле ворот Сен-Николя.

Она ускорила шаг и нагнала семейство булочника.

– Маниго вот взяли тележку, – сказала его жена с раздражением. – Если бы я знала, то тоже взяла бы тачку.

– Этой тележкой Маниго могут погубить нас всех, – сухо откликнулась Анжелика.

Она бегом достигла головы колонны беглецов и подошла к мэтру Берну.

– Взгляните туда, что вы видите? – спросила она, запыхавшись.

Купец шел быстрым шагом, держа за руку Лорье. Он посмотрел в указанном направлении.

– Я вижу пыль, поднятую всадниками, – ответил он. – Это всадники в красных мундирах. Они направляются прямо к нам, – добавил он через несколько мгновений.

Матрос, возглавлявший колонну, тоже их заметил. Он побежал, схватив под мышку двух ребятишек, приказывая людям укрыться за дюнами.

Анжелика бегом вернулась в конец колонны и закричала Маниго:

– Бегите! Бросьте свою тележку. За нами скачут драгуны.

Все побежали, увязая в песчаной почве. Женские юбки цеплялись за кусты утесника. Уже раздавался глухой гул скачущих галопом лошадей.

– Скорее! Скорее! Да бросьте же свою тележку, ради всего святого.

Маниго вырвал из рук жены оглобли, которые она пыталась вновь подхватить. Она кричала и визжала, а он продолжал ее тащить.

Анжелика свободной рукой схватила за ручку Жереми, к счастью проворного, как эльф. От страха он изменился в лице, но бежал изо всех сил своих маленьких ножек. Жозеф поддерживал обессиленную Жени. «Я

больше не могу», – стонала она.

* * *

Завидев беглецов, драгуны дико закричали. Им сказали, что гугеноты убежали в том направлении. Но это было всего лишь предположение, а теперь они видели, что беглецы рассеялись и, как перепуганные зайцы, устремились к морю. Черт побери! Это безбожное отродье не уйдет от них, «миссионеров в высоких сапогах»! Они уже многих проткнули шпагой и в Пуату, и в Севеннах.

«Сабли наголо!» – скомандовал лейтенант, и они помчались строевым галопом. По пути они проткнули и перевернули саблей тележку Маниго. Ткани разлетелись, дорогой фаянс с переливчатым звоном хрустел под копытами лошадей.

Анжелика услышала улюлюканье скачущих.

«На этот раз мы погибли», – пронеслось у нее в голове.

Этот безумный бег напомнил ей бег с Коленом Патюрелем под стенами Сеуты. Жереми споткнулся, она удержала его за руку и снова поставила на ноги. Возле уха оглушительно орала Онорина. Она хохотала, радуясь суматохе. Анжелика достигла дюн. Она бросилась под укрытие первой же песчаной гряды.

Ненадежное укрытие!

Драгуны находились почти рядом. Сейчас они настигнут обе стенающие пары Маниго, с трудом передвигающие ноги.

И вдруг, когда казалось, что смертельные удары сабель сейчас обрушатся на нее и на детей, она услышала сухой треск многочисленных мушкетных выстрелов. В носу защипало от запаха пороха. Все окутал едкий дым.

Раздался голос Николя Перро, приказывающий беглецам:

– Не оставайтесь тут. Тихонько отползайте назад, на край скал, вам помогут спуститься на пляж.

Ее плеча коснулась чья-то рука. Это был смуглый матрос, постоянно сопровождавший ее и, очевидно по приказу моряка, говорившего по-французски, не отходивший ни на шаг. Как ни странно, именно сейчас она догадалась, откуда он родом, хотя накануне тщетно ломала над этим голову.

«Я поняла. Он мальтиец!»

Совершенно неуместная мысль в подобных обстоятельствах. Он

сделал ей знак отползать.

Анжелика немного приподняла голову над травой. Она увидела, что лошади мечутся и ржут в дыму, а на земле лежат сраженные солдаты в красных мундирах.

Остановленные на всем скаку непрерывным мушкетным огнем, драгуны отступили и сбились в кучу немного поодаль.

Сердце Анжелики возликовало. Он подумал и о том, что их могут преследовать! Он расставил своих вооруженных пиратов за каждым холмиком, чтобы обезопасить спуск на пляж.

Тогда она начала отползать, уговаривая детей поступать так же. Оборачиваясь, она видела теперь стоящее в бухточке судно с поднятыми парусами. Тропинка, ведущая на берег, находилась уже рядом.

* * *

– Госпожа Анжелика, вы не ранены!

К ней подполз мэтр Берн. В руке он держал пистолет.

– Почему вы задержались в хвосте?

– Из-за этих увальней, – отвечала она, сердито указывая на Маниго.

Те с трудом ползли по сыпучему песку.

– Я ранена! Я ранена, – стонала мадам Маниго.

Возможно, это была правда. Она обмякла всем своим грузным телом, а муж волочил ее, ругаясь, как пират.

– Где Лорье? – спросила Анжелика.

– Матросы уже сажают детей в шлюпку. Но я волновался за вас и вновь поднялся на скалы. Хвала Господу, капитан судна позаботился защитить нас своим оружием!.. Он внизу, на пляже, и руководит посадкой.

– Он внизу! – повторила Анжелика. – О! Ведь правда, это необыкновенный человек?

– Угу, пожалуй! Мужчина в маске, насколько я заметил, и предводитель разбойников...

Раздался новый залп беглого огня. Драгуны перестроились и попытались снова атаковать, но снова были отбиты.

Но некоторые из них спешили и тоже начали подниматься на дюны, чтобы врукопашную схватиться с противником.

Матросы с «Голдсборо», в качестве разведчиков находившиеся на скалах, начали отступать к своим.

Пока они оставались на утесах и охраняли посадку протестантов,

драгуны не могли приблизиться. Но стоит последним пиратам с мушкетерами спуститься на полосу пляжа, как королевские солдаты начнут расстреливать безоружных людей с высоты скал.

Несколько солдат попытались их окружить, и вокруг замелькала красные мундиры. К счастью, драгуны почти не имели с собой мушкетов, в основном их вооружение составляли пистолеты и сабли. По приказу лейтенанта двое самых отчаянных прыгнули со скал вниз, но переломали себе ноги, и их отчаянные крики охладили пыл остальных, отказавшихся от подобной затеи.

Команда «Голдсборо» яростно защищала единственный доступный проход.

Внизу несколько матросов передавали друг другу детей и женщин, грузили их в шлюпку и быстро гребли к судну, еще не снявшемуся с якоря. На реях сидели пираты, готовые отдать и поставить паруса.

Мэтр Габриэль и Анжелика с Онориной медленно отползали назад. Мальтиец занимался Жереми. Люди с мушкетерами с пиратского корабля также отступали ползком.

– Не бойтесь, драгуны! – опять прозвучал крик лейтенанта. – Когда эти бандиты окажутся внизу, мы расстреляем их в свое удовольствие... А вы там стреляйте по шлюпке.

Он обращался к солдатам справа, которые сумели подобраться к обрыву. Они находились слишком далеко, чтобы попасть в беглецов и пиратов, пока те находились в укрытии под нависающими скалами. Но как только шлюпка отчаливала в сторону корабля, она, несмотря на удаленность, могла служить мишенью для хороших стрелков.

Вокруг лодки запрыгали пули, и находившиеся в ней женщины и дети в ужасе закричали. Несмотря на протесты пиратов, поднялся пастор Бокер. Среди всеобщего смятения он запел надтреснутым голосом псалом.

Матросы на шлюпке торопились уйти из опасной зоны. Вскоре они оказались вне досягаемости. На борту никто не был ранен. Но им предстояло вернуться за оставшимися.

У драгун появлялось время пристреляться.

– Они наши! Смелее! В этот раз мы их не упустим! – орал лейтенант. – Готовьтесь, драгуны!

Послышались щелчки «собачек» мушкетов и позвякивание цепочек о шомполы и рожки с порохом.

Осмелев от предвкушения победы, некоторые солдаты бросились вперед, чтобы захватить тех, кто оставался еще на скалах.

Анжелика начала уже спускаться по крутой тропинке, когда увидела

перед собой физиономию усатого драгуна с поднятой саблей. Габриэль Берн заслонил ее собой, выстрелил, и человек упал. Но в последнюю минуту судорожным движением тот нанес удар. Ла-рошельский купец покачнулся с рассеченным виском и плечом. Он сорвался бы со скал, если бы Анжелика в последний момент не подхватила его. Она не удержала тяжелое тело и начала сползать вместе с ним вниз, криком призывая на помощь. Один из матросов «Голдсборо», с черным от пороха лицом, пришел ей на помощь. Поддерживая раненого, он с грехом пополам помог им спуститься с этой козьей тропы.

С полосы пляжа раздалась команда по-английски. Очевидно, приказ отступить, ибо последние пираты, еще находившиеся на дюнах, спустились ловко, как обезьяны, и бегом устремились к своим товарищам.

– Проход свободен! Теперь наш черед! – закричали драгуны, сбиваясь в кучу.

Анжелика оказалась на пляже вместе с осыпью камней, пытаясь поддерживать окровавленную голову мэтра Берна.

– Он умер! Он умер! О! Бедный мой друг.

Сильные руки обхватили ее за талию и принудили обернуться. Рескатор стоял рядом:

– Вот и вы, наконец! Конечно, самая последняя! Ну что за странная женщина!

Она могла бы поклясться, что он смеется под маской. Словно обстановка не складывалась трагично – ведь он сам и его матросы оказались в отчаянном положении на берегу, к которому не могла уже причалить лодка, потому что драгуны находились у них над головой. Словно уже многочисленные раненые не оставляли свою кровь на камнях, словно не наступал их последний час...

Он смеялся и прижимал ее к себе, он отчаянно любил ее, рабыню, купленную в Кандии, ставшую для него еще более дорогой из-за унижений и невзгод, которые он переносил из-за нее.

Но Анжеликой овладела новая мучительная забота, она вырывалась и с ужасом смотрела по сторонам:

– Онорина! Где Онорина?.. Я отпустила ее, когда подхватила раненого мэтра Берна... Значит, она осталась там, наверху...

Она бросилась на тропинку, ведущую наверх, но он удержал ее железной рукой:

– Куда вы бежите?.. Ждите здесь, несчастная! Сейчас пушки дадут залп и разнесут вас в клочья.

На борту «Голдсборо» открылись замаскированные створки,

обнаруживая черные жерла пушек.

Хриплый вопль Анжелики походил на крик раненого зверя. Она заметила на скале зеленый чепчик Онорины. Малышка опасно приблизилась к обрыву. Из-за шума ее призывы не долетали вниз, но было видно, что от ужаса она заходится криком. Такая маленькая на фоне синего неба, она стояла над пропастью, на дне которой видела мать, а сзади приближались драгуны.

– Моя дочь, – вопила вне себя Анжелика, – мое дитя! Спасите ее! Они убьют ее! Она упадет!

Неумолимая стальная хватка удерживала ее.

– Отпустите, это же моя дочь! Мое дитя! Онорина!.. Онорина!

– Оставайтесь здесь. Не двигайтесь. Я иду за ней.

Остолбнев от ужаса, она увидела, что Рескатор устремился вперед и с поразительной ловкостью вскарабкался по крутой тропинке. К ребенку уже приближался королевский солдат. Рескатор в упор выстрелил в него из пистолета, а другой рукой, как простой сверток, схватил ребенка. Солдат покачнулся и рухнул вниз, разбившись с мягким чавканьем о скалы в нескольких шагах от Анжелики.

И в тот же миг со страшным грохотом прозвучал залп пушек с «Голдсборо».

Анжелика решила, что Рескатор и Онорина навсегда похоронены под осыпью земли и камней. Потом в облаке пыли и дыма она разглядела фигуру пирата.

– Вот ваша дочь! Больше не отпускайте ее.

– Она ранена?

– Не думаю. А теперь в лодку.

* * *

Воспользовавшись смятением в рядах драгун, вызванным ядрами, шлюпка вернулась к берегу. Последние матросы с «Голдсборо» перенесли в нее беспомощное тело мэтра Берна и одного из своих, тоже раненого. Анжелику бесцеремонно втокнули в лодку и приказали растянуться на дне.

– Невозможно сделать еще один заход, – прозвучал голос Рескатора. – Уместиться должны все.

С театральным жестом в сторону белых отвесных скал Шаранты он последним прыгнул в лодку:

– Прощайте, о негостеприимные берега!

Стоя на краешке кормы, он представлял прекрасную мишень.

Но солдаты, подавленные неожиданным залпом, принесшим опустошение в их ряды, и не думали стрелять. Лейтенант был серьезно ранен. Старший сержант выкрикивал противоречивые приказы, которые эхо доносило до беглецов:

– Скачите в форт Сен-Луи и просите поддержки огнем.

– Предупредите флот в Сен-Мартене на острове Ре и Главный порт на косе Саблонсо...

– Нельзя упустить этих бандитов.

«Голдсборо» со страшным грохотом поднимал якорь.

Одновременно с этим марсовые матросы освобождали паруса, тотчас надувавшиеся ветром. Стоя на мостике, капитан Язон так спокойно отдавал команды, словно собирался торжественно выйти из порта на глазах праздных зевак. Проворные марсовые матросы бегали по вантам и реям, разбирая различные снасти...

Корабль дрожал, готовый тронуться.

* * *

Тем временем шлюпка, перегруженная последними беглецами, обогнула судно. Теперь она находилась вне досягаемости любого нападения и спокойно пересаживала своих пассажиров, пока «Голдсборо», переваливаясь с волны на волну, выходил из бухточки.

Один матрос взял Онорину на руки, чтобы подняться с ней по веревочной лестнице. Черная повязка закрывала его глаз. Он напомнил Анжелике малоприятное лицо Корьяно, помощника д'Эскренвиля. Какой бы он ни был, но он понравился Онорине, которая обняла его ручонками за шею и не издала ни звука, пока он переносил ее по воздуху, поднимаясь по веревочной лестнице.

Подъем обоих раненых потребовал более серьезных усилий.

Наконец все оказались на палубе, и с помощью блока лодка также была поднята и надежно закреплена возле фальшборта. Все действия исполнялись чрезвычайно спокойно и быстро.

Анжелика, почувствовав под ногами надежную палубу, посмотрела на берег.

Скалы удалялись, по их краю были видны красные мундиры драгун, грозивших им кулаками. Подгоняемый легким бризом, «Голдсборо»

покидал свою стоянку и выходил в залив Пертюи.

Слева, разворачивая морской фасад, появилась Ла-Рошель. Сверкающая над водой в лучах солнца, она казалась очень близкой со своими разрушенными, но все еще величественными башнями: Сен-Николя, Цепной и Фонарной. Корабль двигался в сторону города.

Глава XLV

Рескатор последним поднялся на палубу. С одного взгляда он оценил обстановку. Николая Перро, стоя возле него, покачал головой:

– Северо-западный ветер!.. Не везет...

– Угу...

Анжелика тоже понимала, что ветер гонит их на город. На мостике надрывал глотку капитан Язон, требуя травить одни шкоты и выбирать другие, чтобы направить судно в канал Ла-Палис.

К Рескатору подошел матрос и подал подзорную трубу. Пират коснулся рукой маски, словно хотел ее снять, но спохватился и быстро огляделся вокруг себя:

– Раненые и пассажиры – в трюм! Никого на палубе, кроме экипажа!

Он поднял трубу и несколько минут разглядывал окрестности города, оценивая усилия «Голдсборо» идти против ветра.

– Нет, вас это не касается... – бросил он, не оборачиваясь.

Вероятно, он почувствовал движение Анжелики, намеревавшейся послушно последовать за группой, спускавшейся через люк.

Рескатор опустил подзорную трубу и повернулся к молодой женщине. Он пристально смотрел на нее.

Она стояла, вся еще во власти испуга, крепко прижимая к себе дочку. Ветер играл волосами Онорины, как пылающим пламенем.

– Ваша дочь, – произнес он своим глухим голосом. – Действительно... Она похожа на вас. Но кто из этих гугенотов, взятых на борт, ее отец?

Можно ли было найти более неподходящий момент для таких вопросов?

Анжелике казалось, что город уже близок. Еще немного, и можно будет различить любопытных в окнах домов и на крепостных стенах, собравшихся поглазеть на безуспешные маневры этого неопознанного корабля.

– Ее отец, – отвечала она, глядя на него как на ненормального. – Э-э-э! Знаете ли... Это бог Нептун, представляете? Да, мне так сказали. Ну а теперь лучше следите за тем, куда мы идем. Мы находимся под угрозой обстрела с форта Сен-Луи. Если гарнизон уже предупрежден, то мы пропали.

– Это вполне вероятно, дорогая...

«Голдсборо» не сумел обогнуть мыс Шеф-де-Бэ. Он все еще оставался

на виду у Ла-Рошели и форта, возле амбразур которого наблюдалось подозрительное оживление.

– Вы!.. Подите-ка сюда, – вдруг распорядился Рескатор, знаком приказав Анжелике следовать за ним.

Большими шагами он пересек палубу, поднялся по трапу на ют, а затем на полуют.

– Мадам, пройдите в укрытие, – сказал Николя Перро, матрос в меховой шапке, указывая Анжелике на вход в апартаменты Рескатора под полуютом. – Наш хозяин сам встал к рулю, – добавил он с улыбкой. – Значит, выпутаемся.

Эту веру в способности своего предводителя, похоже, разделяли все члены экипажа. Среди матросов царило полнейшее спокойствие, и даже несколько шутников, забравшись на топенанты или на ванты, шутили, подражая иронии того, кто научил их смотреть на опасность с улыбкой философа.

– Но форт Сен-Луи будет палить, – сказала Анжелика слабым голосом.

– И это может быть, – отвечал со своим странным акцентом Перро, задержавшийся рядом с ней. Он, вероятно, охранял ее.

Вдруг над их головой из рупора капитана Язона зазвучал непрерывный поток команд марсовым матросам. В воздушном лесу снастей, мачт и парусов тотчас закипела активная работа. Людские фигурки передвигались с обезьяньей ловкостью.

В тот момент, когда над фортом Сен-Луи поднялся дым от зажженных фитилей, все паруса «Голдсборо» сменили ветер.

Судно почти не двигалось и, казалось, специально замерло перед фортом с нацеленными на него пушками.

– Отдать якорь!

Почти сразу загрохотала якорная цепь, и раздался всплеск воды.

Анжелика бросила на матроса недоуменный тревожный взгляд.

– Неужели Рескатор хочет вступить в переговоры? – спросила она в ужасе.

Тот отрицательно покачал своей тяжелой меховой шапкой.

– Это не в его духе, – проворчал он. – Все это напоминает мне охоту на кашалота в устье реки Святого Лаврентия.

Якорь лег на дно. Судно остановилось, слегка поворачиваясь по направлению ветра.

По команде раздался грохот одновременного залпа всех орудий форта. Но в тот же самый миг, повинувшись резкому повороту руля, но удерживаемый якорем, корабль совершил мягкий разворот. Поток ядер

пронесся в нескольких дюймах, подняв белую пену в том месте, где за три секунды до этого находился борт «Голдсборо».

Как опытный дуэлянт, он сменил позицию перед выпадом противника.

Но опасность сохранялась. Его настигнет второй залп, прежде чем он успеет поднять якорь.

Едва Анжелика об этом подумала, как раздалась команда из рупора:

– Рубить якорь!

Как по волшебству, на полубаке появилась наковальня, и три мощных удара кувалды разбили цепь.

– Полный вперед!.. Держать на северо-восток.

Освободившись от якоря, корабль помчался на всех парусах. Канониры форта Сен-Луи тцетно наводили орудия: момент был упущен. Ядра опять пролетели мимо, не задев цели. Судно сильно трянуло и обдало брызгами, но оно продолжило свой бег.

– Гип-гип-ура! – заорал Николя Перро.

Как один голос, весь экипаж подхватил его крик.

– Эти мерзавцы всадили бы нам в подводную часть десяток «шаров», если бы наш хозяин не был самым искусным в мире мастером маневра, – объяснил Перро. – Мы были бы уже на дне! Честное слово!.. Вы видели этот поворот руля?.. Но войдите же, мадам, в гостиную. Мы ведь еще не выбрались из этого осиногo гнезда, мало ли что...

– Нет, я хочу оставаться здесь до конца, пока мы не окажемся в открытом море.

– Право слово! Как вам угодно, мадам. Есть и такие, кто предпочитает смотреть смерти в лицо. И иногда это не так уж плохо, потому что тогда смерть пугается и отступает.

Анжелика почувствовала дружеское расположение к этому трапперу с далекой реки Святого Лаврентия. Несмотря на свою звериную шапку и руки с синей татуировкой, он мало походил на гнусного пирата.

* * *

После циркового разворота, позволившего ему избежать шквала огня из форта Сен-Луи, «Голдсборо» выпрямился и словно захрапел, как боевой конь во время битвы. Перемена ветра к западу позволяла ему продвигаться вперед. Он поставил все паруса, чтобы использовать мимолетное преимущество в перемене недружелюбного северо-западного ветра, и быстро отошел от Ла-Рошели, обогнув мыс Шеф-де-Бэ.

Но чтобы выйти в открытое море, требовалось еще миновать «проходы» – проливы между островами. Сильный северо-западный ветер, задувавший в тот день, не позволял войти в пролив Пертюи-Антиош, расположенный на юге, между островами Ре, Экс и Олерон. А чтобы оказаться в проливе Пертюи-Бретон между материком и северным берегом острова Ре, менее широком и более защищенном от ветра, приходилось сначала пройти узкий канал между Ла-Палис и косой Саблонсо.

Похоже, Рескатор избрал именно этот путь.

– Эй! На парусах! Взять на гитовы верхние паруса! Отдать блинд, поднять косой на гике, поднять стаксель! – прозвучало из рупора капитана Язона.

Под нижними парусами «Голдсборо» вошел в пролив между двумя высокими мысами.

Анжелика затаила дыхание. Она знала коварство скалистых проходов, непредсказуемых и неглубоких, о которых портовые моряки всегда говорили с опаской. Порывы ветра, бросая на борт корабля тяжелые крутые волны, в любую минуту могли увести его с узкого фарватера, за пределами которого судно большого водоизмещения неизбежно сядет на мель.

– Вам уже доводилось проходить этим проливом? – спросила она матроса.

– Нет, мы вошли с юга.

– Ну, так здесь нужен лоцман. Среди моих друзей есть один рыбак, Ле Галл, он знает все опасные места этого прохода.

– Отлично! – воскликнул пират в шапке.

Немного спустя другой матрос привел Ле Галла. Анжелика не удержалась и пошла за ним на полуяут.

Рескатор, все так же в маске, стоял у руля. С огромным напряжением следя за малейшим подрагиванием корабля, он пытался угадать границу фарватера. Обменявшись несколькими словами с ла-рошельским мореходом, он уступил ему руль.

Анжелика и Онорина старались не двигаться. Казалось, девочка понимала, что женщине с ребенком не место на мостике в минуту опасности, но ни за что на свете она не согласилась бы уйти отсюда.

Ход «Голдсборо» стал более уверенным.

– А что, если из форта Гран-Саблонсо начнут по нам палить? – спросил Ле Галл, всматриваясь в оконечность острова Ре и в очертания уже различимой крепости.

– На все воля Господа! – отвечал Рескатор.

Видимость постепенно ухудшалась. Вместе с жарой поднялся легкий золотистый туман и скрыл побережье.

– По курсу военный корабль, – прозвучал голос с марса. – Он идет нам навстречу.

Капитан Язон выругался. Он явно растерялся:

– Попались, как крысы!

– Этого следовало ожидать, – отозвался Рескатор, словно констатировал что-то совершенно естественное. – Отдайте команду замедлить ход...

– Зачем?

– Чтобы дать мне время подумать.

Военный корабль, который не был еще им виден, появился из-за оконечности косы Саблонсо. Его тугие паруса казались снежно-белыми на фоне затуманившегося неба.

Подгоняемый ветром с кормы, он быстро продвигался вперед.

Рескатор положил руку на плечо Корантена Ле Галла:

– Скажите, сударь, ведь начинается отлив? Так если для нас проход становится затруднительным, то, вероятно, он намного опаснее для нашего противника впереди, чье судно гораздо большего водоизмещения?

Взгляд Анжелики упал на эту руку, задержавшуюся на плече моряка. Мускулистая и породистая кисть с тяжелым, искусно отделанным серебряным кольцом на безымянном пальце. Она побледнела.

Анжелика явно знала эту руку без перчатки, с нежной и сильной ладонью. Где она ее видела? Возможно, в Кандии, когда он снял перчатки, чтобы довести ее до дивана? Но вспоминалось что-то еще, более значительное. Рука казалась ей бесконечно знакомой. Анжелика решила, что из-за близости смерти ей, вероятно, изменяют чувства. В этот кратчайший страшный миг, пока не наступил конец, она должна постигнуть ту судьбу, что прочел Осман Ферраджи по звездам.

Но в то же время она твердо знала, что не умрет. Потому что о них заботится Рескатор! Этот загадочный человек отмечен печатью неуязвимости античных героев. Она простодушно доверяла своим представлениям и до сих пор ни разу не обманулась.

– Ну да! Вы тысячу раз правы, сударь! – заулыбался лоцман. – Видно, им чертовски хочется вас поймать, раз они устремились в канал в такое время. Уверен, что и у них на борту знающий лоцман из местных. Но положеньице-то у них... трудное.

– А мы сделаем его еще труднее... А сверх того, они нам послужат щитом, если форт захочет вмешаться. Я заставлю их встать между

пушками и нами... Все наверх! Боевая тревога!

И пока марсовые матросы разбежались по реям, остальная часть экипажа, находившаяся на баке, проворно выскакивала из люков. Топоры и абордажные сабли розданы, сняты чехлы, маскирующие кулеврины возле леерного ограждения.

Все заняли свои посты.

Матросы с мушкетами разместились на марсах, прихватив с собой ящики с гранатами, которые они будут швырять на палубу противника.

– Прикажете посыпать палубу песком? – спросил помощник.

– Не думаю, чтобы до этого дошло, – ответил Рескатор, не отрывая от глаз подзорной трубы.

И насмешливо повторил, улыбаясь под маской: «Посыпать палубу песком. Пф!» Анжелика припомнила эту главную деталь подготовки к бою на Средиземном море. Палубу заранее посыпали песком, чтобы голые ноги сражающихся не скользили в лужах пролитой крови.

– Они сядут на мель раньше, чем забросят на нас хоть одну кошку, – добавил пират, пожимая плечами.

Он выглядел настолько уверенным в себе, что спало напряжение последних минут, когда оба судна неумолимо сближались. Впрочем, скоро стало понятно, что положение военного корабля сильно осложнилось. Отягощенный четырьмя десятками пушек и неосмотрительно сохранивший все паруса, он с трудом оставался в фарватере. Волны сносили его к берегу.

– А если он пальнет по нам? – спросил Ле Галл.

– Подобное сооружение!.. Ему трудненько занять позицию, необходимую для стрельбы. Да и мы развернемся тогда к нему бушпритом, пусть попадут в такую узкую мишень.

Тем временем «Голдсборо» продолжал отважно продвигаться вперед. Военному кораблю становилось все труднее держать курс. Вдруг его бросило на скалы, он накренился и глухо затрещал.

– На мели! – разом закричали все, находившиеся на полуюте «Голдсборо».

Команда, выражая свою радость, размахивала колпаками.

– Постараемся не оказаться в их положении, – произнес Рескатор. – Отлив опасно отступает.

И он послал на бак матросов с шестом промерять глубину. Продолжая движение, пиратское судно прошло мимо своего беспомощного противника, откуда до них долетали ругательства и проклятия.

– Не дать ли по ним бортовой залп? – спросил капитан Язон. – У нас отличная позиция.

– Нет! Бессмысленно оставлять после себя дурные воспоминания. И главное, мы еще не совсем выбрались.

Анжелика тоже подумала, что другие корабли еще могут встать у них на пути.

Но они без затруднений вышли из фарватера в пролив Пертюи-Бретон.

– Теперь, сударь, самое трудное позади. – Ле Галл выпрямился, не выпуская руля из рук. – Я посоветовал бы прибавить паруса и следовать вдоль северного берега до выхода у мыса Груэн-дю-Гу.

– Решено.

Маневр прошел легко. Пролив представлял собой защищенный рейд, а более слабый ветер хорошего направления оказался союзником беглецов. Легкий туман позволял видеть изгибы береговой линии и снежное кружево соленых болот.

Но с другой стороны, от Сен-Мартен-де-Ре, как призрачные силуэты, один за другим отходили корабли Королевского военно-морского флота и брали курс прямо на «Голдсборо». И вся свора начала охоту.

– Нам так немного осталось до цели, – прошептал Ле Галл. – Мы только что миновали косу Арсей.

– Ускорим ход! Ветер слегка переменялся. Попутный.

– Для них – тоже.

– Но мы их опережаем.

Короткие фразы, позволяющие оценить положение, взвесить возможности и ничего не упустить.

Поначалу передовые корабли флота увеличивались в размерах с устрашающей быстротой, но затем дистанция перестала сокращаться. «Голдсборо» был пока недосыгаем для обстрела.

И снова Рескатор положил руку на плечо ларошельца:

– Выйдем в открытое море, пойдем полным ветром и, – слово Рескатора, друг, – тогда уж ни один корабль его величества не сможет за нами угнаться.

– Мы выйдем в открытое море, сударь! – возбужденно ответил лоцман.

Удерживая намеченный курс, он ловил самые слабые течения, самые слабые порывы ветра, чтобы увеличить скорость корабля. Ах! Как хорошо знал он эти места, где столько раз с песнями забрасывал сети и поднимал корзины-ловушки с омарами, любясь золотистыми четкими линиями воды, земли и островов, создававшими привычный пейзаж его жизни. Бретонцы по происхождению, его семья уже в трех поколениях жила в Ла-Рошели, а потому они были гугенотами и с таким же упорством держались

за свою веру, как бретонцы-католики за свою. В этот час он размышлял над тем, что сегодня, спасаясь бегством, он проплывает по местам своего счастливого прошлого, что в трюме этого преследуемого корабля находятся его жена и дети и что страшно умирать расстрелянным ядрами короля Франции и пойти на дно возле своих островов и своего города!

Он боялся такого предательства больше, чем смерти, с которой не раз встречался на море.

«О! Господи, взгляни, что мы претерпеваем во имя Твое!.. Почему?.. Почему же?..»

* * *

Анжелика обернулась назад. Паруса преследователей снова выросли у них за спиной. Усилившееся теперь волнение, пенистые гребни волн говорили о близости открытого моря. Берег становился нечетким и размытым. Резкий ветер крепчал, у него появился горьковатый привкус. Туманный горизонт расширялся.

Открытое море!.. Но не слишком ли поздно?..

Она взглянула на Рескатора и заметила, что он наблюдает за ней через прорези маски.

Она подумала, что он прикажет ей уйти, что ей не место на полуюте. Прогонит с насмешкой, которую он умел делать такой злой.

Но он ничего не сказал. У нее появилось ощущение, что он смотрит на нее так, потому что все плохо и наступил трагический момент. И она, сохранявшая до сих пор веру в него, вдруг испугалась.

– Слишком поздно? – спросила она.

В этот момент Онорина приподнялась на ее руках.

– Вон там птички, – радостно пролепетала она, указывая на горизонт.

Птички... Это были корабли.

Они возникли на горизонте и перегородили выход из залива.

Их число увеличивалось с каждой минутой. Зажатый между приближающимися кораблями и кораблями Королевского флота, «Голдсборо» походил на загнанного зверя, который не может даже повернуться к врагам, которые окружили его, чтобы прикончить.

Удивленный удрученный возглас сорвался с губ команды, собравшейся в боевой готовности. На этот раз слишком много врагов. Им оставалось биться без надежды на победу. Все пути спасения отрезаны. Но почти сразу раздался голос и смех Рескатора. От хохота он не мог

говорить, заходясь кашлем.

«Он повредился умом», – подумала перепуганная Анжелика.

– Голландцы, – смог наконец произнести пират.

И тотчас подавленность сменилась радостным восторгом.

– Поднять на грот-мачте английский торговый флаг! – заорал по-английски в рупор капитан Язон.

Потом он повторил свою команду по-французски.

На ветру заплескались взвившиеся флаги. На грот-мачте флаг с красным крестом, наложенным на белый Андреевский крест на синем фоне, и красный вымпел на корме с крыжом, повторяющим основной трехцветный флаг.

Неповоротливый торговый флот, потрепанный прошедшей бурей, медленно и торжественно входил в пролив Пертюи-Бретон. Впереди шли два пятимачтовых трехпалубных линейных корабля с батареей из семидесяти двух пушек. За ними двигались четыреста торговых судов различного тоннажа, но даже самые маленькие имели водоизмещение, превосходящее триста тонн. Этот флот пузатых судов прикрывали еще двадцать военных кораблей, несколько меньших размеров, чем трехпалубники.

«Голдсборо» прошмыгнул между ними с проворством зайца в густом лесу. Через короткое время уже десяток огромных кораблей прибывшего флота отделял его от преследователей. Офицеры его величества не могли сделать ни одного выстрела пушек, не поразив достойных купцов, собиравшихся бросить якорь во французских водах.

Поневоле им пришлось отказаться от намерения наказать посрамившего их дерзкого пирата.

* * *

Характер качки изменился, и запертые на нижней палубе беглецы поняли, что они уже в открытом море. Долгие часы прислушивались они к различным шумам. Следили за скрипящими звуками, сопровождавшими борьбу корабля со встречным ветром. Маневр, произведенный напротив форта Сен-Луи, швырнул их друг на друга, а глухой грохот пушек показался последним часом. Затем последовало медленное, какое-то немоющее движение вдоль пролива. Остановки, суматоха, шлепанье бегущих босых ног над их головой, выжидание. Долгие часы молитв, короткие фразы, чтобы нарушить томительную тоску или успокоить

перепуганных детей...

И так же как в Ноевом ковчеге, «не было у них окон и не дано им было знать, что творится снаружи».

Потом судно плавно и размеренно, словно отдыхая, закачалось на волнах. Они почувствовали напряжение наполненных ветром парусов и отозвавшийся в корпусе дрожью вольный порыв судна, помчавшегося вперед, подобно ликующему чистокровному коню с отпущенными поводьями.

И вот перед ними появился измученный Ле Галл с выражением торжества и отчаяния во взгляде своих голубых кельтских глаз.

– Мы ушли от них, – сообщил он. – Мы в море. Мы спасены!

И у всех защемило сердце.

Прощай, город Ла-Рошель, наш город! Прощай, наше королевство! Прощай, наш король!..

Они пали на колени, с глазами полными слез.

* * *

– Еще можно увидеть землю, – сообщил Рескатор, подходя к Анжелике и неотрывно глядя на нее через прорези маски. – Не угодно ли вам, мадам, обернуться и бросить последний взгляд на берега, которые вы покидаете навсегда?

Анжелика покачала головой.

– Нет, – ответила она.

– Для женщины вы малочувствительны. Не дай бог заслужить вашу ненависть. Итак, вам не о чем сожалеть, вы не оставляете воспоминаний, не покидаете дорогого существа?

«Мертвое дитя, – подумала она, – маленькую могилку на опушке Ньельского леса... И больше ничего».

– Все, что мне дорого, я увожу с собой, – сказала она, прижимая Онорину к груди. – Это мое единственное сокровище.

И как всегда при вкрадчивом любопытстве Рескатора, вновь застававшем ее врасплох, ей показалось, что он за ней следит и что в проявленном интересе таится угроза.

Бесконечная усталость навалилась ей на плечи. Груз только что пережитых часов и груз всей прошлой жизни вплоть до того момента, когда судьба навсегда захлопнула за ней эту последнюю дверь. Болели напряженные руки, так долго обнимавшие Онорину.

– Я устала, – сказала она бессильно. – О! Как я устала. Я хотела бы поспать...

Анжелика ничего не помнила с того момента, как произнесла эти слова, и до того, как проснулась в пурпурном свете заката. Глаза слепило рубиновое солнце, похожее на огромный фонарь на фоне моря и неба цвета старого серебра.

Солнце коснулось горизонта, нырнуло в него с необъяснимой быстротой, на несколько мгновений оставив за собой полосу розового света, ярче утренней зари, которая тоже постепенно поблекла.

Анжелика чувствовала движение корабля, его постоянное ритмичное покачивание вернуло ее на несколько лет назад, в Средиземноморье. Там, даже когда она была пленницей на «Гермесе», ее сердце иногда наполнялось ощущением беспредельности мира, усмирявшим неудовлетворенность ее страстной души. Горечь и восторг – вот те воспоминания, которые сохранились у нее о путешествии, где она так жестоко страдала.

И вот сегодня вечером она опять в море. Через застекленный иллюминатор каюты она видела, как ненадолго вспыхнул пожар вечерней зари, сменившейся торжественным таинством сумерек перед наступлением ночи.

Она слышала, как ударяются о корму волны, а по временам раздавались резкие хлопки парусов и эолово пение бриза в вантах.

Она приподнялась на восточном диване, куда ее уложили, подперла рукой голову. У нее не оставалось ни одной мысли, только острое чувство охватившего ее счастья. Она свободна.

Рядом спала Онорина, разметавшаяся, розовая, цветущая, пухленькие щечки которой окрашивал закат.

С бесконечной нежностью склонилась над ней Анжелика.

– Я увожу тебя, мое сокровище, – прошептала она. – Ты плоть от плоти моей, сердце от сердца моего...

Небывалая радость становилась мучительной. Воплощалась постоянная мечта всей ее жизни.

Она ушла в море.

Грудь наполнилась соленым воздухом. Глаза затуманились, голова склонилась в каком-то непонятном опьянении. Восторженная улыбка бродила на губах.

В свете угасающего дня Анжелика, как к вновь обретенному любовнику, поворачивала к Океану свое напряженное и восхищенное лицо возлюбленной...

Об авторе

Симона Шанжо родилась 17 декабря 1921 года в Тулоне. Очень рано у девочки пробудилась страсть к литературному творчеству и к истории. «Ты сможешь писать книги для детей», – сказала ей мать. «Нет, я буду писать для взрослых!» – возразила шестилетняя писательница. Еще в отрочестве Симона публиковала рассказы и статьи в различных журналах. Ее первая, написанная в девятнадцать лет книга «В стране, которую видят мои глаза изнутри» была напечатана под псевдонимом Жоэль Дантерн, и критики приветствовали появление многообещающего автора. Во время войны она в одиночку дважды объехала Францию на велосипеде, чтобы описать красоту страны пером и кистью. Несколько раз ее задерживали, но, обнаружив рисунки акварелью, отпускали. Столкнувшись с немецкими пограничниками, храбрая девушка демонстративно нарушила границу, ступив одной ногой на территорию Испании, чтобы «ощутить почву свободной страны». Позднее впечатления от этих патриотически окрашенных путешествий лягут в основу приключений Анжелики.

Вторая ее книга «Мастер Куки» – детектив, действие которого разворачивалось в Индокитае, – стала бестселлером, а Жоэль Дантерн – признанным автором книг для юношества. Она продолжала писать приключенческие романы, не оставляя журналистской работы, а также создавала сценарии фильмов («Спешащие на помощь», «Женщина в красном» и др.). Она основала журнал «Франция 47», где напечатала свой первый роман с продолжением («*Le Caillou d'Or*»).

Получив премию «Ларигоди» за «Дозор невинных мучеников», она отправилась в качестве внештатного корреспондента в Африку и участвовала в нескольких гуманитарных миссиях в Конго, в том числе в экспедиции, помогавшей населению справиться с эпидемией сонной болезни, а также в строительстве собора Св. Анны. Здесь, в африканской глуши, она встретила мужчину своей жизни – геолога Всеволода Голубинова. Симона вышла за него замуж и сопровождала мужа в его странствиях. Они вместе путешествовали в дебрях Майомбе и Чада.

Всеволод Голубинов родился в 1903 году в России в дворянской семье, вырос в Средней Азии и Персии, где его отец был губернатором Исфахана. Когда разразилась революция, ему было пятнадцать, он покинул Севастополь перед приходом армии большевиков. Всеволод закончил Высшую инженерную школу в Нанси, стал геологоразведчиком, много

путешествовал по Африке и Азии. Хотя он и не имел французского гражданства, но во время войны примкнул к генералу де Голлю и был заочно приговорен к смертной казни правительством Виши.

В Африке Симона пишет репортажи и два романа: «Дело Лимба» и «Белая женщина из Кермалы», которые печатались с продолжением в журналах. А когда по возвращении во Францию Всеволоду Голубинову не удастся найти работу, супруги начинают зарабатывать себе на жизнь совместным написанием научных статей под псевдонимом Анн и Серж Голон или Серж Голон. Они также создают книги о полной приключений жизни Сержа Голона («Гиганты из озера», «Сердце хищников» и несколько повестей, оставшихся неопубликованными). В 1952 году выходит последняя книга под псевдонимом Серж Голон, она называлась «Переполох в Чаде». Затем Симона, вдохновленная семнадцатым веком – осмеянной и практически вышедшей из моды эпохой истории Франции, – начинает в Версале работу над «Анжеликой» – «практически бесконечным проектом неопределенного жанра». «Я решила написать нечто особенное, порывающее с тем, что довлело в ту пору над людьми. С гнетом условностей, с религиозными запретами. Здесь было над чем подумать...» В версальской библиотеке Анн и Серж свели воедино исторические данные, связанные с этим громадным замыслом (правда, в ту пору Анн Голон еще казалось, что все уложится в один большой том). «Анжелика» была опубликована в Германии в 1956 году под псевдонимом Анн Голон, а затем в 1957-м во Франции под псевдонимом Анн и Серж Голон – французский литературный агент и издатель решили ввести мужское имя, чтобы все выглядело «более серьезно». В 1958 году «Анжелика» была напечатана в США. Там автором значилась Сержанна Голон. Во всех этих странах книга имела огромный успех.

В 1959 году супруги Голон вместе с детьми переехали в Швейцарию в Кран-Монтану. Всеволод несколько раз побывал в Африке с геологическими партиями, а в 1961 году переключился на исследования, связанные с живописью. Он работал над изобретением новых красок, которые меняют оттенок в зависимости от дневного света. Он был поглощен своим научным проектом вплоть до самой смерти в 1972 году. Исключение составил только 1966 год, когда он сопровождал жену, которую исторические изыскания увлекли в Новый Свет (в США и Новую Францию^[5]).

«Анжелика» победоносно шествовала по миру. Восемь книг уже были переведены на разные языки, а во Франции был снят фильм «Анжелика» (режиссер Бернар Бордери), за которым последовало еще четыре, свободно

интерпретировавшие содержание серии романов. В 1985 году выходом тринадцатого тома завершилась публикация «Анжелики», однако остальные тома серии уже давно почти полностью исчезли с книжных прилавков во Франции и франкофонных странах. А между тем серия с успехом продавалась повсюду – от Японии до Италии – суммарными тиражами до 10 миллионов экземпляров в год, в то время как Анн Голон жила в стесненных обстоятельствах, пытаясь через суд вернуть себе авторские права. В России об авторах «Анжелики» ходили разные легенды. Журналисты писали, что «Анжелика» – это роман, написанный в XIX веке, другие сообщали, что Серж Голон погиб, сражаясь за революцию, третьи объявляли себя наследниками Анн и Сержа Голон и публиковали «продолжения» романа при попустительстве французских издателей. И вот после долгих судебных разбирательств в 2005 году Анн Голон вернула себе права, придав своему проекту новое дыхание.

Все эти годы она работала над продолжением истории. В то же время в прежних французских изданиях «Анжелики» были обнаружены сокращения и поправки, сделанные прежними издателями в обход автора. Анн Голон принялась заново пересматривать книги серии, чтобы вернуть текст к первоначальному варианту. Кроме того, она начала добавлять новые сюжетные линии, которые прежде не удалось развить (например, Фронда, преследование целительниц или закулисные события при заключении Пиренейского договора...), и новые элементы, предвещающие развитие событий. Несколько томов этой расширенной версии «Анжелики» уже вышли в свет в ряде стран.

Анн Голон, как и ее героиня, каждый раз возрождается из пепла: недавно на экраны кинотеатров вышел новый фильм «Анжелика» (режиссер Ариэль Зейтун), а в книжных магазинах появились новые издания «Анжелики» (выпускаются и книги в старом варианте, и пересмотренные и дополненные автором романы). Это масштабный амбициозный проект, но для храброго сердца нет ничего невозможного. «Я поставила себе срок десять лет, а потом посмотрим!..» – скромно заметила она в недавно написанном очерке.

Ныне Анн Голон является одним из самых читаемых французских авторов в мире. Созданные ее воображением легендарные персонажи – Анжелика Маркиза Ангелов и Жоффрей де Пейрак – стали неотъемлемой частью массовой культуры, а серия книг о них – своего рода литературной классикой. И хотя автор по-прежнему считает, что она, будучи обычной женщиной, «просто написала ту книгу, которую должна была написать», история ее жизни и ее литературный дар свидетельствуют о том, что и она

сама сродни своей героине.

Надин Голубинофф

notes

Примечания

1

Талья – земельный налог.

Кроканы – участники ряда крестьянских восстаний во Франции в конце XVI века и первой половине XVII века.

3

Браво! Брависсимо! Да здравствует мама! (*ит.*)

4

Здесь: сами собой (*лат.*).

Новая Франция – так назывались французские владения в Северной Америке; в разное время туда входили современные канадские провинции Квебек, Онтарио и часть берегов Великих озер.